

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ПРАВА

Том 19 № 10 (167) октябрь 2024

В НОМЕРЕ:

Фабричный С. Ю., Митина С. И.

Модернизация конституционной нормы в контексте
современного цивилизационного развития России

Чечельницкий И. В.

Средства государственной
правозащитной деятельности

Смирнова И. Г., Лубягин М. С.

Особенности нормативного регулирования
производства по уголовному делу
следственной группой по законодательству
Российской Федерации и Республики Беларусь

LEX RUSSICA

- ✓ Свидетельство о регистрации СМИ — ПИ № ФС77-58927 от 5 августа 2014 г., ISSN 1729-5920 (Print), ISSN 2686-7869 (Online);
- ✓ издается с 2004 г., с 2013 г. — ежемесячно;
- ✓ является преемником научных трудов ВЮЗИ-МЮИ-МГЮА, издаваемых с 1948 г.;
- ✓ входит в перечень ВАК России;
- ✓ включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) и Ulrich's Periodicals Directory;
- ✓ каждой статье присваивается индивидуальный международный индекс DOI;
- ✓ отдельные материалы размещаются в СПС «КонсультантПлюс» и «ГАРАНТ», электронной библиотеке «КиберЛенинка».

Lex russica — научный юридический журнал, посвященный фундаментальным проблемам теории государства и права (в том числе этноправа), совершенствования законодательства и повышения эффективности правоприменения, правовой культуры, юридического

образования и методики преподавания правовых дисциплин, международного права, сравнительного правоведения и др.

Журнал знакомит с юридическими школами вузов России; публикует очерки об ученых, чьи имена золотыми буквами вписаны в историю юридической науки, обзоры конференций и круглых столов, проведенных в Университете имени О.Е. Кутафина (МГЮА) или с участием профессорско-преподавательского состава Университета в других российских и зарубежных научных центрах, рецензии на новые юридические издания; содействует сближению и гармонизации российского и зарубежного права.

Авторами журнала являются известные российские и зарубежные ученые-юристы (из Германии, Китая, Польши, Франции, Финляндии и др.).

ВЕСТНИК УНИВЕРСИТЕТА ИМЕНИ О.Е. КУТАФИНА (МГЮА)

- ✓ Свидетельство о регистрации СМИ — ПИ № ФС77-67361 от 5 октября 2016 г., ISSN 2311-5998 (Print), ISSN 2782-6163 (Online);
- ✓ издается с 2014 г. — ежемесячно;
- ✓ входит в перечень ВАК России;
- ✓ включен в Российский индекс цитирования (РИНЦ) и Ulrich's Periodicals Directory;
- ✓ каждой статье присваивается индивидуальный международный индекс DOI;
- ✓ отдельные материалы размещаются в СПС «ГАРАНТ» и в электронной библиотеке «КиберЛенинка».

Отличие «Вестника» от журналов, издаваемых Университетом (Lex russica, «Актуальные проблемы российского права»), и от других российских периодических изданий в том, что каждый его выпуск посвящен отдельной отрасли правовых знаний, например трудовому праву и праву социального обеспечения, международному, финансовому праву и т.д.

Журнал знакомит:

- ✓ с основными направлениями развития юридической науки;
- ✓ с актуальными проблемами теории и истории права и государства;
- ✓ конкретных отраслей права; сравнительного правоведения;
- ✓ методики преподавания правовых и общегуманитарных дисциплин, а также иностранных языков в юридическом вузе;
- ✓ с правоприменительной практикой;
- ✓ с путями совершенствования российского законодательства;
- ✓ с известными российскими и зарубежными учеными, их теоретическим наследием;
- ✓ с материалами конференций и круглых столов, проведенных в Университете или с участием профессорско-преподавательского состава Университета в других российских и зарубежных научных центрах;
- ✓ с новой юридической литературой.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Том 19 № 10 (167) ОКТЯБРЬ 2024

Ежемесячный научный журнал.
Издается как СМИ с 2006 г.

РОССИЙСКОГО ПРАВА

«Актуальные проблемы российского права» — научно-практический юридический журнал, посвященный актуальным проблемам теории права, практике его применения, совершенствованию законодательства, а также проблемам юридического образования.

Рубрики журнала охватывают все основные отрасли права, учитывают весь спектр юридической проблематики, в том числе теории и истории государства и права, государственно-правовой, гражданско-правовой, уголовно-правовой, международно-правовой направленности. На страницах журнала размещаются также материалы конференций, рецензии на юридические новинки.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

ГРАЧЕВА Елена Юрьевна — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой финансового права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

ЕРШОВА Инна Владимировна — доктор юридических наук, профессор, первый проректор, заведующий кафедрой предпринимательского и корпоративного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

СИТНИК Александр Александрович — доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры финансового права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

СЕВРЮГИНА Ольга Александровна — эксперт отдела научно-издательской политики Научно-исследовательского института Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

БЕКЯШЕВ Дамир Камильевич — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры международного права Московского государственного института международных отношений МИД России.
Почтовый адрес: пр-т Вернадского, д. 76, г. Москва, Россия, 119454.

БЕЛОВА-ГАНЕВА Габриела — кандидат юридических наук, профессор, декан историко-правового факультета Юго-Западного университета имени Неофита Рильского (Болгария).
Почтовый адрес: ул. Ивана Михайлова, д. 66, г. Благоевград, Болгария, 2700.

БОЛТИНОВА Ольга Викторовна — доктор юридических наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой финан-

сового права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

БРИНЧУК Михаил Михайлович — доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора экологического, земельного и аграрного права Института государства и права Российской академии наук.
Почтовый адрес: ул. Знаменка, д. 10, г. Москва, Россия, 119019.

ВИННИЦКИЙ Данил Владимирович — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой финансового права Уральского государственного юридического университета, директор Института права БРИКС.
Почтовый адрес: Комсомольская ул., д. 21, г. Екатеринбург, Россия, 620137.

ВОСКОБИТОВА Лидия Алексеевна — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовно-процессуального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

ГАЗЬЕ Анн — доктор права, доцент Университета Paris Nanterre (Франция).
Почтовый адрес: авеню Републик, д. 200, г. Нантер, Франция, 92001.

ГОЛОВНЕНКОВ Павел Валерьевич — доктор права, ассессор права, адвокат, Берлин, Германия.

ДУБРОВИНА Елена Павловна — кандидат юридических наук, член Центральной избирательной комиссии РФ (2003—2016), руководитель Центра законодательных инициатив политической партии «Российская объединенная демократическая партия «Яблоко»».
Почтовый адрес: Пятницкая ул., д. 31, стр. 2, г. Москва, Россия, 119017.

ЗАХАРОВ Владимир Викторович — доктор юридических наук, профессор, председатель Арбитражного суда Северо-Кавказского округа.
Почтовый адрес: Рашипилевская ул., д. 4, г. Краснодар, Россия, 350063.

КАЛИНИЧЕНКО Пауль Алексеевич — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры интеграционного и европейского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

КОКОТОВ Александр Николаевич — доктор юридических наук, профессор, судья Конституционного Суда Российской Федерации.

Почтовый адрес: Сенатская пл., д. 1, г. Санкт-Петербург, Россия, 190000.

КОРНЕВ Аркадий Владимирович — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории государства и права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

КУРБАНОВ Рашад Афатович — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданско-правовых дисциплин Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова.

Почтовый адрес: Стремянный пер., д. 36, г. Москва, Россия, 117997.

ЛИПСКИ Станислав Анджеевич — доктор экономических наук, доцент, заведующий кафедрой земельного права Государственного университета по землеустройству.

Почтовый адрес: ул. Казакова, д. 15, г. Москва, Россия, 105064.

МАЦКЕВИЧ Игорь Михайлович — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

МИНБАЛЕЕВ Алексей Владимирович — доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой информационного права и цифровых технологий Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

МОХОВ Александр Анатольевич — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой медицинского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

ПАНАГИОТОПОЛОС Димитриос — профессор права Афинского национального университета имени И. Каподистрии (Афины), судебный поверенный, проректор Университета Центральной Греции, президент Международной ассоциации спортивного права (МАСП).

Почтовый адрес: ул. Веранжероу, д. 4, г. Афины, Греция, 10677.

ПЕТРОВА Татьяна Владиславовна — доктор юридических наук, профессор кафедры экологического и земельного права юридического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Почтовый адрес: Ленинские горы, д. 1, стр. 13, г. Москва, ГСП-1, Россия, 119991.

РЕШЕТНИКОВА Ирина Валентиновна — доктор юридических наук, профессор, председатель Арбитражного суда Уральского округа в отставке.

Почтовый адрес: пр-т Ленина, д. 32/27, г. Екатеринбург, Россия, 620075.

РОССИНСКАЯ Елена Рафаиловна — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой судебных экспертиз Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

СОКОЛОВ Александр Юрьевич — доктор юридических наук, профессор, директор Саратовского филиала Института государства и права Российской академии наук.

Почтовый адрес: ул. Чернышевского, д. 135, г. Саратов, Россия, 410028.

ФОКИНА Марина Анатольевна — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского и административного судопроизводства Российского государственного университета правосудия.

Почтовый адрес: Новочеремушкинская ул., д. 69, г. Москва, Россия, 117418.

ХВАН Леонид Борисович — кандидат юридических наук, доцент кафедры государственного права и управления Ташкентского государственного юридического университета.

Почтовый адрес: Главпочтамт, а/я № 232, г. Ташкент, Республика Узбекистан, 100000.

ЧАННОВ Сергей Евгеньевич — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой информационного права и цифровых технологий Саратовской государственной юридической академии.

Почтовый адрес: ул. Чернышевского Н.Г., зд. 104, стр. 3, г. Саратов, Россия, 410031.

ШАЛУМОВ Михаил Славович — доктор юридических наук, профессор, заместитель начальника управления систематизации законодательства и анализа судебной практики Верховного Суда Российской Федерации — начальник отдела систематизации законодательства и анализа судебной практики в области уголовного судопроизводства, судья Верховного Суда Российской Федерации (в почетной отставке).

Почтовый адрес: Поварская ул., д. 15, г. Москва, Россия, 121260.

ШИТКИНА Ирина Сергеевна — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры предпринимательского права, руководитель программы магистратуры по направлению «Корпоративное право» юридического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Почтовый адрес: Ленинские горы, д. 1, стр. 13, г. Москва, ГСП-1, Россия, 119991.

ЯСКЕРНЯ Ежи — доктор юридических наук, профессор Университета имени Яна Кохановского в г. Кельц (Польша), декан кафедры права и социальных наук отделения конституционного, европейского и международного публичного права.

Почтовый адрес: ул. Зеромского, д. 5, г. Кельц, Польша, 25369.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

КАШАНИНА Татьяна Васильевна — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории государства и права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

КЛЕПИЦКИЙ Иван Анатольевич — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

МИХАЙЛОВ Сергей Михайлович — кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой гражданского и административного судопроизводства Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

ОСАВЕЛЮК Алексей Михайлович — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного и муниципального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

ПОДУЗОВА Екатерина Борисовна — кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

СОКОЛОВА Наталья Александровна — доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой международного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

В журнале публикуются статьи
по научным специальностям
группы 5.1 «Право»
(юридические науки)

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки.
5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки.
5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки.
5.1.4. Уголовно-правовые науки.
5.1.5. Международно-правовые науки.

РЕГИСТРАЦИЯ СМИ

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) ПИ № ФС77-25128 от 7 мая 2014 г.

ISSN

1994-1471 (Print), 2782-1862 (Online)

ПЕРИОДИЧНОСТЬ

12 раз в год

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»
Садовая-Кудринская ул., д. 9, стр. 1, вн. тер. г. муниципальный округ Пресненский, г. Москва, Россия, 123242

АДРЕС РЕДАКЦИИ

Садовая-Кудринская ул., д. 9, стр. 2, г. Москва, Россия, 125993
Тел.: 8 (499) 244-88-88 (доб. 687). E-mail: lex-russica@yandex.ru

САЙТ

<https://aprp.msal.ru>

ПОДПИСКА И РАСПРОСТРАНЕНИЕ

Свободная цена
Журнал распространяется через объединенный каталог «Пресса России» и интернет-каталог агентства «Книга-Сервис»
Подписной индекс 11178
Подписка на журнал возможна с любого месяца

ТИПОГРАФИЯ

Отпечатано в Издательском центре
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Садовая-Кудринская ул., д. 9, стр. 2, г. Москва, Россия, 125993

ВЫПУСКНЫЕ ДАННЫЕ

Дата выхода в свет 28.10.2024
Объем 22,08 усл. печ. л., формат 60×84/8
Тираж 150 экз. Печать цифровая. Бумага офсетная

Переводчики

Н. М. Головина, А. Н. Митрущенкова

Редакторы

М. В. Баукина, Е. В. Осикина, С. И. Ершова, А. В. Савкина

Корректор

А. Б. Рыбакова

Компьютерная верстка

Д. А. Беляков

При использовании опубликованных материалов журнала ссылка на «Актуальные проблемы российского права» обязательна.
Полная или частичная перепечатка материалов допускается только по письменному разрешению авторов статей или редакции.
Точка зрения редакции может не совпадать с точкой зрения авторов публикаций.

ACTUAL PROBLEMS

Monthly scientific journal.
Published media since 2006

Vol. 19 № 10 (167) OCTOBER 2024

OF RUSSIAN LAW

The Actual Problems of Russian Law Journal is an academic and practical law journal devoted to current issues of the theory of law, practice of its application, improvement of the legislation, and problems of legal education.

Sections of the Journal cover all major branches of law, take into account the full range of legal issues, including the theory and history of the State and law, constitutional law, civil law, criminal law, international law, etc. On the pages of the Journal, you can find conference proceedings, reviews of the most recent legal publications.

CHAIRPERSON OF THE COUNCIL OF EDITORS

Elena Yu. GRACHEVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Financial Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

VICE-CHAIRPERSON OF THE COUNCIL OF EDITORS

Inna V. ERSHOVA — Dr. Sci. (Law), Professor, First Vice-Rector, Head of the Department of Business and Corporate Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

CHIEF EDITOR

Aleksandr A. SITNIK — Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Professor of the Department of Financial Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

EXECUTIVE SECRETARY

Olga A. SEVRYUGINA — expert of the Research and Publishing Policy Department of the Research Institute of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

COUNCIL OF EDITORS

Damir K. BEKYASHEV — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of International Law of Moscow State Institute of International Relations under the Ministry of Foreign Affairs of Russia.
Mailing address: prosp. Vernadskogo, d. 76, Moscow, Russia, 119454.

Gabriela BELOVA-GANEVA — PhD in Law, Professor, Dean of the Faculty of Law and History of South-West University «Neofit Rilski» (Bulgaria).
Mailing address: 66 Ivan Mihailov Str., Blagoevgrad, Bulgaria, 2700.

Olga V. BOLTINOVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Vice-Head of the Department of Financial Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Mikhail M. BRINCHUK — Dr. Sci. (Law), Professor, Senior Fellow, Sector of Environmental, Land and Agricultural Law of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences.
Mailing address: ul. Znamenska, d. 10, Moscow, Russia, 119019.

Danil V. VINNITSKIY — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Financial Law of the Ural State Law University, Director of the BRICS Law Institute.
Mailing address: Komsomolskaya ul., d. 21, Yekaterinburg, Russia, 620137.

Lidia A. VOSKOBITOVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Criminal Procedure Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Anne GAZIER — Doctor of Law, Associate Professor of the University Paris Nanterre (France).
Mailing address: Universite Paris Nanterre, 200 avenue de la Republique, 92001 Nanterre Cedex (France).

Pavel V. GOLOVNENKOV — Doctor of Law, Law Assessor, Advocate, Berlin, Germany.

Elena P. DUBROVINA — Cand. Sci. (Law), Member of the Central Election Committee of the Russian Federation (2003—2016), Head of the Center for Legislative Initiatives of the Russian United Democratic Party "Yabloko".
Mailing address: Pyatnitskaya ul., d. 31, build. 2, Moscow, Russia, 119017.

Vladimir V. ZAKHAROV — Dr. Sci. (Law), Professor, Chairman of the Court of Arbitration of North Caucasus district.
Mailing address: Rashpilevskaya ul., d. 4, Krasnodar, Russia, 350063.

Paul A. KALINICHENKO — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Integration and European Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Aleksandr N. KOKOTOV — Dr. Sci. (Law), Professor, Judge of the Constitutional Court of the Russian Federation.
Mailing address: Senatskaya pl., d. 1, St. Petersburg, Russia, 190000.

Arkadiy V. KORNEV — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Theory of the State and Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Rashad A. KURBANOV — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Civil Law Disciplines of the Plekhanov Russian Economic University.
Mailing address: Stremyanny per., d. 36, Moscow, Russia, 117997.

Stanislav A. LIPSKI — Dr. Sci. (Econ.), Associate Professor, Head of the Department of Land Law of the State University for Land Use Planning.
Mailing address: ul. Kazakova, d. 15, Moscow, Russia, 105064.

Igor M. MATSKEVICH — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Criminology and Penal Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Aleksey V. MINBALEEV — Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Head of the Department of IT and Digital Technologies Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Aleksandr A. MOKHOV — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Medical Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Dimitrios PANAGIOTOPOULOS — Professor of Law at the National and Kapodistrian University of Athens, Attorney-at-Law, Vice-Rector (f) of the University of Central Greece, President of International Association of Sports Law (IASL).
Mailing address: 4, Veranzerou Str., 10677, Athens, Greece.

Tatiana V. PETROVA — Dr. Sci. (Law), Professor of the Department of Environmental and Land Law of the Faculty of Law of Lomonosov Moscow State University.
Mailing address: Leninskie Gory, d. 1, str. 13, Moscow, GSP-1, Russia, 119991.

Irina V. RESHETNIKOVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Chairperson of the Court of Arbitration of the Urals District (emeritus), Merited Lawyer of the Russian Federation, Merited Worker of the Judicial System.
Mailing address: prosp. Lenina, d. 32/27, Ekaterinburg, Russia, 620075.

Elena R. ROSSINSKAYA — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Forensic Examination of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Aleksandr Yu. SOKOLOV — Dr. Sci. (Law), Professor, Director of Saratov Branch, Institute of State and Law, Russian Academy of Sciences.
Mailing address: ul. Chernyshevskogo, d. 135, Saratov, Russia, 410028.

Marina A. FOKINA — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Civil and Administrative Court Proceedings of the Russian State University of Justice.
Mailing address: Novocheremushkinskaya ul., d. 69, Moscow, Russia, 117418.

Leonid B. KHVAN — PhD in Law, Associate Professor of the Department of State Law and State Administration of Tashkent State Law University.
Mailing address: Glavpochtamt, a/ya 232, Tashkent, Republic of Uzbekistan, 100000.

Sergey E. CHANNOV — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Information Law and Digital Technology of the Saratov State Law Academy.
Mailing address: ul. Chernyshevskogo, d. 104, b. 3, Saratov, Russia, 410031.

Mikhail S. SHALUMOV — Dr. Sci. (Law), Professor, Deputy Head of the Department for Systematization of Legislation and Analysis of Judicial Practice of the Supreme Court of the Russian Federation, Head of the Department of Systematization of Legislation and Analysis of Judicial Practice in the Field of Criminal Procedure, Justice of the Supreme Court of the Russian Federation (emeritus).
Mailing address: Povarskaya ul., d. 15, Moscow, Russia, 121260.

Irina S. SHITKINA — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Business Law, Head of the «Corporate Law» Master's Program of the Faculty of Law of Lomonosov Moscow State University.
Mailing address: Leninskie Gory, d. 1, str. 13, Moscow, GSP-1, Russia, 119991.

Jerzy JASKIERNIA — Prof. dr hab. Jan Kochanowski University, Kielce, Poland, dean, Department of Law and Social Sciences chair, Division on Constitutional, European and International Public Law.
Mailing address: PL 25-369 Kielce, ul. Żeromskiego 5.

EDITORIAL BOARD

Tatyana V. KASHANINA — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Theory of the State and Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Ivan A. KLEPITSKIY — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Criminal Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Sergey M. MIKHAILOV — Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Head of the Department of Civil and Administrative Court Proceedings of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Aleksey M. OSAVELYUK — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Ekaterina B. PODUZOVA — Cand. Sci. (Law), Associate Professor of the Department of Civil Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Natalya A. SOKOLOVA — Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Head of the Department of International Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

**The Journal publishes research papers
written on scientific specialties
of Group 5.1 «Law»
(Legal Sciences)**

5.1.1. Theory and History of Law.
5.1.2. Public Law and State Law.
5.1.3. Private Law (Civil Law).
5.1.4. Criminal Law.
5.1.5. International Law.

**THE CERTIFICATE
OF MASS MEDIA REGISTRATION**

The journal was registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor) on 7 May 2014. The Certificate of Mass Media registration: PI No. F577-25128

ISSN

1994-1471 (Print), 2782-1862 (Online)

PUBLICATION FREQUENCY

12 issues per year

FOUNDER AND PUBLISHER

Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education
"Kutafin Moscow State Law University (MSAL)"
Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, str. 1,
Presnensky intra-urb.ter. municipal district, Moscow, Russia, 123242

EDITORIAL OFFICE. POSTAL ADDRESS

Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, str. 2, Moscow, Russia, 125993
Tel.: +7 (499) 244-88-88 (ext. 687). E-mail: lex-russica@yandex.ru

WEB-SITE

<https://aprp.msal.ru>

SUBSCRIPTION AND DISTRIBUTION

Free price
The journal is distributed through "Press of Russia" joint catalogue
and the Internet catalogue of "Kniga-Servis" Agency
Subscription index: 11178
Subscription to the journal is possible from any month

PRINTING HOUSE

Printed in Publishing Center of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, str. 2, Moscow, Russia, 125993

SIGNED FOR PRINTING

28.10.2024
Volume: 22.08 conventional printer's sheets, format 60×84/8
An edition of 150 copies. Digital printing. Offset paper

Translators

N. M. Golovina, A. N. Mitrushchenkova

Editors

M. V. Baukina, E. V. Osikina, S. I. Ershova, A. V. Savkina

Proof-reader

A. B. Rybakova

Computer layout

D. A. Belyakov

When using published materials of the journal, reference to "Actual Problems of Russian Law" is obligatory. Full or partial use of materials is allowed only with the written permission of the authors or editors. The point of view of the Editorial Board may not coincide with the point of view of the authors of publications.

Содержание

ТЕОРИЯ ПРАВА

- Чечельницкий И. В. Средства государственной правозащитной деятельности 11

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ВЛАСТЬ И МЕСТНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ

- Фабричный С. Ю., Митина С. И. Модернизация конституционной
нормы в контексте современного цивилизационного развития России 24
- Пибаетова Е. А. Цифровое неравенство и его преодоление
как гарантия равного доступа к образованию в Российской Федерации 32

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ И АДМИНИСТРАТИВНЫЙ ПРОЦЕСС

- Шмидт А. А. Правовые основы государственной политики
в отношении оружия самообороны:
в поисках баланса публичных и частных интересов 45

ФИНАНСОВОЕ ПРАВО

- Омельченко А. Г. Финансовый суверенитет в доктрине финансового права
дореволюционного и советского периодов: историко-правовое исследование 58

ГРАЖДАНСКОЕ И АДМИНИСТРАТИВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО

- Гавричков С. В. Судебный запрет платежа по банковской гарантии
как процессуальный способ вмешательства в гарантийные правоотношения 70

ПРАВОВАЯ ОХРАНА РЕЗУЛЬТАТОВ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

- Гюльбасарова Е. В. Обеспечение охраны
интеллектуальных прав в условиях развития передовых технологий 81
- Овчинников И. В. Авторско-правовой режим апроприативного искусства:
свободное использование или переработка произведения? 90

ТРУДОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ И СОЦИАЛЬНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ

- Абалдуев В. А. Трансформация правовых последствий необоснованного
отказа в приеме на работу в практике современного российского правосудия 100

УГОЛОВНОЕ ПРАВО

- Маслов В. А. Конфискация имущества:
российский и зарубежный опыт правоприменения 110
- Беличенко Р. В. Организация работы по сбору эмпирической базы
в целях уточнения биологических критериев вменяемости,
ограниченной вменяемости, невменяемости (пилотный проект) 123
- Порайко В. В. Уголовно-релевантные
психоэмоциональные состояния личности:
проблемы учета при назначении наказания 131

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

Смирнова И. Г., Лубягин М. С. Особенности нормативного регулирования производства по уголовному делу следственной группой по законодательству Российской Федерации и Республики Беларусь 143

Лаврушко Е. А. Обеспечение конфиденциальности и неприкосновенности частной жизни в уголовном процессе: сравнительно-правовой анализ на примере Российской Федерации и Республики Казахстан 149

КРИМИНАЛИСТИКА И КРИМИНОЛОГИЯ. СУДЕБНАЯ ЭКСПЕРТИЗА

Дьяконова О. Г. Теоретическая и методологическая обоснованность проведения некоторых судебных экспертиз гуманитарного профиля 157

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

Шулаков А. А. Правовые механизмы защиты публичных интересов Российской Федерации от трансграничных эффектов ESG-стандартов. 167

СРАВНИТЕЛЬНОЕ ПРАВОВЕДЕНИЕ

Пибает И. А., Педань С. В. Институт капелланов и религиозные обряды в парламентах 181

Contents

THEORY OF LAW

Chechelnitskiy I. V. Means of Human Rights Activities by the State	11
---	----

STATE POWER AND LOCAL SELF-GOVERNMENT

Fabrichniy S. Yu., Mitina S. I. Modernization of the Constitutional Norma in the context of Modern Civilizational Development of Russia	24
Pibaeva E. A. Digital Inequality and its Overcoming as a Guarantee of Equal Access to Education in the Russian Federation	32

PUBLIC ADMINISTRATION AND ADMINISTRATIVE PROCESS

Shmidt A. A. Legal Foundations of State Policy on Self-Defense Weapons: In Quest of a Balance between Public and Private Interests	45
--	----

FINANCIAL LAW

Omelchenko A. G. Financial Sovereignty in the Doctrine of Financial Law of Pre-Revolutionary and Soviet Periods: A Historical and Legal Study	58
--	----

CIVIL AND ADMINISTRATIVE COURT PROCEDURE

Gavrichkov S. V. The Injunction to Pay under a Bank Guarantee as a Procedural Means of Interference in Guarantee Legal Relations	70
--	----

LEGAL PROTECTION OF THE RESULTS OF INTELLECTUAL WORK

Gulbasarova E. V. Ensuring Intellectual Rights Protection in the context of Advanced Technologies Development	81
Ovchinnikov I. V. Copyright Protection of Appropriated Art: Free Use or Transformation of a Pre-Existing Work?	90

LABOR RELATIONS AND SOCIAL SECURITY

Abalduev V. A. Transformation of Legal Consequences of Unreasonable Refusal of Employment in Contemporary Russian Justice System	100
--	-----

CRIMINAL LAW

Maslov V. A. Confiscation of Property: Russian and Foreign Law Enforcement Experience	110
Belichenko R. V. Organization of Work on Collecting an Empirical Base for Clarifying the Biological Criteria of Sanity, Limited Sanity, and Insanity (Pilot Project)	123
Porayko V. V. Criminally Relevant Psycho-Emotional States of Individual: Problems of Consideration when Assigning Punishment	131

CRIMINAL PROCEDURE

- Smirnova I. G., Lubyagin M. S.** Peculiarities of Statutory Framework for Criminal Proceedings Conducted by an Investigative Group under the Legislation of the Russian Federation and the Republic of Belarus 143
- Lavrushko E. A.** Ensuring Confidentiality and Privacy in Criminal Proceedings: A Comparative Legal Analysis of the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan Experience 149

CRIMINALISTICS AND CRIMINOLOGY FORENSIC EXAMINATION

- Dyakonova O. G.** Theoretical and Methodological Justification for Conducting some Forensic Examinations in the Humanities 157

INTERNATIONAL LAW

- Shulakov A. A.** Legal Mechanisms for Protecting the Public Interests of the Russian Federation from the Transboundary Effects of ESG Standards 167

COMPARATIVE LEGAL STUDIES

- Pibaev I. A., Pedan S. V.** The Institution of Chaplains and Religious Rites in Parliaments 181

Средства государственной правозащитной деятельности

Аннотация. В статье сформулирован авторский подход к понятию, видам, признакам средств государственной правозащитной деятельности.

Проанализирован вопрос о соотношении категорий «цели» и «средства» с точки зрения различных философских течений. Изучено соотношение следующих понятий: «средства», «методы», «инструменты», «правовые» и «правозащитные средства». Предложено рассматривать правозащитные средства в философском, институциональном и инструментальном аспектах. Проведен анализ закрепленных в законодательстве средств государственной правозащитной деятельности, предложены их признаки и классификация.

Показано, что именно наличие соответствующих средств и их профессиональное применение придают государственной правозащитной деятельности эффективный характер и выделяют ее среди иных видов работы по защите прав человека. Проведенный анализ позволил сформулировать вывод о необходимости повышения системности средств государственной правозащитной работы.

Разработаны предложения по совершенствованию нормативного правового регулирования в контексте развития средств государственной правозащитной деятельности.

Ключевые слова: средство; правовое средство; правозащитное средство; правозащитная деятельность; права человека; средства правозащитной деятельности; виды правозащитных средств; средства государственной правозащитной деятельности; омбудсмен; Уполномоченный по правам человека; государственная защита прав человека.

Для цитирования: Чечельницкий И. В. Средства государственной правозащитной деятельности // Актуальные проблемы российского права. — 2024. — Т. 19. — № 10. — С. 11–23. — DOI: 10.17803/1994-1471.2024.167.10.011-023.

© Чечельницкий И. В., 2024

* Чечельницкий Илья Валентинович, кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры теории государства и права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), первый заместитель руководителя рабочего аппарата Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации
Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993
iv89261863056@yandex.ru

Means of Human Rights Activities by the State

Ilya V. Chechelnitziy, Cand. Sci. (Law), Senior Lecturer, Department of Theory of the State and Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL); First Deputy Head, Working Apparatus of the Commissioner for Human Rights in the Russian Federation, Moscow, Russian Federation
iv89261863056@yandex.ru

Abstract. The paper defines the author's approach to the concept, types, and features of the means of human rights activity of the State. The paper analyses the question of the correlation between the categories of «goals» and «means» from the point of view of various philosophical movements. The author has examined the correlation between the following concepts: means, methods, tools, legal means and human rights means. It is proposed to consider human rights tools in philosophical, institutional and instrumental aspects. The analysis of the means of state human rights activity enshrined in legislation is carried out, their signs and classification are proposed. It is shown that it is the availability of appropriate tools and their professional application that gives the state human rights activity an effective character and distinguishes it from other types of human rights protection. The analysis made it possible to conclude about the need to increase the consistency of the means of state human rights work. Proposals have been developed to improve normative legal regulation in the context of the development of public human rights activities.

Keywords: remedy; legal remedy; human rights remedy; human rights activities; human rights; means of human rights activities; types of human rights remedies; means of state human rights activities; ombudsman; Commissioner for Human Rights; state protection of human rights.

Cite as: Chechelnitziy IV. Means of Human Rights Activities by the State. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2024;19(10):11-23. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2024.167.10.011-023

Категория «средства» в праве носит глубокий морально-нравственный и философский характер, поскольку напрямую восходит к проблемам справедливости, добра и зла, чести и достоинства личности. Для правозащитной деятельности она, безусловно, не менее актуальна, чем вопрос о ее целях. Проблема выбора оптимальных средств для достижения сформулированных законодателем целей в праве имеет первостепенное значение не только для юридической науки, но особенно для практической деятельности. Ведь негодные средства компрометируют самые высокие цели.

Прежде чем перейти к исследованию категории «средства» в государственной правозащит-

ной деятельности, важно провести анализ этого термина в более широком, философско-правовом контексте. В литературе в качестве средства рассматриваются «прием, способ действия для достижения чего-н.»¹; «предмет, приспособление (или совокупность их), необходимое для осуществления какой-нибудь деятельности»²; «то, что служит какой-л. цели, необходимо для достижения, осуществления чего-л.»³; «способ, возможность, метод; орудие, приспособление, оружие; панацея, медикаменты, инструмент, система, путь, актив, ресурс, состояние, метода, рецепт, снадобье, кредит»⁴; «средство коммуникации»⁵.

Как видно из приведенных определений, категория «средства» всегда связана с инструмен-

¹ Толковый словарь Ожегова онлайн // URL: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=30293> (дата обращения: 30.09.2023).

² Словарь Ушакова // URL: <https://glosum.ru/Значение-слова-Средство-в-словаре-Ушакова> (дата обращения: 03.10.2023).

³ Словарь русского языка : в 4 т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований ; под ред. А. П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М. : Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999.

⁴ Словарь синонимов // URL: <https://glosum.ru/Значение-слова-Средство-в-словаре-синонимов> (дата обращения: 30.09.2023).

тарием для достижения определенного заранее, мыслимого результата и включает в себя множество всевозможных материальных и нематериальных значений. Представляется, что сами права человека могут рассматриваться как средство достижения высших целей. В современной философии по этому поводу справедливо отмечается, что «права человека как убедительный моральный аргумент применялись в разных целях — для сопротивления пыткам, незаконному заключению в тюрьмы, расовой дискриминации; в требованиях покончить во всем мире с голодом и недоеданием, а также с недостаточным медицинским обеспечением»⁶. Анализ литературы позволяет сделать вывод, что категория средств носит более комплексный и фундаментальный характер по сравнению с категорией «метод».

Метод традиционно рассматривается как «способ теоретического исследования или практического осуществления чего-нибудь»⁷, «путь, способ, прием теоретического исследования или практического осуществления чего-нибудь»⁸, «способ познания, подход к изучению явлений природы и общественной жизни. Прием, система приемов в какой-л. области деятельности»⁹; «совокупность практических и теоретических (логических) приемов и операций, считающихся достаточными для получения объективной и достоверной информации об объекте исследования»¹⁰. Таким образом,

метод в большей степени связан с инструментами познания окружающего мира, научными подходами.

Кроме того, в науке и правозащитной практике для обозначения конкретных мер, применяемых для достижения результата, нередко используется еще и такое понятие, как «инструмент» или «инструментарий». Анализ литературы показывает, что данная категория еще более узкая, чем «метод», и связывается обычно с орудием для производства каких-либо работ (лат. *instrumentum* — «орудие для работы») ¹¹. Вместе с тем в ряде источников справедливо отмечается, что инструмент в переносном значении рассматривается как «средство, применяемое для достижения или осуществления чего-л.»¹², «орудие, средство, преимущественно для достижения какой-л. цели»¹³. И в этом контексте данное понятие справедливо применяется и для определения средств правозащитной работы. Представляется, что все вышеуказанные понятия могут использоваться для характеристики способов достижения правозащитных целей, но правильнее с теоретико-правовой точки зрения все-таки говорить о средствах правозащитной деятельности или о правозащитных средствах.

Необходимо отметить, что категория «средства» пользуется вниманием в отечественной юридической науке. Выделяются такие понятия, как «правовые средства»¹⁴, «средства обеспече-

⁵ Корнев А. В. Нормативность права и нормативизм в праве: теоретические и практические перспективы отдельных юридических школ // Журнал российского права. 2020. № 12. С. 5–18.

⁶ Сен А. Идея справедливости. М., 2016. С. 449.

⁷ Словарь Ожегова // URL: <https://znachenie-slova.ru/метод> (дата обращения: 06.11.2023).

⁸ Словарь Ушакова // URL: <https://ushakovdictionary.ru/> (дата обращения: 06.11.2023).

⁹ Словарь Ефремовой // URL: <https://www.efremova.info/> (дата обращения: 06.11.2023).

¹⁰ Антропологический толковый словарь // URL: <https://znachenie-slova.ru/метод> (дата обращения: 06.11.2023).

¹¹ См.: Словарь Ожегова // URL: <https://slovarozhegova.ru/> (дата обращения: 06.11.2023); Энциклопедический словарь // URL: <https://znachenie-slova.ru/инструмент> (дата обращения: 06.11.2023); Словарь Ушакова // URL: <https://ushakovdictionary.ru/> (дата обращения: 06.11.2023).

¹² Словарь Ефремовой // URL: <https://www.efremova.info/> (дата обращения: 06.11.2023).

¹³ Историко-этимологический словарь латинских заимствований // URL: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/latin-borrowings-dictionary/fc/slovar-200.htm#zag-113> (дата обращения: 06.11.2023).

¹⁴ См.: Дорофеев А. В. Правовые средства и правовые стимулы: к вопросу о соотношении понятий // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2021.

ния реализации правовых норм»¹⁵, «средства обеспечения реализации права»¹⁶, «средства в праве»¹⁷, «юридические средства»¹⁸. Еще больший разброс мнений относительно содержания данных понятий. Встречаются, например, следующие определения: «...правовые средства — это нормы права, индивидуальные предписания и веления, договоры, средства юридической техники, все другие инструменты регулирования, рассматриваемые в единстве характерного для них содержания и формы»¹⁹; «...правовые средства — это правовые явления, выражающиеся в инструментах (установлениях) и деяниях (технологии); при помощи которых удовлетворяются интересы субъектов права, обеспечивается достижение социально полезных целей»²⁰; «правовые средства — это правовые установления (нормы права, юридически обеспеченные возможности (субъективные права), запреты, ограничения (юридические обязанности)) и деяния (технологии), способные организовываться в механизм правового регулирования для придания упорядоченной формы функциональным взаимодействиям социальных институтов»²¹.

Думается, что истина где-то посередине и под правовыми средствами следует понимать совокупность инструментов и приемов органи-

зационного и юридического характера, направленных на установление, изменение или прекращение правоотношений. При этом далеко не все правовые средства можно отнести к правозащитным средствам или средствам правозащитной деятельности.

Во-первых, правозащитные средства могут быть как правовыми, так и внеправовыми (воспитательными, идеологическими, социальными и др.).

Во-вторых, правозащитные средства отличаются от правовых специфической целью. Они всегда служат защите прав и свобод человека и гражданина. Правовые средства могут стремиться к иным целям.

В-третьих, важны такие требования, как «точно сформулированная, достижимая цель (цели) защиты; соблюдение баланса интересов между конфликтующими сторонами; доступность и реализуемость юридического средства для субъекта, чьи права нарушены или оспорены»²². При этом правозащитные средства целесообразно рассматривать в философском, институциональном и инструментальном значениях.

В философском значении правозащитные средства — это идеология в действии. То есть в философском плане к правозащитным сред-

Т. 7 (73). № 2. С. 26–30 ; Даровских О. И. К вопросу о понятии «правовые средства» в уголовном судопроизводстве // Проблемы права. 2020. № 2. С. 123–126 ; Беляева Г. С. К вопросу о сущности и системе правовых средств // Административное и муниципальное право. 2015. № 3. С. 306–312 ; Волкова М. В. Правовые средства обеспечения прав и свобод человека: теоретико-правовой анализ : дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2010 ; Мильков А. В. К определению понятия «Правовые средства» // Проблемы экономики и юридической практики. 2009. № 1. С. 111–113.

¹⁵ Пискунова О. В. Общесоциальные и специально-юридические средства обеспечения реализации правовых норм // Известия Сарат. ун-та. Серия «Экономика. Управление. Право». 2019. Т. 19. Вып. 4. С. 450–453.

¹⁶ Маркин А. В. Ответственность — средство обеспечения реализации права // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия «Юридические науки». 2010. № 1. С. 45–49.

¹⁷ Шундилов К. В. Цели и средства в праве : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1999.

¹⁸ Смирнов А. П. Юридические средства защиты субъективных прав : дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2016.

¹⁹ Алексеев С. С. Правовые средства: постановка проблемы, понятие и классификация // Советское государство и право. 1987. № 6. С. 14.

²⁰ Малько А. В. Правовые средства: вопросы теории и практики // Журнал российского права. 1998. № 8. С. 66–77.

²¹ Нигматуллина Э. Ф. Правовые средства в земельном праве // Правовые вопросы недвижимости. 2021. № 2. С. 8–11.

²² Смирнов А. П. Юридические средства защиты субъективных прав : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2016. С. 11.

ствам относится нравственно-правовая и материально-техническая основа правозащитной деятельности. Здесь можно выделить такие факторы, как высокий уровень правового сознания и правовой культуры населения, материальный достаток общества и государства, пассионарность граждан и общества, их готовность к борьбе за справедливость и за права человека.

В институциональном плане к правозащитным средствам следует относить институты публичной власти и гражданского общества, направленные на решение определенных юридических задач. Так, в качестве ключевой задачи органов публичной власти конституционно закреплено соблюдение прав и свобод человека и гражданина, а значит, все они в широком смысле являются правозащитными средствами. При этом органы публичной власти как правозащитные средства целесообразно подразделить на три категории по степени вовлеченности в проблему.

Первые выполняют широкий спектр функций государственного управления; одной из их задач, наряду со множеством других, является защита прав человека (например, Правительство РФ или Федеральное Собрание РФ).

Вторая категория государственных органов опосредует те из них, которые работают более предметно по правозащитной линии и имеют широкие правозащитные полномочия (например, Генпрокуратура России).

Третья категория — это специализированные государственные правозащитные органы, чья работа целиком и полностью посвящена защите прав и свобод человека и гражданина (например, омбудсмены).

В науке к правозащитным средствам относят правозащитные правомочия и долженствования в непосредственной и правоприменительной формах²³; организационно-правовые средства и меры принуждения²⁴; правозащитные средства, методы и приемы, которые прямо предусмотрены (дозволены) Конституцией РФ, иными нормативными правовыми актами — применительно к государственной правозащитной деятельности²⁵.

В соответствии с п. «а» ч. 3 ст. 2 Международного пакта о гражданских и политических правах²⁶ каждое государство-участник обязуется «обеспечить любому лицу, права и свободы которого, признаваемые в настоящем Пакте, нарушены, эффективное средство правовой защиты, даже если это нарушение было совершено лицами, действовавшими в официальном качестве». А статья 23 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах²⁷ устанавливает, что осуществлению установленных прав способствует применение таких средств, как заключение конвенций, принятие рекомендаций, оказание технической помощи и проведение региональных совещаний и технических совещаний в целях консультаций, а также исследования, организованные совместно с заинтересованными правительствами.

Категория «средства» активно используется в действующем российском законодательстве. В ряде нормативных правовых актов упоминаются денежные средства (ст. 848 ГК РФ), основные средства (ст. 257 НК РФ), лекарственные средства²⁸, транспортные средства (ст. 12.7 КоАП РФ), средства массовой инфор-

²³ Рагимов А. Т. Правозащитные отношения: вопросы теории и методологии : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2011. С. 14.

²⁴ Анисимов П. В. Теоретические проблемы правового регулирования защиты прав человека : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2005. С. 9.

²⁵ Мархгейм М. В. Конституционная система защиты прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2005. С. 14.

²⁶ Международный пакт о гражданских и политических правах (принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // БВС РФ. 1994. № 12.

²⁷ Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах (принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // БВС РФ. 1994. № 12.

²⁸ Федеральный закон от 12.04.2010 № 61-ФЗ «Об обращении лекарственных средств» // СЗ РФ. 2010. № 16. Ст. 1815.

мации²⁹, средства индивидуальной защиты (ст. 221 ТК РФ), наркотические средства (ст. 228 УК РФ) и др.³⁰ Как видим, категория «средства» используется максимально широко для характеристики самых разных явлений. В законодательстве о государственной правозащитной деятельности категория «средства» также применяется. Так, в соответствии с п. 3 ст. 1 Федерального конституционного закона от 26.02.1997 № 1-ФКЗ «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации»³¹ (далее — Закон об Уполномоченном по правам человека) средствами, указанными в данном Законе, Уполномоченный способствует восстановлению нарушенных прав, совершенствованию законодательства РФ о правах человека и гражданина и приведению его в соответствие с общепризнанными принципами и нормами международного права, развитию международного сотрудничества в области прав человека, правовому просвещению по вопросам прав и свобод человека, форм и методов их защиты (ст. 3 Закона об Уполномоченном по правам человека).

В законодательстве правозащитные средства связываются с компетенцией соответствующих государственных органов³² или с их полномочиями³³, а в самих нормативных формулировках указывается, что должностное лицо вправе или обязано предпринять определенные действия по защите прав и свобод личности³⁴.

В России сформирована комплексная система государственных органов, занимающихся защитой прав и свобод человека и гражданина. Их правозащитный инструментарий крайне многообразен. Все средства государственной правозащитной деятельности целесообразно классифицировать на судебные и внесудебные; общие и специальные; правоприменительные, правотворческие и правопросветительские.

К судебным средствам государственной правозащитной деятельности относятся следующие:

— обращение в суд с административным правовым иском³⁵ или иском о пересмотре решения³⁶;

— иск в случае нарушения прав и свобод человека и гражданина, защищаемых в порядке

²⁹ Закон РФ от 27.12.1991 № 2124-1 «О средствах массовой информации» // Российская газета. 08.02.1992. № 32.

³⁰ См., например: Черников В. В. Актуальные вопросы качества полицейского законодательства России // Административное право и процесс. 2021. № 7. С. 16–27.

³¹ СЗ РФ. 1997. № 9. Ст. 1011.

³² См., например: гл. 3 Закона об Уполномоченном по правам человека.

³³ См., например: ст. 27 Федерального закона от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» // СЗ РФ. 1995. № 47. Ст. 4472 (далее — Закон о прокуратуре); ст. 6, 14 Федерального закона от 27.12.2018 № 501-ФЗ «Об уполномоченных по правам ребенка в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2018. № 53 (ч. I). Ст. 8427 (далее — Закон об уполномоченных по правам ребенка).

³⁴ См., например: ст. 20, 22, 23, 29 Закона об Уполномоченном по правам человека; ст. 4–6 Федерального закона от 07.05.2013 № 78-ФЗ «Об уполномоченных по защите прав предпринимателей в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2013. № 19. Ст. 2305 (далее — Закон об уполномоченных по защите прав предпринимателей); ст. 20 Федерального закона от 04.06.2018 № 123-ФЗ «Об уполномоченном по правам потребителей финансовых услуг» // СЗ РФ. 2018. № 24. Ст. 3390 (далее — Закон об уполномоченном по правам потребителей финансовых услуг).

³⁵ См.: п. 1 ст. 29 Закона об Уполномоченном по правам человека; п. 2 ч. 1 ст. 11 Федерального закона от 18.03.2020 № 48-ФЗ «Об уполномоченных по правам человека в субъектах Российской Федерации»; п. 4 ч. 1 ст. 6 Закона об уполномоченных по правам ребенка; п. 5 ч. 5 ст. 4 Закона об уполномоченных по защите прав предпринимателей.

³⁶ См.: пп. 3 п. 1 ст. 29 Закона об Уполномоченном по правам человека; п. 6 ч. 5 ст. 4 Закона об уполномоченных по защите прав предпринимателей; п. 4 ч. 1 ст. 11 Федерального закона «Об уполномоченных по правам человека в субъектах Российской Федерации».

гражданского и административного судопроизводства, когда пострадавший по состоянию здоровья, возрасту или иным причинам не может лично отстаивать в суде или арбитражном суде свои права и свободы или когда нарушены права и свободы значительного числа граждан либо в силу иных обстоятельств нарушение приобрело особое общественное значение³⁷;

— жалоба в Конституционный Суд РФ на нарушение конституционных прав и свобод граждан законом, примененным или подлежащим применению³⁸;

— мотивированные предложения об обращении в Конституционный Суд РФ с запросом о соответствии Конституции РФ федеральных законов, иных нормативных правовых актов РФ, законов и иных нормативных правовых актов субъектов РФ в государственные органы, имеющие право на обращение в Конституционный Суд РФ³⁹;

— присутствие по собственной инициативе в судебном разбирательстве по гражданским делам для дачи заключения в целях защиты прав и законных интересов несовершеннолетних⁴⁰;

— ходатайство в суд об отмене акта, нарушающего права человека и гражданина⁴¹.

К внесудебным средствам следует относить такие, как:

— ходатайство в компетентные государственные органы о возбуждении дисциплинарного или административного производства либо уголовного дела в отношении должностного лица, в решениях или действиях (бездействии)

которого усматриваются нарушения прав и свобод человека и гражданина (детей)⁴²;

— принятие мер по предупреждению и пресечению нарушений прав и свобод человека и гражданина, привлечению к ответственности лиц, нарушивших закон, и возмещению причиненного вреда⁴³;

— протест на акт, нарушающий права человека и гражданина, в орган или должностному лицу, которые издали этот акт, или внесение представления об устранении нарушений прав и свобод человека и гражданина в орган или должностному лицу⁴⁴;

— предупреждение и пресечение нарушений прав и свобод человека и гражданина, привлечение к ответственности лиц, нарушивших закон⁴⁵.

Средства государственной правозащитной деятельности можно подразделять на общие и специальные. Если первые из них характерны для двух и более государственных правозащитных органов, то вторые присущи лишь отдельным из них.

К общим средствам государственной правозащитной деятельности следует причислить:

— предложения об изменении и о дополнении федерального законодательства и законодательства субъектов РФ либо о восполнении пробелов в федеральном законодательстве и законодательстве субъектов РФ в адрес субъектов права законодательной инициативы⁴⁶;

— заключение с указанием мер по восстановлению прав и соблюдению законных интересов указанных субъектов в органы государ-

³⁷ См.: п. 4 ст. 27 Закона о прокуратуре.

³⁸ См.: п. 1 ст. 29 Закона об Уполномоченном по правам человека ; п. 6 ст. 35 Закона о прокуратуре.

³⁹ См.: п. 1 ч. 1 ст. 6 Закона об уполномоченных по правам ребенка ; п. 7 ст. 6 Закона об уполномоченных по защите прав предпринимателей.

⁴⁰ См.: п. 5 ч. 1 ст. 6 Закона об уполномоченных по правам ребенка.

⁴¹ См.: пп. 1 п. 1 ст. 27 Закона о прокуратуре.

⁴² См.: пп. 2 п. 1 ст. 29 Закона об Уполномоченном по правам человека ; п. 5 ч. 1 ст. 6 Закона об уполномоченных по правам ребенка.

⁴³ См.: пп. 1 п. 1 ст. 27 Закона о прокуратуре.

⁴⁴ См.: ст. 28 Закона о прокуратуре.

⁴⁵ См.: пп. 3 п. 1 ст. 27 Закона о прокуратуре.

⁴⁶ См.: п. 2 ст. 31 Закона об Уполномоченном по правам человека ; п. 2 ч. 1 ст. 6 Закона об уполномоченных по правам ребенка ; п. 5 ч. 1 ст. 5 Закона об уполномоченных по защите прав предпринимателей.

ственной власти, местного самоуправления или должностному лицу, в решениях или действиях (бездействии) которых усматривается нарушение⁴⁷;

— передачу жалобы государственному органу, органу местного самоуправления или должностному лицу, к компетенции которых относится разрешение жалобы по существу⁴⁸;

— возможность свободного прохождения в органы государственной власти, органы местного самоуправления, на предприятия, в учреждения и организации независимо от организационно-правовых форм и форм собственности⁴⁹;

— затребование от государственных органов, органов местного самоуправления, должностных лиц и государственных служащих сведений, документов и материалов, необходимых для рассмотрения жалобы⁵⁰.

К специальным средствам государственной правозащитной деятельности необходимо отнести такие, как:

— требование выделения специалистов для выяснения возникших вопросов⁵¹;

— требование от руководителей и других должностных лиц проведения проверок, контрольных (надзорных) мероприятий по поступившим материалам и обращениям, ревизий деятельности подконтрольных или подведомственных им организаций⁵²;

— принятие соответствующих мер при наличии оснований полагать, что нарушение прав и свобод человека и гражданина имеет преступный характер⁵³;

— участие с письменного согласия заявителя в выездной проверке, проводимой в отношении заявителя в рамках государственного (муниципального) контроля (надзора)⁵⁴;

— доклад на очередном заседании Государственной Думы ФС РФ в случае грубого или массового нарушения прав и свобод граждан⁵⁵;

— представление своих доводов должностному лицу, которое вправе вносить протесты, а также присутствовать при судебном рассмотрении дела⁵⁶;

— внесение государственным органам, органам местного самоуправления и должностным лицам своих замечаний и предложений общего характера, относящихся к обеспечению прав и свобод⁵⁷;

— проведение проверки обстоятельств⁵⁸;

— вызов должностных лиц и граждан для объяснений по поводу нарушений законов⁵⁹;

— прохождение без специального разрешения в учреждения, исполняющие наказания, и СИЗО, в которых содержатся несовершеннолетние, беременные женщины и женщины, дети которых находятся в домах ребенка при местах принудительного содержания⁶⁰;

⁴⁷ См.: ст. 27 Закона об Уполномоченном по правам человека ; п. 3 ч. 5 ст. 4 Закона об уполномоченных по защите прав предпринимателей.

⁴⁸ См.: п. 3 ст. 20 Закона об Уполномоченном по правам человека ; п. 2 ч. 5 ст. 4 Закона об уполномоченных по защите прав предпринимателей.

⁴⁹ См.: пп. 1 п. 1 ст. 23 Закона об Уполномоченном по правам человека ; п. 1 ст. 22 Закона о прокуратуре ; п. 1 ч. 1 ст. 5 Закона об уполномоченных по защите прав предпринимателей.

⁵⁰ См.: пп. 2 п. 1 ст. 23 Закона об Уполномоченном по правам человека ; п. 1 ч. 3 ст. 6 Закона об уполномоченных по правам ребенка ; п. 1 ст. 22 Закона о прокуратуре.

⁵¹ См.: п. 1 ст. 22 Закона о прокуратуре.

⁵² См.: п. 1 ст. 22 Закона о прокуратуре.

⁵³ См.: п. 2 ст. 27 Закона о прокуратуре.

⁵⁴ См.: п. 4 ч. 1 ст. 5 Закона об уполномоченных по защите прав предпринимателей.

⁵⁵ См.: пп. 1 п. 1 ст. 32 Закона об Уполномоченном по правам человека.

⁵⁶ См.: пп. 4 п. 1 ст. 29 Закона об Уполномоченном по правам человека.

⁵⁷ См.: п. 1 ст. 31 Закона об Уполномоченном по правам человека.

⁵⁸ См.: п. 1 ст. 22 Закона об Уполномоченном по правам человека.

⁵⁹ См.: п. 1 ст. 22 Закона о прокуратуре.

⁶⁰ См.: п. 3 ч. 3 ст. 6 Закона об уполномоченных по правам ребенка.

— предписания о приостановлении действия ненормативных правовых актов органов местного самоуправления, нарушающих права и законные интересы субъектов предпринимательской деятельности, до вступления в законную силу судебного акта, вынесенного по результатам рассмотрения заявления Уполномоченного⁶¹;

— дача должностными лицами и государственными служащими, исключая судей, объяснений по вопросам, подлежащим выяснению в ходе рассмотрения жалобы⁶²;

— поручение компетентным государственным учреждениям проведения экспертных исследований и подготовки заключений по вопросам, подлежащим выяснению в ходе рассмотрения жалобы⁶³;

— знакомство с уголовными, гражданскими, административными делами и делами об административных правонарушениях, решения (приговоры) по которым вступили в законную силу, а также с прекращенными производством делами и отказными материалами⁶⁴.

Кроме того, средства государственной правозащитной деятельности целесообразно классифицировать на правоприменительные, правотворческие и правопросветительские в зависимости от цели использования того или иного средства.

К правоприменительным средствам государственной правозащитной деятельности можно отнести следующие:

— проверка деятельности государственных органов, органов местного самоуправления и должностных лиц⁶⁵;

— предложение о создании парламентской комиссии по расследованию⁶⁶;

— посещение федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов РФ, органов местного самоуправления, образовательных и медицинских организаций, оказывающих социальные и иные услуги детям и семьям, имеющим детей⁶⁷;

— запрос разъяснений, документов и (или) сведений, связанных с рассмотрением обращения⁶⁸;

— проведение независимой экспертизы (оценки) по предмету спора для решения поставленных заявителем вопросов⁶⁹.

К правотворческим средствам государственной правозащитной деятельности принадлежат следующие:

— направление Президенту РФ мотивированных предложений об отмене постановлений и распоряжений Правительства РФ в случае их противоречия Конституции РФ, федеральным законам и указам Президента РФ⁷⁰;

— направление в Правительство РФ мотивированных предложений об отмене или о приостановлении действия принятого федеральным органом исполнительной власти нормативного правового акта или его отдельных положений, необоснованно затрудняющих ведение предпринимательской, в том числе инвестиционной, деятельности⁷¹;

— направление высшему должностному лицу субъекта РФ мотивированных предложений об отмене или о приостановлении действия актов органов исполнительной власти субъек-

⁶¹ См.: п. 5 ч. 1 ст. 5 Закона об уполномоченных по защите прав предпринимателей.

⁶² См.: п. 3 ст. 23 Закона об Уполномоченном по правам человека.

⁶³ См.: п. 5 ст. 23 Закона об Уполномоченном по правам человека.

⁶⁴ См.: п. 6 ст. 23 Закона об Уполномоченном по правам человека.

⁶⁵ См.: п. 4 ст. 23 Закона об Уполномоченном по правам человека ; п. 7 ч. 1 ст. 6 Закона об уполномоченных по правам ребенка.

⁶⁶ См.: пп. 1 п. 1 ст. 32 Закона об Уполномоченном по правам человека.

⁶⁷ См.: п. 2 ч. 3 ст. 6 Закона об уполномоченных по правам ребенка.

⁶⁸ См. ч. 2 ст. 20 Закона об уполномоченном по правам потребителей финансовых услуг.

⁶⁹ См. ч. 10 ст. 20 Закона об уполномоченном по правам потребителей финансовых услуг.

⁷⁰ См. ч. 3 ст. 6 Закона об уполномоченных по правам ребенка.

⁷¹ См. ч. 4 ст. 6 Закона об уполномоченных по правам ребенка.

та РФ (в случае, если соответствующие полномочия предусмотрены региональной конституцией (уставом))⁷²;

— направление мотивированных предложений о признании утратившими силу или приостановлении действия правовых актов и решений в случаях, если эти акты и решения нарушают права и законные интересы детей, либо о внесении в эти акты и решения изменений, направленных на обеспечение реализации и соблюдения прав и законных интересов несовершеннолетних⁷³.

Правовосветительские средства государственной правозащитной деятельности опосредуют следующие полномочия:

— консультирование заявителей по поводу средств, которые тот вправе использовать для защиты своих прав⁷⁴;

— приглашение для выполнения экспертных и научно-аналитических работ в области защиты прав и законных интересов детей научных и иных организаций, а также ученых и специалистов⁷⁵;

— предложение о проведении Государственной Думой ФС РФ парламентских слушаний по фактам нарушения прав и свобод граждан⁷⁶.

В завершение целесообразно сформулировать некоторые выводы и предложения.

Во-первых, именно наличие мощного, системно выверенного инструментария у органов публичной власти, занимающихся защитой прав и свобод человека и гражданина, делает такую деятельность по-настоящему эффективной по сравнению с иными, в том числе негосударственными, формами.

Во-вторых, анализ основных законодательных актов, регулирующих деятельность государственных правозащитников, показывает, что можно выделить как минимум 50 основных средств государственной правозащитной дея-

тельности, которые используются для восстановления нарушенных прав граждан. Вместе с тем с точки зрения эффективности указанных средств полномочия прокурора, конечно, превосходят компетенции иных государственных правозащитников, поскольку имеют обязательный характер для других государственных органов. Из всех вышеперечисленных правозащитных средств только 12 являются общими для двух или более правозащитных институтов, тогда как остальные имеют специфический характер. Несмотря на определенные особенности различных правозащитных государственных органов, большинство их инструментов может быть унифицировано. При этом правоприменительные средства в законодательстве об институтах государственной защиты прав человека значительно превосходят правотворческие (7) и правовосветительские (3), что и понятно. Однако недооцененным остается потенциал превентивных правозащитных средств, которые в процессе правового просвещения и совершенствования законодательства могли бы привести к недопущению более серьезных нарушений прав граждан. В этой связи в науке справедливо отмечается, что «просвещение и образование в области прав человека должны стать важной составляющей правовой политики государства, а также должны занять достойное место среди механизмов защиты прав и свобод человека и гражданина»⁷⁷.

В-третьих, в некоторых случаях специализированные правозащитные институты (уполномоченные по правам ребенка и по правам предпринимателей) обладают более существенными средствами защиты прав отдельных категорий граждан, чем универсальные правозащитные институты.

В-четвертых, наблюдается несоответствие правозащитных средств, закрепленных в зако-

⁷² См.: ч. 5 ст. 6 Закона об уполномоченных по правам ребенка.

⁷³ См.: п. 3 ч. 1 ст. 6 Закона об уполномоченных по правам ребенка.

⁷⁴ См.: ст. 20 Закона об Уполномоченном по правам человека ; п. 1 ч. 5 ст. 4 Закона об уполномоченных по защите прав предпринимателей ; пп. 1 п. 1 ст. 27 Закона о прокуратуре.

⁷⁵ См.: п. 4 ч. 3 ст. 6 Закона об уполномоченных по правам ребенка.

⁷⁶ См.: п. 2 ст. 32 Закона об Уполномоченном по правам человека.

⁷⁷ Москалькова Т. Н. Защита прав человека : сборник статей и выступлений. М., 2020. С. 428.

нах о специальных омбудсменах. Например, в Законе об уполномоченных по защите прав предпринимателей детально прописан его инструментарий по совершенствованию законодательства, тогда как в Законе об уполномоченных по правам ребенка этому важному направлению работы посвящен лишь один пункт. Присутствуют также коллизии в правовых нормах между законами о правозащитных институтах и иных органах государственной власти.

В-пятых, целесообразно распространить на иные институты государственной защиты прав человека имеющийся у уполномоченного по правам потребителей финансовых услуг инструментарий как в плане досудебного урегулирования споров в соответствующей сфере общественно-государственных отношений, так и в контексте осуществления функции медиатора.

На основании изложенного целесообразно рекомендовать законодателю провести комплексную ревизию нормативных правовых актов, регулирующих данную сферу, и принять меры к их унификации. Среди них свое место могли бы найти следующие изменения законодательства в части совершенствования средств государственной правозащитной деятельности:

- указать в Законе об Уполномоченном по правам человека возможность омбудсмена помогать оказавшимся в трудной жизненной ситуации;

- сформулировать в Законе об Уполномоченном по правам человека, а также в Законе об уполномоченных по правам ребенка положение об одновременном с обжалованием в судебном порядке ненормативных правовых актов органов местного самоуправления, нарушающих права и законные интересы граждан, в том числе несовершеннолетних, внесении подлежащих немедленному исполнению в порядке, установленном законодательством РФ об общих принципах организации местного самоуправления, предписаний о приостановлении их действия до вступления в законную силу судебного акта, изданного по результатам рассмотрения заявления уполномоченного;

- закрепить за уполномоченными по правам ребенка полномочия по направлению в орган государственной власти, орган местного самоуправления или должностному лицу, в решениях или действиях (бездействии) которых усматривается нарушение правил, заключения с указанием мер по восстановлению прав и соблюдению законных интересов данных субъектов;

- наделить бизнес-омбудсмена возможностью самостоятельно или совместно с компетентными государственными органами, должностными лицами и государственными служащими проверки деятельности государственных органов, органов местного самоуправления и должностных лиц (по аналогии с п. 4 ч. 1 ст. 23 Закона об Уполномоченном по правам человека; п. 7 ч. 1 ст. 6 Закона об уполномоченных по правам ребенка);

- закрепить за омбудсменами полномочия по досудебному рассмотрению споров в части их компетенции (по аналогии с финансовым омбудсменом), а также функции медиатора (осуществлять необходимые действия, направленные на урегулирование спора между его сторонами);

- расширить судебные функции омбудсменов путем предоставления им права на иск в случае нарушения прав и свобод человека и гражданина, защищаемых в порядке гражданского и административного судопроизводства, когда пострадавший по состоянию здоровья, возрасту или иным причинам не может лично отстаивать в суде или арбитражном суде свои права и свободы или когда нарушены права и свободы значительного числа граждан либо в силу иных обстоятельств нарушение приобрело особое общественное значение.

В науке справедливо отмечается, что «упразднение средства, в котором получает свою определенность цель, означает одновременно и ликвидацию самой цели»⁷⁸, поэтому поиск научных и практических путей повышения эффективности средств государственной правозащитной деятельности должен быть продолжен.

⁷⁸ Экимов А. И. Методологические проблемы понимания права. Работы разных лет : сборник научных трудов. М., 2022. С. 91.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Алексеев С. С.* Правовые средства: постановка проблемы, понятие и классификация // Советское государство и право. — 1987. — № 6. — С. 12–19.
2. *Анисимов П. В.* Теоретические проблемы правового регулирования защиты прав человека : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. — Н. Новгород, 2005. — 48 с.
3. *Беляева Г. С.* К вопросу о сущности и системе правовых средств // Административное и муниципальное право. — 2015. — № 3. — С. 306–312.
4. *Волкова М. В.* Правовые средства обеспечения прав и свобод человека: теоретико-правовой анализ : дис. ... канд. юрид. наук. — Краснодар, 2010. — 205 с.
5. *Даровских О. И.* К вопросу о понятии «правовые средства» в уголовном судопроизводстве // Проблемы права. — 2020. — № 2. — С. 123–126.
6. *Дорофеев А. В.* Правовые средства и правовые стимулы: к вопросу о соотношении понятий // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. — 2021. — Т. 7 (73). — № 2. — С. 26–30.
7. *Корнев А. В.* Нормативность права и нормативизм в праве: теоретические и практические перспективы отдельных юридических школ // Журнал российского права. — 2020. — № 12. — С. 5–18.
8. *Малько А. В.* Правовые средства: вопросы теории и практики // Журнал российского права. — 1998. — № 8. — С. 66–77.
9. *Маркин А. В.* Ответственность — средство обеспечения реализации права // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия «Юридические науки». — 2010. — № 1. — С. 45–49.
10. *Мархгейм М. В.* Конституционная система защиты прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. — М., 2005. — 56 с.
11. *Мильков А. В.* К определению понятия «Правовые средства» // Проблемы экономики и юридической практики. — 2009. — № 1. — С. 111–113.
12. *Москалькова Т. Н.* Защита прав человека : сборник статей и выступлений. — М. : Проспект, 2020. — 480 с.
13. *Нигматуллина Э. Ф.* Правовые средства в земельном праве // Правовые вопросы недвижимости. — 2021. — № 2. — С. 8–11.
14. *Пискунова О. В.* Общесоциальные и специально-юридические средства обеспечения реализации правовых норм // Известия Саратов. ун-та. Серия «Экономика. Управление. Право». — 2019. — Т. 19. — Вып. 4. — С. 450–453.
15. *Рагимов А. Т.* Правозащитные отношения: вопросы теории и методологии : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. — М., 2011. — 58 с.
16. *Сен А.* Идея справедливости. — М., 2016. — 520 с.
17. *Синюков В. Н.* Личность в российской правовой системе: поиск новых подходов // Журнал российского права. — 2023. — № 5. — С. 75–85.
18. *Смирнов А. П.* Юридические средства защиты субъективных прав : дис. ... канд. юрид. наук. — Омск, 2016. — 192 с.
19. *Черников В. В.* Актуальные вопросы качества полицейского законодательства России // Административное право и процесс. — 2021. — № 7. — С. 16–27.
20. *Шундигов К. В.* Цели и средства в праве : дис. ... канд. юрид. наук. — Саратов, 1999. — 182 с.
21. *Экимов А. И.* Методологические проблемы понимания права. Работы разных лет : сборник научных трудов. — М., 2022. — 304 с.

Материал поступил в редакцию 30 декабря 2023 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Alekseev S. S. Pravovye sredstva: postanovka problemy, ponyatie i klassifikatsiya // Sovetskoe gosudarstvo i pravo. — 1987. — № 6. — S. 12–19.
2. Anisimov P. V. Teoreticheskie problemy pravovogo regulirovaniya zashchity prav cheloveka: avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk. — N. Novgorod, 2005. — 48 s.
3. Belyaeva G. S. K voprosu o sushchnosti i sisteme pravovykh sredstv // Administrativnoe i munitsipalnoe pravo. — 2015. — № 3. — S. 306–312.
4. Volkova M. V. Pravovye sredstva obespecheniya prav i svobod cheloveka: teoretiko-pravovoy analiz: dis. ... kand. yurid. nauk. — Krasnodar, 2010. — 205 s.
5. Darovskikh O. I. K voprosu o ponyatii «pravovye sredstva» v ugolovnom sudoproizvodstve // Problemy prava. — 2020. — № 2. — S. 123–126.
6. Dorofeev A. V. Pravovye sredstva i pravovye stimuly: k voprosu o sootnoshenii ponyatiy // Uchenye zapiski Krymskogo federalnogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Yuridicheskie nauki. — 2021. — T. 7 (73). — № 2. — S. 26–30.
7. Kornev A. V. Normativnost prava i normativizm v prave: teoreticheskie i prakticheskie perspektivy otdelnykh yuridicheskikh shkol // Zhurnal rossiyskogo prava. — 2020. — № 12. — S. 5–18.
8. Malko A. V. Pravovye sredstva: voprosy teorii i praktiki // Zhurnal rossiyskogo prava. — 1998. — № 8. — S. 66–77.
9. Markin A. V. Otvetstvennost — sredstvo obespecheniya realizatsii prava // Vektor nauki Tolyatinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Yuridicheskie nauki». — 2010. — № 1. — S. 45–49.
10. Markhgeym M. V. Konstitutsionnaya sistema zashchity prav i svobod cheloveka i grazhdanina v Rossiyskoy Federatsii: avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk. — M., 2005. — 56 s.
11. Milkov A. V. K opredeleniyu ponyatiya «Pravovye sredstva» // Problemy ekonomiki i yuridicheskoy praktiki. — 2009. — № 1. — S. 111–113.
12. Moskalkova T. N. Zashchita prav cheloveka: sbornik statey i vystupleniy. — M.: Prospekt, 2020. — 480 s.
13. Nigmatullina E. F. Pravovye sredstva v zemelnom prave // Pravovye voprosy nedvizhimosti. — 2021. — № 2. — S. 8–11.
14. Piskunova O. V. Obshchesotsialnye i spetsialno-yuridicheskie sredstva obespecheniya realizatsii pravovykh norm // Izvestiya Sarat. un-ta. Seriya «Ekonomika. Upravlenie. Pravo». — 2019. — T. 19. — Vyp. 4. — S. 450–453.
15. Ragimov A. T. Pravozashchitnye otnosheniya: voprosy teorii i metodologii: avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk. — M., 2011. — 58 s.
16. Sen A. Ideya spravedlivosti. — M., 2016. — 520 s.
17. Sinyukov V. N. Lichnost v rossiyskoy pravovoy sisteme: poisk novykh podkhodov // Zhurnal rossiyskogo prava. — 2023. — № 5. — S. 75–85.
18. Smirnov A. P. Yuridicheskie sredstva zashchity subektivnykh prav: dis. ... kand. yurid. nauk. — Omsk, 2016. — 192 s.
19. Chernikov V. V. Aktualnye voprosy kachestva politseyskogo zakonodatelstva Rossii // Administrativnoe pravo i protsess. — 2021. — № 7. — S. 16–27.
20. Shundikov K. V. Tseli i sredstva v prave: dis. ... kand. yurid. nauk. — Saratov, 1999. — 182 s.
21. Ekimov A. I. Metodologicheskie problemy ponimaniya prava. Raboty raznykh let: sbornik nauchnykh trudov. — M., 2022. — 304 s.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ВЛАСТЬ И МЕСТНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ

DOI: 10.17803/1994-1471.2024.167.10.024-031

С. Ю. Фабричный*,
С. И. Митина **

Модернизация конституционной нормы в контексте современного цивилизационного развития России

Аннотация. В статье представлена авторская точка зрения на модернизацию Конституции РФ в контексте цивилизационного развития России. Прослеживается взаимосвязь между содержанием конституционной нормы и динамично меняющимися условиями ее действия, определяются причины трансформации характера конституционного регулирования. По мнению авторов, укрепление цивилизационных основ российского общества в условиях нарастающих противоречий на мировой политической арене и в глобальной экономике возможно только при обращении к богатому историческому опыту отечественного государственного и правового строительства, а также путем совершенствования конституционного регулирования, нацеленного на утверждение и укрепление государственного и национального суверенитета. Модернизация Конституции РФ путем внесения в 2020 г. поправок создала предпосылки для дальнейшего устойчивого развития политической системы страны и общества в целом.

Ключевые слова: Конституция РФ; Россия; модернизация; исторический опыт; цивилизация; цивилизационные ориентиры; конституционная норма; правовая система; конституционализм; государственное строительство; правовое строительство.

Для цитирования: Фабричный С. Ю., Митина С. И. Модернизация конституционной нормы в контексте современного цивилизационного развития России // Актуальные проблемы российского права. — 2024. — Т. 19. — № 10. — С. 24–31. — DOI: 10.17803/1994-1471.2024.167.10.024-031.

© Фабричный С. Ю., Митина С. И., 2024

* *Фабричный Сергей Юрьевич*, доктор юридических наук, профессор, директор Юридического института Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого (НовГУ)
Большая Санкт-Петербургская ул., д. 41, г. Великий Новгород, Россия, 173003
Sergey.Fabrichnyy@novsu.ru

** *Митина Светлана Игоревна*, доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой теории государства и права Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого (НовГУ)
Большая Санкт-Петербургская ул., д. 41, г. Великий Новгород, Россия, 173003
Svetlana.Mitina@novsu.ru

Modernization of the Constitutional Norm in the Context of Modern Civilizational Development of Russia

Sergey Yu. Fabrichniy, Dr. Sci. (Law), Professor, Director of the Law Institute,
Yaroslav-the-Wise Novgorod State University (NovSU),
Veliky Novgorod, Russian Federation
Sergey.Fabrichnyy@novsu.ru

Svetlana I. Mitina, Dr. Sci. (Law), Associate Professor,
Head of the Department of Theory of the State and Law,
Yaroslav-the-Wise Novgorod State University (NovSU),
Veliky Novgorod, Russian Federation
Svetlana.Mitina@novsu.ru

Abstract. The paper provides the author's point of view regarding modernization of the Constitution of the Russian Federation in the context of civilizational development of Russia. The paper examines the interrelation between the content of the constitutional norm and dynamically changing conditions of its operation and determines the reasons for the transformation of the nature of constitutional regulation. In the authors' opinion, strengthening of the civilizational foundations of Russian society in the face of growing contradictions in the world political arena and in the global economy is possible only by referring to the rich historical experience of domestic state and legal construction, as well as by improving constitutional regulation aimed at affirming and strengthening state and national sovereignty. Modernization of the Constitution of the Russian Federation by introducing amendments in 2020 created the prerequisites for further sustainable development of the country's political system and society as a whole.

Keywords: Constitution of the Russian Federation; Russia; modernization; historical experience; civilization; civilizational guidelines; constitutional norm; legal system; constitutionalism; state building; legal construction.

Cite as: Fabrichniy SYu, Mitina SI. Modernization of the Constitutional Norm in the context of Modern Civilizational Development of Russia. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2024;19(10):24-31. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2024.167.10.024-031

Природа конституционной нормы, условия ее действия, причины трансформации характера конституционного регулирования являются предметом пристального внимания специалистов различных отраслей знания в силу значимости поднимаемых и дискутируемых вопросов для жизни каждого человека и общества в целом. В последнее время очевиден интерес специалистов к понятию «живая конституция», к проблеме противоречий между ее констан-

тным нормативным содержанием и динамично меняющимися условиями ее действия¹.

1 июля 2020 г. состоялось общероссийское голосование по внесению поправок в Конституцию РФ. Поправки коснулись значительного количества конституционных положений, содержащихся в гл. 3–8, и затронули практически все сферы общественной жизни: политическую, экономическую, социальную и правовую. Были внесены изменения в 41 статью Конституции РФ,

¹ Червонюк В. И. Трансформация идеи «живой конституции» в российской конституционной практике // Право и государство: теория и практика. 2020. № 2 (182). С. 124.

а также появилось пять новых статей. Этот процесс, начавшийся 15 января 2020 г. с прозвучавшего в ежегодном Послании Федеральному Собранию РФ предложения Президента В. В. Путина относительно концепции поправок к Основному закону, П. В. Крашенинников определил как модернизацию Конституции РФ². Послания Федеральному Собранию в качестве программно-политического документа позволяют Президенту РФ реализовать закрепленное в ст. 80 Основного закона конституционное полномочие по определению основных направлений внутренней и внешней политики государства. Уровень данного полномочия дает возможность инициировать законодательное закрепление политических новаций путем модернизации конституционной нормы.

«Модернизация», если обратиться к языковому (лексико-морфологическому) толкованию данного термина, может трактоваться как «изменение, усовершенствование, отвечающее современным требованиям» или как «осовременивание»³. Процесс модернизации подразумевает основанный на общих законах развития общества прогресс. Именно поэтому термин «модернизация» представляется удачным для определения задачи внесения поправок в Конституцию РФ, призванных обеспечить развитие политической системы страны и общества в целом.

С. А. Авакьян напоминает, что Конституция РФ создавалась в условиях неустойчивой экономики, передела собственности, криминальных «разборок», противостояния между институтами власти⁴. Очевидно, что современная политическая и экономическая обстановка и тем более прогнозируемые перспективы общемирового развития непосредственным образом оказывают влияние на правовую систему страны

в целом и не могут не сказаться на конституционной норме в частности.

В ходе конституционной реформы работа по подготовке предложений о поправках к главному закону страны включала определение параметров взаимодействия государства и общества в рамках сложившегося конституционного регулирования с учетом требований последующего социально-экономического и политического развития страны. По мнению В. И. Фадеева, важной особенностью конституционной нормы является ее способность к постоянной актуализации, к развитию и реагированию на запросы общества, к соответствию потребностям общественной и государственной практики. Автор отмечал одну из главных характерных черт нашего времени, мимо которой не имеет права пройти отечественное законодательство: «...бурный и трагический XX век привел к тому, что люди во многом утрачивают духовное измерение жизни: размываются и становятся неопределенными нравственные законы человеческого бытия»⁵.

Закономерен вопрос, какие же цивилизационные ориентиры в таких условиях должны выступать основой для выбора направления общественного развития. Неслучайно конституционная реформа в ходе подготовки и реализации вызвала широкий резонанс в научной среде. Так, И. А. Старостина, выражая уверенность в том, что курс, взятый федеральной властью на активное реформирование Конституции РФ путем внесения поправок, будет продолжен, в то же время задается вопросом о направлении данного процесса. Автор поддерживает мнение В. И. Фадеева о том, что наш Основной закон испытал на себе влияние ценностей западноевропейского конституционализма и воспринял внешние конституционные атрибуты демократической орга-

² Крашенинников П. В. История отечественных конституций. М. : Эксмо, 2021. С. 197, 204.

³ См.: Большой энциклопедический словарь / гл. ред. А. М. Прохоров. М. : Советская энциклопедия ; СПб. : Фонд «Ленинградская галерея», 1993. С. 823 ; *Александрова З. Е.* Словарь синонимов русского языка : практический справочник. 11-е изд., перераб. и доп. М. : Русский язык, 2001. С. 210.

⁴ Авакьян С. А. Конституционная реформа 2020 и российский парламентаризм: реальность, решения, ожидания // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Юриспруденция». 2020. № 3. С. 8.

⁵ Фадеев В. И. О Конституции Российской Федерации: проблемы реализации // Сборник, посвященный памяти Владимира Фадеева. М. : Проспект, 2015. Т. 1. С. 499.

низации государства и общества, «которые надо было реализовывать в российских условиях, а они не шли ни в какое сравнение с условиями и традициями стран западной демократии»⁶.

Исторически сложилось так, что «Российская империя и ее наследник Советский Союз, по большому счету, являются государствами Европы, в них доминирует европейская культура. Поэтому развитие правовой мысли и создание системы законодательства, в том числе и конституционного, происходили в них в рамках континентального права»⁷. Кристофер Осаке в начале XXI в. отмечал, что современное российское право движется в сторону присоединения к германской подгруппе в семье романо-германского права⁸. В этом выражается сохранение в развитии отечественной правовой системы тенденций дореволюционных и советских лет.

С другой стороны, глобальные перемены современного мира, носящие подчас революционный характер, затрагивающие все сферы биологической и общественной жизни и требующие оперативного реагирования со стороны общественных и государственных институтов, диктуют необходимость модернизации политической системы и ее нормативной основы. Общество способно справиться с многочисленными вызовами, начиная с климатических изменений, заканчивая конкурентной борьбой между странами и корпорациями за жизненно важные ресурсы, только опираясь на сильные государство и право, которые пока еще рано списывать с арены цивилизационного развития. Государство и право представляются объективными и естественными навигаторами в этом процессе. В этой связи выбор направления конституционного регулирования очень важен в контексте отводимой Конституции роли в современном

мире. Подход, эффективно используемый на стыке конституционного права, политологии, теории общественного выбора и других гуманитарных дисциплин, предлагает рассматривать Конституцию как инструмент управления масштабными социальными трансформациями. Такой подход «позволяет увидеть российскую Конституцию в действии, определить ее место и роль в масштабных системных трансформациях конца XX — начала XXI в.»⁹.

В каком же направлении двинулись законодатель и российское общество после поправок к Конституции 2008 и 2014 гг.? Можно с уверенностью говорить, что прошедшее десятилетие было отмечено укреплением основ российской цивилизации. Для данной тенденции существуют вполне очевидные предпосылки. Сегодняшний день показывает, что современная Европа не готова к взаимодействию на равных с нашей страной. В «цветущем саду» Ж. Борреля нас не ждут. Для кого-то это стало открытием, для кого-то подтверждением проницательности лучших мыслителей России (философов, поэтов и писателей). Ф. М. Достоевский в свое время весьма точно отметил: «...и чего-чего мы не делали, чтобы Европа признала нас за своих, за европейцев, за одних только европейцев, а не за татар... Кончилось тем, что теперь всякий-то в Европе, всякий там образ и язык держит у себя за пазухой давно припасенный на нас камень и ждет только первого столкновения. Вот что мы выиграли в Европе, столь ей служа? Одну ее ненависть»¹⁰.

В 1970–1980-е гг. советской государственно-сти неудачей закончились попытки реализовать такие политико-экономические модели приспособления страны к форме существования коллективного Запада, как конвергенция и пере-

⁶ Старостина И. А. Конституционные поправки — 2014: продолжение следует (размышления на основе статьи В. И. Фадеева «Конституция Российской Федерации: проблемы развития и стабильности») // Сборник, посвященный памяти Владимира Фадеева. М. : Проспект, 2015. Т. 2. С. 519–520.

⁷ Крашенинников П. В. Указ. соч. С. 13.

⁸ Осаке Кр. Типология современного российского права на фоне правовой картины мира // Государство и право. 2001. № 4. С. 12.

⁹ Шахрай С. М. О Конституции. М. : Наука, 2013. С. 11.

¹⁰ Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений : в 30 т. Л. : Наука. Ленингр. отделение, 1984. Т. 27. С. 33–34.

стройка. Власти СССР оказались не в состоянии обеспечить фундамент перемен, инициаторами которых они выступили. Весьма красноречивым результатом управленческой деятельности властей стали пустые прилавки магазинов на рубеже 1980–1990-х гг. Неспособность государства противостоять внешним и внутренним вызовам, что в итоге привело к распаду СССР, можно объяснить в том числе потерей жизненной и политической философии и энергии у подавляющего большинства наших граждан. Коммунистическая партия Советского Союза как руководящая и направляющая сила советского общества перестала быть таковой сначала де-факто, а затем и де-юре. Новая редакция ст. 6 Конституции СССР, принятая 14 марта 1990 г. на III (внеочередном) Съезде народных депутатов, зафиксировала не просто утрату базовых ценностей советской политической системы, но распад всей системы координат людей и общества, на протяжении десятилетий воспитывавшегося на идее незыблемости политического монополизма коммунистов. Согласно новой редакции признавался принцип многопартийности политической системы страны, а функция управления государством подлежала реализации при участии не только политических партий, но и профсоюзов, общественных организаций и движений. Значение КПСС в выработке политического курса и в управлении общественными делами подчеркивалось лишь ее первым местом в списке субъектов советской политической системы¹¹. Такая редакция ст. 6 озаменовала закат государства, построенного на идеологических предпочтениях и утрату ранее существовавшей главной «скрепы» — руководящей и направляющей силы советского общества, ядра его политической системы в лице одной-единственной партии (КПСС). Однако новая редакция не смогла сыграть роль генератора преобразования правовой системы страны в целях обеспечения строительства правового государства и развитого гражданского общества.

С принятием Закона СССР от 09.10.1990 № 1708-I «Об общественных объединениях» лишь начался процесс оформления правового статуса равноправных элементов будущей обновленной политической системы. Перед вступившим на путь политической трансформации обществом в очередной раз встал вопрос о выборе вектора политического развития.

Нельзя сказать, что в тот период времени перспективным ориентиром общественно-политического развития виделась российская цивилизация как самодостаточная ценность. Скорее было очевидным неприятие предложения «победителей в холодной войне» проживаемый советским обществом период считать «концом истории» и признать либеральную демократию оптимальной формой государственного устройства¹². Отторжение такого предложения, первоначально выражавшееся в форме удивления и настороженности, постепенно трансформировалось в убежденность о возможности и необходимости поиска собственного пути цивилизационного развития посредством государственного моделирования с учетом достижений отечественного права. У П. И. Новгородцева можно обнаружить датируемый еще началом прошлого века «ответ» на утверждения нынешних либеральных демократов в виде вывода о несостоятельности веры в приближение человечества к заключительной поре своего существования, к высшему, последнему пределу истории¹³. Кризис правосознания и попытки мыслителей найти идеал общественного порядка, наиболее приспособленного к человеческой природе, о которых говорил П. И. Новгородцев на рубеже 1920-х гг., — периодически возобновляющиеся состояния общественной жизни, свидетельствующие об очередном витке в спирали развития человеческой цивилизации. Следовательно, нет оснований считать какой-либо существовавший и существующий на сегодняшний день общественный строй либо обще-

¹¹ Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик (в редакции от 14.03.1990) // Свод законов СССР / Президиум Верховного Совета СССР, Совет Министров СССР. М. : Известия, 1990. Т. 1. С. 14–42-7.

¹² Фукуяма Ф. Конец истории? // Вопросы философии. 1990. № 3. С. 143.

¹³ Новгородцев П. И. Об общественном идеале. М. : Пресса, Вопросы философии, 1991. С. 22, 24.

ственно-политическое направление идеалом и завершающей точкой развития человечества. Поиск оптимальной модели политического и экономического строительства продолжается и будет продолжаться, пока существует человечество.

Возвращаясь к истории выбора российским обществом варианта развития после отказа от цели построения коммунизма, следует признать факт отсутствия на тот момент собственной национальной политической концепции, альтернативной по отношению к весьма навязчивой идеологии западного либерализма. На рубеже веков идея самостоятельного развития России путем ограничения влияния Западной цивилизации не пользовалась популярностью, поскольку в потенциальном сотрудничестве виделись новые возможности для обоюдовыгодного взаимодействия, и не только экономического. Обоснования такой позиции находились в трудах представителей отечественной философской мысли. Так, Н. А. Бердяев давал следующую оценку влияния Западной цивилизации на российское общество: «Необычайный взрывчатый динамизм русского народа обнаружился в его культурном слое лишь от соприкосновения с Западом и после реформы Петра. Герцен говорил, на реформу Петра русский народ ответил явлением Пушкина. Мы прибавим: не только Пушкина, но и самих славянофилов, но и Достоевского и Л. Толстого, но и искателей правды, но и возникновением оригинальной русской мысли»¹⁴. Н. А. Бердяев высказывал мысль о том, что без насильственной и мучительной для народа реформы Петра I Россия не могла бы выполнить своей миссии в мировой истории и сказать свое слово¹⁵. Таким же образом каждый последующий период отечественной истории болезненными рубцами врезался в тело народа и его память. Такова была цена цивилизационного развития российского общества.

Очевидно, что преодолевший столь сложный путь российский народ имеет право не только на сохранение своей исторической ретроспективы, но и на важнейшую роль в дальнейшем развитии мировой цивилизации. Любое же предположение о «конце истории» совершенно неприемлемо. На современном этапе перед российским обществом стоит задача мобилизации ресурсов, идей, духовной силы. Важно на основе осмысления пройденного исторического пути правильно определить вектор дальнейшего развития.

Утвержденная в марте 2023 г. новая Концепция внешней политики определяет Россию в качестве самобытной страны-цивилизации, обширной евразийской и евро-тихоокеанской державы¹⁶. В предыдущей версии Концепции 2016 г. такого определения не содержалось. Слово «русский» в различных сочетаниях в 2023 г. упоминается 12 раз против одного в 2016-м. Подобный подход к оценке роли России в общем цивилизационном развитии вызревал постепенно. История, культура, предшествующий опыт государственного строительства подвели российское общество к необходимости не просто осмыслить собственное цивилизационное значение, а четко определить свой выбор дальнейшего существования в качестве суверенного народа.

В 1868 г. вышел в свет труд Н. Я. Данилевского «Россия и Европа», внесший неоценимый вклад в теорию построения цивилизационных основ общества. Социолог и естествоиспытатель Н. Я. Данилевский выделяет законы исторического развития культурно-исторических типов и обосновывает право славянского семейства народов на образование самобытного культурно-исторического типа наряду с другими народами. Характеризуя закономерности формирования обособленных культурно-исторических типов (цивилизаций), он называет славянский тип перспективным, отвечающим требованиям цивили-

¹⁴ Бердяев Н. А. Русская идея. СПб. : Азбука-классика, 2008. С. 33.

¹⁵ Бердяев Н. А. Указ. соч. С. 43.

¹⁶ Указ Президента РФ от 31.03.2023 № 229 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации» // URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202303310007?ysclid=lvz8xag6x.0212239696> (дата обращения: 07.08.2024).

зационного развития¹⁷. Вера Н. Я. Данилевского в славянский культурно-исторический тип как в высшее выражение социального единства народа находит подтверждение в характеристиках современной России: собственный язык (языки), политическая независимость, влияние предшествующих цивилизаций, федеративная форма государственного устройства.

Заявленное россиянами право на существование собственной цивилизации закономерно требует ответа на вопросы о содержании ее общественного и политического строя, о характере ее культуры, науки, правовой системы, географии, а также определения ее отличительных особенностей и позиционирования относительно других сообществ. Сурия Пракаш Синха выделяет три признака, характеризующих жизнеспособность цивилизаций: единый жизненный стиль; охват большого географического региона; долгий период времени существования цивилизации¹⁸. Безусловно, длительность существования цивилизации зависит от ее способности защитить себя. Политическая независимость России на протяжении столетий обеспечивалась победами в войнах и подтверждается ратными подвигами россиян в наши дни.

Богатство исторического и культурного наследия нашей страны позволяет видеть черты современной цивилизации в их постоянном развитии и, обращаясь к моделям прошлого, удостоверяться в оптимальности современной дорожной карты России. На длинном пути исторического развития отечественных институтов государства и права таких моделей было немало. Достаточно вспомнить опыт регионального развития Новгородской республики, основу процветания которой составляли рыночные отношения, вечевое самоуправление, избирательное право, свобода личности, отчетность власти перед народом, договорной характер отношений между институтами власти.

Сегодня это неоспоримые положения, закрепленные Конституцией РФ, модернизация которой призвана обеспечить дальнейшее укрепление цивилизационных основ российского общества. В наши дни важно использовать отечественный опыт развития политических и социально-экономических институтов для обеспечения жизнеспособности и дальнейшего процветания цивилизации, имя которой неразрывно будет связано с Россией.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Авакьян С. А. Конституционная реформа 2020 и российский парламентаризм: реальность, решения, ожидания // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Юриспруденция». — 2020. — № 3. — С. 7–33.
2. Александрова З. Е. Словарь синонимов русского языка : практический справочник. — 11-е изд., перераб. и доп. — М. : Русский язык, 2001. — 568 с.
3. Бердяев Н. А. Русская идея. — СПб. : Азбука-классика, 2008. — 318 с.
4. Данилевский Н. Я. Россия и Европа / сост. и коммент. Ю. А. Белова ; отв. ред. О. Платонов. — М. : Институт русской цивилизации, 2008. — 816 с.
5. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений : в 30 т. — Т. 27 : Дневник писателя, 1881 : Автобиографическое. Dubia. — Л. : Наука. Ленингр. отделение, 1984. — 463 с.
6. Крашенинников П. В. История отечественных конституций. — М. : Эксмо, 2021. — 224 с.
7. Новгородцев П. И. Об общественном идеале. — М. : Пресса, Вопросы философии, 1991. — 640 с.
8. Осаке Кр. Типология современного российского права на фоне правовой картины мира // Государство и право. — 2001. — № 4. — С. 12–22.

¹⁷ Данилевский Н. Я. Россия и Европа / сост. и коммент. Ю. А. Белова ; отв. ред. О. Платонов. М. : Институт русской цивилизации, 2008. С. 113–114.

¹⁸ Сурия Пракаш Синха. Юриспруденция : Философия права. М. : Академия, 1996. С. 10.

9. Старостина И. А. Конституционные поправки — 2014: продолжение следует (размышления на основе статьи В. И. Фадеева «Конституция Российской Федерации: проблемы развития и стабильности»)? // Сборник, посвященный памяти Владимира Фадеева. Т. 2. — М. : Проспект, 2015. — С. 518–530.
10. Сурия Пракаш Синха. Юриспруденция : Философия права. — М. : Академия, 1996. — 301 с.
11. Фадеев В. И. О Конституции Российской Федерации: проблемы реализации // Сборник, посвященный памяти Владимира Фадеева. Т. 1. — М. : Проспект, 2015. — С. 494–517.
12. Фукуяма Ф. Конец истории? // Вопросы философии. — 1990. — № 3. — С. 143–148.
13. Червонюк В. И. Трансформация идеи «живой конституции» в российской конституционной практике // Право и государство: теория и практика. — 2020. — № 2 (182). — С. 124–128.
14. Шахрай С. М. О Конституции. — М. : Наука, 2013. — 917 с.

Материал поступил в редакцию 7 января 2024 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Avakyan S. A. Konstitutsionnaya reforma 2020 i rossiyskiy parlamentarizm: realnost, resheniya, ozhidaniya // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya «Yurisprudentsiya». — 2020. — № 3. — С. 7–33.
2. Aleksandrova Z. E. Slovar sinonimov russkogo yazyka: prakticheskiy spravochnik. — 11-e izd., pererab. i dop. — М.: Russkiy yazyk, 2001. — 568 s.
3. Berdyayev N. A. Russkaya ideya. — SPb.: Azbuka-klassika, 2008. — 318 s.
4. Danilevskiy N. Ya. Rossiya i Evropa / sost. i komment. Yu. A. Belova; otv. red. O. Platonov. — М.: Institut russkoy tsivilizatsii, 2008. — 816 s.
5. Dostoevskiy F. M. Polnoe sobranie sochineniy: v 30 t. — Т. 27: Dnevnik pisatelya, 1881: Avtobiograficheskoe. Dubia. — L.: Nauka. Leningr. otделение, 1984. — 463 s.
6. Krasheninnikov P. V. Istoriya otechestvennykh konstitutsiy. — М.: Eksmo, 2021. — 224 s.
7. Novgorodtsev P. I. Ob obshchestvennom ideale. — М.: Pressa, Voprosy filosofii, 1991. — 640 s.
8. Osakve Kr. Tipologiya sovremennogo rossiyskogo prava na fone pravovoy kartiny mira // Gosudarstvo i pravo. — 2001. — № 4. — С. 12–22.
9. Starostina I. A. Konstitutsionnye popravki — 2014: prodolzhenie sleduet (razmyshleniya na osnove stati V. I. Fadeeva «Konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii: problemy razvitiya i stabilnosti»)? // Sbornik, posvyashchennyy pamyati Vladimira Fadeeva. T. 2. — М.: Prospekt, 2015. — С. 518–530.
10. Suriya Prakash Sinkha. Yurisprudentsiya: Filosofiya prava. — М.: Akademiya, 1996. — 301 s.
11. Fadeev V. I. O Konstitutsii Rossiyskoy Federatsii: problemy realizatsii // Sbornik, posvyashchennyy pamyati Vladimira Fadeeva. T. 1. — М.: Prospekt, 2015. — С. 494–517.
12. Fukuyama F. Konets istorii? // Voprosy filosofii. — 1990. — № 3. — С. 143–148.
13. Chervonyuk V. I. Transformatsiya idei «zhivoy konstitutsii» v rossiyskoy konstitutsionnoy praktike // Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika. — 2020. — № 2 (182). — С. 124–128.
14. Shakhrai S. M. O Konstitutsii. — М.: Nauka, 2013. — 917 s.

Цифровое неравенство и его преодоление как гарантия равного доступа к образованию в Российской Федерации

Аннотация. На современном этапе развития общества во многих сферах жизни, в частности в сфере образования, наблюдается внедрение цифровых инструментов, что обуславливает повсеместную необходимость высокой информационной и цифровой грамотности обучающихся и педагогов различных образовательных организаций. Пандемия COVID-19 внесла серьезные коррективы в образовательный процесс во всем мире, поскольку образовательным организациям пришлось перестраивать процесс обучения и переводить его в онлайн-среду. В свою очередь, это привело к невозможности многих получать образование в обычном офлайн-формате. В статье поднимается проблема цифрового неравенства в российском образовании. Автором выделены наиболее важные аспекты такого неравенства, касающиеся материально-технического обеспечения, навыков и умений участников, кадрового обеспечения образовательного процесса в условиях цифровизации, и предложены пути их преодоления. Проанализированы положения национального проекта «Образование», национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации», а также положения федеральных проектов, на основании анализа которых сделан вывод о неравномерном использовании преимуществ цифровизации в образовательной сфере.

Ключевые слова: образование; образовательные организации; цифровизация; цифровое неравенство; цифровая инфраструктура; информационные и коммуникационные технологии; сеть «Интернет»; IT-специалисты; педагогические работники; преподавательский состав.

Для цитирования: Пибеева Е. А. Цифровое неравенство и его преодоление как гарантия равного доступа к образованию в Российской Федерации // Актуальные проблемы российского права. — 2024. — Т. 19. — № 10. — С. 32–44. — DOI: 10.17803/1994-1471.2024.167.10.032-044.

Digital Inequality and its Overcoming as a Guarantee of Equal Access to Education in the Russian Federation

Ekaterina A. Pibaeva, Assistance Lecturer, Department of State and Legal Disciplines, Volga-Vyatka Institute (branch), Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Kirov, Russian Federation
eamerzlyakova@msalkirov.ru

Abstract. At the present stage of society's development, the introduction of digital tools is obvious in many spheres of life, in particular in the field of education, which causes the widespread need for high information and digital literacy of students and teachers of various educational organizations. The COVID-19 pandemic required serious adjustments to the educational process around the world, as educational organizations had to rebuild the learning process and transfer it to an online environment. In turn, that led to the inability of many to receive education at the level of a conventional off-line education. The paper raises the problem of digital inequality in Russian education. The author highlights the most important aspects of such inequality, concerning material and technical support, skills and abilities of participants in the educational process, content of the educational process in the context of digitalization, and suggests ways to overcome them. The paper analyzes the provisions of the national project «Education,» the national program «Digital Economy of the Russian Federation,» as well as the provisions of federal projects. Based on the analysis, the author concludes that the advantages of digitalization in the educational sphere are used unequally.

Keywords: education; educational organizations; digitalization; digital inequality; digital infrastructure; information and communication technologies; Internet network; IT specialists; teaching staff; teaching staff.

Cite as: Pibaeva EA. Digital Inequality and its Overcoming as a Guarantee of Equal Access to Education in the Russian Federation. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2024;19(10):32-44. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2024.167.10.032-044

Введение

Часть 1 ст. 19 Конституции РФ устанавливает принцип юридического равенства и запрет дискриминации лиц в зависимости от их личных характеристик¹. Конституционный Суд РФ в решениях неоднократно отмечал, что принцип равенства «носит универсальный характер, оказывает регулирующее воздействие на все сферы общественных отношений»². «Соблюдение

принципа равенства, гарантирующего защиту от всех форм дискриминации, — подчеркивает Конституционный Суд РФ, — означает, помимо прочего, запрет вводить такие различия в правах лиц, принадлежащих к одной и той же категории, которые не имеют объективного и разумного оправдания; при равных условиях субъекты права должны находиться в равном положении; если же условия не являются равными, федеральный законодатель вправе уста-

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изм., одобр. в ходе общерос. голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru/constitution/> (дата обращения: 21.12.2023).

² Например, см.: постановление Конституционного Суда РФ от 25.10.2016 № 21-П (здесь и далее в статье, если не указано иное, нормативные документы и материалы судебной практики приводятся по СПС «КонсультантПлюс»).

навливать для них различный правовой статус; конституционный принцип, предполагающий равный подход к формально равным субъектам, не обуславливает необходимость предоставления одинаковых гарантий лицам, относящимся к разным категориям, а равенство перед законом и судом не исключает фактических различий и необходимость их учета законодателем»³.

Таким образом, интерпретация принципа равенства прав и свобод человека и гражданина и запрета дискриминации сводится к тому, что:

— не допускается дифференциация правового положения лиц, относящихся к одной категории;

— допускается дифференциация правового положения лиц, ситуации которых различаются⁴.

Часть 1 ст. 19 Конституции РФ должна применяться в совокупности с другими положениями Конституции РФ, которые гарантируют человеку и гражданину те или иные права и свободы, о чем свидетельствует практика Конституционного Суда РФ, где Суд указывает, что рассматриваемый принцип распространяется на права, непосредственно закрепленные Конституцией РФ, а также «на связанные с ними другие права, приобретаемые на основании закона»⁵. Так, принцип равенства и запрета дискриминации нормативно привязан к праву каждого на образование, гарантированному частью 1 ст. 43 Конституции РФ. Иными словами, все люди обладают равными правами на получение образования. Такие лица относятся к одной категории (обладающие конституционным правом на образование), и дифференциация их правового положения недопустима.

Вместе с тем на современном этапе развития общества во многих сферах общественной жизни, в частности в сфере образования, наблюдается внедрение цифровых инструментов, что обуславливает повсеместную необходимость высокой информационной и цифровой грамотности обучающихся и педагогов различных образовательных организаций. Следовательно, «новой вехой в модернизации образования становится необходимость ее цифровизации»⁶.

Согласно федеральному проекту «Цифровая образовательная среда» национального проекта «Образование» в процессе цифровизации образования государством вводятся такие новшества, как, например, оснащение образовательных организаций оборудованием для внедрения цифровой образовательной среды, предоставление комплектов верифицированного цифрового образовательного контента, оснащение общеобразовательных учреждений компьютерным, мультимедийным, презентационным оборудованием и программным обеспечением⁷.

Впрочем, не стоит рассматривать цифровизацию только как внедрение новых технологий, поскольку она также касается изменений в содержании, организации образовательного процесса (видеолекции, вебинары и пр.) и в управлении им. Таким образом, «цифровизацию образования следует рассматривать в качестве комплексного явления, гармонично сочетающего в себе изменение и формы, и содержания»⁸.

Такие образовательные преобразования, несомненно, важны нашему государству, поскольку общество нуждается в высококвалифи-

³ См.: определение Конституционного Суда РФ от 02.11.2011 № 1447-О-О ; определение Конституционного Суда РФ от 15.05.2007 № 378-О-П ; постановление Конституционного Суда РФ от 12.03.2015 № 4-П.

⁴ Кряжкова О. Н., Подоплелова О. Г. Стратегия защиты в Конституционном Суде России : практическое руководство. 3-е изд., доп. М. : Институт права и публичной политики, 2021. С. 74.

⁵ См.: постановление Конституционного Суда РФ от 22.05.2018 № 19-П ; определение Конституционного Суда РФ от 10.12.2002 № 316-О.

⁶ Зверева Л. Г., Ткачева А. Г. Этапы и пути становления цифрового образования в России // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2019. № 1-1. С. 43.

⁷ О национальном проекте «Образование» // Официальный сайт Министерства просвещения РФ. URL: <https://edu.gov.ru/national-project/projects/cos/> (дата обращения: 21.12.2023).

⁸ Ершова И. В. Цифровизация образования: pro & contra // Предпринимательское право. 2019. № 3. С. 66.

цифрованных специалистах, которые не только будут отвечать всем требованиям рынка труда, но и будут способны к адаптации в интенсивно меняющейся социальной, экономической и политической реальности.

За 2019–2020 гг. сфера образования претерпела серьезные изменения. Пандемия коронавирусной инфекции COVID-19 стала весомой причиной для ускоренного внедрения цифровых технологий в образовательные учреждения. Учитывая волнообразный характер распространения COVID-19, полагаем, что такие новшества в образовательной среде и дальше будут применяться.

Тем не менее для Российского государства, занимающего большую географическую территорию с различной местностью и имеющего в своем составе удаленные и труднодоступные территории, всё же характерно наличие в сфере образования цифрового неравенства. Такое неравенство проявляется в снижении уровня государственных гарантий, имеющих обеспечительный характер по отношению к реализации конституционно закрепленного права каждого на образование, для отдельных субъектов, относящихся к одной категории (организации, осуществляющие обучение, индивидуальные предприниматели, осуществляющие образовательную деятельность, обучающиеся, педагогические работники).

В зарубежной литературе отмечается, что цифровое неравенство⁹ проявляется на трех

основных уровнях¹⁰. Первый — это доступ к компьютерным технологиям и сети Интернет. Второй уровень цифрового неравенства связан с навыками и использованием технологий. Третий сопряжен с неравенством в последствиях доступа к технологиям (занятость и дальнейшее образование)¹¹. Раскроем указанные аспекты применительно к праву на образование в Российской Федерации.

Для целей исследования мы будем понимать цифровое неравенство в образовательной сфере как дифференциацию между теми субъектами образовательного процесса, кто обладает достаточными знаниями и доступом к цифровым технологиям, и теми, кто их не имеет.

Проблемы цифрового неравенства в образовательной сфере в Российской Федерации

Во-первых, неравенство возникает в связи с ограничением (снижением гарантии обеспечения) доступа к цифровым технологиям (материально-техническое обеспечение).

Образовательная деятельность по общему правилу является лицензируемой¹². В зависимости от вида реализации образовательных программ лицензированием российских организаций, осуществляющих образовательную деятельность на территории Российской Федерации, занимается Федеральная служба по

⁹ Robinson L., Ragnedda M., Schulz J. Digital inequalities: contextualizing problems and solutions // Journal of Information, Communication and Ethics in Society. 2020. Vol. 18. No. 3. P. 323–327. URL: <https://doi.org/10.1108/JICES-05-2020-0064>.

¹⁰ Слово «уровень» здесь используется как устойчивый термин «для описания неравномерного доступа к чему-либо (технологическим ресурсам, ИКТ, информации, знаниям, получаемым посредством Интернета и ИКТ, возможностям пользователей и т.д.)» (Гарифуллин В. З., Гладкова А. А., Рagnедда М. Модель трех уровней цифрового неравенства: современные возможности и ограничения (на примере исследования Республики Татарстан) // Вестник Московского университета. Серия 10, Журналистика. 2019. № 4. С. 47). Соглашаясь в целом с подобной классификацией, в настоящей работе мы будем использовать понятия «аспект» и «уровень» как тождественные.

¹¹ Werfhorst H. G., Kessenich E., Geven S. The digital divide in online education: Inequality in digital readiness of students and schools // Computers and Education Open. 2022. Vol. 3. URL: <https://doi.org/10.1016/j.caeo.2022.100100>.

¹² П. 40 ч. 1 ст. 12 Федерального закона от 04.05.2011 № 99-ФЗ (ред. от 04.08.2023) «О лицензировании отдельных видов деятельности»; ч. 1 ст. 91 Федерального закона от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 04.08.2023) «Об образовании в Российской Федерации».

надзору в сфере образования и науки, а также органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации, которым переданы полномочия Российской Федерации в сфере образования¹³.

В целях получения лицензии на образовательную деятельность образовательные организации должны соответствовать требованиям, содержащимся в заявленных к лицензированию образовательных программах, которые разрабатываются и утверждаются в соответствии с федеральными государственными образовательными стандартами (ФГОС) и с учетом примерных основных образовательных программ. Такие требования, помимо прочего, предъявляются к условиям информационного обеспечения реализации основных образовательных программ. Так, при реализации программ начального, основного, среднего общего образования организации должны обеспечиваться современной информационно-образовательной средой, которая включает комплекс информационных и цифровых образовательных ресурсов, совокупность технологических средств информационных и коммуникационных технологий (ИКТ) с обеспечением доступа в том числе посредством сети Интернет.

Основные профессиональные образовательные программы среднего профессионального и высшего образования, в свою очередь, также требуют наличия электронной информационно-образовательной среды учебного заведения и доступа к ней обучающихся.

Таким образом, поскольку лицензии на законных основаниях выданы образовательным организациям, осуществляющим в настоящее время деятельность на территории Российской Федерации, следовательно, такие организации выполнили, помимо прочего, требование по обеспечению педагогических работников

и обучающихся материально-техническими информационными средствами, а значит, данные лица в полной мере имеют возможности доступа к информации и новым технологиям, но *лишь в пределах образовательного учреждения*.

Кроме того, на практике возникают ситуации, когда у образовательной организации появляются новые адреса мест осуществления образовательной деятельности. Для того чтобы такой адрес включить в перечень адресов образовательных организаций на подключение их к сети Интернет, организация должна подать соответствующую заявку в орган исполнительной власти субъекта Российской Федерации в сфере образования, который, в свою очередь, направляет такие сведения в Минцифры России для внесения изменений в контракт с ПАО «Ростелеком»¹⁴. Следовательно, услуги по подключению к сети Интернет нового места осуществления образовательной деятельности будут предоставлены лишь после соблюдения формальных требований, что влияет на формирование временного разрыва в возможности пользования сетью Интернет.

Обеспечение материально-техническими информационными средствами образовательных организаций не свидетельствует о фактическом равенстве возможностей участников образовательных правоотношений в получении образования, поскольку «современная образовательная инфраструктура не может ограничиваться физическим пространством школьных зданий»¹⁵.

Особенно острая потребность в доступе к цифровым технологиям возникла в период распространения коронавирусной инфекции COVID-19, когда обучающиеся были вынуждены проходить обучение онлайн вне пределов учебного заведения, для чего им были необходи-

¹³ Постановление Правительства РФ от 18.09.2020 № 1490 (ред. от 12.09.2022) «О лицензировании образовательной деятельности».

¹⁴ В соответствии с распоряжением Правительства РФ от 22.03.2021 № 713-р публичное акционерное общество «Ростелеком» является единственным исполнителем работ по формированию устойчивой ИКТ-инфраструктуры в общеобразовательных организациях.

¹⁵ См.: Цифровое обновление российской школы : информационный бюллетень № 18 (35), 2022 / А. Р. Горайнова, И. В. Дворецкая [и др.] ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М. : НИУ ВШЭ, 2022. С. 14.

мы собственные устройства для выхода в сеть Интернет. Очевидно, что с проблемой доступа сразу столкнулись обучающиеся, у которых не было данных устройств либо в семье было несколько обучающихся, каждому из которых необходим доступ к Интернету, ввиду невозможности заниматься одновременно; семьи с низким доходом; обучающиеся, проживающие в местностях с низким уровнем развития инфраструктуры и неустойчивым сигналом Интернета, а также в труднодоступных населенных пунктах¹⁶.

Отсутствие доступа к Интернету лишает школьников, получающих общее образование, возможности входа в их личные кабинеты (электронные дневники и журналы), электронную библиотеку, на образовательные ресурсы, а также получения персонализированного финансирования дополнительного образования¹⁷.

Пандемия коронавирусной инфекции показала, что многие образовательные учреждения, в том числе высшие учебные заведения, не имели должного программного обеспечения и технических средств для проведения онлайн-занятий (лекций и практических занятий), сталкивались с техническими проблемами. Низкая пропускная способность канала связи становилась причиной отключения веб-камер во время занятий обучающихся в целях улучшения качества интернет-соединения. Студенты так же, как и школьники, сталкивались с проблемами отсутствия материально-технического обеспечения доступа к сети Интернет.

Вместе с тем здесь имеется отличие от основного общего образования: высшее образование не является обязательным, следовательно, если человек желает его получить, то ему необходимо будет понести соответствующие расходы на получение такого образования, в том числе на

доступ в сеть Интернет и приобретение соответствующих технических средств.

Неравенство возможностей по использованию сети Интернет. В то же время недостаточно просто иметь устройства с возможностью выхода в Интернет, необходимы надлежащая цифровая инфраструктура и услуги, особенно в сельской местности. От наличия цифровой (телекоммуникационной) инфраструктуры напрямую зависит возможность внедрения и распространения широкополосных проводных и беспроводных сетей связи, включая высокоскоростной доступ в Интернет по технологии LTE (4G), что, в свою очередь, обеспечит повышение производительности и откроет новые возможности для саморазвития и непрерывного образования.

Бесспорно, все сферы жизни общества тесным образом взаимосвязаны, именно поэтому для того, чтобы преодолеть цифровое неравенство в сфере образования, для начала необходимо провести мероприятия по урегулированию цифрового разрыва в экономической сфере каждого региона страны. Для этого, учитывая финансовые трудности, следует повысить уровень партнерских взаимоотношений, участниками которых выступают федеральные, региональные и муниципальные органы власти, образовательные учреждения, инвесторы и представители бизнеса в сфере развития цифровой инфраструктуры на взаимовыгодных условиях. Залогом таких взаимоотношений видится успешное решение проблемы неравномерного развития цифровой инфраструктуры как среди российских регионов, так и среди городских и сельских поселений¹⁸.

Согласно ч. 2 ст. 57 Федерального закона от 07.07.2003 № 126-ФЗ (ред. от 04.08.2023) «О связи» Российская Федерация гарантирует оказа-

¹⁶ См.: Ревина С. Ю., Лазанюк И. В. Цифровое неравенство в России: последствия для образования // Бизнес. Образование. Экономика : сборник статей Международной научно-практической конференции, Минск, 7–8 апреля 2022 г. Минск : Институт бизнеса Белорусского государственного университета, 2022. С. 213.

¹⁷ Следует иметь в виду, что электронный сертификат дополнительного образования действует только в 30 субъектах, участвующих в эксперименте по его внедрению (URL: <https://pfdo.ru/> (дата обращения: 21.12.2023)).

¹⁸ Имашева И. Ю. Механизм стимулирования распространения широкополосного Интернета в России // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2022. № 7-1. С. 83.

ние универсальных услуг связи путем создания точек доступа в населенных пунктах численностью от 100 до 500 человек и предоставления населению доступа к сети Интернет на скорости не менее 10 Мбит/с.

Оказание таких универсальных услуг связи в малонаселенных пунктах, а также создание условий для поэтапного внедрения современных стандартов связи 5G/IMT-2020, где 5G будет работать на базе отечественного оборудования, определяются в качестве приоритетных направлений федерального проекта «Информационная инфраструктура» национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации»¹⁹.

Тем не менее наблюдается неравное положение населенных пунктов с меньшей численностью проживающих. Считаем, что государству вовсе следует убрать критерий численного показателя проживающих в определенных местностях и обеспечить всё население страны широкополосными проводными и беспроводными сетями связи, поскольку наличие доступа к сети Интернет является неотъемлемым правом человека, гарантией реализации других прав в различных сферах жизни, включая сферу образования.

Необходимо отметить, что санкционная политика стран Запада в отношении России привела к дефициту оптоволоконного кабеля, необходимого для строительства сотовых и фиксированных сетей, а также их ремонта и модернизации. Правительство РФ поручало Минци-

фры России, Министерству финансов РФ и Министерству промышленности и торговли РФ до 1 августа 2022 г. изыскать средства для создания платформы полного цикла по производству преформ (стеклянных заготовок для производства оптоволоконного кабеля) и внести предложения по поправкам к федеральному бюджету на 2023 г., но практический результат в настоящее время неизвестен²⁰.

Согласно информации, размещенной на официальном сайте Минцифры России, к 2021 г. около 8,4 тыс. образовательных учреждений получили выход в сеть Интернет²¹, а до 2030 г. в рамках вышеуказанного федерального проекта запланировано обеспечение мобильной связью и высокоскоростным беспроводным Интернетом более чем 24 тыс. населенных пунктов страны²². Так, в рамках проекта «Устранение цифрового неравенства» федерального проекта «Информационная инфраструктура» национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» в 2022–2023 гг. проведены голосования за подключение населенных пунктов к Интернету, по результатам которых к сети Интернет в 2023 г. подключат 1 800 сел и деревень, набравших наибольшее количество голосов²³, а в 2024 г. — 1 481 деревню и село²⁴.

Согласно полученным результатам голосования, в число лидеров регионов по запланированному подключению расположенных на их территории населенных пунктов к сети Интернет входят субъекты, набравшие наибольшее количество голосов, поданных через Единый портал

¹⁹ О федеральном проекте «Информационная инфраструктура» // Официальный сайт Минцифры России. URL: <https://digital.gov.ru/ru/activity/directions/870/> (дата обращения: 21.12.2023).

²⁰ Кабель преткновения: на рынке связи ждут перебоев с поставками оптоволоконка // URL: <https://iz.ru/1371120/valerii-kodachigov/kabel-pretknoveniia-na-rynke-sviasi-zhdut-pereboev-s-postavkami-optovolokna> (дата обращения: 21.12.2023).

²¹ Выполнен план подключения СЗО к Интернету в 2020 г. // Официальный сайт Минцифры России. URL: <https://digital.gov.ru/ru/events/40322/> (дата обращения: 21.12.2023).

²² В России начался второй этап устранения цифрового неравенства // Официальный сайт Минцифры России. URL: <https://digital.gov.ru/ru/events/40814/> (дата обращения: 21.12.2023).

²³ Принят закон о федеральном бюджете на 2023–2025 гг. // Официальный сайт Государственной Думы Федерального Собрания РФ. URL: <http://duma.gov.ru/news/55836/> (дата обращения: 21.12.2023).

²⁴ Полторы тысячи деревень и сел подключат к Интернету в 2024 г. // Официальный сайт Минцифры России. URL: <https://digital.gov.ru/ru/events/48831/> (дата обращения: 21.12.2023).

государственных услуг Российской Федерации (далее — Госуслуги)²⁵. Считаем, что подобное голосование не отражает объективную ситуацию. Предпочтительный способ, используемый для выражения своего мнения, — это Госуслуги. Наличие доступа к ним для голосования уже косвенно подтверждает доступность интернет-технологий для населения.

В то же время немаловажно, что установление тарифов, определяющих стоимость домашнего и сотового Интернета, не относится к сфере государственного регулирования, в отличие от социально значимых услуг²⁶. Такие тарифы устанавливаются операторами связи самостоятельно. С учетом удаленности населенного пункта от административного центра наблюдаются существенные различия между тарифами в городах и сельских поселениях региона. Всё это обусловлено разницей затрат на модернизацию и развитие сети. Таким образом, происходит дифференциация положения граждан в вопросе оплаты интернет-услуг в зависимости от территории их проживания: Интернет жителям сел обходится дороже, чем жителям городов. Значит, проживающие в сельских местностях семьи с детьми, получающими общее образование, вынуждены оплачивать определенную для таких территорий стоимость домашнего и сотового Интернета, выполняя установленную частью 4 ст. 43 Конституции РФ обязанность родителей или лиц, их заменяющих, по обеспечению получения детьми общего образования.

Следовательно, от фактической реализации проекта по повышению возможностей доступа граждан к сети Интернет, регулирования цен на такие услуги будет зависеть возможность получения обучающимися образования в данных населенных пунктах. Для достижения такой цели законодателю необходимо на федеральном уровне закрепить государственную под-

держку вышеупомянутых семей, установив государственное регулирование цен (тарифов) на универсальные услуги связи — домашний и сотовый Интернет — проживающим в сельской местности семьям, где имеются дети, обучающиеся по программам общего образования.

Во-вторых, в последние годы, помимо технических аспектов цифрового разрыва, становится актуальной проблема изучения информационно-цифровых технологий как необходимого условия получения образования (цифровая неграмотность субъектов образовательных правоотношений).

Указанную проблему стоит рассмотреть отдельно применительно к разным субъектам образовательного процесса: обучающимся, их родителям, педагогическим работникам.

1. Обучающиеся. Российские ФГОС устанавливают изучение школьниками информационно-цифровых технологий на учебном предмете «Информатика» предметной области «Математика и информатика» лишь с седьмого класса²⁷. Следовательно, у обучающихся с первого по шестой класс в учебных планах такой предмет отсутствует.

В 2020–2022 гг. школьники были переведены на онлайн-обучение, что сразу вызвало трудности в освоении цифровых функций не только у обучающихся, но и у их родителей (законных представителей) и учителей.

Практика показала, что самыми распространенными трудностями в данный период стали низкий уровень пользования персональными компьютерами, неумение выходить в сеть Интернет, как следствие, на сайты и образовательные платформы, а также установление обратной связи «ученик — учитель».

Ввиду того что современный мир достаточно стремительно переходит в цифровое пространство во всех сферах жизни, включая образова-

²⁵ В 2022 г. 600 тыс. голосов получено через Госуслуги, почти 300 тыс. голосов — по почте; в 2023 г. свыше 525 тыс. проголосовали через Госуслуги, около 311 тыс. — по почте. См.: Итоги голосования по подключению сел и деревень к Интернету // Официальный сайт Минцифры России. URL: <https://digital.gov.ru/ru/events/42333/>; Полторы тысячи деревень и сел подключат к Интернету в 2024 г.

²⁶ Электро-, тепло-, газо-, водоснабжение и водоотведение.

²⁷ Приказ Минпросвещения России от 31.05.2021 № 287 (ред. от 08.11.2022) «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта основного общего образования».

тельную среду, представляется, что накапливать знания и развивать способность работы с IT-технологиями — неотъемлемая потребность каждого человека. Поскольку в период пандемии онлайн-обучение коснулось всех уровней образования, начиная с начального общего образования, думается, что обучение работе с информационно-цифровыми технологиями необходимо начинать уже с первого класса. Для достижения таких целей требуется установить обязательный для изучения всеми обучающимися по программам общего образования учебный предмет «Информатика» предметной области «Математика и информатика». *В ином случае можно констатировать отсутствие нормативной гарантированности получения такой категорией лиц соответствующих цифровых навыков.*

Получение обучающимся школьного аттестата за 9-й или 11-й класс свидетельствует об овладении соответствующими цифровыми навыками в ходе школьного образования, поэтому мы не ставим вопрос о цифровой неграмотности студентов средне-специальных и высших учебных заведений. Хотя отсутствие штатного учителя информатики или низкий уровень материально-технического обеспечения школы в отдельных случаях приводит к разному уровню владения такими навыками.

Родители несовершеннолетних обучающихся. Полагаем, что вопрос об уровне цифровой грамотности родителей не может получить правового урегулирования, т.к. в рамках выполнения обязанности по обеспечению получения детьми общего образования (ст. 63 Семейного кодекса РФ) они выполняют функции контроля и отвечают за создание условий для получения образования несовершеннолетним. Хотя сто́ит признать, что есть семьи, в которых сами родители имеют низкий уровень образования, не имеют навыков работы с цифровыми технологиями, чтобы помочь детям.

2. Педагогические работники (педагогические работники, отнесенные к профессорско-преподавательскому составу и иные педагогические работники²⁸). Для поддержания уровня квалификации педагогическим работникам предоставляется право на дополнительное профессиональное образование (ДПО) по профилю педагогической деятельности не реже чем один раз в три года (п. 2 ч. 5 ст. 47 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации»). В пункте 7 ч. 1 ст. 48 Закона определяется, что педагогические работники *обязаны* «систематически повышать свой профессиональный уровень». Системное толкование изложенных норм позволяет сделать вывод: один раз в три года или даже чаще необходимо проходить обучение, чтобы соответствовать требуемой квалификации. Решение организационных вопросов по направлению на прохождение ДПО своих сотрудников, финансовое обеспечение реализации права на обучение по программам ДПО возложены на образовательную организацию (п. 5 ч. 3 ст. 28 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации»).

Вместе с тем полагаем, что не следует обязывать получать ДПО в сфере информационных технологий всех педагогических работников без какой-либо дифференциации и реальной необходимости. Нужно направлять на такие курсы лишь тех преподавателей, которые действительно нуждаются в получении знаний и навыков работы с цифровыми технологиями.

Кроме того, сам факт получения работником ДПО не решает проблему достаточности навыков работы в цифровой среде, поскольку в некоторых случаях такое обучение носит формальный характер (например, если оно проводится перед проверкой образовательной организации, получением лицензии или аккредитацией²⁹).

В-третьих, происходит снижение гарантий организационного характера в вопросе кадро-

²⁸ Постановление Правительства РФ от 21.02.2022 № 225 «Об утверждении номенклатуры должностей педагогических работников организаций, осуществляющих образовательную деятельность, должностей руководителей образовательных организаций».

²⁹ Глухов Е. А. Получение дополнительного профессионального образования педагогом: право или обязанность? // Журнал российского права. 2019. № 7. С. 137.

вого обеспечения образовательного процесса в ИКТ-сфере.

Помимо педагогов образовательных организаций по учебному предмету «Информатика», для прохождения преподавателями курсов повышения квалификации необходимы специалисты в данной сфере. Проблема нехватки IT-специалистов в образовательном процессе связана с проблемой подготовки кадров самой системой образования на всех уровнях. О необходимости повышения количества IT-специалистов учебными заведениями говорится в федеральном проекте «Кадры для цифровой экономики» национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации». Согласно ключевым запланированным результатам федерального проекта к 2024 г. не менее 800 тыс. выпускников системы профессионального образования будут обладать базовыми компетенциями цифровых технологий, не менее 120 тыс. выпускников системы высшего профессионального образования будут готовиться по IT-специальностям, а 10 млн человек пройдут обучение по онлайн-программам развития цифровой грамотности³⁰.

Кроме того, нехватка отечественных IT-специалистов обусловлена геополитическими сложностями 2022 г. С начала марта 2022 г. наблюдается активная эмиграция людей из Российской Федерации, включая работающих с цифровыми технологиями³¹.

Всё это свидетельствует о наличии в России дефицита кадров, в частности в образовательном процессе в сфере IT-технологий, и о необходимости восполнения таких кадровых ресурсов.

Согласно информации, размещенной на официальном сайте Минобрнауки России, чис-

ло заявлений в высшие учебные заведения на IT-специальности в последние годы динамично растет, соответственно увеличивается и конкурс на место³². В 2022 г. в приемную кампанию на очную форму обучения по направлениям цифровых технологий абитуриенты подали почти 1 647,5 тыс. заявлений, а это почти на 12 тыс. заявлений больше по сравнению с прошлым годом³³.

Поскольку главная роль в обеспечении государства работниками в различных направлениях принадлежит сфере образования, то одна из эффективных форм ликвидации нехватки IT-специалистов видится в увеличении количества бюджетных мест по информационно-телекоммуникационным специальностям на всех уровнях профессионального образования, а для того чтобы абитуриенты потенциально рассматривали в качестве будущей профессии IT-сферу, государство со своей стороны должно на постоянной основе гарантировать таким специалистам востребованность на рынке труда и высокое материальное, а также социальное обеспечение.

Вместе с тем Минобрнауки России ежегодно последовательно принимает меры по увеличению контрольных цифр приема по направлениям подготовки в области цифровых технологий. Так, за последние три года прирост по таким образовательным программам составил почти 15 тыс. бюджетных мест³⁴. Однако, как мы видим, количество бюджетных мест не сопоставимо с количеством абитуриентов по данному направлению обучения, что подтверждает необходимость в скором создании еще большего числа мест для получения образования в IT-сфере за счет бюджетных средств.

³⁰ Паспорт федерального проекта «Кадры для цифровой экономики» (утв. президиумом Правительственной комиссии по цифровому развитию, использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности, протокол от 28.05.2019 № 9).

³¹ На 15 января 2023 г. по экспертным оценкам около 100 тыс. IT-специалистов работают за пределами России (Родина-мать не призывает. Российским IT-возвращенцам готовят бронь от армии // URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5759974> (дата обращения: 21.12.2023)).

³² Направления IT стали одними из самых популярных среди абитуриентов // Официальный сайт Минобрнауки России. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/obrazovanie/56170/> (дата обращения: 21.12.2023).

³³ Направления IT стали одними из самых популярных среди абитуриентов.

³⁴ Направления IT стали одними из самых популярных среди абитуриентов.

Кроме того, на кадровую обеспеченность в сфере цифровых технологий влияют постоянно развивающиеся процессы информатизации и цифровой экономики. Это оказывает значимое влияние на спрос в отношении новых способностей и возможностей специалистов различных профессий в сфере информационных технологий. В связи с таким спросом существующие образовательные программы в ИТ-сфере необходимо обновлять, приводить в соответствие с новыми вызовами цифровизации, вводить ряд новых направлений подготовки ИТ-специалистов, что, в свою очередь, требует увеличения числа подготавливаемых специалистов по ИТ-направлениям.

От наличия таких специалистов в целом зависит уровень развития нашего государства, в частности уровень образования, поскольку стране нужны ИТ-кадры, что обусловлено как количественными, так и качественными характеристиками. Такие ИТ-специалисты смогут должным образом обеспечить внедрение в систему образования различных цифровых технологий, направленных на возможность применения образовательными организациями онлайн-обучения, а также самостоятельно осуществлять образовательный процесс либо повышать уровень компетенции педагогов в сфере информационно-телекоммуникационных технологий, например в форме взаимодействия ИТ-бизнеса с образовательными организациями.

Таким образом, несмотря на существующие многочисленные федеральные проекты по принятию мер, направленных на преодоление цифрового неравенства в отечественной сфере образования, вышеизложенное всё же подтверждает его наличие, обусловленное снижением, а порой и вовсе отсутствием, со стороны государства гарантий, имеющих обеспечительный характер к конституционно закрепленному праву каждого на образование.

Заключение

С учетом изложенного можно сделать следующие выводы. Цифровое неравенство в образовательной сфере в Российской Федерации

имеет несколько аспектов. Первый аспект неравенства связан с ограничением (снижением гарантии обеспечения) доступа к цифровым технологиям (материально-техническое обеспечение). Вторым можно определить как цифровую неграмотность субъектов образовательных правоотношений: обучающихся, их родителей, педагогических работников. Третий представляет собой снижение гарантий организационного характера в вопросе кадрового обеспечения образовательного процесса в ИКТ-сфере.

Наметившаяся на федеральном уровне положительная динамика в материально-техническом и кадровом обеспечении образовательных организаций не свидетельствует о равномерном использовании преимуществ цифровизации в образовательной сфере. Остаются нерешенными вопросы информационно-технического обеспечения образовательных организаций малонаселенных пунктов, наличия должной квалификации педагогических работников и преподавательского состава, обеспечивающей возможность работы с существующими и новыми цифровыми технологиями, а также отсутствия необходимого количества ИТ-специалистов. Более того, существует значительное неравенство в способности отдельных учащихся адаптироваться к цифровому образованию. Чем больше образование оцифровывается, тем больше такое неравенство может привести к неравным возможностям для академической успеваемости.

В качестве мер преодоления цифрового неравенства предлагаем, во-первых, на федеральном уровне закрепить государственную поддержку семей с детьми, получающими общее образование и проживающими в сельских местностях, установив государственное регулирование цен (тарифов) на универсальные услуги связи — домашний и сотовый Интернет — проживающим в сельской местности семьям, где имеются дети, обучающиеся по программам общего образования. Во-вторых, государству следует убрать критерий численного показателя проживающих в определенных местностях из ч. 2 ст. 57 Федерального закона «О связи» и обеспечить всё население страны широкополосными проводными и беспроводными сетями

связи, так как наличие доступа к сети Интернет является в настоящее время неотъемлемым правом человека. В-третьих, в целях повышения цифровой грамотности субъектов образовательных правоотношений необходимо установить обязательный для изучения всеми обучающимися по программам общего образования учебный предмет «Информатика» предметной области «Математика и информатика».

Преодоление цифрового неравенства должно стать одной из приоритетных задач государственной политики. В ином случае достижение национальной цели Российской Федерации, определенной Президентом РФ, по обеспечению возможностей для самореализации и развития талантов останется иллюзорным, а конституционный принцип равенства и запрета дискриминации — лишь формальностью.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Гарифуллин В. З., Гладкова А. А., Рэгнедда М. Модель трех уровней цифрового неравенства: современные возможности и ограничения (на примере исследования Республики Татарстан) // Вестник Московского университета. Серия 10, Журналистика. — 2019. — № 4. — С. 41–72.
2. Глухов Е. А. Получение дополнительного профессионального образования педагогом: право или обязанность? // Журнал российского права. — 2019. — № 7. — С. 131–140.
3. Ершова И. В. Цифровизация образования: pro & contra // Предпринимательское право. — 2019. — № 3. — С. 61–68.
4. Зверева Л. Г., Ткачева А. Г. Этапы и пути становления цифрового образования в России // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. — 2019. — № 1-1. — С. 43–46.
5. Имашева И. Ю. Механизм стимулирования распространения широкополосного Интернета в России // Вестник Алтайской академии экономики и права. — 2022. — № 7-1. — С. 79–87.
6. Кряжкова О. Н., Подоплелова О. Г. Стратегия защиты в Конституционном Суде России : практическое руководство. — 3-е изд., доп. — М. : Институт права и публичной политики, 2021. — 208 с.
7. Ревина С. Ю., Лазанюк И. В. Цифровое неравенство в России: последствия для образования // Бизнес. Образование. Экономика : сборник статей Международной научно-практической конференции, Минск, 7–8 апреля 2022 г. — Минск : Институт бизнеса Белорусского государственного университета, 2022. — С. 208–214.
8. Robinson L., Ragnedda M., Schulz J. Digital inequalities: contextualizing problems and solutions // Journal of Information, Communication and Ethics in Society. — 2020. — Vol. 18. — No. 3. — P. 323–327. — URL: <https://doi.org/10.1108/JICES-05-2020-0064>.
9. Werfhorst H. G., Kessenich E., Geven S. The digital divide in online education: Inequality in digital readiness of students and schools // Computers and Education Open. — 2022. — Vol. 3. — URL: <https://doi.org/10.1016/j.caeo.2022.100100>.

Материал поступил в редакцию 21 декабря 2023 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Garifullin V. Z., Gladkova A. A., Ragnedda M. Model trekh urovney tsifrovogo neravenstva: sovremennye vozmozhnosti i ogranicheniya (na primere issledovaniya Respubliki Tatarstan) // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10. Zhurnalistika. — 2019. — № 4. — S. 41–72.
2. Glukhov E. A. Poluchenie dopolnitelnogo professionalnogo obrazovaniya pedagogom: pravo ili obyazannost? // Zhurnal rossiyskogo prava. — 2019. — № 7. — S. 131–140.

3. Ershova I. V. Tsifrovizatsiya obrazovaniya: pro & contra // *Predprinimatelskoe pravo*. — 2019. — № 3. — S. 61–68.
4. Zvereva L. G., Tkacheva A. G. Etapy i puti stanovleniya tsifrovogo obrazovaniya v Rossii // *Mezhdunarodnyy zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk*. — 2019. — № 1-1. — S. 43–46.
5. Imasheva I. Yu. Mekhanizm stimulirovaniya rasprostraneniya shirokopolosnogo Interneta v Rossii // *Vestnik Altayskoy akademii ekonomiki i prava*. — 2022. — № 7-1. — S. 79–87.
6. Kryazhkova O. N., Podoplelova O. G. Strategiya zashchity v Konstitutsionnom Sude Rossii: prakticheskoe rukovodstvo. — 3-e izd., dop. — M.: Institut prava i publichnoy politiki, 2021. — 208 s.
7. Revinova S. Yu., Lazanyuk I. V. Tsifrovoe neravenstvo v Rossii: posledstviya dlya obrazovaniya // *Biznes. Obrazovanie. Ekonomika: sbornik statey Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii*, Minsk, 7–8 aprelya 2022 g. — Minsk: Institut biznesa Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta, 2022. — S. 208–214.
8. Robinson L., Ragnedda M., Schulz J. Digital inequalities: contextualizing problems and solutions // *Journal of Information, Communication and Ethics in Society*. — 2020. — Vol. 18. — No. 3. — P. 323–327. — URL: <https://doi.org/10.1108/JICES-05-2020-0064>.
9. Werfhorst H. G., Kessenich E., Geven S. The digital divide in online education: Inequality in digital readiness of students and schools // *Computers and Education Open*. — 2022. — Vol. 3. — URL: <https://doi.org/10.1016/j.caeo.2022.100100>.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ И АДМИНИСТРАТИВНЫЙ ПРОЦЕСС

DOI: 10.17803/1994-1471.2024.167.10.045-057

А. А. Шмидт*

Правовые основы государственной политики в отношении оружия самообороны: в поисках баланса публичных и частных интересов

Аннотация. Дискуссии о праве граждан на ношение короткоствольного оружия, в том числе огнестрельного оружия ограниченного поражения, больше 30 лет, ее содержание выходит далеко за пределы собственно административного права, т.к. она не ограничивается административно-правовым механизмом реализации порядка приобретения, ношения и использования оружия, выступая частью публично-правового механизма обеспечения безопасности личности, общества и государства. Актуальность вопросов оборота гражданского оружия возрастает при осложнении криминогенной обстановки и в периоды социальных или экономических потрясений, определяющих выбор траектории государственной политики в сфере оборота оружия как сфере публично-правовых отношений. Доводы сторонников и противников использования огнестрельного оружия для целей самообороны, как правило, сопровождаются аргументацией, основанной скорее на вере и убеждениях, чем на фактах и измерениях.

Цель исследования — обобщить правовой и эмпирический материал, характеризующий административно-правовые основы государственной политики в отношении летального и нелетального оружия самообороны; дать оценку отечественных законодательных решений и определить направления дальнейшего административно-правового развития государственной политики в сфере оборота оружия, целесообразности использования короткоствольного оружия, в том числе огнестрельного оружия ограниченного поражения, в качестве оружия самообороны.

Междисциплинарный подход в исследовании позволил объединить результаты правовых и других гуманитарных исследований. В частности, воедино сведены достижения отраслевых юридических наук: административного права, теории и истории права, криминологии и криминалистики, социологии права.

В заключение приведены результаты теоретического исследования с учетом исторического, деликтологического и социологического контекста проблемы. Обоснована необходимость изменения правовых основ государственной политики в сфере оборота оружия самообороны, даны соответствующие предложения.

Ключевые слова: оружие; оборот оружия; государственная политика; общественный порядок; общественная безопасность; огнестрельные ранения; убийство; суицид; реализация права; ограничение права; преступность.

© Шмидт А. А., 2024

* Шмидт Артем Александрович, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры «Судебная и правоохранительная деятельность» Южно-Уральского государственного университета (национального исследовательского университета)

В. И. Ленина просп., д. 76, г. Челябинск, Россия, 454080
artem-shmidt@yandex.ru

Для цитирования: Шмидт А. А. Правовые основы государственной политики в отношении оружия самообороны: в поисках баланса публичных и частных интересов // Актуальные проблемы российского права. — 2024. — Т. 19. — № 10. — С. 45–57. — DOI: 10.17803/1994-1471.2024.167.10.045-057.

Legal Foundations of State Policy on Self-Defense Weapons: In Quest of a Balance between Public and Private Interests

Artem A. Shmidt, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Judicial and Law Enforcement Activities, South Ural State University (National Research University), Chelyabinsk, Russian Federation
artem-shmidt@yandex.ru

Abstract. The debate on the right of citizens to carry short-barreled weapons, including firearms of limited destruction, has been going on for more than 30 years. The essence of these debates goes far beyond the limits of administrative law, since it is not limited only by the administrative law mechanism for implementing the procedure for acquiring, carrying and using weapons, acting as part of the public legal mechanism for ensuring personal security, security of the society and the State. The relevance of the issues of civilian arms trafficking is aggravated by the complication of the criminal situation during periods of social or economic upheavals that determine the choice of the trajectory of development of state policy for arms trafficking as an area of public law relations. The arguments of supporters and opponents of the use of firearms for self-defense are usually accompanied by arguments based on faith and beliefs rather than on facts and measurements.

The purpose of the study is to summarize the legal and empirical resources characterizing administrative law foundations of state policy in relation to lethal and non-lethal self-defense weapons; to assess domestic legislative decisions and determine the directions for further administrative law development of state policy regarding arms trafficking, the expediency of using short-barreled weapons, including firearms of limited destruction, as self-defense weapons.

The interdisciplinary approach made it possible to combine the results of legal and other humanitarian studies. In particular, the achievements of branches of legal sciences of Russian law are brought together: administrative law, theory and history of law, criminology and criminal studies, sociology of law.

In conclusion, the paper provides the results of a theoretical study with due regard to the historical, delictological and sociological context of the problem. The author substantiates the necessity of changing the legal foundations of state policy in the field of trafficking in self-defense weapons and gives appropriate proposals.

Keywords: weapons; arms trafficking; state policy; public order; public safety; gunshot wounds; murder; suicide; implementation of the right; restriction of the right; crime.

Cite as: Shmidt AA. Legal Foundations of State Policy on Self-Defense Weapons: In Quest of a Balance between Public and Private Interests. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2024;19(10):45-57. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2024.167.10.045-057

Федеральным законом от 28.12.2010 № 398-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросу усиления контроля в сфере оборота гражданского оружия»¹ в законодательство внесены дополнения, существенно изменившие государственную политику

в сфере оборота гражданского оружия. Законом легализовано короткоствольное и бесствольное огнестрельное оружие ограниченного поражения (ОООП), называемое в непрофессиональной среде «травматическим». Изменив отношение государства и общества к институту самообороны, закон отражает трансформацию подходов

¹ СЗ РФ. 2011. № 1. Ст. 10.

к обеспечению правопорядка и тренд на приватизацию правоохранительной сферы.

Впервые право использовать оружие в целях самообороны на законодательном уровне было закреплено Законом РФ от 20.05.1993 № 4992-1 «Об оружии»², в ст. 5 которого выделена особая категория гражданского оружия — газовое оружие самообороны. Однако в правовой литературе Закон встретил критику, не удовлетворив ожиданий граждан относительно расширения права на вооруженную самооборону³.

Новый Федеральный закон от 13.12.1996 № 150-ФЗ «Об оружии»⁴, закрепив в преамбуле право на самооборону, по замечанию авторов законопроекта, «расширяет виды оружия самообороны, не представляющего повышенной опасности для использования гражданами, а также права граждан Российской Федерации на приобретение такого вида оружия. Наряду с газовыми пистолетами и револьверами, в целях самообороны гражданами могут приобретаться огнестрельное гладкоствольное оружие самообороны, огнестрельное бесствольное оружие самообороны... В прежнем законе не было таких записей»⁵.

Важно отметить, что вопросы самообороны и используемого в целях самообороны оружия вызывали самую острую дискуссию на парламентских площадках. Ответственный комитет Государственной Думы ФС РФ «для обсуждения поступивших предложений... собирался четырежды. Много было споров, здесь действительно налицо столкновение различных интересов как

производителей оружия, так и лиц, занимающихся торговлей им, и пользователей оружия. Всего поступило 333 поправки... ни по одному законопроекту такого количества поправок не поступало»⁶. При этом парламентом была дана трезвая оценка состояния общеуголовной и вооруженной преступности. На фоне совершения «25 тысяч преступлений с использованием огнестрельного оружия... лозунг, который в 1992 г. был принят на вооружение и пропагандировался, что, мол, вооружим всех — больше безопасности, оказался фикцией»⁷.

Принятый в 1996 г. Федеральный закон «Об оружии» не содержал положений, позволяющих гражданам приобретать и использовать в целях самообороны короткоствольное нарезное оружие, такое как, например, пистолет Макарова или пистолет ТТ. Однако законодательные инициативы о легализации короткоствольного оружия в целях самообороны предпринимались достаточно часто. В. И. Сургутсков, анализируя законопроектную работу, отмечает не менее шести законодательных инициатив о легализации короткоствольного оружия: в 1999, 2003, 2005, 2012 гг. и дважды в 2013 г.⁸ При этом предложения легализовать короткоствольное нарезное оружие в отдельных законопроектах происходили латентно: в тексте поправок и сопроводительной документации использовались понятия «огнестрельное оружие самообороны», «недлиноствольное» оружие⁹, подразумевающие боевые пистолеты и револьверы.

² Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. № 24. Ст. 860 (утратил силу).

³ См.: Потапов А. И. Российский Закон об оружии // Российский юридический журнал. 1994. № 2 (4). С. 14–15.

⁴ СЗ РФ. 1996. № 51. Ст. 5681.

⁵ Стенограмма заседания ГД РФ (Москва, 16 февраля 1996 г.) // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/96700348-2> (дата обращения: 24.10.2023).

⁶ Стенограмма заседания ГД РФ (Москва, 7 июня 1996 г.) // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/96700348-2> (дата обращения: 24.10.2023).

⁷ Стенограмма заседания ГД РФ (Москва, 7 июня 1996 г.).

⁸ См.: Сургутсков В. И. Право граждан России на хранение и ношение отдельных образцов летального оружия в целях самообороны (приглашение к дискуссии) // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2017. № 4 (42). С. 31–32.

⁹ Проект федерального закона № 282023-6 «О внесении изменений в статьи 3 и 13 Федерального закона «Об оружии»» (по вопросу уточнения понятия оружие самообороны) // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/282023-6> (дата обращения: 24.10.2023).

Определенным компромиссом в дискуссии о расширении права активной вооруженной самообороны стало акцептирование отечественной правовой системой концепции нелетального оружия, первые образцы которого появились в середине 1990-х гг. после принятия первого Закона «Об оружии». С принятием Федерального закона от 28.12.2010 № 398-ФЗ в России было легализовано ООП — короткоствольное и бесствольное оружие с патроном травматического действия, не предназначенным для причинения смерти человеку.

Легализация ООП в качестве оружия самообороны стала реализацией концепции нелетального оружия, получившей развитие в международной практике.

Данная концепция появилась в западных странах после Второй мировой войны, объединив разнообразные системы вооружения, среди которых особый класс представляет нелетальное кинетическое оружие. В качестве поражающего элемента такого оружия используется снаряд из пластика или резины. Переход нелетального оружия из военной в правоохранительную сферу происходил поэтапно. В 1960-е гг. массовые акты гражданского неповиновения, захлестнувшие США, стали триггером разработки доктрины бесконтактной войны с применением раздражающих веществ, а в 1970-е в Соединенном Королевстве сформировалась практика применения резиновых пуль в конфликте с Ирландской республиканской армией.

США стали родиной и одним из крупнейших разработчиков нелетальных технологий, введя в оборот этот термин в конце 1990-х гг. Основная цель нелетального оружия, которое регулярно используется в оружейных программах, — не

убить, а нейтрализовать цель¹⁰. Однако, по меткому замечанию Дж. Александера, нелетальное оружие имеет «очень смертельные корни»¹¹.

В отечественной правоохранительной системе концепция нелетального оружия прошла свой путь развития. С 1960-х гг. началась разработка специальных средств (средств активной обороны сотрудников милиции) с целью минимизации вреда здоровью¹². Исследования проводились на фоне массовых антимилицейских выступлений, прокатившихся в 1961–1962 гг. по ряду городов: Бийск, Муром, Краснодар, Новочеркасск, где «толпа громила отделения милиции и избивала затерроризированных критиков с высоких трибун сотрудников милиции, которые, не имея на вооружении ничего, кроме табельного оружия, применять его в такой обстановке не решались»¹³.

Использование категории «нелетальное оружие» несвойственно отечественной науке полицейского права. Традиционно в отечественном полицейском праве используется категория «специальные средства», включающая в себя резиновые пули ударного непроникающего действия. Действующее законодательство разрешает применять служебное ООП во всех случаях разрешенного применения огнестрельного оружия и специальных средств в соответствии с ч. 4 ст. 23 Федерального закона от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции»¹⁴. К такому оружию относятся служебные пистолеты и карабины, применяемые с резиновой пулей.

Ретроспективный анализ правотворческой работы в отношении оружия самообороны, а также результаты внедрения нелетального кинетического оружия в правоохранительную деятельность позволяют сделать вывод, что

¹⁰ См.: Hoffberger E. Non-Lethal Weapons: The Principle of Proportionality in Armed Conflict and the Right to Health in Law Enforcement // Zbornik Pravnog fakulteta Sveučilišta u Rijeci. 2017. Vol. 38. No. 2. P. 831–853. DOI: 10.30925/zpfsr.38.2.6.

¹¹ См.: Alexander J. Future War: Non-Lethal Weapons in Modern Warfare. New York : St. Martin's Press, 1999. P. 13.

¹² См.: Молянов А. Ю., Семькин В. В. Специальные средства органов внутренних дел или оружие нелетального действия // Вестник Московского университета МВД России. 2011. № 6. С. 291.

¹³ Дорохов В. Ж. Специальные средства советской милиции: выученный урок (1962–1973 гг.) // Вестник Екатеринбургского института. 2016. № 3 (35). С. 19.

¹⁴ СЗ РФ. 2011. № 7. Ст. 900.

идея использования несмертельного оружия, зародившаяся в военном деле, получила распространение в правоохранительной сфере.

Миграция ООП в правоохранительную сферу, как представляется, связана с так называемой приватизацией правоохранительной сферы, под которой понимается передача отдельных публичных функций государства частным субъектам¹⁵. Согласно более мягкой трактовке О. И. Бекетова, «реализуя принципы взаимодействия и сотрудничества, общественного доверия и поддержки граждан, полиция стремится делегировать часть своих полномочий негосударственным субъектам правоохранительной направленности»¹⁶.

Д. Г. Шустров рассматривает приватизацию или делегирование, сопровождаемое передачей отдельных властных полномочий, как «проявление демократичного характера государства, ограничение вмешательства государства в определенные виды деятельности, прекращение избыточного государственного регламентирования»¹⁷.

Как представляется, такой позитивный окрас передачи публичных функций негосударственным субъектам не всегда оправдан. В отечественной истории государственного строительства уже были неудачные примеры передачи некоторых государственных функций. В первые годы Советского государства в ходе реформирования системы правоохранительных органов была предпринята попытка передать функции охраны правопорядка «сознательным гражданам». Концепция «всеобщего вооруже-

ния народа была изложена еще Ф. Энгельсом и К. Марксом в программе Союза коммунистов в начале революции в Германии в 1848 году»¹⁸.

Идея о «всеобщем вооружении народа», которое повлечет за собой полное уничтожение преступности, показала свою несостоятельность. Всё завершилось всеобщим запретом оборота оружия, за исключением лиц, которым оно передано по роду службы¹⁹.

Примечательно, что реорганизация правоохранительной функции государства происходила в кризисных условиях на фоне социальных потрясений и постоянно ухудшающейся криминогенной ситуации. Наиболее значимые изменения в рассматриваемой сфере связаны с социально-экономическими потрясениями XX столетия. Следствием Первой мировой и Гражданской войн стали большое количество скопившегося у населения оружия, его доступность и широкое распространение. В стране отмечался небывалый рост преступности, которому способствовали две большие амнистии в марте 1917 г. Криминогенная ситуация потребовала запрета оборота оружия и формирования системы его выкупа у населения.

Новая череда социальных потрясений и смена государственного строя в 1991 г. привели к росту преступности. «Статистические данные свидетельствуют о начале роста преступности уже с 1988 г., когда начались необратимые процессы по смене государственного строя и дальнейшей демократизации в политической и экономической жизни страны, сопровождавшиеся,

¹⁵ См.: Кононов А. М., Эриашвили Н. Д. К вопросу о возможности приватизации функции публичной власти в сфере внутренних дел // Образование. Наука. Научные кадры. 2020. № 2. С. 31. DOI: 10.24411/2073-3305-2020-10058.

¹⁶ Бекетов О. И., Сургутсков В. И. Полицейское право России: прошлое, настоящее и будущее // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 8 (69). С. 63. DOI: 10.17803/1994-1471.2016.69.8.059-067.

¹⁷ Шустров Д. Г. Разделение властей как проблема теории и практики государственной организации России в практике российского конституционного правосудия // Современные проблемы организации публичной власти : монография / отв. ред. С. А. Авакьян. М. : Юстицинформ, 2014. С. 385.

¹⁸ Викторов А. В., Федоров А. Б. «Всеобщее вооружение народа»: социал-демократическая идея и революционная практика (1917–1918 годы) // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. 2021. № 4. С. 78. DOI: 10.24412/2309-1592-2021-4-78-87.

¹⁹ См.: Декрет СНК РСФСР от 10.12.1918 «О сдаче оружия» // СУ РСФСР. 1918. № 93. Ст. 933 ; Декрет СНК РСФСР от 12.07.1920 «О выдаче и хранении огнестрельного оружия и обращении с ним» // СУ РСФСР. 1920. № 69. Ст. 314.

пожалуй, самым сильным ростом преступности за всю историю советского государства»²⁰.

Период относительного улучшения криминогенной обстановки с 1994 по 1997 гг. сменился ухудшением после кризиса в 1998 г. Существенные изменения претерпела струк-

тура преступности. Сравнение преступности 1990 г. и 2000 г. показывает рост числа убийств (+104 %), грабежей (+58 %), разбоев (+139 %), хулиганств (+16 %) и 14-кратный рост преступлений, связанных с оборотом наркотиков (табл. 1).

Таблица 1

Динамика и виды преступлений, зарегистрированных в 1990–2020 гг. (тыс.)

Виды преступлений	1990	2000	2010	2020
Зарегистрировано преступлений	1 839,5	2 952,4	2 628,8	2 044,2
Убийства	15,6	31,8	15,6	7,7
Грабежи	83,3	132	164,5	38,4
Разбои	16,5	39,4	24,5	5,3
Хулиганство	107,4	125	7,2	1,8
Преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств	16,3	244	222,6	189,9

Правовая система оказалась «совершенно не готова противостоять преступности, и это, вместе с изменением морально-нравственных норм, стало одной из главных причин нарастания криминальной волны, захлестнувшей общество в конце 1980-х гг.»²¹ и продолжавшей только нарастать в 1990-х гг.

Анализ динамики отдельных категорий преступлений, приведенных в таблице 1, искушает найти корреляцию между снижением количества убийств с внесением в 2010 г. изменений в законодательство об оружии, легализовавших ООП, быстро получившего популярность. Вопреки распространенному мнению, «большая часть убийств все-таки связана не с криминальными группировками, бизнесом или политикой, а является результатом вспышки агрессии в семье и обычной жизни. Напряженность отношений усугубляется злоупотреблением алкоголем. В условиях устойчивого экономического

роста уровень насильственных преступлений сокращается»²².

Оружие самообороны рассчитано в первую очередь на защиту от преступных посягательств в общественных местах. По мнению сторонников легализации короткоствольного оружия, «девять из десяти нападений происходят вне дома, а значит, на улице люди фактически остаются беззащитными. Получается, что ныне действующий Закон “Об оружии” в значительном числе случаев лишает гражданина права на реальную самозащиту»²³. Однако обеспечение правопорядка в общественных местах «зависит от самых разнообразных факторов: социальных, экономических, политических, организационных, правовых, управленческих и др. Противодействие преступности в общественных местах немыслимо без использования достижений науки и техники, современных технологий и информационных систем»²⁴, таких как АПК

²⁰ Андриенко Ю. В. В поисках объяснения роста преступности в России в переходный период: криминометрический подход // Экономический журнал ВШЭ. 2001. Т. 5. № 2. С. 197.

²¹ Андриенко Ю. В. Указ. соч. С. 197.

²² Андриенко Ю. В. Указ. соч. С. 197.

²³ Панов С. Л. Легализации короткоствольного огнестрельного оружия: «за» и «против» // Научный вестник Омской академии МВД России. 2006. № 1 (23). С. 33.

²⁴ Афанасьева О. Р., Гончарова М. В., Шиян В. И. Состояние и тенденции преступности в общественных местах // Всероссийский криминологический журнал. 2019. Т. 13. № 6. С. 896. DOI: 10.17150/2500-4255.2019.13(6).895-908.

«Безопасный город». Отечественная концепция «безопасного города» является близкой по архитектуре и воплощению к зарубежным концепциям «умного города», более-менее успешно внедряемым сегодня в США и Европе²⁵, а также к более масштабной концепции «благополучного и безопасного» (平安城市) города, учитывающей социальный рейтинг граждан КНР²⁶.

С разработкой и внедрением в гражданский оборот первых образцов нелетального оружия в литературе стали появляться работы по судебной медицине, которые также выступают важным источником при исследовании вопросов развития государственной политики в сфере оборота оружия. Среди множества исследований особого внимания заслуживают труды, демонстрирующие корреляцию вида применяемого оружия, мотива и способа его применения, морфологии (характера) огнестрельного ранения и влияния на смертность.

Несколькими группами исследователей бюро судебно-медицинских экспертиз ретроспективно проанализированы сведения о пострадавших с огнестрельными ранениями из различных видов оружия в 2010–2014 гг.²⁷ и 2016–2018 гг.²⁸ Как показало исследование 517 материалов судебно-медицинских экспертиз в условиях крупного города, в этиологии огнестрельных ранений доля ООП составляет от 59 до 84 % в разное время. Как представляется, такие показатели свидетельствуют о значительной проблеме в сфере общественного здравоохранения.

В целях настоящего исследования особый интерес вызывают мотивы применения нелетального оружия: 27 % (20 из 74) — суицид; 34,3 % (12 из 35) — нападение с целью убийства; 93,3 % (28 из 30) — нападение с целью завладения имуществом; 95,5 % (63 из 66) — нападение из хулиганских побуждений; 50 % (1 из 2) — самооборона (табл. 2).

Таблица 2

Этиология огнестрельных ранений²⁹

Мотивы применения оружия	Огнестрельное оружие	Из них ООП	
		абс.	%
Суицид	74	20	27
Убийство (покушение на убийство)	35	12	34,3
Разбой	30	28	93,3
Хулиганство	66	63	95,5
Неосторожное обращение	7	4	57,1
Применение сотрудником полиции	6	3	50
Самооборона	2	1	50
Итого	220	131	59,6

²⁵ См.: Колеганов С. В., Кувшинов Д. Л., Пигина С. В., Федотов А. В., Щедров И. Ю. «Безопасный город» в регионах мира: сравнительный анализ с российской концепцией // Технологии гражданской безопасности. 2021. Т. 18. № 3 (69). С. 56–60. DOI: 10.54234/CST.19968493.2021.18.3.69.11.55.

²⁶ См.: Jiang M. A Brief Prehistory of China's Social Credit System // Communication and the Public. 2020. Vol. 5. No. 3–4. P. 93–98. DOI: 10.1177/2057047320959856.

²⁷ См.: Бадалов В. И., Жуманазаров Б. Я., Озерецковский Л. Б., Гребнёв Д. Г., Головкин К. П., Самохвалов И. М. Особенности современных огнестрельных ранений мирного времени в условиях крупного города // Скорая медицинская помощь. 2016. Т. 17. № 2. С. 49–56.

²⁸ См.: Трухан А. П., Самохвалов И. М., Исаков В. Д., Яковенко О. О., Кураев П. И. Особенности этиологии и характеристики современных огнестрельных ранений мирного времени // Вятский медицинский вестник. 2020. № 4 (68). С. 38–41. DOI: 10.24411/2220-7880-2020-10127.

²⁹ Представлены данные 220 судебно-медицинских экспертиз пострадавших с огнестрельными ранениями, проведенных в г. Санкт-Петербурге в 2016–2018 гг. См.: Трухан А. П., Самохвалов И. М., Исаков В. Д., Яковенко О. О., Кураев П. И. Указ. соч. С. 39.

Исследования в области общественного здравоохранения направлены на изучение факторов танатогенеза — процесса и причин летальности. Очевидно, что летальность определяется тяжестью повреждений, которая должна зависеть от вида применяемого оружия и законодательных ограничений к его кинетической энергии. В соответствии с действующим Федеральным законом «Об оружии» дульная энергия при выстреле из гражданского ООП не должна превышать 91 Дж. В действительности критериями выступают «проникающая способность (пробивное действие) — способность пули проникать сквозь преграду; останавливающее действие (останавливающая способность) — характеристика пули, определяющая усредненную степень потери противником способности к совершению враждебных действий после попадания в него пули; убойное действие пули — характеристика пули, описывающая вероятность причинения смерти при попадании в живую цель. Останавливающее действие — наиболее показательный критерий, который можно применить для сравнительной оценки эффективности травматического оружия»³⁰, которая во многом определяется дистанцией выстрела и областью тела, в которую производится выстрел. По результатам изучения случаев применения оружия самообороны описана «обобщенная модель криминалистической ситуации: потерпевшие в ходе возникшего конфликта неадекватно воспринимают опасность и часто сами провоцируют конфликт, сокращая дистанцию; обороняющийся в нестандартно развивающейся ситуации испытывает дефицит времени на принятие решения и производит выстрел с близкого расстояния в наиболее уязвимые области тела (голову и шею)»³¹.

Исследование летальных случаев применения ООП констатирует, что в основном ранение наносится в упор (82,3 %) или с ближнего расстояния (12,7 %) и только в 5,0 % — с дальнего расстояния³². Такие результаты показывают, что ООП по тяжести повреждения не уступает остальным видам огнестрельного оружия при намерении нанести летальную травму.

Приобретение и ношение оружия, активная самооборона с его применением и разрешенные виды оружия самообороны долгое время выступают предметом общественной дискуссии. В отечественной социологии не так много тем, которые становились объектом объемных социологических исследований. Среди наиболее значимых исследований стоит отметить опросы по общенациональной репрезентативной выборке, проведенные исследовательской группой «Циркон»³³. Социологические наблюдения на протяжении более трех лет показали, что значимое большинство россиян негативно относится к легализации лицензируемого приобретения законопослушными и здоровыми людьми в целях самообороны короткоствольного оружия. С марта 2010 г. по сентябрь 2012 г. опросы фиксировали слабый тренд общественного мнения в сторону одобрения легализации. Максимальный рост доли респондентов, одобряющих легализацию, с 14 до 22 %, был зафиксирован осенью 2012 г. Однако в дальнейшем опросы продемонстрировали снижение показателя до 18 %.

Негативное отношение к легализации короткоствольного и распространению «травматического оружия» основано на фундаментально укорененных культурных традициях и стереотипах: россияне в большинстве против массового «вооружения», т.к. рассматривают его как

³⁰ Клевно В. А., Раснюк С. В., Владимиров В. Ю. Огнестрельное оружие ограниченного поражения: судебно-медицинские и психологические аспекты, понятие относительного психологического останавливающего действия // Судебная медицина. 2019. № 5 (2). С. 17. DOI: 10.19048/2411-8729-2019-5-2-16-20.

³¹ См.: Клевно В. А., Раснюк С. В., Владимиров В. Ю. Указ. соч. С. 18.

³² См. подробнее: Трухан А. П., Самохвалов И. М., Исаков В. Д., Яковенко О. О., Кураев П. И. Указ. соч. С. 38.

³³ Пресс-релизы ИГ «Циркон»: 20 апреля 2010 г. // URL: <https://www.zircon.ru/upload/iblock/937/100420.pdf>; 25 октября 2011 г. // URL: https://www.zircon.ru/upload/iblock/f08/Oruzhie_PR_25-10-2011.pdf; 16 октября 2012 г. // URL: https://www.zircon.ru/upload/iblock/288/PR_Oruzhie_16-10-12.pdf; 8 ноября 2013 г. // URL: https://www.zircon.ru/upload/iblock/8d5/Oruzhie_PR_08-11-2013.pdf (дата обращения: 24.10.2023).

фактор, повышающий угрозу, а не снижающий риски (т.е. безопасность для большинства скорее уменьшается). Колебания мнения респондентов могут быть вызваны информационным воздействием в свете обсуждения и принятия Федерального закона от 28.12.2010 № 398-ФЗ, легализовавшего ООП в качестве оружия самообороны. Дальнейший спад интереса к приобретению оружия самообороны, как представляется, обусловлен общественной реакцией на освещение в СМИ некоторых произошедших в стране событий, демонстрирующих негативные последствия использования огнестрельного оружия, находящегося в руках населения, в том числе массовых расстрелов в Москве («русский Брейвик», 7 ноября 2012 г.), в Белгороде («белгородский стрелок», 22 апреля 2013 г.), а также инциденты в других странах. Это могло вызвать обратный тренд и снижение поддержки «вооружения» населения.

Другое крупное социологическое исследование, посвященное определению ценностных ориентаций в современном российском обществе, подтверждает, что на первом месте по значимости для респондентов оказываются именно базовые ценности (здоровье, личная безопасность, материальный достаток)³⁴. Несмотря на колоссальную фрагментированность общества и самые замысловатые комбинации ценностных установок, социокультурных и политических позиций, отношение по целому ряду социальных практик выражается консенсуально, в том числе по вопросам оборота гражданского оружия. Исследование базовых ценностей в динамике в 2018–2021 гг. показало изменения в пределах статистической погрешности. В целом 73 % респондентов считали необходимым запретить «свободную продажу и ношение оружия»; 18 % — разрешить в исключительных

случаях; 5 % — разрешить и 4 % затруднились с ответом³⁵.

Социально-демографическая дифференциация положительного отношения к оружию самообороны показывает³⁶, что позиция респондентов коррелирует с возрастом (молодежь), полом (мужчины), а также опытом обращения с оружием (военнослужащие и сотрудники правоохранительных органов, охотники и т.п.). Такие результаты подтверждает собственное исследование автора настоящей статьи. Социально-демографический анализ владельцев оружия в рандомно определенном субъекте Российской Федерации Урало-Сибирского региона показал, что среди владельцев ООП 97,27 % мужчин, средний возраст которых 44 года, преимущественно проживающих в городской среде относительно крупных муниципальных образований (70,28 %). Участие в опросе автора 457 претендентов на получение лицензии на приобретение оружия, впервые приобретающих оружие самообороны, позволило выделить основные мотивы приобретения оружия, которые, как оказалось, отличаются от целей самообороны. Большинство лиц, впервые приобретающих оружие, признают, что приобретают охотничье оружие не в целях добычи продуктов животного мира, воспринимая охоту скорее как часть корпоративной культуры, а ООП приобретается преимущественно из «спортивного» интереса «пострелять из пистолета». Полученные результаты частично объясняют тот факт, что значительная часть (до 70 %) утрат короткоствольного оружия самообороны, предназначенного для защиты в городской среде, происходит в местах активного отдыха в лесу или на водоеме.

Многолетние социологические наблюдения не выявили корреляции отношения граждан к

³⁴ См.: Задорин И. В., Зотова В. А., Хомякова А. П. Ценностные ориентации россиян в условиях фрагментированного общества // Неформальная экономика и общественное доверие в России : материалы круглого стола. Москва, Государственная Дума РФ, 6 июня 2019 г. М., 2020. С. 66–78.

³⁵ Результаты опроса населения «Восприятие традиционности и политической традиции в массовой политической культуре современной России». М. : Циркон, 2021. С. 17. URL: https://www.zircon.ru/upload/iblock/4c5/vospriyatie-traditsionnosti-i-politicheskoy-traditsii.pdf?sphrase_id=31384 (дата обращения: 24.10.2023).

³⁶ Пресс-релиз ИГ «Циркон», 8 ноября 2013 г. // URL: https://www.zircon.ru/upload/iblock/8d5/Oruzhie_PR_08-11-2013.pdf (дата обращения: 24.10.2023).

оружию самообороны в зависимости от уровня преступности.

Показательны еще несколько примеров из ряда соседних стран. Ментально и культурно близкие ориентиры в общественном сознании россиян и белорусов предопределили сходное отношение к вопросам гражданского оружия самообороны. В Белоруссии в качестве оружия самообороны короткоствольное оружие или ООП не предусмотрено, его ввоз запрещен. В Республике Казахстан пятилетний опыт использования ООП в целях самообороны признан неудачным и в 2014 г. его оборот был запрещен³⁷.

Еще один аспект, который не является правовым в полном смысле этого слова, но без учета которого картина будет неполной. В 1990-е и 2000-е гг., когда принимались решения об «ограждении» боевого оружия для целей гражданской самообороны, одним из значимых факторов, повлиявших на легализацию и распространение оружия самообороны, по признанию авторов поправок к законодательству об оружии³⁸, выступала экономическая составляющая. Дело в том, что производство оружия самообороны не является производством в собственном смысле. Речь скорее идет о доработке конструкции имеющихся в наличии моделей ПМ и ТТ путем деформации канала ствола или установки «шипа», которые позволяют прохождение в канале ствола оружия только деформируемой «травматической» пули. Доля такого «доработанного» оружия среди зарегистрированного составляет более половины по отношению к оригинальным (вновь разработанным) моделям. Популярность указанных моделей ООП обусловлена, кроме всего прочего, их аутентичностью. Решение о легализации короткоствольного, в том числе «травматического», оружия является в значительной степени поддержкой оружейной промышленности, производственные мощности которой в настоящее время заняты.

В условиях затянувшейся дискуссии о праве граждан на хранение и ношение короткостволь-

ного летального и нелетального оружия в целях самообороны в текущей ситуации, с учетом накопленного правового и эмпирического материала, систематизированного в настоящем исследовании, представляется своевременным изменить концепцию государственной политики в отношении ООП, существенно ограничив его оборот.

В пользу отказа от гражданского оборота короткоствольного оружия свидетельствуют данные о состоянии правопорядка в общественных местах; противоправные мотивы применения короткоствольного оружия, не связанные с самообороной; чрезмерный вред здоровью, причиняемый ООП, и, главное, восприятие в общественном сознании короткоствольного оружия в качестве источника опасности.

Коррекция отечественной концепции государственной политики в отношении огнестрельного оружия ограниченного поражения может быть сведена к тотальному запрету, как, например, в Республике Казахстан или Республике Беларусь, путем дополнения ст. 6 Федерального закона «Об оружии» административно-правовым запретом на оборот ООП в качестве гражданского оружия.

Впрочем, полный и одномоментный запрет короткоствольного оружия самообороны вряд ли будет способствовать достижению баланса публичных и частных интересов. Представляется, что правовые основы государственной политики в отношении оружия самообороны подлежат оптимизации путем развития административного законодательства об оружии: стимулирования региональных программ обратного выкупа оружия, в том числе легально приобретенного ООП; сокращения с пяти лет до одного года периодичности медицинских обследований на наличие противопоказаний к владению оружием (ст. 6.1 Федерального закона «Об оружии») и проверок знания правил и навыков применения оружия самообороны (ст. 13 Закона).

³⁷ Закон Республики Казахстан от 23.04.2014 № 200-V «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам деятельности органов внутренних дел» // Ведомости Парламента Республики Казахстан. 2014. № 8 (2657). Ст. 49.

³⁸ Стенограмма заседания ГД РФ (Москва, 7 июня 1996 г.).

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Андриенко Ю. В. В поисках объяснения роста преступности в России в переходный период: криминометрический подход // Экономический журнал ВШЭ. — 2001. — № 2. — С. 194–217.
2. Афанасьева О. Р., Гончарова М. В., Шиян В. И. Состояние и тенденции преступности в общественных местах // Всероссийский криминологический журнал. — 2019. — Т. 13. — № 6. — С. 895–908. — DOI: 10.17150/2500-4255.2019.13(6).895-908.
3. Бадалов В. И., Жуманазаров Б. Я., Озерецковский Л. Б., Гребнёв Д. Г., Головкин К. П., Самохвалов И. М. Особенности современных огнестрельных ранений мирного времени в условиях крупного города // Скорая медицинская помощь. — 2016. — Т. 17. — № 2. — С. 49–56.
4. Бекетов О. И., Сургутсков В. И. Полицейское право России: прошлое, настоящее и будущее // Актуальные проблемы российского права. — 2016. — № 8 (69). — С. 59–67. — DOI: 10.17803/1994-1471.2016.69.8.059-067.
5. Викторов А. В., Федоров А. Б. «Всеобщее вооружение народа»: социал-демократическая идея и революционная практика (1917–1918 годы) // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. — 2021. — № 4. — С. 78–87. — DOI: 10.24412/2309-1592-2021-4-78-87.
6. Дорохов В. Ж. Специальные средства советской милиции: выученный урок (1962–1973 гг.) // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. — 2018. — № 3 (86). — С. 16–21.
7. Задорин И. В., Зотова В. А., Хомякова А. П. Ценностные ориентации россиян в условиях фрагментированного общества // Неформальная экономика и общественное доверие в России : материалы круглого стола. Москва, Государственная Дума РФ, 6 июня 2019 г. — М., 2020. — С. 66–78.
8. Клевено В. А., Раснюк С. В., Владимиров В. Ю. Огнестрельное оружие ограниченного поражения: судебно-медицинские и психологические аспекты, понятие относительного психологического оставяющего действия // Судебная медицина. — 2019. — № 5 (2). — С. 16–20. — DOI: 10.19048/2411-8729-2019-5-2-16-20.
9. Колеганов С. В., Кувшинов Д. Л., Пигина С. В., Федотов А. В., Щедров И. Ю. «Безопасный город» в регионах мира: сравнительный анализ с российской концепцией // Технологии гражданской безопасности. — 2021. — Т. 18. — № 3 (69). — С. 56–60. — DOI: 10.54234/CST.19968493.2021.18.3.69.11.55.
10. Кононов А. М., Эриашвили Н. Д. К вопросу о возможности приватизации функции публичной власти в сфере внутренних дел // Образование. Наука. Научные кадры. — 2020. — № 2. — С. 30–37. — DOI: 10.24411/2073-3305-2020-10058.
11. Молянов А. Ю., Семькин В. В. Специальные средства органов внутренних дел или оружие нелетального действия // Вестник Московского университета МВД России. — 2011. — № 6. — С. 289–292.
12. Панов С. Л. Легализации короткоствольного огнестрельного оружия: «за» и «против» // Научный вестник Омской академии МВД России. — 2006. — № 1 (23). — С. 32–35.
13. Потапов А. И. Российский Закон об оружии // Российский юридический журнал. — 1994. — № 2 (4). — С. 12–16.
14. Сургутсков В. И. Право граждан России на хранение и ношение отдельных образцов летального оружия в целях самообороны (приглашение к дискуссии) // Юридическая наука и правоохранительная практика. — 2017. — № 4 (42). — С. 29–36.
15. Трухан А. П., Самохвалов И. М., Исаков В. Д., Яковенко О. О., Кураев П. И. Особенности этиологии и характеристики современных огнестрельных ранений мирного времени // Вятский медицинский вестник. — 2020. — № 4 (68). — С. 38–41. — DOI: 10.24411/2220-7880-2020-10127.
16. Шустров Д. Г. Разделение властей как проблема теории и практики государственной организации России в практике российского конституционного правосудия // Современные проблемы организации публичной власти : монография / отв. ред. С. А. Авакьян. — М. : Юстицинформ, 2014. — 596 с.
17. Alexander J. Future War: Non-Lethal Weapons in Modern Warfare. — New York : St. Martin's Press, 1999. — 256 p.

18. Hoffberger E. Non-Lethal Weapons: The Principle of Proportionality in Armed Conflict and the Right to Health in Law Enforcement // Zbornik Pravnog fakulteta Sveučilišta u Rijeci. — 2017. — Vol. 38. — No. 2. — DOI: 10.30925/zpfsr.38.2.6.
19. Jiang M. A Brief Prehistory of China's Social Credit System // Communication and the Public. — 2020. — Vol. 5. — No. 3–4. — P. 93–98. — DOI: 10.1177/2057047320959856.

Материал поступил в редакцию 9 декабря 2023 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Andrienko Yu. V. V poiskakh obyasneniya rosta prestupnosti v Rossii v perekhodnyy period: kriminometricheskij podkhod // Ekonomicheskij zhurnal VShE. — 2001. — № 2. — S. 194–217.
2. Afanaseva O. R., Goncharova M. V., Shiyani V. I. Sostoyanie i tendentsii prestupnosti v obshchestvennykh mestakh // Vserossiyskiy kriminologicheskij zhurnal. — 2019. — T. 13. — № 6. — S. 895–908. — DOI: 10.17150/2500-4255.2019.13(6).895-908.
3. Badalov V. I., Zhumanazarov B. Ya., Ozeretskovskiy L. B., Grebnev D. G., Golovko K. P., Samokhvalov I. M. Osobennosti sovremennykh ognestrelnykh raneniy mirnogo vremeni v usloviyakh krupnogo goroda // Skoraya meditsinskaya pomoshch. — 2016. — T. 17. — № 2. — S. 49–56.
4. Beketov O. I., Surgutskov V. I. Politseyskoe pravo Rossii: proshloe, nastoyashchee i budushchee // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. — 2016. — № 8 (69). — S. 59–67. — DOI: 10.17803/1994-1471.2016.69.8.059-067.
5. Viktorov A. V., Fedorov A. B. «Vseobshchee vooruzhenie naroda»: sotsial-demokraticeskaya ideya i revolyutsionnaya praktika (1917–1918 gody) // Istoriko-pravovye problemy: novyy rakurs. — 2021. — № 4. — S. 78–87. — DOI: 10.24412/2309-1592-2021-4-78-87.
6. Dorokhov V. Zh. Spetsialnye sredstva sovetsoy militsii: vyuchenny urok (1962–1973 gg.) // Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii. — 2018. — № 3 (86). — S. 16–21.
7. Zadorin I. V., Zotova V. A., Khomyakova A. P. Tsennostnye orientatsii rossiyan v usloviyakh fragmentirovannogo obshchestva // Neformalnaya ekonomika i obshchestvennoe doverie v Rossii: materialy kruglogo stola. Moskva, Gosudarstvennaya Duma RF, 6 iyunya 2019 g. — M., 2020. — S. 66–78.
8. Klevno V. A., Rasnyuk S. V., Vladimirov V. Yu. Ognestrelnoe oruzhie ograniченного porazheniya: sudebno-meditsinskie i psikhologicheskie aspekty, ponyatie otnositelnogo psikhologicheskogo ostanavlivayushchego deystviya // Sudebnaya meditsina. — 2019. — № 5 (2). — S. 16–20. — DOI: 10.19048/2411-8729-2019-5-2-16-20.
9. Koleganov S. V., Kuvshinov D. L., Pigina S. V., Fedotov A. V., Shchedrov I. Yu. «Bezopasnyy gorod» v regionakh mira: sravnitelnyy analiz s rossiyskoy kontseptsiei // Tekhnologii grazhdanskoy bezopasnosti. — 2021. — T. 18. — № 3 (69). — S. 56–60. — DOI: 10.54234/CST.19968493.2021.18.3.69.11.55.
10. Kononov A. M., Eriashvili N. D. K voprosu o vozmozhnosti privatizatsii funktsii publichnoy vlasti v sfere vnutrennikh del // Obrazovanie. Nauka. Nauchnye kadry. — 2020. — № 2. — S. 30–37. — DOI: 10.24411/2073-3305-2020-10058.
11. Molyanov A. Yu., Semykin V. V. Spetsialnye sredstva organov vnutrennikh del ili oruzhie neletalnogo deystviya // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. — 2011. — № 6. — S. 289–292.
12. Panov S. L. Legalizatsii korotkostvolnogo ognestrelnogo oruzhiya: «za» i «protiv» // Nauchnyy vestnik Omskoy akademii MVD Rossii. — 2006. — № 1 (23). — S. 32–35.
13. Potapov A. I. Rossiyskiy Zakon ob oruzhii // Rossiyskiy yuridicheskij zhurnal. — 1994. — № 2 (4). — S. 12–16.
14. Surgutskov V. I. Pravo grazhdan Rossii na khranenie i noshenie otdelnykh obraztsov letalnogo oruzhiya v tselyakh samooborony (priglasenie k diskussii) // Yuridicheskaya nauka i pravookhranitel'naya praktika. — 2017. — № 4 (42). — S. 29–36.

15. Trukhan A. P., Samokhvalov I. M., Isakov V. D., Yakovenko O. O., Kuraev P. I. Osobennosti etiologii i kharakteristiki sovremennykh ognestrelnykh raneniy mirnogo vremeni // Vyatskiy meditsinskiy vestnik. — 2020. — № 4 (68). — S. 38–41. — DOI: 10.24411/2220-7880-2020-10127.
16. Shustrov D. G. Razdelenie vlastey kak problema teorii i praktiki gosudarstvennoy organizatsii Rossii v praktike rossiyskogo konstitutsionnogo pravosudiya // Sovremennye problemy organizatsii publichnoy vlasti: monografiya / otv. red. S. A. Avakyan. — M.: Yustitsinform, 2014. — 596 s.
17. Alexander J. Future War: Non-Lethal Weapons in Modern Warfare. — New York: St. Martin's Press, 1999. — 256 p.
18. Hoffberger E. Non-Lethal Weapons: The Principle of Proportionality in Armed Conflict and the Right to Health in Law Enforcement // Zbornik Pravnog fakulteta Sveučilišta u Rijeci. — 2017. — Vol. 38. — No. 2. — DOI: 10.30925/zpfsr.38.2.6.
19. Jiang M. A Brief Prehistory of China's Social Credit System // Communication and the Public. — 2020. — Vol. 5. — No. 3–4. — P. 93–98. — DOI: 10.1177/2057047320959856.

Финансовый суверенитет в доктрине финансового права дореволюционного и советского периодов: историко-правовое исследование

Аннотация. Статья посвящена изучению трудов ведущих дореволюционных и советских ученых — представителей науки финансового права применительно к вопросам, связанным с финансовым суверенитетом. В работе проведен анализ учебников по финансовому праву Э. Н. Берендтса, С. И. Иловайского, В. А. Лебедева, Д. М. Львова, И. И. Патлаевского, И. И. Янжула, В. Г. Яроцкого, М. А. Гурвича, Г. С. Гуревича, С. А. Котляревского и Е. А. Ровинского. Отмечено, что на раннем этапе развития (конец XIX — начало XX в.) в науке финансового права еще не сформировалось единого представления не только о финансовом суверенитете, но и о содержании и системе финансово-правовой науки. Вместе с тем авторы указанного периода уделяют особое внимание проблемам финансового верховенства (права верховной власти в области государственного хозяйства). На первоначальном этапе становления советской власти ученые не заостряют внимание на изучении сущности финансового суверенитета. В дальнейшем советские авторы исходят из основанной на конституционных положениях позиции, согласно которой суверенитетом обладают именно союзные республики, что проявляется в признании полноты их власти на своей территории и праве самостоятельно осуществлять финансовую деятельность. Делается вывод, что наделение отдельных союзных республик статусом суверенного государства, в том числе в области финансовой деятельности, не согласуется с сутью суверенитета и сущностью федерации как формы государственного устройства. В федерации носителем суверенитета может быть только федеральный, общий для всей страны уровень власти.

Ключевые слова: финансовый суверенитет; финансовое верховенство; финансовое право; наука финансового права; государственное хозяйство; государство; финансы; бюджет; казна; налоги; независимость.

Для цитирования: Омельченко А. Г. Финансовый суверенитет в доктрине финансового права дореволюционного и советского периодов: историко-правовое исследование // Актуальные проблемы российского права. — 2024. — Т. 19. — № 10. — С. 58–69. — DOI: 10.17803/1994-1471.2024.167.10.058-069.

© Омельченко А. Г., 2024

* Омельченко Андрей Геннадьевич, соискатель кафедры финансового права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993
Lab.kfp@msal.ru

Financial Sovereignty in the Doctrine of Financial Law of Pre-Revolutionary and Soviet Periods: A Historical and Legal Study

Andrey G. Omelchenko, Postgraduate Student, Department of Financial Law,
Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation
Lab.kfp@msal.ru

Abstract. The paper is devoted to the study of the works of leading pre-revolutionary and Soviet period researchers representing the science of financial law in relation to issues related to financial sovereignty. The work analyzes textbooks on financial law written by E. N. Berendts, S. I. Ilovaisky, V. A. Lebedev, D. M. Lvov, I. I. Patlaevsky, I. I. Yanzhul, V. G. Yarotsky, M. A. Gurvich, G. S. Gurevich, S. A. Kotlyarevsky and E. A. Rovinsky. It is noted that at an early stage of development (the end of the 19th — beginning of the 20th century), the science of financial law had not yet formed a unified idea not only about financial sovereignty, but also about the content and system of financial law as a science. At the same time, the authors of this period paid special attention to the problems of financial supremacy (the law of supreme power in the field of public economy). At the initial stage of the formation of Soviet power, researchers do not focus on studying the essence of financial sovereignty. Later, the Soviet authors proceeded from the position based on constitutional provisions, according to which it was the Union republics that possessed sovereignty manifested in the recognition of the fullness of their power on their territory and the right to independently carry out financial activities. It is concluded that granting the status of a sovereign State to individual Union republics, also in the field of financial activity, is inconsistent with the essence of sovereignty and the essence of the federation as a form of government. In the federation, the bearer of sovereignty can only be of the federal level of government common to the whole country.

Keywords: financial sovereignty; financial supremacy; financial law; science of financial law; state economy; state; finance; budget; treasury; taxes; independence.

Cite as: Omelchenko AG. Financial Sovereignty in the Doctrine of Financial Law of Pre-Revolutionary and Soviet Periods: A Historical and Legal Study. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2024;19(10):58-69. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2024.167.10.058-069

Процесс становления учения о государственном суверенитете в финансовой сфере (финансовом суверенитете) неотъемлемо связан с формированием общей концепции государственного суверенитета, а также с эволюцией финансов как особой сферы экономических отношений. В историческом аспекте не приходится говорить о финансовом суверенитете при отсутствии полноценного суверенного государства, но нет его и там, где отсутствуют финансы.

Как указывает Е. Ю. Грачева, финансы — это не сами деньги, а отношения по образованию,

перераспределению и использованию фондов денежных средств¹. При этом финансы и финансовые отношения в обязательном порядке являются денежными². А. Л. Кудрин и М. П. Афанасьев отмечают, что исторически финансы развиваются по мере перехода натурального хозяйства к денежному. Названные авторы подчеркивают, что полноценно о государственных финансах можно говорить лишь с момента появления абсолютистских централизованных государств; несмотря на факт существования государств до указанного периода, финансы в них в первую очередь, по мнению А. Л. Кудрина и М. П. Афа-

¹ Финансовое право : учебник / отв. ред. Е. Ю. Грачева, О. В. Болтинова. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Проспект, 2020. С. 10.

² Финансовое право : учебник / отв. ред. Е. Ю. Грачева, О. В. Болтинова.

³ Кудрин А. Л., Афанасьев М. П. Государственные финансы Ренессанса: Карафа — Ортис — Боден : учеб. пособие по истории финансовой мысли. М. : Магистр: Инфра-М, 2023. С. 13.

насыева, являлись корпоративными³. Вместе с тем утверждение о том, что финансы⁴ возникают лишь в период формирования централизованных абсолютистских монархий⁵, является не совсем верным: они появляются параллельно с самим государством. Справедливо и обратное: государство не может существовать без финансов. Недаром в теории государства и права в качестве одного из обязательных признаков государства выделяют «наличие государственной казны, что связано с налогообложением и взиманием налогов и иных средств»⁶, на обеспечение нужд государства. Т. Н. Радько в качестве признака государства называет только «сбор налогов»⁷. М. Н. Марченко считает таким признаком «займы и налоги»⁸. А. Б. Венгеров, Н. И. Матузов и А. В. Малько указывают, что одним из признаков, характеризующих государство, выступает «обладание определенными материальными средствами для проведения своей политики»⁹, в число которых авторы относят бюджет и валюту. Относительно сказанного следует сделать ряд пояснений.

Полагаем, что, говоря о казне, авторы в первую очередь имеют в виду именно бюджет как централизованный фонд страны, основным назначением которого и служит финансовое обеспечение деятельности государства. В то же время «казна» — более широкое понятие, нежели «бюджет», включающее в себя как средства централизованных, обособленных бюджетных фондов, так и иное имущество государства.

В свою очередь, налоги не могут существовать отдельно от фонда, в котором они аккумулируются, а потому не могут быть единственным признаком. Важность выделения такого признака государства, как наличие собственного бюджета, предопределяется процессом правового отделения собственно централизованного фонда государства от фонда его правителя (императора, царя, князя и т.д.). Так, хорошо известным историческим примером является произошедшее в результате реформы Октавиана Августа разделение казны древнеримского государства на фиск (от «*fiscus*» — буквально «корзина», в которой перевозили деньги в военном обозе), аккумулировавший денежные средства императора, и эрариум (*aerarium*) — казну Сената. На необходимость различения доходов государства и доходов государя и членов царствующего дома указывалось и в дореволюционной науке финансового права¹⁰. В частности, Э. Н. Берендтс отмечал, что в России такая практика начала существовать со времен Петра Великого¹¹. Названный автор указывал, что «монарх не есть собственник государственного достояния России», а противное являлось бы отступлением от царственного обета¹².

Признаком государства являются не столько налоги сами по себе, сколько право государства устанавливать и взимать обязательные, индивидуально безвозмездные платежи, т.е. платежи, за уплату которых конкретное лицо не получает какого-либо встречного предоставле-

⁴ Далее под финансами мы будем иметь в виду государственные финансы.

⁵ Кудрин А. Л., Афанасьев М. П. Указ. соч.

⁶ Морозова Л. А. Теория государства и права : учебник. 6-е изд., перераб. и доп. М. : Норма : Инфра-М, 2024. С. 56.

⁷ Радько Т. Н. Теория государства и права : учебник. М. : Проспект, 2011. С. 388.

⁸ Общая теория государства и права. Академический курс : в 3 т. Т. 1 : Государство / отв. ред. М. Н. Марченко. 4-е изд., перераб. и доп. М. : Норма : Инфра-М, 2016. С. 127 ; Марченко М. Н. Теория государства и права : учебник. 2-е изд. М. : Проспект, 2017. С. 60.

⁹ Матузов Н. И., Малько А. В. Теория государства и права : учебник. 5-е изд. М. : Дело РАНХиГС, 2022. С. 52 ; Венгеров А. Б. Теория государства и права : учеб. пособие для колледжей. 7-е изд., стер. М. : Дашков и К°, 2023. С. 38.

¹⁰ Берендтс Э. Н. Русское финансовое право. СПб. : Типо-лит. С.-Петербургской одиночной тюрьмы, 1914. С. 39.

¹¹ Берендтс Э. Н. Указ. соч. С. 39.

¹² Берендтс Э. Н. Указ. соч. С. 40.

ния в силу того, что соответствующие денежные средства взимаются в публичном интересе, т.е. в интересах всего общества. Государство вправе обеспечивать поступление налогов посредством применения в установленных законом случаях мер государственного принуждения. Праву государства получать причитающиеся ему денежные средства в виде налогов корреспондирует обязанность налогоплательщиков (организаций и физических лиц) уплачивать соответствующие суммы. Право взимать налоги и самостоятельно распоряжаться поступившими в результате этого деньгами является неотъемлемым признаком суверенитета.

Следует согласиться с Н. М. Марченко, выделяющим «займы» в качестве признака государства. Однако, на наш взгляд, правильнее говорить не просто о «займах», а шире — о государственном кредите. Так, еще в дореволюционной науке финансового права налоги и кредит причислялись к главным источникам финансового обеспечения государства¹³. С точки зрения современной теории финансового права «займы и налоги» не что иное, как два основных метода финансовой деятельности собирания фондов денежных средств — методы обязательных и добровольных платежей. Право государства осуществлять внутренние и внешние заимствования также неотъемлемым образом связано с суверенитетом. В то же время формально может показаться, что, осуществляя заимствования, государство тем самым поступает своим суверенитетом, становясь в зависимую позицию от займодателя. Особенно остро данная проблема стоит в отношении займов, получаемых от международных организаций и иностранных государств. Действительно, если привлекаемые на основе возвратности и платности денежные средства становятся основным доходным источником бюджета, то о суверенитете такого государства говорить не приходится, поскольку через различные официальные и неофициальные условия предоставления кредитов займодатели

могут диктовать свои правила, в том числе влиять на законодательство должника. Таким образом, государству нужно стремиться проводить взвешенную, сбалансированную финансовую политику, чтобы не попасть в зависимость от других лиц, предоставляющих ему денежные средства. Между тем не следует и любой случай привлечения государством свободных денежных средств рассматривать как факт попрания суверенитета; в экономической и правовой науке кредит рассматривается как обычный инструмент покрытия дефицита бюджета. Сегодня отсутствуют государства, у которых не было бы государственного долга. Более того, самыми большими должниками являются наиболее экономически развитые страны¹⁴. Если некритически ставить вопрос признания государства суверенным в зависимость от объема его долга, то получится, что США, Китай и другие страны не являются самостоятельными. Очевидно, что это не так. Наряду с этим, если государство в условиях острого бюджетного дефицита принципиально отказывается от заимствований (или же не может найти источник свободных денежных средств), то в таком случае суверенитет страны может быть поставлен под удар: при нехватке денег органам государственной власти сложно обеспечить верховенство своих решений.

Таким образом, право привлекать свободные денежные средства для покрытия дефицита бюджета следует рассматривать как часть суверенитета; государство самостоятельно определяет основные направления финансовой политики, необходимость, объем и источники заемных денег. Кроме того, государство при осуществлении заимствований у международных организаций и иностранных государств выступает в качестве самостоятельного, независимого и равного участника международных отношений, что также служит проявлением и следствием суверенитета.

Возвращаясь к истории, следует отметить, что в российской дореволюционной науке фи-

¹³ Озеров И. Х. Основы финансовой науки. Вып. 1. Учение об обыкновенных доходах : курс лекций, читанный в Московском университете. М. : Типо-лит. Г. И. Простакова, 1905. С. 37.

¹⁴ Central Government Debt // URL: https://www.imf.org/external/datamapper/CG_DEBT_GDP@GDD/CHN/FRA/DEU/ITA/JPN/GBR/USA (дата обращения: 01.02.2024).

нансового права категория «финансовый суверенитет» не выделялась. В аспекте рассматриваемого вопроса следует обратить внимание на особенности употреблявшейся представителями финансово-правовой науки рубежа XIX–XX вв. терминологии. Так, общепринято было говорить не о финансовой деятельности (соответствующая категория была введена в научный оборот в советский период), а о государственном хозяйстве. Например, немецкий профессор К. Г. Рау в изданном в России в 1867 г. учебнике по основным началам финансовой науки указывал на то, что в ходе развития государства возникает особая отрасль правительственной деятельности, имеющая своей целью приобретение, сохранение и надлежащее употребление необходимых для государственной власти материальных ценностей и состоящая в ведении собственного *хозяйства* (здесь и далее курсив К. Г. Рау) или в попечении о государственных доходах и расходах. Эти попечения правительства об удовлетворении государственных потребностей посредством материальных ценностей составляют предмет так называемых *финансов, финансового управления, правительственного хозяйства или хозяйства государственного*¹⁵. Таким образом, автор рассматривает перечисленные термины в качестве взаимозаменяемых и одинаковых по содержанию синонимов. Другой немецкий профессор — К. Т. Эбергер — оперирует термином «финансовое хозяйство государства», равными по значению которому автор считает «государственное хозяйство» и «казенное хозяйство». Исключительно важным видится тот факт, что К. Т. Эбергер разделяет госу-

дарственное и публичное хозяйство¹⁶; последнее выступает более широкой категорией и включает в себя, помимо государственного, также и местное (общинное) хозяйство. Исходя из этого, можно сделать выводы:

— во-первых, слово «финансы» употребляется для обозначения хозяйства государства (реже — муниципальных образований) — частное хозяйство (так называемые частные финансы) указанной категорией не охватывалось. В связи с этим согласимся с авторами, указывающими на то, что «финансы» исторически использовались для обозначения публичных отношений¹⁷;

— во-вторых, «финансовое хозяйство» исключительно близко по содержанию современному термину «финансовая деятельность». Дореволюционные авторы использовали термины «финансы» и «финансовое хозяйство» (а равно «государственное хозяйство») как равнозначные. В рамках современной теории финансового права «финансы» и «финансовая деятельность» — разные по содержанию понятия. Кроме того, деятельность характеризует определенный процесс, систематически осуществляемые действия — хозяйство же описывает статику, состояние;

— в-третьих, разграничение публичных финансов на государственные и общинные в полной мере соответствует современному подходу.

Следует, однако, отметить, что работы названных выше авторов написаны по дисциплине «финансовые науки». Содержательно в них не делался упор исключительно на правовую составляющую — рассматриваемые труды пред-

¹⁵ Рау К. Г. Основные начала финансовой науки. СПб. : Тип. Майкова, 1867. Т. 1. С. 1.

¹⁶ Как отмечает автор, «хозяйство политических организаций выступает в странах рядом с хозяйством частным и общественным, которому приходится тогда подчиняться интересам высшего целого и оказывать ему содействие своею деятельностью и вспомоществованиями. Это хозяйство, направленное на создание и употребление нужных средств и ведущееся по определенному плану публичными организациями, мы называем финансовым хозяйством государства (также государственное и казенное хозяйство), уезда, общины (уездное и общинное хозяйство) или публичным хозяйством (государственное, волостное, общинное управление хозяйством)» (Эбергер К. Т. Курс финансовой науки / пер. с нем. М. А. Кучинского. СПб., 1913. С. 2).

¹⁷ См.: Грачева Е. Ю., Карасева (Сенцова) М. В., Покачалова Е. В., Ситник А. А. Рецензия на учебник «Финансовое право» под ред. В. Ф. Попондопуло и Д. А. Петрова. М. : Проспект, 2021. 576 с. // Финансовое право. 2022. № 10. С. 42–45.

ставляют собой сложное смешение экономической, политической, философской и правовой теорий. Подобный многогранный характер отличает и дореволюционные труды по финансовому праву, которые во многом берут свое начало именно в курсе финансовой науки в целом. Об этом, в частности, свидетельствует анализ учебников по финансовому праву В. А. Лебедева¹⁸, И. И. Патлаевского¹⁹, Д. М. Львова²⁰ и других авторов, первые страницы которых повторяют положения немецкой теории основных начал финансовой науки.

В. А. Лебедев определял финансовое право как правила финансового хозяйства, облеченные в известные законодательные нормы. Названный автор рассматривал термины «финансовое право» и «финансовое законодательство» в качестве равнозначных²¹. И. И. Патлаевский указывал на то, что финансовое право — это «практическое, более или менее удачное приложение положений науки финансов к условиям данного государства, облеченное в форму закона»²². Сходным образом и Д. М. Львов считал, что финансовое право есть «приложение общих начал финансовой науки к положительному законодательству»²³. Нисколько не ставя под сомнение фундаментальную значимость трудов названных авторов, подчеркнем, что соответствующие работы в большей мере направлены именно на приложение основ финансовой науки к праву, нежели наоборот. Сказанное относится и к про-

блемам научного осмысления развивавшегося в рамках науки государственного права учения о суверенитете, которое пока не находит системного изложения на страницах учебников по финансовому праву. Больше внимание связи финансового и государственного права уделял профессор С. И. Иловайский, который особо отмечал, что финансовое право относится к числу государственных юридических наук²⁴.

С. И. Иловайский напрямую называл государство «субъектом финансового верховенства», которое, по мнению автора, «выражается в праве... издавать финансовые законы»²⁵. Указанный ученый подчеркивал обязательный характер данных законов, которые в случае неисполнения или же нарушения защищаются посредством силы государственного принуждения²⁶. На основании этого С. И. Иловайский считал государственные финансы принудительными. Частные финансы по отношению к государственным являются подчиненными²⁷. Исходя из этого, можно заключить, что данный автор:

— во-первых, ставит во главу угла именно аспект верховенства государства, таким образом, сосредотачиваясь в первую очередь на внутреннем финансовом суверенитете. Заметим, что о независимости как основном свойстве, характеризующем внешний финансовый суверенитет, он ничего не говорит. Следует предположить, что независимость государства при решении финансовых вопросов в процессе взаимодейст-

¹⁸ Лебедев В. А. Финансовое право. СПб. : Типо-лит. А. М. Вольфа, 1882.

¹⁹ Патлаевский И. И. Курс финансового права. Одесса : Тип. «Одесского вестника», 1885.

²⁰ Львов Д. М. Курс финансового права. Казань : Тип. Императорского университета, 1887.

²¹ Лебедев В. А. Указ. соч. С. 5.

²² Патлаевский И. И. Указ. соч. С. 19.

²³ Львов Д. М. Указ. соч. С. 6.

²⁴ Как указывал С. И. Иловайский, «вся совокупность наук, преподаваемых на юридических факультетах, может быть разделена на два обширных отдела: 1) науки юридические в тесном смысле этого слова, к каковым относятся римское право, гражданское, уголовное и оба процесса; 2) науки государственные, именно государственное право, международное, полицейское и финансовое. Таким образом, финансовое право относится к числу государственных наук» (Иловайский С. И. Учебник финансового права. 4-е изд. Одесса : Типо-хромолит. А. Ф. Соколовского, 1904. С. 1).

²⁵ Иловайский С. И. Указ. соч. С. 14–15.

²⁶ Иловайский С. И. Указ. соч.

²⁷ Иловайский С. И. Указ. соч.

вия с иностранными государствами являлась для него само собой разумеющейся;

— во-вторых, сводит финансовое верховенство (а по сути финансовый суверенитет) к принятию нормативных правовых актов, регулирующих финансовые отношения;

— в-третьих, неразрывно связывает финансовое верховенство с правовым государством;

— в-четвертых, акцентирует внимание на приоритете публичных финансов над финансами частными;

— в-пятых, подчеркивает, говоря в парадигме современной юридической терминологии, приоритет метода власти и подчинения в регулировании финансовых отношений.

Сходным образом Э. Н. Берендтс начинает свой учебник по финансовому праву главой, посвященной вопросам «прав верховной власти в области государственного хозяйства»²⁸. Таким образом, еще более очевидна опора названного автора на теорию суверенитета отечественной школы государственного права.

Э. Н. Берендтс выделяет несколько основных свойств указанной власти: верховенство, самостоятельность и постоянство. Он подчеркивает, что независимо от организации верховной власти (будь то монархическая, аристократическая, республиканская или иная власть) она по своей сути «власть самостоятельная, ни от кого не зависящая и в правовом отношении неограниченная»²⁹, что означает, что в пределах территории государства нет другой подобной власти, устанавливающей границы деятельности и свои правомочия. Формально неограниченность верховной власти должна, по замечанию названного ученого, означать волюнтаризм: она может действовать в собственных интересах, используя любые доступные ресурсы, не считаясь с «интересами и правами государственного

общения»³⁰ и не придерживаясь никаких установленных правил. В то же время, как отмечает Э. Н. Берендтс, люди не являются безвольными существами, а, напротив, обладают сознанием, волей, являются духовно-нравственными субъектами. Использование верховной власти без оглядки на интересы общества вело бы к гибели государства. Залогом стабильности, по мнению профессора, служат организованное государство и *действующая на основе права верховная власть*³¹. Сказанное в полной мере относится и к государственному хозяйству. Более того, Э. Н. Берендтс делает особый акцент на том, что государственное хозяйство следует именовать *правовым* государственным хозяйством: оно организуется и регулируется на основе норм положительных законов³². Таким образом, Э. Н. Берендтс неразрывно связывает государственное хозяйство с правовым (также именуемым им «правомерным») государством: только при соблюдении законности указанное хозяйство может давать не только временный результат в виде повышения доходов, но и, что более важно, быть прочным, развиваться стабильно в течение продолжительного периода времени³³.

Рассматриваемый ученый выделяет два основных («главнейших») права верховной власти: законодательства и управления. В силу того, что «право суда» не относится им непосредственно к сфере финансового права, можно заключить, что данный автор по сути говорит о законодательной и исполнительной властях. И та и другая, указывает Э. Н. Берендтс, должны осуществляться в формах, установленных законом.

Право управления (исполнительная власть) разграничивается на собственно верховное и подчиненное. Верховное принадлежит монарху, а подчиненное — органам и лицам, действующим

²⁸ Берендтс Э. Н. Указ. соч. С. 3.

²⁹ Берендтс Э. Н. Указ. соч. С. 33.

³⁰ Берендтс Э. Н. Указ. соч.

³¹ Берендтс Э. Н. Указ. соч. С. 34.

³² Берендтс Э. Н. Указ. соч.

³³ «Только при закономерной организации государственное хозяйство будет не только доходным временно, но и прочным, а государство — сильным и способным к культурному развитию» (Берендтс Э. Н. Указ. соч. С. 34).

щим от его имени. Таким образом, царь делегирует часть своих полномочий назначаемым от его имени органам. Верховное и подчиненное управления должны быть «закономерными», т.е. отвечать мере закона, или, говоря современным языком, основываться на принципе законности. Основное различие между верховным и подчиненным управлениями — преимущественно творческий характер первого³⁴. Э. Н. Берендтс определяет верховное управление как «творческую деятельность монарха в политике законодательства и политике управления»³⁵. Такой творческий характер проявляется в том, что власть управления в своих нормативных правовых актах (указах) должна восполнить те пробелы, которые имеются в законах. При этом названный автор выступает против мелкой законодательной казуистики, которая, по его мнению, «не ведет к цели»³⁶. Таким образом, ситуация, при которой законодательство не регламентирует мельчайшие детали тех или иных отношений, является нормальной. Более того, смысл исполнительной власти во многом и заключается в том, чтобы осуществлять толкование положений закона, дополнять и развивать их частными положениями. Данный вывод, на наш взгляд, имеет исключительно важное значение применительно к текущей ситуации, когда законодатель стремится как можно детальнее регламентировать общественные отношения, подменяя тем самым подзаконное нормотворчество. В результате постоянных изменений и дополнений современное законодательство перестает быть стабильным и предсказуемым

регулятором общественных отношений, впадая в так метко подмеченную Э. Н. Берендтсем «мелкую казуистику».

В контексте рассматриваемого вопроса нужно также обратить внимание на наследие профессора В. Г. Яроцкого. Данный автор тоже оперирует термином «финансовое верховенство», под которым предлагает понимать «совокупность прав государственной власти как субъекта финансового хозяйства»³⁷.

По мнению ученого, состав финансового верховенства образуют отдельные права, в том числе право:

- составления бюджета;
- организации финансовых учреждений;
- расходования государственных доходов;
- собирания государственных доходов, а также заведования (т.е. управления) ими и изыскания новых источников дохода;
- принятия государством гарантий по обеспечению «общепользовательных» предприятий и учреждений (данное право, как указывал В. Г. Яроцкий, является факультативным)³⁸.

Среди форм проявления финансовой власти В. Г. Яроцкий выделяет:

- 1) финансовую законодательную власть;
- 2) финансовую исполнительную власть, которая включает три вида власти:
 - а) организационную — заключается в праве учреждать органы финансового управления;
 - б) административную (распорядительную) — проявляется в праве «приведения законов в действие», т.е. в правоприменительной деятельности, а также в толковании законов³⁹;

³⁴ Хотя и подчиненное управление, как отмечает Э. Н. Берендтс, «не лишено известной доли творчества, ибо органам его, в особенности высшим, приходится выяснять смысл закона и в том случае, если закон допускает известную, хотя бы скромную свободу действий административных, — избирать наиболее целесообразные пути к его исполнению» (Берендтс Э. Н. Указ. соч. С. 43).

³⁵ Берендтс Э. Н. Указ. соч. С. 42.

³⁶ Э. Н. Берендтс отмечает: «Мелкая законодательная казуистика не приводит к цели, ибо сложные условия жизни ставят нередко требования, которые должны быть удовлетворены в общих пределах, установленных законами, но способами, приуроченными к этим условиям» (Берендтс Э. Н. Указ. соч. С. 42).

³⁷ Яроцкий В. Г. Финансовое право : лекции, читанные в Военно-юридической Академии. СПб. : Типо-лит. А. М. Станкевича, 1898. С. 59.

³⁸ Яроцкий В. Г. Указ. соч. С. 60.

³⁹ Также к данному праву В. Г. Яроцкий относит введение и отмену законов, что, однако, следует относить к полномочиям законодательной власти. См.: Яроцкий В. Г. Указ. соч. С. 60.

в) принудительную, состоящую из:

— власти дисциплинарной (подчиненность служащих);

— исполнительской власти (принудительное взимание налогов, штрафов, секвестирований и т.д.).

Таким образом, В. Г. Яроцкий обращает более детальное внимание на содержание финансовой исполнительной власти.

И. И. Янжул в своих «Основных началах финансовой науки» не представляет четко оформленной концепции проявления верховной власти в финансовой сфере, хотя данная работа и содержит отдельные положения относительно указанного вопроса. Называя верховную власть «высшим разумом народа»⁴⁰, указанный автор подчеркивает, что она стоит выше отдельных индивидуальных прав и государство должно пользоваться своим высшим правом для всеобщего блага⁴¹. В силу своего верховного права государство может:

— требовать от народа «имущественных жертв»⁴² без права получения какого бы то ни было вознаграждения за это, т.е. вправе устанавливать прямые и косвенные налоги⁴³;

— полностью уничтожить частную конкуренцию в отдельных сферах общественной жизни⁴⁴, устанавливая юридические регалии;

— вмешиваться в частную деятельность, регламентируя ее⁴⁵, в том числе посредством ограничения права собственности⁴⁶.

Как следует из вышесказанного, дореволюционные авторы по-разному подходили к раскрытию сути финансового верховенства государства (прав верховной власти в сфере государственного / финансового хозяйства). В то же время подобные расхождения не только характерны для изложения отдельных положений теории финансового права, но и выражаются в подходах к определению содержания названной науки. Так, большинство авторов дореволюционного периода выделяло две основные части (раздела) финансового права: учение о доходах и учение о расходах. И. И. Янжул критиковал данный подход, считая, что собственно к финансовому праву относится лишь часть, связанная с государственными доходами. Все, что касается расходов, по мнению указанного ученого, относится к государственному и полицейскому (т.е. по сути административному) праву⁴⁷. Между тем В. Г. Яроцкий указывал на «неправильность такого сужения содержания... науки»⁴⁸ финансового права. Д. М. Львов выделял три части финансового права: доходы, рас-

⁴⁰ Янжул И. И. Основные начала финансовой науки: учение о государственных доходах. М. : Статут, 2002. С. 139.

⁴¹ Янжул И. И. Указ. соч. С. 116.

⁴² Янжул И. И. Указ. соч. С. 80, 242.

⁴³ И. И. Янжул подчеркивал, что «государство в силу своей верховной власти требует от подданных известных пожертвований, или прямо вынуждая их заплатить в его пользу ту или другую сумму, или взимая эту сумму с производителя и позволяя ему самому собрать ее с потребителя посредством соответственного повышения цены производимых им товаров, или же прямо забирая в свои руки исключительное право на производство известного продукта и произвольно устанавливая цены на него» (Янжул И. И. Указ. соч. С. 48–49).

⁴⁴ Поскольку, далее, основной принцип всей государственной деятельности состоит в преследовании общего блага народа, направляемом высшим разумом народа — верховной властью, то государство, не выходя из сферы своих социальных задач, конечно, имеет полное юридическое основание, уничтожив частную конкуренцию, учредить казенную монополию таких промыслов, рациональное ведение которых безусловно необходимо для той или другой стороны общественной жизни, но недостаточно гарантируется предоставлением их частной предприимчивости (юридические регалии).

⁴⁵ Янжул И. И. Указ. соч. С. 117.

⁴⁶ Янжул И. И. Указ. соч. С. 116–117.

⁴⁷ Янжул И. И. Указ. соч. С. 18–19.

⁴⁸ Яроцкий В. Г. Финансовое право : лекции, читанные в Военно-юридической академии. СПб. : Типо-лит. А. М. Станкевича, 1898. С. 5.

ходы и государственную отчетность⁴⁹. И. И. Патлаевский называл третью часть «финансовой политикой»⁵⁰. Указанные расхождения позволяют считать период конца XIX — начала XX в. этапом первоначального становления финансового права как самостоятельной области знаний, характеризующимся активным научным поиском и направленным на выработку наиболее эффективных конструкций финансово-правовой теории.

В рамках советского периода развития финансового права учение о государственном финансовом суверенитете (уже — финансовом верховенстве) не находит должного отражения на страницах научной и учебной литературы. В целом финансово-правовая теория в отношении данного вопроса находится в общей канве развития концепции суверенитета в теории права и науке государственного (конституционного) права. Так, например, как отмечалось в одном из первых учебников по финансовому праву СССР С. А. Котляревского⁵¹, в первые месяцы Октябрьской революции основная задача большевистского правительства заключалась в утверждении революции. В финансовой области это проявлялось в двух направлениях: во-первых, в разрушении финансового господства буржуазии и, во-вторых, в концентрации в руках новой власти необходимых материальных средств⁵². Вопрос о сущности финансового суверенитета не относился к числу актуальных в данный период времени. В сфере финансового права наиболее ярко проявились общие тенденции утверждения «диктатуры трудящихся» — через реквизиции, конфискации и иные акты изъятия

частной собственности⁵³. Таким образом, финансовое право начало носить классовый характер.

В учебном пособии Е. А. Ровинского по советскому финансовому праву 1957 г.⁵⁴ среди основных принципов финансовой деятельности названный автор выделяет принцип полновластия народа⁵⁵. Вместе с тем содержательный анализ указанного издания позволяет прийти к выводу, что под этим принципом данный ученый имел в виду то, что позднее Г. С. Гуревич более точно назвал принципом участия трудовых коллективов и граждан в управлении делами государства и общества⁵⁶.

Упоминание о суверенитете в работе Е. А. Ровинского можно встретить применительно к принципу равноправия национальностей и народностей как основополагающему началу финансовой деятельности Советского государства⁵⁷. Между тем, исходя из положений действовавшего на тот момент Основного закона, речь идет об «укреплении суверенитета союзных республик», которое, по замечанию данного автора, способствовало широкому развитию финансовой деятельности республиканских и местных органов государства⁵⁸.

Аналогичным образом и М. А. Гурвич в учебнике 1954 г. называет союзные республики суверенными государствами, обладающими всей полнотой власти на своей территории⁵⁹. В силу наделения союзных республик суверенитетом признавалось, что они обладают полнотой власти на своей территории и самостоятельно осуществляют финансовую деятельность (правда, в рамках компетенции, установленной Конституцией СССР)⁶⁰. Принцип национального

⁴⁹ Львов Д. М. Указ. соч. С. 6.

⁵⁰ Патлаевский И. И. Указ. соч. С. 22–23.

⁵¹ Котляревский С. А. Финансовое право С.С.С.Р. Л., 1926.

⁵² Котляревский С. А. Указ. соч. С. 4.

⁵³ Котляревский С. А. Указ. соч. С. 4.

⁵⁴ Ровинский Е. Советское финансовое право : учеб. пособие. М., 1957.

⁵⁵ Ровинский Е. Указ. соч. С. 10.

⁵⁶ Советское финансовое право : учебник / отв. ред. Г. С. Гуревич. М. : Юрид. лит., 1985. С. 29.

⁵⁷ Ровинский Е. Указ. соч. С. 10.

⁵⁸ Ровинский Е. Указ. соч. С. 11.

⁵⁹ Гурвич М. А. Советское финансовое право. 2-е изд., перераб и доп. М. : Госюриздат, 1954. С. 12.

⁶⁰ Гурвич М. А. Указ. соч.

суверенитета, по замечанию М. А. Гурвича, противостоит эксплуататорской идее порабощения независимых народов⁶¹.

Следует отметить, что идея о суверенитете в целом и суверенитете советских республик в частности была искусственно вписана в советскую юридическую доктрину: она изначально противоречит фундаментальному положению (и во многом цели) коммунистической идеологии, заключающейся в необходимости отказа от государства как такового. Наделение отдельных союзных республик статусом суверенного государства, в том числе в области финансовой деятельности, не согласуется с сутью суверенитета и сущностью федерации как формы государственного устройства. Суверенитетом на той или иной территории может обладать только одно публично-правовое образование — поэтому он

и един. В федерации носителем суверенитета может быть только федеральный, общий для всей страны уровень власти. Признание же отдельных ее субъектов суверенными автоматически влечет за собой квалификацию соответствующего государства в качестве конфедерации. Пренебрежительное отношение к положениям юридической теории, нежелание принимать во внимание реальную сущность взаимоотношений публично-правовых образований внутри федерации, а также попытка неестественного совмещения противоречащих друг другу идей в угоду утопическим началам (по крайней мере в части организации публичной власти) марксистско-ленинской теории привели к известным печальным последствиям для нашей страны, всю тяжесть которых испытал народ, на чью пользу и должна работать государственная власть.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Берендтс Э. Н. Русское финансовое право. — СПб. : Типо-лит. С.-Петербургской одиночной тюрьмы, 1914. — 453 с.
2. Венгеров А. Б. Теория государства и права : учеб. пособие для колледжей. — 7-е изд., стер. — М. : Дашков и К°, 2023. — 238 с.
3. Грачева Е. Ю., Карасева (Сенцова) М. В., Покачалова Е. В., Ситник А. А. Рецензия на учебник «Финансовое право» под ред. В. Ф. Попондопуло и Д. А. Петрова. — М. : Проспект, 2021. — 576 с. // Финансовое право. — 2022. — № 10. — С. 42–45.
4. Гурвич М. А. Советское финансовое право. — 2-е изд., перераб и доп. — М. : Госюриздат, 1954. — 355 с.
5. Иловыйский С. И. Учебник финансового права. — 4-е изд. — Одесса : Типо-хромолит. А. Ф. Соколовского, 1904. — 383 с.
6. Котляревский С. А. Финансовое право С.С.С.Р. — Л., 1926. — 157 с.
7. Кудрин А. Л., Афанасьев М. П. Государственные финансы Ренессанса: Карафа — Ортис — Боден : учеб. пособие по истории финансовой мысли. — М. : Магистр: Инфра-М, 2023. — 144 с.
8. Лебедев В. А. Финансовое право. — СПб. : Типо-лит. А. М. Вольфа, 1882. — 722 с.
9. Львов Д. М. Курс финансового права. — Казань : Тип. Императорского Университета, 1887. — 537 с.
10. Марченко М. Н. Теория государства и права : учебник. — 2-е изд. — М. : Проспект, 2017. — 640 с.
11. Матузов Н. И., Малько А. В. Теория государства и права : учебник. — 5-е изд. — М. : Дело РАНХиГС, 2022. — 528 с.
12. Морозова Л. А. Теория государства и права : учебник. — 6-е изд., перераб. и доп. — М. : Норма : Инфра-М, 2024. — 464 с.
13. Общая теория государства и права. Академический курс : в 3 т. Т. 1 : Государство / отв. ред. М. Н. Марченко. — 4-е изд., перераб. и доп. — М. : Норма : Инфра-М, 2016. — 576 с.
14. Озеров И. Х. Основы финансовой науки. Вып. 1-й. Учение об обыкновенных доходах : курс лекций, читанный в Московском университете. — М. : Типо-лит. Г. И. Простакова, 1905. — 504 с.
15. Патлаевский И. И. Курс финансового права. — Одесса : Тип. «Одесского вестника», 1885. — 395 с.

⁶¹ Гурвич М. А. Указ. соч. С. 21.

16. Радько Т. Н. Теория государства и права : учебник. — М. : Проспект, 2011. — 496 с.
17. Рау К. Г. Основные начала финансовой науки. Т. 1. — СПб. : Тип. Майкова, 1867. — 321 с.
18. Ровинский Е. Советское финансовое право : учеб. пособие. — М., 1957. — 192 с.
19. Советское финансовое право : учебник / отв. ред. Г. С. Гуревич. — М. : Юрид. лит., 1985. — 272 с.
20. Эберг К. Т. Курс финансовой науки / пер. с нем. М. А. Кучинского. — СПб., 1913. — 592 с.
21. Финансовое право : учебник / отв. ред. Е. Ю. Грачева, О. В. Болтинова. — 2-е изд., перераб. и доп. — М. : Проспект, 2020. — 624 с.
22. Янжул И. И. Основные начала финансовой науки: учение о государственных доходах. — 4-е изд., изм. и доп. — СПб., 1904. — 505 с.
23. Яроцкий В. Г. Финансовое право : лекции, читанные в Военно-юридической академии. — СПб. : Типо-лит. А. М. Станкевича, 1898. — 368 с.

Материал поступил в редакцию 1 февраля 2024 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Berendts E. N. Russkoe finansovoe pravo. — SPb.: Tipo-lit. S.-Peterburgskoy Odinochnoy tyurmy, 1914. — 453 s.
2. Vengerov A. B. Teoriya gosudarstva i prava: ucheb. posobie dlya kolledzhey. — 7-e izd., ster. — M.: Dashkov i K°, 2023. — 238 s.
3. Gracheva E. Yu., Karaseva (Sentsova) M. V., Pokachalova E. V., Sitnik A. A. Retsenziya na uchebnik «Finansovoe pravo» pod red. V. F. Popondopulo i D. A. Petrova. — M.: Prospekt, 2021. — 576 s. // Finansovoe pravo. — 2022. — № 10. — S. 42–45.
4. Gurvich M. A. Sovetskoe finansovoe pravo. — 2-e izd., pererab i dop. — M.: Gosyurizdat, 1954. — 355 s.
5. Ilovayskiy S. I. Uchebnik finansovogo prava. — 4-e izd. — Odessa: Tipo-khromo-lit. A. F. Sokolovskogo, 1904. — 383 s.
6. Kotlyarevskiy S. A. Finansovoe pravo S.S.S.R. — L., 1926. — 157 s.
7. Kudrin A. L., Afanasev M. P. Gosudarstvennye finansy Renessansa: Karafa — Ortis — Boden: ucheb. posobie po istorii finansovoy mysli. — M.: Magistr: Infra-M, 2023. — 144 s.
8. Lebedev V. A. Finansovoe pravo. — SPb.: Tipo-lit. A. M. Volfa, 1882. — 722 s.
9. Lvov D. M. Kurs finansovogo prava. — Kazan: Tip. Imperatorskogo Universiteta, 1887. — 537 s.
10. Marchenko M. N. Teoriya gosudarstva i prava: uchebnik. — 2-e izd. — M.: Prospekt, 2017. — 640 s.
11. Matuzov N. I., Malko A. V. Teoriya gosudarstva i prava: uchebnik. — 5-e izd. — M.: Delo RANKhiGS, 2022. — 528 s.
12. Morozova L. A. Teoriya gosudarstva i prava: uchebnik. — 6-e izd., pererab. i dop. — M.: Norma: Infra-M, 2024. — 464 s.
13. Obshchaya teoriya gosudarstva i prava. Akademicheskii kurs: v 3 t. T. 1: Gosudarstvo / отв. red. M. N. Marchenko. — 4-e izd., pererab. i dop. — M.: Norma: Infra-M, 2016. — 576 s.
14. Ozerov I. Kh. Osnovy finansovoy nauki. Vyp. 1-y. Uchenie ob obyknovennykh dokhodakh: kurs lektsiy, chitannyi v Moskovskom universitete. — M.: Tipo-lit. G. I. Prostakova., 1905. — 504 s.
15. Patlaevskiy I. I. Kurs finansovogo prava. — Odessa: Tip. «Odesskogo vestnika», 1885. — 395 s.
16. Radko T. N. Teoriya gosudarstva i prava: uchebnik. — M.: Prospekt, 2011. — 496 s.
17. Rau K. G. Osnovnye nachala finansovoy nauki. T. 1. — SPb.: Tip. Maykova, 1867. — 321 s.
18. Rovinskiy E. Sovetskoe finansovoe pravo: ucheb. posobie. — M., 1957. — 192 s.
19. Sovetskoe finansovoe pravo: uchebnik / отв. ред. Г. С. Гуревич. — М.: Юрид. лит., 1985. — 272 с.
20. Eeberg K. T. Kurs finansovoy nauki / per. s nem. M. A. Kuchinskogo. — SPb., 1913. — 592 s.
21. Finansovoe pravo: uchebnik / отв. ред. Е. Ю. Грачева, О. В. Болтинова. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Проспект, 2020. — 624 с.
22. Yanzhul I. I. Osnovnye nachala finansovoy nauki: uchenie o gosudarstvennykh dokhodakh. — 4-e izd., izm. i dop. — SPb., 1904. — 505 s.
23. Yarotskiy V. G. Finansovoe pravo: lektsii, chitannye v Voennno-yuridicheskoy akademii. — SPb.: Tipo-lit. A. M. Stankevicha, 1898. — 368 s.

ГРАЖДАНСКОЕ И АДМИНИСТРАТИВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО

DOI: 10.17803/1994-1471.2024.167.10.070-080

С. В. Гавричков*

Судебный запрет платежа по банковской гарантии как процессуальный способ вмешательства в гарантийные правоотношения

Аннотация. В статье анализируется соотношение процессуального института принятия судами обеспечительных мер и материального института обеспечения исполнения обязательств путем выдачи независимых (банковских) гарантий. Поднимается проблема вторжения обеспечительных мер в независимую природу гарантийных отношений и представляется обоснование того, что такие обеспечительные меры могут быть допустимы при наличии признаков злоупотребления правом со стороны недобросовестных бенефициаров. Приводится анализ материалов практики как арбитражных судов, так и судов общей юрисдикции и подходов судов к вопросам принятия обеспечительных мер, запрещающих банкам осуществлять платеж по банковской гарантии. Автор затрагивает также вопросы стандарта доказывания при принятии судами обеспечительных мер в гарантийных правоотношениях. В заключение обосновывается, что альтернативные методы восстановления прав принципала или гаранта в виде взыскания неосновательного обогащения с недобросовестного бенефициара могут быть недостаточно эффективны.

Ключевые слова: обеспечительные меры; обеспечение иска; злоупотребление правом; независимая гарантия; банковская гарантия; гарантийные правоотношения; акцессорное обязательство; неакцессорное обязательство; банк; кредитные организации.

Для цитирования: Гавричков С. В. Судебный запрет платежа по банковской гарантии как процессуальный способ вмешательства в гарантийные правоотношения // Актуальные проблемы российского права. — 2024. — Т. 19. — № 10. — С. 70–80. — DOI: 10.17803/1994-1471.2024.167.10.070-080.

© Гавричков С. В., 2024

* Гавричков Станислав Васильевич, адвокат, старший партнер адвокатского бюро Санкт-Петербурга «Главная буква», аспирант Института государства и права РАН
Знаменка ул., д. 10, г. Москва, Россия, 119019
svgavrichkov@gmail.com

The Injunction to Pay under a Bank Guarantee as a Procedural Means of Interference in Guarantee Legal Relations

Stanislav V. Gavrichkov, Advocate; Senior Partner, St. Petersburg Law Office «Glavnaya bukva,»
Postgraduate Student, Institute of the State and Law, Russian Academy of Sciences, Moscow,
Russian Federation
svgavrichkov@gmail.com

Abstract. The paper analyzes the balance between the procedural institution of acceptance of interim measures by the courts and the material institution of ensuring the fulfillment of obligations by issuing independent (bank) guarantees. The author raises the issue of the intrusion of interim measures into the independent nature of the guarantee relationship and justifies the approach according to which such interim measures may be permissible if there are signs of abuse of the right by unscrupulous beneficiaries. The paper analyzes the practice of both arbitrazh courts and courts of general jurisdiction and the approaches of courts to the adoption of interim measures prohibiting banks from making payments under a bank guarantee. The author also touches upon the issues of the standard of proof when courts apply interim measures in guarantee relations. In conclusion, it is substantiated that alternative methods of restoring the rights of the principal or guarantor in the form of collecting unjustified enrichment from an unscrupulous beneficiary may not be effective enough.

Keywords: interim measures; securing a claim; abuse of law; independent guarantee; bank guarantee; guarantee relations; accessory obligation; non-accessory obligation; bank; credit organizations.

Cite as: Gavrichkov SV. The Injunction to Pay under a Bank Guarantee as a Procedural Means of Interference in Guarantee Legal Relations. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2024;19(10):70-80. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2024.167.10.070-080

Введение

Идея написания статьи родилась в результате анализа двух институтов права: материально-го института независимой гарантии как способа обеспечения исполнения обязательств и процессуального института принятия обеспечительных мер, который при определенных обстоятельствах может вмешиваться в гарантийную природу правоотношений в случае злоупотребления правом со стороны недобросовестного бенефициара. Автор попытается ответить на вопрос, насколько правомерны обеспечительные меры в условиях необходимости осуществления быстрого платежа при предъявлении требования по независимой гарантии.

Еще в 1998 г. Высший Арбитражный Суд РФ обращал внимание судов на то, что при наличии доказательств прекращения основного обязательства в связи с его надлежащим исполнением, о чем бенефициару было известно до предъявления письменного требования к гаранту, судом может быть отказано в удовлетворении требований бенефициара (ст. 10 ГК РФ)¹.

В 2019 г. в Обзоре судебной практики разрешения споров, связанных с применением законодательства о независимой гарантии, была закреплена аналогичная правовая позиция, согласно которой отход от принципа независимости гарантии допускается только при злоупотреблении бенефициаром своим правом на безусловное получение выплаты. Из обстоятельств

¹ П. 4 информационного письма Президиума ВАС РФ от 15.01.1998 № 27 «Обзор практики разрешения споров, связанных с применением норм Гражданского кодекса Российской Федерации о банковской гарантии» // Экономика и жизнь. 1998. № 7.

дела должно усматриваться явное намерение бенефициара недобросовестно обогатиться путем истребования платежа от гаранта². В научной литературе также обращается внимание на проблему злоупотребления правом и на случаи, когда бенефициар, уже получивший надлежащее исполнение по основному обязательству, обращается к гаранту с требованием о выплате по гарантии³.

Логично, что указанное злоупотребление правом свидетельствует о необходимости принятия обеспечительных мер, запрещающих гаранту платить по банковской гарантии до разрешения спора.

В такой ситуации на одной чаше весов лежит проблема злоупотребления правом бенефициарами при предъявлении требований по банковским гарантиям, которая имеет многолетнюю историю и до настоящего времени остается актуальной, а на другой — принятие обеспечительных мер по таким спорам, которые вторгаются в гарантийные отношения.

В недавно принятом постановлении Пленума Верховного Суда РФ «О некоторых вопросах принятия судами мер по обеспечению иска, обеспечительных мер и мер предварительной защиты»⁴, которое обобщило многолетнюю судебную практику по обеспечительным мерам, рассматриваемая проблематика не получила своего разрешения, что обуславливает научную и практическую значимость вопросов, поднятых в настоящей статье.

В ранее действовавшем постановлении Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ «О применении арбитражными судами обеспечительных мер»⁵ указанная проблематика также не имела какого-либо регулирования.

Поэтому, исходя из специфической природы гарантийных отношений, которые сами по

себе подразумевают своевременную выплату в пользу бенефициара по требованию, целью настоящей статьи является анализ процессуальных вопросов принятия судами обеспечительных мер, которые фактически «блокируют» исполнение гарантийных отношений. При этом акцент будет смещен в сторону банковских гарантий с учетом того, что данный инструмент все же до настоящего времени более востребован в гражданском обороте и наиболее часто встречается в судебной практике.

Обеспечительные меры в соотношении с независимой природой гарантийных правоотношений

Чтобы перейти к теоретическим и практическим аспектам реализации процедуры принятия обеспечительных мер по спорам, связанным с банковскими гарантиями, необходимо для начала разобраться в сути и материальной природе этих отношений.

ГК РФ прямо определяет независимую гарантию в качестве способа обеспечения исполнения обязательств. Гарантия является односторонней сделкой, поскольку для ее выдачи необходимо и достаточно воли гаранта. В свою очередь, банковская гарантия является видом указанного института и отличается от независимой гарантии субъектным составом лиц, участвующих в гарантийных отношениях. В конструкции банковской гарантии роль гаранта отведена банкам или иным кредитным организациям.

С точки зрения кредитора (бенефициара по банковской гарантии), отличие независимой гарантии от банковской гарантии может иметь принципиальное значение, поскольку

² П. 11 Обзора судебной практики разрешения споров, связанных с применением законодательства о независимой гарантии // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2019. № 11.

³ Сарбаш С. В. Некоторые проблемы обеспечения исполнения обязательств // Вестник ВАС РФ. 2007. № 7.

⁴ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01.06.2023 № 15 «О некоторых вопросах принятия судами мер по обеспечению иска, обеспечительных мер и мер предварительной защиты» // Российская газета. 2023. № 123.

⁵ Постановление Пленума ВАС РФ от 12.10.2006 № 55 «О применении арбитражными судами обеспечительных мер» // Вестник ВАС РФ. 2006. № 12.

за исполнение обязательства перед ним отвечает не только контрагент по договору, который именуется принципалом в гарантийных отношениях, но и гарант. В случае, если гарантом является банк, который соответствует всем нормативам достаточности капитала, вероятность неисполнения обязательств перед кредитором снижается.

В этой связи банковская гарантия занимает особое место в системе обеспечения исполнения обязательств, поскольку является наиболее эффективным и своевременным инструментом получения выплаты в случае ненадлежащего исполнения обязательства.

С такой позицией соглашается Б. И. Башилов, указывая на то, что главным доводом в пользу использования банковской гарантии по сравнению с другими видами обеспечения (например, поручительством коммерческой организации) является наличие большего надзора за организациями, осуществляющими банковскую деятельность, по сравнению с юридическими лицами, осуществляющими предпринимательскую деятельность⁶.

Ключевым отличием независимой (банковской) гарантии от других способов обеспечения исполнения обязательств выступает ее независимость от действительности обеспечиваемого такой гарантией обязательства, т.е., другими словами, данная гарантия, в отличие от классических способов обеспечения исполнения обязательств, обладает неакцессорной обеспечительной конструкцией.

Акцессорность обеспечительных обязательств неоднократно становилась предметом

исследования в научной литературе. Р. С. Бевзенко указывает, что неакцессорный характер независимой гарантии выражается в том, что уже в ее определении законодатель подчеркивает, что существование обязательства гаранта не зависит от наличия действительного долга принципала перед бенефициаром. Какая-либо связь между возникновением обязательства гаранта и существованием обеспеченного долга из закона не усматривается, следовательно, это обязательство, вытекающее из независимой гарантии, является неакцессорным⁷. В результате мы получаем эффективный способ обеспечения договора именно в силу независимости гарантии от основного обязательства⁸.

В научной литературе отмечается сходство банковской гарантии с аккредитивом, поскольку обоим присущ принцип автономии от основного обязательства. Подчеркивается, что банк никоим образом не связан каким-либо спором, который может возникнуть между контрагентами по основному обязательству⁹.

Основным международным договором, регулирующим банковскую гарантию, выступает Конвенция ООН 1995 г. о независимых гарантиях и резервных аккредитивах, которая содержит универсальные механизмы регулирования двух инструментов: независимой гарантии и резервного аккредитива как ее разновидности¹⁰. Принципиальная разница между рассматриваемыми институтами заложена в первую очередь в хозяйственной цели: аккредитив выполняет функцию платежа, а гарантия — функцию обеспечения¹¹. При этом в названной Конвенции прямо

⁶ Башилов Б. И. Обеспечительные меры по корпоративным спорам в арбитражном процессе Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019. С. 144.

⁷ Бевзенко Р. С. Акцессорность обеспечительных обязательств: европейская правовая традиция и российская практика // Вестник гражданского права. 2012. Т. 12. № 5. С. 4–36 ; № 6. С. 5–48.

⁸ Алексеева О. Г., Аминов Е. Р., Бандо М. В. [и др.] Гражданское право : учебник : в 2 т. / под ред. Б. М. Гонгало. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Статут, 2018. Т. 2.

⁹ Шмитгофф К. Экспорт: право и практика международной торговли. М. : Юрид. лит., 1993. С. 203.

¹⁰ Ерпылева Н. Ю. Структура, форма и содержание банковских гарантий в международном банковском праве // Банковское право. 2011. № 2. С. 41–48.

¹¹ Овсейко С. Комментарий к Конвенции ООН о независимых гарантиях и резервных аккредитивах // Банковское право. 2001. № 3. С. 54–64.

указывается на независимый характер данных инструментов¹².

Таким образом, в международном обороте аккредитивы и банковские гарантии считаются инструментами сходной природы, в связи с чем в международных спорах позиции судов (арбитров) в делах по банковским гарантиям применяются к рассмотрению споров по аккредитивам, и наоборот¹³.

Базовой чертой гарантии в праве Европейского Союза признана обособленность гарантии от основного договора (*principal contract*). Банку запрещено использовать защиту (*defences*), которую он мог бы выстроить, используя факт неисполнения или содержание основного договора¹⁴. Однако, например, во французской судебной практике была выражена позиция, что в некоторых случаях принцип независимости гарантии может быть ограничен в случае недействительности или прекращения основного обязательства¹⁵.

Независимый характер гарантии также установлен статьей 5 Унифицированных правил для гарантий по требованию, включая типовые формы (URDG 758), в редакции 2010 г. (публикация МТП № 758). Кроме того, в указанных правилах отмечено, что ссылка в гарантии на основную сделку для целей ее идентификации не меняет независимой природы гарантии¹⁶.

В любом случае для целей настоящей статьи и анализа в разрезе принятия обеспечительных мер важно отметить, что и в российском, и в международном правопорядке банковская гарантия по общему правилу независима от основного обязательства даже при определенной производности от основного обязательства. Другие авторы указывают, что независимость банковской гарантии от основного обязательства не стоит считать абсолютной¹⁷, поскольку, если установлен факт надлежащего исполнения основного обязательства, о чем бенефициару было известно до предъявления письменного требования к гаранту, суд отказывает в удовлетворении этого требования, расценивая действия бенефициара как злоупотребление правом¹⁸. Независимость обязательства гаранта, очевидно, проявляется в том, что, рассматривая требование бенефициара, гарант не может выдвигать возражения, основанные на отношениях бенефициара (как кредитора) и принципала (как должника). Поэтому независимость банковской гарантии не ущемляет ее дополнительного (акцессорного) характера¹⁹.

При представлении бенефициаром требования по банковской гарантии гарант должен рассмотреть требование бенефициара и приложенные к нему документы в течение пяти

¹² Конвенция Организации Объединенных Наций о независимых гарантиях и резервных аккредитивах. Принята резолюцией 50/48 Генеральной Ассамблеи от 11.12.1995 // URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/credit.shtml (дата обращения: 02.02.2024).

¹³ Вишневецкий А. А. Современное банковское право: банковско-клиентские отношения: сравнительно-правовые очерки. М.: Статут, 2013.

¹⁴ Канхуш Д. Принцип независимости банковской гарантии: сравнительно-правовой анализ // Банковское право. 2021. № 4. С. 44–51.

¹⁵ Errera J.-M. Banking and Internal Management. Paris : Eska, 1999. P. 54–55.

¹⁶ Унифицированные правила для гарантий по требованию, включая типовые формы (URDG 758). Редакция 2010 г. (публикация Международной торговой палаты № 758) // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁷ Меламед А. Л. Банковская гарантия — новый институт в российском законодательстве // Российская юстиция. 1995. № 7. С. 13.

¹⁸ См.: п. 4 информационного письма Президиума ВАС РФ от 15.01.1998 № 27 «Обзор практики разрешения споров, связанных с применением норм Гражданского кодекса Российской Федерации о банковской гарантии»; п. 3 информационного письма Президиума ВАС РФ от 16.02.1998 № 29 «Обзор судебной арбитражной практики разрешения споров по делам с участием иностранных лиц».

¹⁹ Залог, банковская гарантия и другие способы обеспечения исполнения обязательств: постатейный комментарий главы 23 Гражданского кодекса Российской Федерации / Б. М. Гонгало, П. В. Крашенинников, Л. Ю. Михеева [и др.] ; под ред. П. В. Крашенинникова, Б. М. Гонгало. М.: Статут, 2010.

дней со дня, следующего за днем получения требования со всеми приложенными к нему документами, и, если требование будет признано им надлежащим, произвести платеж. При этом гарант вправе лишь проверить соответствие требования условиям независимой гарантии, а также оценить приложенные документы только по внешним признакам.

Отказ в выплате по банковской гарантии может быть основан на том, что приложенные документы не соответствуют условиям гарантии либо представлены гаранту по окончании срока действия независимой гарантии.

При наличии сомнений в законности требования бенефициара гарант фактически вправе приостановить платеж на срок до семи дней и по его истечении обязан произвести платеж по гарантии.

Как неоднократно отмечал Верховный Суд РФ, гарант не вправе отказать бенефициару в удовлетворении его требования об уплате денежной суммы по банковской гарантии, если приложенные к этому требованию документы по внешним признакам соответствуют условиям данной гарантии²⁰.

При таких обстоятельствах принципалы, понимая, что в случае осуществления банком платежа в пользу бенефициара будут обязаны возместить банку финансовые потери в порядке регрессного требования, зачастую обращаются за судебной защитой и пытаются оспаривать основания, по которым бенефициар предъявляет свое требование, либо оспаривают само требование по банковской гарантии.

Сам факт инициирования подобного судебного разбирательства не является основанием для приостановления платежа по банковской гарантии, а потому принципал вынужден параллельно просить суд принять обеспечительные

меры в виде запрета банку осуществлять платеж по банковской гарантии, одновременно ссылаясь на исполнение основного обязательства.

Такие обеспечительные меры фактически являются процессуальным способом внешнего вмешательства в природу гарантийных отношений, которая, как неоднократно подчеркивалось выше, независима от основного обязательства.

Принимая во внимание это обстоятельство, суды, как правило, отказывают в принятии обеспечительных мер в виде запрета банку платить по банковской гарантии, как раз имея в виду независимую природу гарантийных отношений. Однако на практике имеются случаи, когда суды принимают такие обеспечительные меры. Например, в деле № А56-114113/2019 были приняты обеспечительные меры в виде запрета АО «Акционерный банк «Россия» исполнять требования АО «РАО Энергетические системы Востока» о выплате денежных средств по банковской гарантии²¹.

В обоснование заявленного ходатайства о принятии обеспечительных мер истец указал на наличие спора об объеме и сроках выполнения работ по договору генерального подряда, по которому, как полагал истец, обязательства были исполнены им в полном объеме и в надлежащий срок, поэтому выплата банком бенефициару денежных средств по обеспеченным обязательствам (возврат неотработанного аванса в связи с нарушением сроков выполнения работ) является преждевременной. Удовлетворяя ходатайство истца, суд, согласившись с формальным наличием оснований для принятия обеспечительных мер, также акцентировал внимание на том, что исполнение гарантом требования бенефициара может служить основанием для предъявления регрессных требований банком к принципалу. В случае непринятия обеспечитель-

²⁰ См.: п. 18 Обзора судебной практики Верховного Суда РФ № 4 (2020) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 23.12.2020) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2021. № 5 ; п. 9 Обзора судебной практики разрешения споров, связанных с применением законодательства о независимой гарантии (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 05.06.2019) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2019. № 11.

²¹ Определение Арбитражного суда Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 28.10.2019 по делу № А56-114113/2019 // URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/e896d23b-a10c-48cd-84e3-edcc23716c3f/4a88b604-8b04-429d48125-d1d032c7fe05/A56-114113-2019_20191028_Opredelenie.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 01.02.2024).

ных мер заказчик будет вправе получить денежные средства по банковской гарантии независимо от исхода судебного разбирательства, что при удовлетворении заявленных требований повлечет для истца дополнительные процедуры по восстановлению его нарушенного права, связанные с подачей новых исков, направленных, в частности, на предотвращение обогащения ответчика за счет истца.

В другом деле при принятии обеспечительных мер в виде запрета АО «Альфа-Банк» исполнить требования Администрации Целинного районного муниципального образования Республики Калмыкия об осуществлении уплаты денежной суммы по банковской гарантии до вступления в законную силу итогового судебного акта аналогичный акцент на том, что исполнение гарантом требования может служить основанием для предъявления регрессных требований к принципалу, сделал и Арбитражный суд Республики Калмыкия по делу № А22-4317/2023, отметив, что в случае непринятия обеспечительных мер заказчик будет вправе получить денежные средства по банковской гарантии независимо от исхода дела²².

Следующий пример — из практики судов общей юрисдикции. Так, Басманный районный суд г. Москвы признал недействительным требование о расторжении договора купли-продажи объектов недвижимости, которые будут созданы продавцом в будущем, и удовлетворил корреспондирующее требование о признании прекращенными банковских гарантий ПАО «Сбербанк России». До вынесения решения были приняты обеспечительные меры, которые позволили банку не осуществлять выплаты по банковским гарантиям до разрешения спора и сохранили статус кво. При принятии обеспечительных мер и вынесении решения суд согласился с доводами истца (подрядчика) о том, что

в спорный период времени ответчик (заказчик объекта недвижимости) об отказе от договора не заявлял, продолжал его исполнение, что на основании п. 5 ст. 450.1 ГК РФ свидетельствует об утрате права на отказ от договора по мотивам нарушения сроков выполнения работ. Совершая отказ от договора, заказчик, формально прикрываясь нарушением сроков выполнения работ по договору, преследовал иную цель, намереваясь получить денежные средства по банковским гарантиям и отказаться от договорной обязанности принять объект. При таких обстоятельствах основания для отказа от договора не соответствуют подлинной воле заказчика.

Одновременно суд признал необоснованными требования заказчиков о возврате авансов и задатков по договору и сделал вывод о том, что с учетом установленного им факта незаконности требования об одностороннем расторжении договора и возврате освоенных авансов и задатков заказчик не имел законных оснований для направления в ПАО «Сбербанк России» требований по банковским гарантиям²³.

Таким образом, при всей независимости банковской гарантии от основного обязательства суды по спорам о законности требований бенефициаров все равно вынуждены рассматривать спорные отношения комплексно, давая оценку степени исполнения основного обязательства.

Исходя из указанных позиций, подавая заявление о принятии обеспечительных мер, следует правильно конструировать сами исковые требования — не ограничиваться оспариванием требования бенефициара о платеже по банковской гарантии, а ставить вопрос шире, затрагивая вопрос исполнения основного обязательства. Данная мысль как раз еще раз подчеркивает, что банковская гарантия в некоторой степени производна от основного обязательства в отличие от других платежных инструментов.

²² Определение Арбитражного суда Республики Калмыкия по делу от 20.12.2023 № А22-4317/2023 // URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/0d670b2f-2b2b-4cb5-994f-a0a44bf5e4f4/98451cb4-6d51-40ab-84d6-f7692851799f/A22-4317-2023_20231220_Opredelenie.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 01.02.2024).

²³ Решение Басманного районного суда г. Москвы от 21.08.2019 по делу № 02-2051/2019 // URL: <https://mos-gorsud.ru/rs/basmannyj/services/cases/civil/details/3169dc46-5eaa-4e55-a964-ce0c5f512718?caseNumber=02-2051/2019> (дата обращения: 01.02.2024).

Возвращаясь к научному анализу, можно констатировать, что принятие обеспечительных мер в виде запрета банку производить платеж по банковской гарантии может быть расценено, с одной стороны, как неправомерный способ блокирования платежа по банковской гарантии, в случае если требование бенефициара действительно обоснованно, а с другой стороны, как единственно возможный законный способ защиты прав принципала и гаранта в случае недобросовестных действий бенефициара.

Соответственно, с теоретической точки зрения судом при принятии обеспечительных мер должен быть оценен баланс интересов всех участников гарантийных отношений. При этом с практической точки зрения зачастую взвешенно рассмотреть соответствующие правоотношения фактически невозможно по объективным причинам (например, если предметом спора выступают подрядные отношения и необходимо экспертным путем оценить степень выполнения работ по договору).

На взгляд автора, несмотря на гарантийную природу отношений, в определенных обстоятельствах злоупотребления правом со стороны бенефициара при направлении требования судами должны приниматься обеспечительные меры. Другой вопрос, как наличие такого злоупотребления правом оценить в момент поступления заявления о принятии обеспечительных мер.

В целях достижения некоего взвешенного подхода и соблюдения баланса интересов всех участников гарантийных отношений представляется, что следует выработать общие критерии принятия обеспечительных мер по данной категории споров. Например, можно дополнить постановление Пленума Верховного Суда РФ «О некоторых вопросах принятия судами мер по обеспечению иска, обеспечительных мер и мер предварительной защиты», указав, что с

учетом гарантийной природы отношений принятие судами обеспечительных мер по спорам, связанным с незаконностью требований по банковским гарантиям, возможно только в случаях, когда представлены веские доказательства наличия злоупотребления правом со стороны бенефициара при направлении требования, в частности доказательства, объективно свидетельствующие об исполнении обязательства, которое обеспечено банковской гарантией.

Такой подход не в полной мере соотносится с тем, что обеспечительные меры являются ускоренным и предварительным средством защиты, следовательно, для их принятия не требуется представления доказательств в объеме, необходимом для обоснования требований и возражений стороны по существу спора²⁴. Иными словами, в судебной практике фактически действует пониженный стандарт доказывания в момент принятия обеспечительных мер.

При вышеизложенном подходе о необходимости введения повышенного стандарта доказывания оснований принятия обеспечительных мер по спорам, связанным с банковскими гарантиями, общий принцип принятия обеспечительных мер с пониженным стандартом доказывания не соблюдается. Однако оправдать такой дифференцированный подход можно как раз спецификой гарантийных отношений, на которой мы подробно останавливались выше. К тому же в научной литературе уже имеются исследования, которые проводят некую дифференциацию в стандартах доказывания в зависимости от категории заявления. Так, А. Г. Карапетов и А. С. Косарев отмечают, что в судебной практике Верховного Суда РФ уже можно обнаружить признаки выделения пониженного стандарта «prima facie убедительность», умеренно повышенного стандарта и максимально высокого стандарта «вне разумных сомнений»²⁵. Соответственно, автор склоняется к позиции о

²⁴ П. 15 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 01.06.2023 № 15 «О некоторых вопросах принятия судами мер по обеспечению иска, обеспечительных мер и мер предварительной защиты» // Российская газета. 2023. № 123.

²⁵ Карапетов А. Г., Косарев А. С. Стандарты доказывания: аналитическое и эмпирическое исследование // Вестник экономического правосудия РФ. Приложение к ежемесячному журналу. 2019. № 5. Специальный выпуск. С. 3–96.

том, что обеспечительные меры в гарантийных отношениях могут быть допустимыми при условии введения высокого стандарта доказывания оснований для их принятия.

Данной позиции можно противопоставить довод о том, что Федеральным законом от 08.03.2015 № 42-ФЗ²⁶ в ГК РФ введена статья 375.1, согласно которой бенефициар обязан возместить гаранту или принципалу убытки, которые причинены вследствие того, что представленные им документы являлись недостоверными либо предъявленное требование являлось необоснованным. Таким образом, исходя из логики указанной нормы закона, можно прийти к выводу, что надлежащим способом защиты права принципала в случае необоснованности требования по банковской гарантии будет взыскание убытков, а не блокирование платежа по банковской гарантии путем принятия обеспечительных мер. Однако подобные доводы, свидетельствующие о том, что суду не следует вмешиваться в природу гарантийных отношений, фактически ограничивают судебную власть, а потому представляются спорными. На практике иски, основанные на ст. 375.1 и 1102 ГК РФ, могут не в полной мере защищать интересы принципала или гаранта, поскольку фактически подразумевают поворот исполнения в виде обратного взыскания денежных средств с бенефициара, который ранее получил их от гаранта. В случае неплатежеспособности бенефициара в силу различных причин такое обратное исполнение может быть затруднено. К тому же подобная судебная защита может быть не всегда эффективной по существу спора. Например, определением Арбитражного суда Московского округа от 11.03.2021 по делу № А40-214286/2019²⁷ было отменено постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 27.11.2020, которым был удовлетворен иск поручителя о взыскании неосновательного

обогащения с бенефициара, предъявившего, по мнению истца, необоснованное требование по банковской гарантии, обеспечивающей надлежащее исполнение договора подряда. Суд сделал формальный вывод о том, что заказчик имел право не только на возмещение неустойки по договору подряда, но и на возмещение убытков, связанных с ненадлежащим исполнением обязательств, путем предъявления требования по банковской гарантии. Учитывая, что поручитель не имел полного доступа к строительной документации, он не смог доказать в суде необоснованность требования по банковской гарантии и действительный процент выполнения работ по договору подряда.

Более того, в пользу позиции о том, что обеспечительные меры допустимы по рассматриваемой категории споров, следует подчеркнуть, что суд в любом случае должен обладать свободой усмотрения в зависимости от конкретных фактических обстоятельств дела. Иное не позволит в полной мере осуществлять эффективную судебную защиту интересов сторон.

Заключение

Итак, обеспечительные меры в виде запрета гаранту осуществлять платеж по банковской гарантии в некоторых случаях злоупотребления правом со стороны недобросовестных бенефициаров могут признаваться оправданными. При этом баланс интересов сторон должен быть обеспечен специальным регулированием процедуры принятия таких обеспечительных мер с установлением высокого стандарта доказывания при подаче соответствующих ходатайств, который может выражаться в необходимости представления в суд объективных доказательств исполнения основного обязательства, обеспеченного банковской гарантией. Вместе с тем применительно к

²⁶ Федеральный закон от 08.03.2015 № 42-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 2015. № 10. С. 1412.

²⁷ Определение Арбитражного суда Московского округа от 11.03.2021 по делу № А40-214286/2019 // URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/a210ba41-12d1-40b5-a91e-997f57fbbd6b/1ba8ce10-f77e-49ed-89b1-2d8012d62b27/A40-214286_2019_20210311_Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 02.02.2024).

обеспечительным мерам подобного рода следует немного отойти от подхода, при котором для принятия обеспечительных мер не требуется представления доказательств в том же объеме, что и при рассмотрении иска по существу; это представляется логичным, учитывая природу гарантийных

отношений, которая по общему правилу направлена на осуществление быстрого и бесспорного платежа. Порядок реализации такой процедуры может быть отрегулирован постановлением Пленума Верховного Суда РФ без внесения изменений в процессуальное законодательство.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Алексеева О. Г., Аминов Е. Р., Бандо М. В. [и др.] Гражданское право : учебник : в 2 т. / под ред. Б. М. Гонгало. Т. 2. — 3-е изд., перераб. и доп. — М. : Статут, 2018. — 560 с.
2. Башилов Б. И. Обеспечительные меры по корпоративным спорам в арбитражном процессе Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2019. — С. 144, 145.
3. Бевзенко Р. С. Акцессорность обеспечительных обязательств: европейская правовая традиция и российская практика // Вестник гражданского права. — 2012. — Т. 12. — № 5. — С. 4–36 ; № 6. — С. 5–48.
4. Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право: общие положения. — М., 1998. — С. 478–479.
5. Вишневский А. А. Современное банковское право: банковско-клиентские отношения: сравнительно-правовые очерки. — М. : Статут, 2013. — 349 с.
6. Ерылева Н. Ю. Структура, форма и содержание банковских гарантий в международном банковском праве // Банковское право. — 2011. — № 2. — С. 41–48.
7. Ефимова Л. Г. Правовая природа независимой (банковской) гарантии // Правовая парадигма. — 2018. — Т. 17. — № 4.
8. Канхуш Д. Принцип независимости банковской гарантии: сравнительно-правовой анализ // Банковское право. — 2021. — № 4. — С. 44–51.
9. Карапетов А. Г., Косарев А. С. Стандарты доказывания: аналитическое и эмпирическое исследование // Вестник экономического правосудия РФ. Приложение к ежемесячному журналу. — 2019. — № 5. Специальный выпуск. — С. 3–96.
10. Залог, банковская гарантия и другие способы обеспечения исполнения обязательств : Постатейный комментарий главы 23 Гражданского кодекса Российской Федерации / Б. М. Гонгало, П. В. Крашенинников, Л. Ю. Михеева [и др.] ; под ред. П. В. Крашенинникова, Б. М. Гонгало. — М. : Статут, 2010. — 238 с.
11. Сарбаш С. В. Некоторые проблемы обеспечения исполнения обязательств // Вестник ВАС РФ. — 2007. — № 7.
12. Смола А. А. Актуальные проблемы применения арбитражными судами обеспечительных мер // Вестник Арбитражного суда Московского округа. — 2019. — № 4. — С. 37–52.
13. Овсейко С. Комментарий к Конвенции ООН о независимых гарантиях и резервных аккредитивах // Банковское право. — 2001. — № 3. — С. 54–64.
14. Меламед А. Л. Банковская гарантия — новый институт в российском законодательстве // Российская юстиция. — 1995. — № 7.
15. Колесникова С. Г., Теплюкова Л. С. Применение арбитражными судами обеспечительных мер в деле о банкротстве // Арбитражные споры. — 2021. — № 2. — С. 5–62.
16. Тай Ю. В., Будылин С. Л. Обеспечительные меры. Как нам обустроить Россию?! // Вестник гражданского процесса. — 2020. — № 4. — С. 89–130.
17. Шмитгофф К. Экспорт: право и практика международной торговли. — М. : Юрид. лит., 1993. — С. 203.
18. Bane Ch. The Progressive Development of Commercial Law // Litowitz D. E. Perspectives on the Uniform Commercial Code. — Durham, 2001. — P. 3–12.
19. Errera J.-M. Banking and Internal Management. — Paris : Eska, 1999. — P. 54–55.
20. Mattout J.-P. International banking law: applicable law, international law, currencies and rates. — Paris : Revue Banque, 1996.

Материал поступил в редакцию 2 февраля 2024 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Alekseeva O. G., Aminov E. R., Bando M. V. [i dr.] *Grazhdanskoe pravo: uchebnik: v 2 t. / pod red. B. M. Gongalo. T. 2. — 3-e izd., pererab. i dop. — M.: Statut, 2018. — 560 s.*
2. Bashilov B. I. *Obespechitelnye mery po korporativnym sporam v arbitrazhnom protsesse Rossiyskoy Federatsii: dis. ... kand. yurid. nauk. — M., 2019. — S. 144, 145.*
3. Bezenko R. S. *Aktsessornost obespechitelnykh obyazatelstv: evropeyskaya pravovaya traditsiya i rossiyskaya praktika // Vestnik grazhdanskogo prava. — 2012. — T. 12. — № 5. — S. 4–36; № 6. — S. 5–48.*
4. Braginskiy M. I., Vitryanskiy V. V. *Dogovornoe pravo: obshchie polozheniya. — M., 1998. — S. 478–479.*
5. Vishnevskiy A. A. *Sovremennoe bankovskoe pravo: bankovsko-klientskie otnosheniya: sravnitelno-pravovye ocherki. — M.: Statut, 2013. — 349 s.*
6. Erpileva N. Yu. *Struktura, forma i sodержание bankovskikh garantiy v mezhdunarodnom bankovskom prave // Bankovskoe pravo. — 2011. — № 2. — S. 41–48.*
7. Efimova L. G. *Pravovaya priroda nezavisimoy (bankovskoy) garantii // Pravovaya paradigma. — 2018. — T. 17. — № 4.*
8. Kankhush D. *Printsip nezavisimosti bankovskoy garantii: sravnitelno-pravovoy analiz // Bankovskoe pravo. — 2021. — № 4. — S. 44–51.*
9. Karapetov A. G., Kosarev A. S. *Standarty dokazyvaniya: analiticheskoe i empiricheskoe issledovanie // Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya RF. Prilozhenie k ezhemesyachnomu zhurnalu. — 2019. — № 5. Spetsialnyy vypusk. — S. 3–96.*
10. *Zalog, bankovskaya garantiya i drugie sposoby obespecheniya ispolneniya obyazatelstv: Postateynny kommentariy glavy 23 Grazhdanskogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii / B. M. Gongalo, P. V. Krashenninikov, L. Yu. Mikheeva [i dr.]; pod red. P. V. Krashenninikova, B. M. Gongalo. — M.: Statut, 2010. — 238 s.*
11. Sarbash S. V. *Nekotorye problemy obespecheniya ispolneniya obyazatelstv // Vestnik VAS RF. — 2007. — № 7.*
12. Smola A. A. *Aktualnye problemy primeneniya arbitrazhnymi sudami obespechitelnykh mer // Vestnik Arbitrazhnogo suda Moskovskogo okruga. — 2019. — № 4. — S. 37–52.*
13. Ovseyko S. *Kommentariy k Konventsii OON o nezavisimyykh garantiyakh i rezervnykh akkreditivakh // Bankovskoe pravo. — 2001. — № 3. — S. 54–64.*
14. Melamed A. L. *Bankovskaya garantiya — novyy institut v rossiyskom zakonodatelstve // Rossiyskaya yustitsiya. — 1995. — № 7. — S. 13.*
15. Kolesnikova S. G., Teplyukova L. S. *Primenenie arbitrazhnymi sudami obespechitelnykh mer v dele o bankrotstve // Arbitrazhnye spory. — 2021. — № 2. — S. 5–62.*
16. Tay Yu. V., Budylin S. L. *Obespechitelnye mery. Kak nam obustroit Rossiyu?! // Vestnik grazhdanskogo protsessa. — 2020. — № 4. — S. 89–130.*
17. Shmitgoff K. *Eksport: pravo i praktika mezhdunarodnoy trgovli. — M.: Yurid. lit., 1993. — S. 203.*
18. Bane Ch. *The Progressive Development of Commercial Law // Litowitz D. E. Perspectives on the Uniform Commercial Code. — Durham, 2001. — P. 3–12.*
19. Errera J.-M. *Banking and Internal Management. — Paris: Eska, 1999. — P. 54–55.*
20. Mattout J.-P. *International banking law: applicable law, international law, currencies and rates. — Paris: Revue Banque, 1996.*

ПРАВОВАЯ ОХРАНА РЕЗУЛЬТАТОВ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

DOI: 10.17803/1994-1471.2024.167.10.081-089

Е. В. Гюльбасарова*

Обеспечение охраны интеллектуальных прав в условиях развития передовых технологий

Аннотация. Статья посвящена исследованию вопросов, связанных с соблюдением прав авторов и правообладателей при создании и развитии передовых технологий. В работе сделан вывод о том, что использование объектов авторского и смежного права, топологий интегральных микросхем при обучении технологий искусственного интеллекта является непоименованным способом использования соответствующих объектов. Установлено, что использование названных объектов подобным способом без согласия правообладателей должно признаваться нарушением исключительных прав. Кроме того, обосновано, что использование сведений об охраняемых объектах патентного права при обучении алгоритмов искусственного интеллекта не является нарушением патентных прав с точки зрения действующего законодательства. Сформулирован вывод о необходимости закрепления механизмов обеспечения прав авторов и правообладателей результатов интеллектуальной деятельности, использующихся при создании и развитии передовых технологий, а также предложены подобные механизмы. Обосновано, что в отсутствие подобных механизмов по мере развития технологий может складываться ситуация, когда обеспечение прав разработчиков передовых технологий будет осуществляться в ущерб соблюдению прав и законных интересов авторов и правообладателей.

Ключевые слова: интеллектуальные права; результаты интеллектуальной деятельности; объекты авторского и смежного права; объекты патентного права; искусственный интеллект; обучение алгоритмов искусственного интеллекта.

Для цитирования: Гюльбасарова Е. В. Обеспечение охраны интеллектуальных прав в условиях развития передовых технологий // Актуальные проблемы российского права. — 2024. — Т. 19. — № 10. — С. 81–89. — DOI: 10.17803/1994-1471.2024.167.10.081-089.

Благодарности. Статья подготовлена в рамках госзадания «Российская правовая система в реалиях цифровой трансформации общества и государства: адаптация и перспективы реагирования на современные вызовы и угрозы (FSMW-2023-0006)». Регистрационный номер: ЕГИСУ НИОКТР: 124012000079-6.

© Гюльбасарова Е. В., 2024

* Гюльбасарова Екатерина Владимировна, кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры интеллектуальных прав Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993
evdomovskaya@msal.ru

Ensuring Intellectual Rights Protection in the context of Advanced Technologies Development

Ekaterina V. Gulbasarova, Cand. Sci. (Law), Senior Lecturer, Department of Intellectual Rights,
Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation
evdomovskaya@msal.ru

Abstract. The paper is devoted to the issues related to the observance of the rights of authors and copyright holders in the creation and development of advanced technologies. The paper concludes that the use of objects of copyright and related rights, topologies of integrated circuits in the training of artificial intelligence technologies is an unnamed way of using the corresponding objects. It is established that the use of these objects in a similar way without the consent of the copyright holders should be recognized as a violation of exclusive rights. In addition, it is proved that the use of information about protected objects of patent law in the training of artificial intelligence algorithms is not a violation of patent rights from the point of view of current legislation. The conclusion is formulated about the need to consolidate mechanisms to ensure the rights of authors and copyright holders of results of intellectual work used in the creation and development of advanced technologies. Similar mechanisms are proposed by the author. It is proved that in the absence of such mechanisms as technology develops, a situation may arise when ensuring the rights of developers of advanced technologies will be carried out to the detriment of respect for the rights and legitimate interests of authors and copyright holders.

Keywords: intellectual property rights; results of intellectual activity; objects of copyright and related rights; objects of patent law; artificial intelligence; training of artificial intelligence algorithms.

Cite as: Gulbasarova EV. Ensuring Intellectual Rights Protection in the context of Advanced Technologies Development. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2024;19(10):81-89. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2024.167.10.081-089

Acknowledgements. The paper was prepared within the framework of the state task «The Russian legal system in the realities of digital transformation of society and the State: adaptation and prospects for responding to modern challenges and threats (FSMW-2023-0006).» Registration number: EGISU NIOKTR: 124012000079-6.

Развитие технологий влияет на все сферы общественной жизни, трансформируя существующие общественные отношения и создавая новые. Подобные изменения, безусловно, требуют адекватного отражения в правовой действительности: новые виды и формы общественных отношений должны своевременно получать соответствующую регламентацию. Установление эффективного правового регулирования отношений, связанных с созданием и использованием новых передовых технологий, следует считать задачей всех отраслей права — очевидно, что регулирование конкретных отношений, осложненных той или иной технологией, будет относиться к специальной отрасли (или подотрасли) права в зависимости от существа отношений и от функциональных задач, на

решение которых направлена технология. При этом установление базовых правовых режимов в отношении использования технологий относится в целом к задачам публичного порядка в части обеспечения охраны прав и законных интересов граждан.

В пункте 21 Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации¹ закреплено, что к одним из приоритетных направлений научно-технологического развития относится переход к передовым технологиям проектирования и создания высокотехнологичной продукции, основанным на применении интеллектуальных производственных решений, роботизированных и высокопроизводительных вычислительных систем, новых материалов и химических соединений, результатов обработки

¹ Указ Президента РФ от 28.02.2024 № 145 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации» // СЗ РФ. 2024. № 10. Ст. 1373.

больших объемов данных, технологий машинного обучения и искусственного интеллекта. Очевидно, что к подобным передовым технологиям в современных условиях относятся в первую очередь технологии искусственного интеллекта, который с точки зрения легального подхода определяется как комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые с результатами интеллектуальной деятельности человека или превосходящие их².

Для сферы права интеллектуальной собственности развитие и внедрение особых передовых технологий — технологий искусственного интеллекта — обуславливают необходимость решения большого круга вопросов, связанных с применимостью существующих правовых режимов охраны, с определением эффективности и достаточности имеющегося правового регулирования. Базовые механизмы охраны интеллектуальных прав, возникшие и получившие первоначальное развитие в эпоху промышленной революции, не были рассчитаны на обеспечение соответствующей охраны

в условиях быстро сменяющихся технологий и необходимости конкурирования человека (автора) с технологией при создании результатов интеллектуальной деятельности. По всей видимости, эта причина определяет ориентацию отечественной доктрины на изучение наиболее пробельных аспектов правового регулирования рассматриваемых отношений.

В частности, большое количество научных исследований посвящено поиску оптимального правового режима охраны объектов, сгенерированных искусственным интеллектом³, определению возможности правовой охраны таких объектов механизмами права интеллектуальной собственности⁴, выявлению условий их охраноспособности⁵, а также в целом изучению подходов к правовому регулированию отношений, связанных с использованием искусственного интеллекта⁶. Анализируются в доктрине и зарубежные подходы, связанные с обеспечением охраны объектов, сгенерированных искусственным интеллектом⁷.

Некоторые исследователи также рассматривают вопросы, связанные с правосубъектностью искусственного интеллекта в рамках различных

² П. 5 Указа Президента РФ от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (вместе с Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года) // СЗ РФ. 2019. № 41. Ст. 5700.

³ См., например: *Кирсанова Е. Е.* Обзор основных теорий определения правового режима объектов, созданных искусственным интеллектом // Закон. 2023. № 9. С. 36–46 ; *Балашова А. И.* Правовой режим результатов деятельности искусственного интеллекта: единство и дифференциация подходов // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2023. Вып. 3 (41). С. 190–206.

⁴ См., например: *Тумаков А. В., Петраков Н. А.* Проблемы правовой охраны объектов, созданных с использованием технологий искусственного интеллекта // Цивилист. 2022. № 4. С. 16–28 ; *Гринь Е. С., Королева А. Г.* Правовая природа объектов, создаваемых с помощью технологий искусственного интеллекта // Законы России: опыт, анализ, практика. 2021. № 5. С. 15–19.

⁵ См., например: *Аникин А. С.* К вопросу об охраноспособности результатов деятельности искусственного интеллекта как объекта интеллектуальной собственности // Цивилист. 2022. № 2. С. 25–31.

⁶ См., например: *Шахназаров Б. А.* Правовое регулирование отношений с использованием искусственного интеллекта // Актуальные проблемы российского права. 2022. № 9. С. 63–72 ; *Сушкова О. В.* Правовые средства оборота объектов, созданных с использованием технологий искусственного интеллекта // Гражданское право. 2022. № 2. С. 12–15.

⁷ См., например: *Шахназарова Э. А.* Правовое регулирование отношений, возникающих по поводу объектов интеллектуальной собственности, созданных технологией искусственного интеллекта, на примере опыта Великобритании, США и ЕС // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2021. № 2 (32). С. 34–45 ; *Она же.* Правовое регулирование отношений, возникающих по поводу объектов интеллектуальной собственности, созданных технологией искусственного интеллекта (опыт Республики Корея и Японии) //

институтов права интеллектуальной собственности⁸, с признанием за искусственным интеллектом авторских прав⁹. Однако, на наш взгляд, данные аспекты регулирования рассматриваемых отношений выходят за границы действия подотрасли интеллектуального права, поэтому рассуждения о новых субъектах авторского права — различных технологиях искусственного интеллекта — и о закреплении за такими субъектами интеллектуальных прав преждевременны до признания технологий самостоятельными субъектами права в целом.

Как видим, круг исследуемых в доктрине права интеллектуальной собственности тем, связанных с регулированием отношений, которые возникают при создании и использовании технологий искусственного интеллекта, достаточно широк. Однако в основном проводимые исследования направлены на квалификацию объектов, сгенерированных искусственным интеллектом, и на поиск моделей обеспечения правовой охраны таких объектов. Гораздо реже уделяется внимание вопросам обеспечения эффективной правовой охраны интеллектуальных прав на существующие объекты, так или иначе используемые при создании и развитии технологий искусственного интеллекта, а также механизмам защиты этих прав в случае их нарушения разработчиками технологий.

Между тем, как было отмечено выше, квалифицирующим признаком искусственного интеллекта является получение при выполнении конкретных задач результатов, сопоставимых с результатами интеллектуальной деятельности человека. Очевидно, что для выполнения

данной функции технологии искусственного интеллекта должны обучаться на существующих результатах интеллектуальной деятельности, созданных человеком и имеющих правовую охрану. Иными словами, технологии искусственного интеллекта используют охраняемые результаты интеллектуальной деятельности в качестве донорского материала для решения собственных задач. Н. В. Щербак также обращает внимание на существование нейросетей (один из видов технологий искусственного интеллекта), которые могут обучаться и генерировать собственные результаты на основе конкретных выбранных пользователем произведений¹⁰.

Приведенные обстоятельства актуализируют необходимость соблюдения прав авторов и правообладателей при создании соответствующих технологий и их последующем обучении. В данном контексте следует обратить внимание также на декларацию, содержащуюся в Концепции развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники до 2024 года¹¹: режим правового регулирования разработки, внедрения и применения технологий и систем искусственного интеллекта и робототехники должен обеспечивать необходимую степень защиты прав и свобод человека и гражданина, отвечать интересам общества и государства.

Обеспечение прав человека (в том числе субъективных гражданских прав, возникающих в отношении охраняемых результатов интеллектуальной деятельности) должно иметь приоритетное значение при закреплении той или иной модели правового регулирования отношений,

Хозяйство и право. 2021. № 6 (533). С. 112–121 ; *Мотовилова Д. А.* Перспективы авторско-правовой защиты результатов, созданных системами искусственного интеллекта, с позиции американского права // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2019. № 23. С. 56–67.

⁸ См., например: *Кухно М. О.* Искусственный интеллект — новый субъект авторского права: недалекое будущее или фикция? // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2023. Вып. 3 (41). С. 72–86.

⁹ См., например: *Васильева А. С.* К вопросу о наличии авторских прав у искусственного интеллекта // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2022. Вып. 4 (38). С. 107–116.

¹⁰ *Щербак Н. В.* Digital art в условиях электронной коммерции // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2022. № 7. С. 56.

¹¹ Распоряжение Правительства РФ от 19.08.2020 № 2129-р «Об утверждении Концепции развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники до 2024 года» // СЗ РФ. 2020. № 35. Ст. 5593.

связанных с созданием или использованием технологий искусственного интеллекта. С позиции права интеллектуальной собственности это означает, что, прежде чем на законодательном уровне будет закреплена какой-либо правовой режим сгенерированных искусственным интеллектом объектов, должны быть решены вопросы, связанные: 1) с соблюдением интеллектуальных прав авторов и правообладателей объектов, использованных при создании и обучении искусственного интеллекта; 2) определением лиц, на которых может быть возложена ответственность за нарушение интеллектуальных прав при создании и использовании соответствующих технологий.

С точки зрения отечественного законодательства любое использование охраняемого объекта авторского права (произведения науки, литературы или искусства, программы для ЭВМ или базы данных) может осуществляться только с согласия обладателя исключительного права независимо от цели и способов использования (ст. 1270 ГК РФ), при этом отсутствие запрета само по себе не считается согласием (ст. 1229 ГК РФ). Аналогичным образом согласие правообладателя требуется для использования любым способом исполнений, фонограмм, сообщений радио- и телепередач, баз данных в части охраны их содержания (ст. 1317, 1324, 1330, 1334 ГК РФ).

Открытость перечней использования в доктрине традиционно объясняется желанием законодателя предоставить правообладателю максимальный контроль в отношении использования нематериального объекта, учитывая в том числе возможность появления новых, непоименованных в законе способов использования. Думается, что использование результатов интеллектуальной деятельности для развития (обучения) алгоритмов искусственного интеллекта может быть признано непоименованным способом использования по смыслу ст. 1270 ГК РФ, поскольку фактически такое обучение предполагает загрузку результатов интеллектуальной деятельности в специальное программное обеспечение, осуществляющее обработку этих результатов в качестве «входных данных».

Исключения из общего правила о необходимости получения согласия правообладателя для

использования объектов авторского и смежного права составляют специально установленные законом способы свободного использования произведений (ст. 1273–1279, 1306 ГК РФ), специальные права пользователей программ для ЭВМ и баз данных (ст. 1280 ГК РФ), а также случаи, при которых использование объектов допускается без согласия правообладателей, но с выплатой вознаграждения (например, ст. 1326 ГК РФ). На данный момент среди установленных законом случаев свободного использования отсутствуют способы, связанные с обучением технологий искусственного интеллекта.

С учетом установленного пунктом 5 ст. 1229 ГК РФ принципа *numerus clausus* в отношении случаев ограничения исключительного права использование результатов интеллектуальной деятельности для обучения технологий искусственного интеллекта без согласия правообладателя не может рассматриваться в качестве законного действия. Более того, возможность признания в дальнейшем подобного способа использования ограничением исключительного права представляется сомнительной, поскольку устанавливаемые законом ограничения не могут противоречить обычному использованию объектов и ущемлять необоснованным образом законные интересы правообладателей (п. 5 ст. 1229 ГК РФ). На наш взгляд, использование объектов авторского и смежного права для обучения технологий искусственного интеллекта, если такие объекты не были специально созданы авторами для названной цели, будет противоречить обычному использованию этих объектов.

Таким образом, использование объектов авторского и смежного права для обучения искусственного интеллекта входит в сферу действия исключительных прав и, следовательно, требует получения согласия правообладателей. Представляется, что в современных условиях разработки рассматриваемых технологий подобное согласие у правообладателей не получают. При этом, как отмечает С. А. Зуйков, «алгоритм работы генеративных нейросетей предполагает, как правило, использование не одного-двух, а множества оригинальных произведений»¹². С учетом этого следует констатировать, что об-

учение технологии искусственного интеллекта может быть основанным на множественных нарушениях интеллектуальных прав. Особая сложность подобной ситуации заключается в том, что правообладателю достаточно затруднительно узнать о совершенном нарушении и доказать факт его совершения (поскольку после обучения искусственный интеллект будет генерировать собственные результаты, имитирующие те объекты, на основании которых осуществлялось обучение), что, безусловно, негативным образом влияет на возможность защиты нарушенных прав и на пресечение подобных нарушений.

С учетом изложенного развитие технологий искусственного интеллекта может быть сопряжено с нарушением интеллектуальных прав, защита которых при подобных нарушениях может быть существенно затруднена. По справедливому замечанию А. И. Балашовой, «юридическая наука не в первый раз сталкивается с новыми объектами, которые необходимо вписать в существующие теоретические и нормативные конструкции без ущерба интересов отдельных лиц и общества в целом»¹³. Не оспаривая данный тезис, необходимо подчеркнуть, что первым этапом легитимизации сгенерированных технологиями искусственного интеллекта объектов должно являться определение случаев, при которых авторам (иным правообладателям) наносится ущерб, и закрепление механизмов, способных устранить или минимизировать подобный ущерб. На наш взгляд, признание за разработчиками технологий искусственного интеллекта (или иными лицами) прав на сгенерированные объекты в отсутствие действенных механизмов охраны прав на результаты интеллектуальной деятельности, использованные при обучении таких технологий, нарушает базовый

правовой принцип — *commodum ex injuria non oritur* (преимущество не может проистекать от нарушения юридического права).

Поиск оптимальных моделей взаимодействия разработчиков передовых технологий и авторов (иных правообладателей) требуется не только для обеспечения интеллектуальных прав последних, но и для реализации приоритетных направлений научно-технологического развития. Очевидно, что использование охраняемых результатов интеллектуальной деятельности (в том числе для обучения технологий искусственного интеллекта) в законном порядке будет способствовать более эффективному развитию соответствующих технологий.

В отечественной правоприменительной практике отсутствуют споры между авторами (правообладателями) и разработчиками, которые используют охраняемые результаты интеллектуальной деятельности для развития технологий искусственного интеллекта.

Вместе с тем подобные споры уже появляются в зарубежных государствах с высоким уровнем технологического развития (однако такие споры не во всех случаях доходят до суда). Например, одним из требований забастовки Гильдии сценаристов США в 2023 г. являлось ограничение использования технологий искусственного интеллекта в качестве инструмента написания сценариев, включая в том числе снижение инвестиций кинокомпаний в данную сферу¹⁴. Что касается судебных разбирательств, в которых предметом спора является защита нарушенных при обучении технологий искусственного интеллекта интеллектуальных прав, то подобные дела рассматриваются в Великобритании (Getty Images против Stability AI о незаконном использовании фотографий и изображений¹⁵)

¹² Зуйков С. А. О проблеме обучения генеративных нейросетей на объектах, охраняемых авторским правом // URL: <http://ipcmagazine.ru/re-views/on-the-problem-training-generative-neural-networks-objects-protected-by-copyright> (дата обращения: 31.05.2024).

¹³ Балашова А. И. Указ. соч. С. 206.

¹⁴ Cullins A., Kilkenny K. As Writers Strike, AI Could Covertly Cross the Picket Line // URL: <https://www.hollywoodreporter.com/business/business-news/writers-strike-ai-chatgpt-1235478681/> (дата обращения: 31.05.2024).

¹⁵ Getty Images Statement // URL: <https://newsroom.gettyimages.com/en/getty-images/getty-images-statement> (дата обращения: 31.05.2024).

и в США (пользователи GitHub против GitHub, Microsoft и OpenAI о незаконном использовании программных кодов¹⁶; писатели против OpenAI, Meta, NVIDIA и Databricks о незаконном использовании литературных произведений¹⁷; художники против Stability AI, DeviantArt, Midjourney и Runway AI о незаконном использовании изображений¹⁸). В рамках всех указанных споров истцы ссылаются на «беспрецедентное пиратство» при обучении технологий искусственного интеллекта, а также на незаконное копирование и обработку «миллионов произведений», охраняемых авторским правом, и связанных с ними метаданных без лицензий в пользу коммерческих интересов разработчиков искусственного интеллекта и в ущерб авторам — создателям контента.

Реализация отраженных в отечественных стратегических документах направлений развития передовых технологий (включая технологии искусственного интеллекта), вероятно, приведет к возникновению аналогичных споров и в российской правоприменительной практике в том случае, если разработчики соответствующих технологий не будут согласовывать с авторами и правообладателями использование охраняемых результатов интеллектуальной деятельности. Очевидно также, что подобное взаимодействие с учетом потребности разработчиков в использовании огромного количества материалов в качестве «входных данных» для обучения достаточно затруднительно. Кроме того, создание и развитие конкурентоспособных технологий искусственного интеллекта требует значительных финансовых затрат, что также связано с поиском оптимальных моделей выплаты вознаграждений авторам и правообладателям.

Эти обстоятельства обуславливают необходимость разработки специальных механизмов, с помощью которых, с одной стороны, будет обеспечено соблюдение интеллектуальных прав авторов (правообладателей) объектов авторского и смежного права, а с другой стороны — не будут созданы серьезные барьеры для развития

технологий искусственного интеллекта. На наш взгляд, перспективными механизмами с точки зрения обеспечения интеллектуальных прав и учета интересов разработчиков технологий искусственного интеллекта могут являться:

- 1) разработка специальных договорных моделей, легализующих использование произведений при обучении технологий искусственного интеллекта, а также упрощение порядка заключения подобных договоров;

- 2) создание организаций по управлению правами на коллективной основе для управления исключительными правами на любые объекты авторского и смежного права в отношении конкретного способа использования соответствующих объектов (п. 2 ст. 1242 ГК РФ);

- 3) закрепление на законодательном уровне возможности использования объектов авторских и смежных прав при обучении алгоритмов искусственного интеллекта без согласия правообладателей таких объектов, но с выплатой вознаграждения.

Аналогичные механизмы, полагаем, могут быть использованы и в целях обеспечения интеллектуальных прав, возникающих в отношении топологий интегральных микросхем. Данный вывод обусловлен тем, что перечень входящих в содержание исключительного права способов использования топологий также является открытым (ст. 1454 ГК РФ).

Другим важным аспектом рассматриваемой темы является обеспечение прав авторов и правообладателей объектов патентного права (изобретений, полезных моделей и промышленных образцов), которые также могут использоваться при обучении технологий искусственного интеллекта. Подобные технологии разрабатываются гораздо реже, чем технологии, использующие для обучения объекты авторского или смежного права, но тем не менее они существуют. Наиболее известной технологией в данной области, по всей видимости, является технология DABUS (Device for Autonomous Bootstrapping of Unified Sentience), назначение которой — созда-

¹⁶ GitHub Copilot litigation // URL: <https://githubcopilotlitigation.com> (дата обращения: 31.05.2024).

¹⁷ LLM litigation // URL: <https://llmlitigation.com> (дата обращения: 31.05.2024).

¹⁸ Image generator litigation // URL: <https://imagegeneratorlitigation.com> (дата обращения: 31.05.2024).

ние патентоспособных технических решений. Отмечается, что технология DABUS «представляет собой особый тип “коннекционистского искусственного интеллекта”. Система включает в себя две искусственные нейронные сети — генерирующую и критическую. Первая состоит из множества меньших нейронных сетей, каждая из которых натренирована на определенную область знания. Задача первой сети — генерация идей. Задача второй — критический анализ идей, генерируемых первой сетью, и отбор тех из них, которые являются новыми в сравнении с имеющейся у машины базой данных»¹⁹. Очевидно, что создание и обучение данной технологии требовало использования сведений, содержащихся в патентной документации охраняемых объектов. Не исключено, что указанные сведения не только использовались для обучения технологии DABUS, но также были включены в ее базу данных.

Сложность в обеспечении прав авторов и патентообладателей изобретений, полезных моделей и промышленных образцов заключается в том, что, в отличие от объектов авторского и смежного права, исключительным правом на изобретение, полезную модель или промышленный образец охватывается использование их непосредственно в продукте, способе или изделии соответственно. Использование описания изобретения, полезной модели или промышленного образца в производстве науки, литературы и искусства исключительным правом правообладателя не охватывается²⁰.

Соответственно, использование объектов патентного права для обучения технологий искусственного интеллекта (путем загрузки сведений о патентах и о содержании запатентованных технических решений для целей последующей

обработки) с позиции российского законодательства и правоприменения не должно признаваться нарушением исключительного права патентообладателя. Однако представляется, что с развитием технологий искусственного интеллекта, способных конкурировать с авторами — физическими лицами в создании патентоспособных технических решений, данный подход может быть изменен в пользу усиления охраны интеллектуальных прав на объекты патентного права при их использовании в целях обучения технологий искусственного интеллекта. При этом в случае внесения соответствующих изменений в действующее законодательство одновременно могут быть предусмотрены и специальные механизмы обеспечения патентных прав. Помимо предложенных ранее вариантов таких механизмов, дополнительному обеспечению интеллектуальных прав в сфере патентного права может способствовать модернизация государственных реестров изобретений, полезных моделей и промышленных образцов. Например, в такие реестры могли бы вноситься сведения о допустимости или недопустимости использования запатентованных объектов для целей обучения технологий искусственного интеллекта, а также на законодательном уровне могли бы быть обеспечены «гарантии публичной достоверности сведений, содержащихся в реестрах»²¹.

Обеспечение достаточной охраны интеллектуальных прав в условиях развития передовых технологий является важнейшей задачей, от эффективности решения которой зависит не только соблюдение прав и законных интересов лиц, но и сохранение стабильности гражданского оборота, достижение приоритетных направлений научно-технологического развития.

¹⁹ Будылин С. Л. Дело об изобретательной машине, или Охраняются ли результаты интеллектуальной деятельности искусственного интеллекта? Комментарий к решению Апелляционного суда Англии и Уэльса от 21.09.2021 по делу *Thaler v. Comptroller General of Patents Trade Marks and Designs* (2021) EWCA Civ. 1374 // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2022. № 5. С. 89.

²⁰ Указанные разъяснения содержатся в п. 123 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2019. № 7.

²¹ Домовская Е. В. Государственные реестры прав на объекты промышленной собственности: правоприменительные аспекты // Российский судья. 2019. № 4. С. 63.

По этой причине необходимой видится разработка специальных правовых механизмов, которые могли бы: 1) быть закрепленными на законодательном уровне или использоваться в правоприменительной деятельности; 2) способствовать взаимодействию разработчиков передовых технологий и авторов (правообладателей) в целях соблюдения интеллектуальных прав.

В настоящей работе осуществлена постановка соответствующей проблемы, а также предложены возможные механизмы подобного взаимодействия, однако представляется очевидным, что решение сформулированных вопросов требует проведения дополнительных исследований с учетом специфики различных институтов права интеллектуальной собственности.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Балашова А. И. Правовой режим результатов деятельности искусственного интеллекта: единство и дифференциация подходов // Журнал Суда по интеллектуальным правам. — 2023. — Вып. 3 (41). — С. 190–206.
2. Бudyлин С. Л. Дело об изобретательной машине, или Охраняются ли результаты интеллектуальной деятельности искусственного интеллекта? Комментарий к решению Апелляционного суда Англии и Уэльса от 21.09.2021 по делу Thaler v. Comptroller General of Patents Trade Marks and Designs (2021) EWCA Civ. 1374 // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. — 2022. — № 5. — С. 86–105.
3. Домовская Е. В. Государственные реестры прав на объекты промышленной собственности: правоприменительные аспекты // Российский судья. — 2019. — № 4. — С. 61–64.
4. Зуйков С. А. О проблеме обучения генеративных нейросетей на объектах, охраняемых авторским правом // URL: <http://ipcmagazine.ru/re-views/on-the-problem-training-generative-neural-networks-objects-protected-by-copyright> (дата обращения: 31.05.2024).
5. Щербак Н. В. Digital art в условиях электронной коммерции // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. — 2022. — № 7. — С. 43–61.

Материал поступил в редакцию 2 июня 2024 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Balashova A. I. Pravovoy rezhim rezultatov deyatel'nosti iskusstvennogo intellekta: edinstvo i differentsiatsiya podkhodov // Zhurnal Suda po intellektualnym pravam. — 2023. — Vyp. 3 (41). — S. 190–206.
2. Budylin S. L. Delo ob izobretatel'noy mashine, ili Okhranyayutsya li rezultaty intellektualnoy deyatel'nosti iskusstvennogo intellekta? Kommentariy k resheniyu Apellyatsionnogo suda Anglii i Uelsa ot 21.09.2021 po delu Thaler v. Comptroller General of Patents Trade Marks and Designs (2021) EWCA Civ. 1374 // Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossiyskoy Federatsii. — 2022. — № 5. — S. 86–105.
3. Domovskaya E. V. Gosudarstvennye reestry prav na obekty promyshlennoy sobstvennosti: pravoprimenitelnye aspekty // Rossiyskiy sudya. — 2019. — № 4. — S. 61–64.
4. Zuykov S. A. O probleme obucheniya generativnykh neyrosetey na obektakh, okhranyaemykh avtorskim pravom // URL: <http://ipcmagazine.ru/re-views/on-the-problem-training-generative-neural-networks-objects-protected-by-copyright> (data obrashcheniya: 31.05.2024).
5. Shcherbak N. V. Digital art v usloviyakh elektronnoy kommertsii // Intellektualnaya sobstvennost. Avtorskoe pravo i smezhnye prava. — 2022. — № 7. — S. 43–61.

Авторско-правовой режим апроприативного искусства: свободное использование или переработка произведения?

Аннотация. Апроприативное искусство, то есть результат умышленной переработки чужого произведения или его части, осуществленной в целях формулирования собственного творчески самостоятельного художественного высказывания, *de lege lata* подпадает под режим производного произведения. Ни российское право, ни зарубежные правовые порядки не устанавливают на этот случай специальное изъятие из исключительного права, подобное тому, что существует для произведений в жанре пародии или карикатуры, создание и использование которых рассматривается как случай свободного использования оригинальной работы. Анализ зарубежной судебной практики показывает, что в отсутствие такого изъятия единственным средством защиты от иска правообладателя становится ссылка на пародийный характер результата переработки, между тем суды не склонны распространять на апроприативное искусство режим пародии. Исключение составляет американское авторское право, позволяющее суду в рамках доктрины добросовестного использования использовать тест на трансформативность. Согласно ему использование считается добросовестным, если автор в результате переработки чужого произведения трансформировал его в собственное художественное высказывание и (или) собственную эстетику. Однако данный подход имеет существенные недостатки, в частности он прямо заставляет суд оценивать художественные достоинства и значимость производного произведения. Таким образом, в отличие от пародии, апроприация как устоявшаяся и признанная искусствоведением художественная практика пока не нашла достойного места в рамках института свободного использования произведения.

Ключевые слова: свободное использование произведения; добросовестное использование произведения; пародия; карикатура; стилизация; апроприация; апроприативное искусство; исключительное право на произведение; производное произведение; переработка произведения.

Для цитирования: Овчинников И. В. Авторско-правовой режим апроприативного искусства: свободное использование или переработка произведения? // Актуальные проблемы российского права. — 2024. — Т. 19. — № 10. — С. 90–99. — DOI: 10.17803/1994-1471.2024.167.10.090-099.

Copyright Protection of Appropriated Art: Free Use or Transformation of a Pre-Existing Work?

Ivan V. Ovchinnikov, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Civil Law,
Udmurt State University, Izhevsk, Russian Federation
oiv413@gmail.com

Abstract. Appropriative art, i.e., the result of deliberate processing of someone else's work or part of it, carried out in order to demonstrate one's own creatively independent artistic declaration, *de lege lata* falls under the

© Овчинников И. В., 2024

* Овчинников Иван Викторович, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права Удмуртского государственного университета
Университетская ул., д. 1/1, г. Ижевск, Россия, 426034
oiv413@gmail.com

category of a derivative work. Neither Russian law nor foreign legal regulations establish a special exemption from the exclusive right, similar to the exemption applied to works in the genre of parody or caricature, the creation and use of which is considered as a case of free use of the original work. Analysis of foreign judicial practice shows that in the absence of such an exemption, the only remedy against the claim of the copyright holder is a reference to the parodic nature of the result of processing. Meanwhile, courts are reluctant to extend the regime of parody to the appropriative art. American copyright law forms an exception that allows the court to use the transformative test within the framework of the fair use doctrine. According to the test, the use is considered fair if the author, as a result of processing pre-existing work, transformed it into his own artistic statement and (or) his own aesthetics. However, this approach has significant drawbacks, in particular, it directly forces the court to evaluate the artistic merits and significance of a derivative work. Thus, unlike parody, appropriation as an established and recognized art practice has not yet found a decent place within the framework of the institution of free use of the work.

Keywords: free use of the work; fair use of the work; parody; caricature; stylization; appropriation; appropriative art; exclusive right to the work; derivative work; processing of the work.

Cite as: Ovchinnikov IV. Copyright Protection of Appropriated Art: Free Use or Transformation of a Pre-Existing Work? *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2024;19(10):90-99. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2024.167.10.090-099

Право и искусство находятся в непростых и зачастую антагонистических отношениях. Право стремится к выработке универсальной обезличенной нормы, искусство же противится стандартизации. Отрицание и отторжение новых направлений, противоречащих устоявшейся художественной норме, — одна из главных сюжетных линий истории искусств. Создание правила поведения, способного учитывать и выдерживать изменение будущих обстоятельств, — одна из главных функций права.

Закон, вынужденный регулировать столь непостоянную и изменчивую сферу человеческой деятельности, может столкнуться с трудностями даже в самых базовых вопросах. Авторское право справедливо пошло по пути отстранения от искусствоведческих споров. Право не может судить об искусстве, а потому произведения охраняются независимо от их достоинств и назначения (п. 1 ст. 1259 ГК РФ). Таким образом, практическая значимость или идейное назначение произведения не могут выступать условием предоставления ему авторско-правовой охраны¹. Как замечает А. П. Сергеев, «иное открыло бы широкое поле для субъективизма»².

Требования, предъявляемые к произведению, просты и призваны по возможности исключить фактор субъективного усмотрения.

Во-первых, произведение должно быть выражено в какой-либо объективной форме, в том числе письменной, устной, в форме изображения, в звуко- или видеозаписи, в объемно-пространственной форме (п. 3 ст. 1259 ГК РФ). Это необходимое требование, так как до момента приобретения внешней формы произведение существует в виде идеи или мысли автора и потому априори находится за пределами правовой сферы.

Во-вторых, произведение должно быть создано самостоятельным творческим трудом (абз. 1 п. 1 ст. 1228 ГК РФ). Понятие творческого труда плохо поддается обобщению в рамках универсальной правовой дефиниции, и законодатель предпочитает определять его в негативном ключе через перечисление видов деятельности, которые к этому труду не относятся. В частности, не признаются внесением творческого вклада в создание произведения техническое, консультационное, организационное или материальное содействие или помощь (абз. 2 п. 1 ст. 1228 ГК РФ).

¹ Право интеллектуальной собственности : учебник / под ред. И. А. Близнеца. М. : Проспект, 2011. С. 47 (авторы гл. 2 — И. А. Близнец, К. Б. Леонтьев).

² Сергеев А. П. Право интеллектуальной собственности в Российской Федерации : учебник. М. : Проспект, 2007. С. 114.

Но как бы ни старалось авторское право охватить собой весь творческий ландшафт, искусство упорно стремится освободиться от его ига. Иногда такие попытки связаны с развитием технологий. Так, появление фотографии в XIX в. впервые поставило перед авторским правом вопрос об охраноспособности произведений, создаваемых не просто с помощью технических средств, но, строго говоря, самим техническим средством. Это привело к определенному расширению идеи творческого труда. От автора уже не требовалось непосредственного физического участия в процессе придания своей идее объективной формы — достаточно было совершения необходимых для этого приготовлений (построение композиции кадра, расстановка фигур, подбор освещения и эффектов). Сходные вопросы, но уже на новом витке технологического развития, ставит перед правом интеллектуальной собственности искусственный интеллект.

В других случаях само искусство в полноте своих проявлений не вмещается в прокрустово ложе, определенное ему законом. Закон в характеристике творческого труда и его результата старается максимально отстраниться от категорий, способных усложнить правовую оценку объекта. Так, само по себе отсутствие новизны, уникальности и (или) оригинальности результата интеллектуальной деятельности не может свидетельствовать о том, что такой результат создан не творческим трудом³. Более того, в случае создания похожего на другое, но творчески самостоятельного произведения (например, в силу того, что двумя авторами использовалась одна и та же исходная информация) оба будут признаны охраняемыми⁴. Но что, если автор умышленно использовал частично или полностью чужое произведение без согласия правообладателя последнего?

Подобная практика творческой апроприации прочно обосновалась в современном искусстве. Художник-апроприатор работает с уже готовыми художественными образами, вопло-

щенными в чужих произведениях, и зачастую намеренно изменяет или искажает их при формулировании собственного художественного высказывания. Так, наиболее известной работой Шерри Левин, которую часто ассоциируют с апроприативным искусством, является серия фотографий «После Уокера Эванса». Она состоит из переснятых из выставочного каталога фотографий Уокера Эванса, одного из крупнейших фотографов-документалистов XX в., притом без какой-либо обработки или изменений.

Джефф Кунс служит другим примером художника, имя которого неразрывно связано с апроприацией. В частности, несколько скульптур из знаменитой серии «Банальность» композиционно и образно основаны на фотографиях других авторов. Скульптура «Щенки» (String of Puppies) воспроизводит снимок, сделанный фотографом Артом Роджерсом, а скульптура «Начало банальности» (Ushering in Banality) — работу фотографа Барбары Кэмпбелл.

Как закону следует относиться к подобным произведениям? Этот вопрос интересен отнюдь не теми доктринальными сложностями, которые он мог бы создать для авторского права. Наоборот, правовая оценка творческой апроприации *de lege lata* обычно не представляет значительной сложности: в зависимости от степени изменений первоначальной работы мы имеем дело или с ее воспроизведением, или с переработкой. Обе ситуации охватываются исключительным правом и потому влекут его нарушение.

Именно так — в качестве нарушения — и рассматривается апроприация судами, когда вопрос ее оценки ставится перед ними правообладателями. Достаточно сказать, что обе упомянутые ранее скульптуры Джеффа Кунса в свое время послужили поводом для судебного разбирательства в США. Спор по поводу «Щенков»⁵ был одним из первых в американской юриспруденции, прямо связанных с проблемой апроприации, и потому широко известен. Судьбу

³ П. 80 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2019. № 7.

⁴ П. 95 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10.

⁵ Rogers v. Koons, 960 F.2d 301 (2d Cir. 1992).

«Щенков» вскоре разделило и «Начало банальности»⁶. В обоих случаях работы Джеффа Кунса были признаны нарушающими имущественные права на первоначальные фотографии.

Его творчество сформировало богатую правоприменительную практику не только в США, но и по другую сторону Атлантического океана. Французские суды в последние годы неоднократно давали правовую оценку его работам. По делу *Davidovici v. Koons and Centre Georges Pompidou*⁷ суд признал еще одну скульптуру из серии «Банальность», а именно «Зимнюю историю» (*Fait d'hiver*), нарушающей права фотографа. Фотография, взятая за основу, была создана для рекламной кампании бренда *Naf Naf*. Ранее по делу *Bauret v. Koons*⁸ аналогичная судьба постигла во Франции скульптуру «Нагие» (*Naked*) из той же серии.

Скульптуры Джеффа Кунса выбраны в качестве иллюстрации в силу многочисленности связанных с ними споров. Мы видим, что эксперимент был проведен многократно, в разных правовых реалиях и, как правило, с неизменным результатом. В литературе без труда можно найти другие примеры⁹. Отечественное право не составляет исключения, и творческая апроприация в свете общепринятого толкования закона, думается, обречена на конфликт с пп. 9 п. 2 ст. 1279 ГК РФ.

Трудно не заметить тот диссонанс в понимании природы творчества, который становится очевиден при сопоставлении формально-юридического подхода к апроприации, с одной стороны, и искусствоведческого — с другой. Времена, когда апроприативное искусство наравне с другими художественными практиками, возникшими в эпоху модернизма и после нее, могло породить серьезные профессиональные споры о том, искусство ли это, казалось бы, давно про-

шли (личное отношение к вопросу любой беспристрастный исследователь обязан оставить при себе). Институционально эти практики, объединяемые иногда под заголовком «современное искусство», признаны искусствоведением и массовым сознанием и составляют одну из магистральных линий истории искусства второй половины XX в. Парадоксальная ситуация: в одной университетской аудитории студенты могут изучать Джеффа Кунса как известного представителя современного искусства, а в другой — его же, но уже как плагиатора и субъекта ответственности за нарушение авторских прав.

Право, разумеется, выстраивает свой понятийный аппарат исходя из конкретных задач регулирования и сложившихся приемов юридической техники, а потому не обязано заботиться о том, чтобы юридическое наполнение той или иной правовой категории полностью совпадало с ее общеупотребительным пониманием. Такие совпадения редки. Например, закон исключает фольклор из охраняемых авторским правом объектов (пп. 3 п. 6 ст. 1259 ГК РФ) не потому, что не признает за ним свойства произведения в быденном или даже гражданско-правовом понимании, а потому, что не может приписать права на него конкретному субъекту гражданских правоотношений, в силу чего весь механизм охраны субъективных гражданских прав оказывается негодным.

В качестве возражения можно было бы также указать на то, что никакой дисфункции правового регулирования апроприативного искусства, никакого несоответствия норм закона фактически существующим творческим отношениям просто нет. Закон дает четкую оценку таким действиям как переработке и требует получения согласия правообладателя на использование ее результата. Иное, по сути, означало

⁶ *Campbell v. Koons*, 91 CIV. 6055 (RO), 1993 WL 97381 (S.D.N.Y., Apr. 1, 1993).

⁷ *Cour d'appel de Paris, Pôle 5, Chambre 1*, 23 février 2021, No. 034/2021.

⁸ *Cour d'appel de Paris, Pôle 5, Chambre 1*, 17 décembre 2019, No. 152/2019.

⁹ См., например: *Андрощук Г.* Авторское право в апроприативном искусстве: доктрина и практика // *Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права*. 2016. № 2. С. 58–68 ; *Geiger C.* Contemporary Art on Trial — The Fundamental Right to Free Artistic Expression and the Regulation of the Use of Images by Copyright Law // *Digital Ethics: The Issue of Images* / ed. by T. Dreier, T. Andina. Baden-Baden : Nomos, 2022. P. 387–401.

бы исключение правомочия на переработку из содержания исключительного права. Эти возражения, однако, не в полной мере убеждают.

Авторскому праву, разумеется, знакомы производные произведения, создание и использование которых прямо выведено из сферы действия исключительного права и не требует получения согласия правообладателя. Это произведения в жанре пародии или карикатуры, созданные на основе другой (оригинальной) работы (п. 4 ст. 1274 ГК РФ)¹⁰. Создание пародии в широком смысле может быть названо разновидностью апроприации, предполагающей не просто использование чужого творческого результата, но и заведомое паразитирование на его известности. Почему же закон благоволит пародийному творчеству, но не другим видам?

Ответить на этот вопрос не так просто. В недавнем (и самом подробном из существующих) монографическом исследовании пародии как случая свободного использования С. Жак указывает, что соответствующее изъятие базируется на признании права на свободу выражения мнения¹¹, в частности на ст. 19 Всеобщей декларации прав человека от 10.12.1948 и ст. 10 Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 04.11.1950. Оно призвано уравновешивать авторскую монополию и обеспечивать право других лиц на творческое самовыражение. Подобным же образом трактуют его и российские авторы¹².

Стоит добавить, что изъятие в целях создания пародии необходимо как раз потому, что без него автор (правообладатель), вероятнее всего, был бы склонен запрещать создание пародийных или сатирических произведений, находя их неприятными для себя. В пользу допустимости этого изъятия говорит также то, что пародий-

ное произведение, хотя и основывается на оригинальном, прямо не замещает его на рынке. Наоборот, допустимо говорить о том, что оно способствует популяризации оригинала и повышению спроса на него.

Ряд правопорядков распространяют соответствующее изъятие не только на пародию и карикатуру, но и на пастиш (стилизацию), то есть произведение, имитирующее жанр, стиль и художественные приемы другого произведения иного автора. Так, часть 4 ст. L122-5 французского Кодекса интеллектуальной собственности определяет, что автор с момента обнародования произведения не вправе запретить «пародию, пастиш и карикатуру, принимая во внимание законы жанра». Более того, пастиш для целей свободного использования перечисляется, наряду с пародией и карикатурой, в п. «к» ч. 3 ст. 5 Директивы ЕС от 22.05.2001 № 2001/29/ЕС «О гармонизации некоторых аспектов авторских и смежных прав в информационном обществе».

Логика баланса интересов правообладателя (автора) и третьих лиц, положенная в основу данных изъятий, применима и к апроприативному искусству. Нелегко объяснить себе, почему свобода выражения мнения должна охраняться в контексте пародии, но не апроприации, ведь речь идет о типологически сходных ситуациях. Нет ничего удивительного в том, что в каждом из перечисленных ранее споров, связанных с работами Джеффа Кунса, в качестве возражения на иск ответчиком заявлялся их пародийный характер. Между тем суды традиционно отказываются применять правила о пародии к апроприации. Это в определенной степени объяснимо теми рамками, которые заданы для пародии и карикатуры их существенными признаками. И в рос-

¹⁰ В нашей научной литературе производный характер пародии ставится некоторыми авторами под сомнение именно в связи с тем, что она представляет собой случай ограничения права на переработку произведения, требующий объяснения (см., например: *Зыков С.* Проблема отнесения пародий к производным произведениям: не пора ли ставить точку? // *Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права.* 2017. № 4. С. 41–46). Между тем трудно отрицать, что пародийное произведение фактически представляет собой результат переработки и в отсутствие соответствующего изъятия подпадало бы под режим производного.

¹¹ *Jacques S.* The Parody Exception in Copyright Law. N. Y. : Oxford University Press, 2019. P. 134–138.

¹² См., например: *Ворожевич А. С.* Границы исключительных прав, пределы их осуществления и защиты : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2021. С. 124.

сийской, и в зарубежной юриспруденции можно выделить как минимум два таких признака.

Во-первых, пародия должна недвусмысленно отсылать к произведению — объекту пародирования, который должен быть узнаваем в ней. Иными словами, пародия должна не только быть фактически основана на оригинале, но и восприниматься в качестве таковой зрителями, читателями, слушателями и т.д. Во-вторых, пародия или карикатура должна носить комический, юмористический характер. Таковы признаки, обычно выделяемые в российской науке и правоприменении¹³. Они же называются в качестве существенных и в европейском праве. В частности, Суд ЕС по делу *Deckmyn v. Vandersteen*¹⁴ указал, что пародия должна вызывать в памяти пародируемое произведение, при этом существенно отличаясь от него, и служить выражением юмора или насмешки.

Результаты апроприации могут не обладать одним из этих признаков или даже ни одним из них. Во-первых, они могут создаваться на основе малозначимых и малоизвестных произведений, во всяком случае, гораздо менее известных, чем производное от них творение, и наличие ассоциативной связи между ними в данном контексте может быть поставлено под сомнение. Так, спорная скульптура по делу *Campbell v. Koons* была создана на основе размещенной на почтовой открытке фотографии, автор которой, кажется, вообще не был известен американской публике ранее. Во-вторых, собственно пародийный, комический характер таких произведений также обычно не признается судами.

Необходимо сказать, что второй признак наиболее сложен для нормативной конкретизации и полностью оставлен на усмотрение судов. Так,

отмечается, что французская судебная практика подходит к юмористическому характеру как критерию пародийного произведения максимально широко и признает его даже за произведениями, в которых отсутствует какой-либо прямой комический элемент: «Юмористический характер представляет собой целый диапазон, начиная с намерения вызвать смех... и заканчивая позитивной или негативной критикой»¹⁵. А. С. Ворожевич указывает и на то, что комический характер не должен сводиться к чему-то элементарно смешному и пародия может обладать социально-критической направленностью¹⁶.

В свете чрезвычайно гибкого понимания юмористического характера пародии еще более удивительным кажется упорное нежелание судов распространять соответствующее изъятие на апроприацию, хотя бы и в духе его расширительного толкования. Джефф Кунс при создании своих скульптур брал за основу образы, отвечающие массовому, неприязательному вкусу. Сохранив композицию, он дополнил изображения яркими, кричащими цветами и абсурдными, не подходящими ситуации деталями, тем самым подсветив их китчевый характер (отсюда название серии — «Банальность»). Содержащийся здесь критический комментарий по поводу искусства эпохи массового потребления, однако, игнорируется или прямо отвергается судами.

Зарубежные комментаторы с беспокойством указывают на то, что суды в этих случаях выходят за пределы правового поля и начинают судить об искусстве, оценивая творческий замысел автора. «Суды предпочитают брать на себя роль критиков художественной ценности, а не выполнять более подходящую им функцию правоприменителя»¹⁷, — замечает один автор о

¹³ См. подробнее: *Витко В.* О правовой природе пародии // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2019. № 4. С. 5–14; *Право интеллектуальной собственности: учебник / под общ. ред. Л. А. Новоселовой.* Т. 2: Авторское право. М.: Статут, 2017. С. 290–291 (авторы гл. 9 — Е. А. Павлова, Л. А. Новоселова).

¹⁴ C-201/13 *Johan Deckmyn and Vrijheidsfonds VZW v. Helena Vandersteen and Others* (2014) ECLI:EU:C:2014:2132.

¹⁵ *Jacques S.* Op. cit. P. 98–99.

¹⁶ *Ворожевич А.* Пародия как случай свободного использования объекта авторского права // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2019. № 10. С. 17.

¹⁷ *Leenknecht P.* The moral right of Jeff Koons // *Art & Law* / ed. by B. Demarsin, E. J. H. Schrage, B. Tilleman, A. Verbeke. Brugge: Die Keure, 2008. P. 271.

деле *Rogers v. Koons*. «Судьи давали оценку его искусству вместо того, чтобы ограничить себя вопросами права»¹⁸, — отмечает другой в контексте дела *Bauret v. Koons*.

Словом, в отсутствие специального изъятия (а такое изъятие незнакомо праву большинства правовых порядков) апроприативное искусство и в правоприменении подпадает под режим производного произведения несмотря на то, что внутренняя логика, положенная в основу свободного использования для целей создания пародии, применима и к нему. Интересное исключение из этого правила представляет собой авторское право США в силу своеобразия присущего ему механизма определения случаев свободного использования, известного как доктрина добросовестного использования (*Fair Use*).

Как известно, эта доктрина, в отличие от системы закрытого перечня изъятий, свойственного большинству правовых порядков, в том числе российскому, устанавливает лишь общие критерии, на основании которых суд имеет возможность в каждом конкретном случае по своему усмотрению оценить факт использования исходя из его добросовестности и, следовательно, правомерности.

Как указывает американский закон (§ 107, Title 17 U.S.C.), добросовестное использование охраняемого произведения для таких целей, как критика, комментирование, сообщение новостей, учебная, научная или исследовательская деятельность, не является нарушением исключительного права. Для определения того, было ли использование в конкретном случае добросовестным, должны учитываться следующие факторы:

- 1) цель и характер использования, в том числе то, осуществлялось ли оно для извлечения прибыли или для некоммерческих образовательных целей;
- 2) природа использованного произведения;
- 3) величина и существенность использованной части произведения по отношению ко всему его объему;

4) эффект, оказанный использованием на потенциальный рынок или ценность использованного произведения.

Таким образом, апроприативное искусство может пониматься как добросовестное использование, если суд сочтет его таковым. Однако доктрина *Fair Use* в ее традиционном понимании, существовавшая до середины 1990-х гг., толковалась судами как исключаящая ее применение к апроприации. В 1990 г. вышла статья П. Леваля «По направлению к стандарту добросовестного использования»¹⁹, обобщавшая его опыт рассмотрения данной категории споров в качестве судьи. Один из содержащихся в ней комментариев существенно повлиял на понимание этого института в американской юриспруденции. Первый критерий (цель и характер использования), рассуждает П. Леваля, ставит вопрос об оправдании добросовестного использования.

Ответ на этот вопрос, замечает он, зависит от того, является ли (и насколько) такое использование *трансформативным* (*transformative*). Трансформативное использование «должно быть плодотворным и должно подразумевать использование части в другой манере или для другой цели, нежели в оригинале... Если вторичное использование добавляет что-то ценное к оригиналу — если часть чужого произведения используется в качестве сырого материала, трансформируемого при создании новой информации, новой эстетики, нового понимания, — то это именно тот тип активности, который доктрина добросовестного использования и предназначена защищать ради процветания всего общества»²⁰.

Трансформативный характер использования, предложенный в этой статье, был интересной доктринальной идеей, существенно расширявшей пределы понимания первого критерия — традиционно суды исследовали его в основном в контексте коммерческого или некоммерческого характера вторичного использования. В 1994 г. эта идея приобрела харак-

¹⁸ *Geiger C.* Op. cit. P. 397.

¹⁹ *Leval P.* Toward a Fair Use Standard // *Harvard Law Review*. Vol. 103. No. 5. 1990. P. 1110–111.

²⁰ *Leval P.* Op. cit. P. 1111.

тер строго правовой категории. Верховный суд США по делу *Campbell v. Acuff-Rose Music, Inc.*²¹, утвердительно отвечая на вопрос о том, может ли созданная в коммерческих целях пародия выступать в качестве случая добросовестного использования, не просто применил термин «трансформативное использование», но и прямо ссылаясь в аргументации на статью П. Левала. Так данное понятие стало частью общей доктрины добросовестного использования и в дальнейшем не только начало употребляться в правоприменении, но и в значительной степени затмило собой три других критерия.

Критерий трансформативности позволяет охватить при оценке добросовестности использования в том числе и апроприативное искусство. Действительно, как замечают американские авторы, случаи признания апроприации добросовестной известны судебной практике и обязаны своим появлением делу *Campbell v. Acuff-Rose Music, Inc.*²² Интересно, что по одному из немногочисленных дел такого рода в 2006 г. ответчиком вновь выступал Джефф Кунс, а его апроприация чужой фотографии на этот раз была признана трансформативной²³. Однако наиболее значимым прецедентом считается дело *Cariou v. Prince*²⁴, в рамках которого добросовестной была признана апроприация Ричардом Принсом целого ряда фотографий, принадлежавших фотографу Патрику Кариу.

Между тем американская судебная практика в рассматриваемом вопросе противоречива, и наличие перечисленных прецедентов означает лишь то, что в конкретных ситуациях за конкретными произведениями был признан трансформативный характер, но не то, что апроприативное искусство в целом получает стабильную защиту

наравне с пародиями. В научных работах отмечается, что идея трансформативного использования, призванная создать ясный стандарт толкования первого критерия доктрины Fair Use, в действительности лишь увеличила роль судебного усмотрения. Предложенный П. Левалем тест еще больше запутывает вопрос соотношения трансформативного произведения с производным, заставляя суды полагаться на собственные «субъективные художественные впечатления»²⁵.

Если в системе закрытого перечня от судебного усмотрения потенциально зависит распространение на апроприативное искусство изъятия, установленного для пародии, то в рамках доктрины Fair Use та же роль выпадает суду в определении того, содержит ли производная работа новое авторское высказывание или эстетику. Иными словами, тест на трансформативность прямо заставляет суды оценивать художественные достоинства работы.

Таким образом, ни романо-германскому, ни англо-американскому авторскому праву не удалось выработать норму или систему норм, которая позволяла бы охватить художественную практику апроприации в рамках какого-либо объективного стандарта, не полагающегося на усмотрение правоприменителя. Если в случае пародии суд имеет пусть и не всегда внятный, но всё же ориентир (юмористический характер), дающий твердую почву под ногами, то в случае апроприации, не обладающей таким характером, он вынужден оценивать замысел автора и контекст, в котором было создано вторичное произведение, для установления того, достойна ли работа защиты от притязаний правообладателя. В этой области закону пока никак не удастся отстраниться от искусства.

²¹ *Campbell v. Acuff-Rose Music, Inc.*, 510 U.S. 569 (1994).

²² *Schaumann N.* Fair Use and Appropriation Art // *Cybaris*. 2015. Vol. 6. No. 1. P. 134.

²³ *Blanch v. Koons*, 467 F.3d 244 (2d Cir. 2006).

²⁴ *Cariou v. Prince*, 714 F.3d 694 (2d Cir. 2013).

²⁵ *Moskowitz B.* Toward a Fair Use Standard Turns 25: How Salinger and Scientology Affected Transformative Use Today // *Fordham Intellectual Property, Media & Entertainment Law Journal*. 2015. Vol. 25. No. 4. P. 1088.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Андрощук Г. Авторское право в апроприативном искусстве: доктрина и практика // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. — 2016. — № 2. — С. 58–68.
2. Витко В. О правовой природе пародии // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. — 2019. — № 4. — С. 5–14.
3. Ворожевич А. Пародия как случай свободного использования объекта авторского права // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. — 2019. — № 10. — С. 15–22.
4. Ворожевич А. С. Границы исключительных прав, пределы их осуществления и защиты : дис. ... д-ра юрид. наук. — М., 2021. — 546 с.
5. Зыков С. Проблема отнесения пародий к производным произведениям: не пора ли ставить точку? // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. — 2017. — № 4. — С. 41–46.
6. Право интеллектуальной собственности : учебник / под общ. ред. Л. А. Новоселовой. Т. 2 : Авторское право. — М. : Статут, 2017. — 367 с.
7. Право интеллектуальной собственности : учебник / под ред. И. А. Близнаца. — М. : Проспект, 2011. — 960 с.
8. Сергеев А. П. Право интеллектуальной собственности в Российской Федерации : учебник. — М. : Проспект, 2007. — 752 с.
9. Geiger C. Contemporary Art on Trial — The Fundamental Right to Free Artistic Expression and the Regulation of the Use of Images by Copyright Law // Digital Ethics: The Issue of Images / ed. by T. Dreier, T. Andina. — Baden-Baden : Nomos, 2022. — P. 387–415.
10. Jacques S. The Parody Exception in Copyright Law. — N. Y. : Oxford University Press, 2019. — 298 p.
11. Leenknecht P. The moral right of Jeff Koons // Art & Law / ed. by B. Demarsin, E. J. H. Schrage, B. Tilleman, A. Verbeke. — Brugge : Die Keure, 2008. — P. 264–288.
12. Leval P. Toward a Fair Use Standard // Harvard Law Review. — 1990. — Vol. 103. — № 5. — P. 1105–36.
13. Moskowitz B. Toward a Fair Use Standard Turns 25: How Salinger and Scientology Affected Transformative Use Today // Fordham Intellectual Property, Media & Entertainment Law Journal. — 2015. — Vol. 25. — № 4. — P. 1057–94.
14. Schaumann N. Fair Use and Appropriation Art // Cybaris. — 2015. — Vol. 6. — № 1. — P. 112–37.

Материал поступил в редакцию 8 декабря 2023 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Androshchuk G. Avtorskoe pravo v apropriativnom iskusstve: doktrina i praktika // Intellektualnaya sobstvennost. Avtorskoe pravo i smezhnye prava. — 2016. — № 2. — S. 58–68.
2. Vitko V. O pravovoy prirode parodii // Intellektualnaya sobstvennost. Avtorskoe pravo i smezhnye prava. — 2019. — № 4. — S. 5–14.
3. Vorozhevich A. Parodiya kak sluchay svobodnogo ispolzovaniya obekta avtorskogo prava // Intellektualnaya sobstvennost. Avtorskoe pravo i smezhnye prava. — 2019. — № 10. — S. 15–22.
4. Vorozhevich A. S. Granitsy iskl'yuchitel'nykh prav, predely ikh osushchestvleniya i zashchity: dis. ... d-ra yurid. nauk. — M., 2021. — 546 s.
5. Zykov S. Problema otneseniya parodiy k proizvodnym proizvedeniyam: ne pora li stavit tochku? // Intellektualnaya sobstvennost. Avtorskoe pravo i smezhnye prava. — 2017. — № 4. — S. 41–46.
6. Pravo intellektualnoy sobstvennosti: uchebnik / pod obshch. red. L. A. Novoselovoy. T. 2: Avtorskoe pravo. — M.: Statut, 2017. — 367 s.
7. Pravo intellektualnoy sobstvennosti: uchebnik / pod red. I. A. Bliznetsa. — M.: Prospekt, 2011. — 960 s.

8. Sergeev A. P. Pravo intellektualnoy sobstvennosti v Rossiyskoy Federatsii: uchebnik. — M.: Prospekt, 2007. — 752 s.
9. Geiger C. Contemporary Art on Trial — The Fundamental Right to Free Artistic Expression and the Regulation of the Use of Images by Copyright Law // Digital Ethics: The Issue of Images / ed. by T. Dreier, T. Andina. — Baden-Baden: Nomos, 2022. — P. 387–415.
10. Jacques S. The Parody Exception in Copyright Law. — N. Y.: Oxford University Press, 2019. — 298 p.
11. Leenknecht P. The moral right of Jeff Koons // Art & Law / ed. by B. Demarsin, E. J. H. Schrage, B. Tilleman, A. Verbeke. — Brugge: Die Keure, 2008. — P. 264–288.
12. Leval P. Toward a Fair Use Standard // Harvard Law Review. — 1990. — Vol. 103. — № 5. — P. 1105–36.
13. Moskowitz B. Toward a Fair Use Standard Turns 25: How Salinger and Scientology Affected Transformative Use Today // Fordham Intellectual Property, Media & Entertainment Law Journal. — 2015. — Vol. 25. — № 4. — P. 1057–94.
14. Schaumann N. Fair Use and Appropriation Art // Cybaris. — 2015. — Vol. 6. — № 1. — P. 112–37.

ТРУДОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ И СОЦИАЛЬНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ

DOI: 10.17803/1994-1471.2024.167.10.100-109

В. А. Абалдуев*

Трансформация правовых последствий необоснованного отказа в приеме на работу в практике современного российского правосудия

Аннотация. Трудовое законодательство запрещает необоснованный отказ в приеме на работу и предоставляет соискателям возможность судебной защиты права на труд. В российском правосудии такие споры приобретают массовый характер. Однако установленный судом юридический факт необоснованного отказа чаще всего не обеспечивает заявителю получение работы. Последствия такого отказа ограничиваются компенсацией морального вреда в денежной форме. Целью статьи является критическая оценка судебной практики по этой категории трудовых споров. Используются формально-юридический, системный методы, а также метод целеполагания. Проводится сравнительный анализ руководящей судебной практики 1992 и 2004 гг., а также приведены актуальные постановления кассационных судов общей юрисдикции по исследуемой категории дел. Автором раскрываются обстоятельства необоснованных отказов в приеме на работу, необоснованный отказ квалифицируется как незаконный. Определяется роль специальных гарантий по искам о понуждении работодателя к заключению трудового договора, приведены научные суждения о факторах, не позволяющих суду обязывать работодателя к найму гражданина во всех случаях признания отказа в заключении трудового договора незаконным. Мотивирован вывод, что при таком положении дел не реализуются нормы ст. 16, 64 ТК РФ и не достигаются цели судебной защиты прав граждан, которым неправомерно отказано в трудоустройстве. Предложено уточнение и дополнение ТК РФ, унифицирующее решения судов по искам о заключении трудового договора. При признании отказа необоснованным суды во всех случаях должны выносить решения о возникновении трудового правоотношения и оплате времени лишения возможности трудиться.

Ключевые слова: необоснованный отказ; прием на работу; правосудие; судебная защита; обязанность работодателя; компенсация морального вреда; трудовое правоотношение; трудоустройство; право на труд; заключение трудового договора; Трудовой кодекс РФ; лишение возможности трудиться.

Для цитирования: Абалдуев В. А. Трансформация правовых последствий необоснованного отказа в приеме на работу в практике современного российского правосудия // Актуальные проблемы российского права. — 2024. — Т. 19. — № 10. — С. 100–109. — DOI: 10.17803/1994-1471.2024.167.10.100-109.

© Абалдуев В. А., 2024

* Абалдуев Владимир Александрович, кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры трудового права Саратовской государственной юридической академии
Вольская ул., д. 1, г. Саратов, Россия, 410056
abalduев.v@yandex.ru

Transformation of Legal Consequences of Unreasonable Refusal of Employment in Contemporary Russian Justice System

Vladimir A. Abalduiev, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Professor, Department of Labor Law, Saratov State Law Academy, Saratov, Russian Federation
abalduiev.v@yandex.ru

Abstract. Labor legislation prohibits unjustified refusal of employment and provides job seekers with the opportunity to judicial protection of the right to work. In the Russian justice system, such disputes are becoming widespread. However, the legal fact of unjustified refusal established by the court most often does not ensure that the applicant gets a job. The consequences of such a refusal are limited to compensation for moral damage in monetary form. The purpose of the paper is to critically evaluate judicial practice in this category of labor disputes. Methodologically, the author relies on the formal legal method, systemic methods, as well as the goal-setting method. The author carries out a comparative analysis of the guiding judicial practice of 1992 and 2004, as well as current rulings of the cassation courts of general jurisdiction in cases under study. The author explains the circumstances of unjustified refusals, qualifies unreasonable refusal as illegal. The paper elucidates the role of special safeguards in claims for forcing an employer to conclude an employment contract, provides doctrinal considerations regarding factors that do not allow the court to oblige the employer to hire an individual in all cases of recognition of refusal to conclude an employment contract as illegal. The author explains that in this state of affairs, the norms of Articles 16, 64 of the Labor Code of the Russian Federation are not implemented and the goals of judicial protection of the rights of citizens who are wrongfully denied employment are not achieved. The author proposes clarification and addition of the Labor Code of the Russian Federation, unifying court decisions on claims for concluding an employment contract. If the refusal is recognized as unreasonable, the courts in all cases must make decisions on the occurrence of an employment relationship and payment for the time of deprivation of the opportunity to work.

Keywords: unreasonable refusal; employment; justice; judicial protection; employer's obligation; compensation for moral damage; employment relationship; employment; right to work; conclusion of an employment contract; Labor Code of the Russian Federation; deprivation of the opportunity to work.

Cite as: Abalduiev VA. Transformation of Legal Consequences of Unreasonable Refusal of Employment in Contemporary Russian Justice System. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2024;19(10):100-109. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2024.167.10.100-109

В системе советского, а затем и российского трудового права запрет необоснованного отказа в приеме на работу был изначально легализован в ст. 16 Кодекса законов о труде РФ 1971 г.¹ Использование правил 1971 г., а также руководящих разъяснений Верховного Суда РФ, обеспечивающих их реализацию, необходимо для уяснения современного опыта рассмотрения судами споров, связанных с отказом в приеме на работу.

Универсальное требование закона, запрещающее необоснованный отказ в заключении тру-

дового договора, ныне предусмотрено частью 1 ст. 64 Трудового кодекса РФ². Согласно ч. 6 той же статьи отказ в заключении трудового договора в любом случае, независимо от наличия или отсутствия у соискателя специальных прав на данную работу, может быть обжалован в суде. Часть 3 ст. 391 ТК РФ также предусматривает общее право на судебную защиту при отказе в приеме на работу. Судебное решение о заключении трудового договора — это юридический факт, являющийся основанием возникновения трудового правоотношения (ст. 16 ТК РФ).

¹ Кодекс законов о труде Российской Федерации, утв. ВС РСФСР 9 декабря 1971 г. // Ведомости ВС РСФСР. 1971. № 50. Ст. 1007.

² СЗ РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 3.

Выяснение признаков обоснованности решения потенциального работодателя, отказавшего в приеме на работу, не является целью настоящего анализа, но конкретизация ситуации отказа всё же имеет смысл, поскольку сейчас это влияет на постановление суда по данной категории дел. Понятие «обоснованный отказ» на стадии приема на работу является более широким, нежели отказ необоснованный. Отказ в заключении трудового договора может быть обусловлен обстоятельствами, которые не должны и не могут быть юридически формализованы. Законом предусмотрены случаи, когда работодатель обязан отказать гражданину в приеме на работу, соблюдая запреты и ограничения, а также исполняя специальные правила замещения должностей, выполнения определенных работ (требования достижения определенного возраста, прохождения медицинского осмотра, психологического тестирования и др.)³. Возможно, работодатель просто не располагает вакансиями, временно свободными ставками должностей или работ и не предлагает имеющиеся рабочие места, должности к замещению в системе службы занятости или иным публичным образом⁴ либо официально приостанавливает прием на эту работу (в настоящее время присутствует и такого рода практика), разместив информацию об этом на Единой цифровой платформе «Работа в России», на корпоративном сайте компании, в средствах массовой информации. В таком случае не должно возникать никаких

притязаний на трудоустройство. Хотя, как показывает практика, и в этой ситуации полностью не исключены судебные споры, но уже с другим предметом разногласий: не о причинах отказа в работе, а о самом факте предложения трудоустройства в тот или иной период времени.

В теории трудового права и в судебной практике общепризнано, что ситуация, требующая выяснения обоснованности отказа в приеме на работу, связана с замещением публично объявленных вакансий, временно свободных ставок. Наличие в организации свободных рабочих мест, о которых гражданин, ищущий работу, случайно узнал, которые ему кто-то посоветовал и на которые его в итоге не приняли, по общему правилу не может быть объектом спора в деле об отказе в заключении трудового договора.

Вместе с тем факт отказа в приеме на работу при отсутствии вакансии может стать основанием судебного разбирательства в отношениях, связанных с целевой контрактной подготовкой кадров⁵ или исполнением обязательств по ученическому договору, когда у работодателя возникает субъективная обязанность обеспечить лицо, прошедшее обучение, определенной работой, на определенном месте, в предусмотренные законом или соглашением сторон сроки⁶.

За более чем полувековую историю законодательного запрета необоснованного отказа в заключении трудового договора в специальной литературе, а также в судебной практике сложилось не всегда единообразное, но базирую-

³ Примеры таких случаев см.: Комментарий к Трудовому кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. А. М. Куренного, С. П. Маврина, В. А. Сафонова, Е. Б. Хохлова. 3-е изд., пересмотр. М.: Норма, Инфра-М, 2015.

⁴ Это условие проверки обоснованности отказа в приеме на работу отражено в п. 10 постановления Пленума Верховного Суда от 17.03.2004 № 2 (ред. от 24.11.2015) «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации» // Официальные документы в образовании. 2016. № 12–14.

⁵ См.: ст. 56 Федерального закона от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 25.12.2023) «Об образовании в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2012. № 53 (ч. 1). Ст. 7598; постановление Правительства РФ от 13.10.2020 № 1681 (ред. от 28.09.2023) «О целевом обучении по образовательным программам среднего профессионального и высшего образования» // СЗ РФ. 2020. № 43. Ст. 6783.

⁶ Глава 33 ТК РФ, регламентирующая отношения ученичества, прямо не обязывает работодателя обеспечить ученику, не являющемуся работником данной организации, возможность гарантированного трудоустройства. Но, исходя из обязанностей ученика, работа по полученной профессиональной подготовке ему, без сомнения, должна быть предоставлена.

щееся на известных признаках понимание этого правового явления.

Учеными также высказана небесспорная точка зрения, согласно которой следует разграничивать незаконный и необоснованный отказ в приеме на работу. Незаконным предложено считать отказ, который мотивирован причинами, прямо запрещенными в трудовом праве (например, отказ по мотивам наличия детей или беременности). Необоснованным, согласно этой концепции, будет отказ, при котором не учтены или ошибочно оценены деловые качества лица, поступающего на работу. По мнению сторонников такого деления, это имеет значение для разрешения споров по данной категории дел. Правовым последствием «незаконного отказа» становится решение суда, обязывающее работодателя заключить с соискателем трудовой договор и произвести оплату вынужденного прогула. По факту «необоснованного отказа» суд «должен вынести решение, обязывающее работодателя еще раз провести переговоры с лицом и дать ему письменный мотивированный отказ в заключении трудового договора»⁷.

Такая дифференциация случаев отказа в приеме на работу и связанное с ней разграничение правовых последствий отказа не имеет нормативного подкрепления. Нормы ТК РФ запрещают необоснованный отказ в приеме на работу, не выделяя случаев отказа незаконного. Это дает основания считать любой необоснованный отказ (независимо от признаков его необоснованности) незаконным. При таком понимании защита прав соискателя, имеющего или не имеющего специальных гарантий на получение именно этой работы, должна быть единой. Более того, судебное обязывание работодателя к повторным переговорам с тем же кандидатом на должность не решает вопросов защиты по существу, но излишне затягивает ситуацию спора не в пользу гражданина. Ни по одному иску об

отказе в приеме на работу соискатель не просил принудить ответчика еще раз оценить его квалификацию или иные параметры соответствия искомой вакансии, но всегда заявлялись требования об обязывании работодателя заключить трудовой договор. Решение суда с указанием повторно провести процедуру приема на работу выходит за рамки иска заявителя и не соответствует нормам трудового и гражданско-процессуального законодательства.

Отказ в приеме на работу на объявленные вакансии, временно свободную ставку должен быть признан необоснованным и таким образом незаконным, если:

— в отношении соискателя были допущены ограничения дискриминационного характера (ст. 3, 64 ТК РФ);

— работодатель отказывается в заключении трудового договора лицу, которое в соответствии с законом (квотирование рабочих мест) и договором о профессиональной подготовке или при согласованном переводе (ст. 64 ТК РФ) обязан принять работу;

— отказ не основан на деловых качествах работника, установленных централизованными и (или) локальными актами трудового права, при отсутствии иных оснований для отказа в приеме;

— особые деловые (профессионально-квалификационные) требования к будущему работнику установлены с нарушением полномочий работодателя на этот счет, ухудшают положение соискателя в сравнении с нормами закона, иных централизованных актов трудового права;

— работодатель вообще ничем не мотивировал отказ в заключении трудового договора; в нарушение требования ст. 64 ТК РФ в недельный срок не представил соискателю письменного обоснования причин отказа, в том числе не представил юридически значимых причин отказа суду⁸.

⁷ Договоры о труде в сфере действия трудового права : учеб. пособие / К. Н. Гусов, К. Д. Крылов, А. М. Лушников [и др.] ; под ред. К. Н. Гусова. М. : Проспект, 2010 (гл. 4, § 1).

⁸ Пример такой ситуации приведен в п. 1 Обзора практики рассмотрения судами дел по спорам, связанным с заключением трудового договора, утв. Президиумом Верховного Суда РФ 27 апреля 2022 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2022. № 6.

В соответствии с международными обязательствами России⁹ и национальными нормами трудового права однозначно необоснованным признается отказ в приеме на работу, мотивированный обстоятельствами дискриминационного характера¹⁰. Работодатель не вправе объявлять прием на вакансии с условиями, содержащими признаки дискриминации¹¹. Точно так же он не может не заключить трудовой договор по дискриминационным соображениям. К группе дискриминационных суды, как правило, относят случаи отказа в приеме на работу по мотивам беременности, наличия детей.

Не обязательно дискриминационным, но, разумеется, необоснованным является отказ в приеме на работу при наличии нормативной и (или) договорной обязанности обеспечить работой по квоте рабочих мест (инвалиды, иные категории граждан по законодательству субъектов РФ, федеральным социально-партнерским соглашениям) или отказ «целевикам» — выпускникам учреждений высшего и среднего профессионального образования, обучавшимся на контрактной основе в интересах ведомства или конкретного работодателя.

Обоснование отказа несоответствием деловых качеств соискателя профессионально-квалификационным характеристикам поручаемой работы — наиболее сложное для исследования в суде обстоятельство. Согласимся с тем, что это обусловлено неидеальным¹² и во многом не учитывающим современные квалификационные требования к персоналу разъяснением «деловых качеств» в постановлении Пленума ВС РФ от 17.03.2004 № 2. Но привлечение по этой катего-

рии дел экспертов, обладающих специальными познаниями в соответствующей области профессиональных компетенций, позволяет правильно оценить соответствие соискателя деятельности, на осуществление которой он претендует.

Нормы ст. 64 и 391 ТК РФ, предоставляя всем без исключения соискателям право на судебную защиту, имеют целью дать возможность любому заинтересованному в работе истцу реализовать свое право на труд в этой организации, если отказ в приеме на работу признан не соответствующим закону. При этом закон не связывает эту гарантию с наличием у потенциального нанимателя нормативных или договорных обязанностей на этот счет перед соискателем вакансии и не имеет в виду отказы в приеме, которые прямо запрещены законом или мотивированы доводами дискриминационного характера.

Однако в современной практике цель получения работы путем обращения к правосудию достижима не для всех заявителей. Правовые последствия необоснованного отказа *и по степени, и по содержанию предоставляемой судом защиты* различны. Для правильного понимания трансформации правил и результатов такой защиты следует обратить внимание на прежние и действующие руководящие материалы Пленума Верховного Суда России.

Связанная с применением ст. 16 КЗоТ РФ 1971 г. позиция Верховного Суда РФ по интересующей нас категории дел была сформулирована в п. 2 постановления Пленума ВС РФ от 22.12.1992 № 16 «О некоторых вопросах применения судами Российской Федерации законодательства при разрешении трудовых споров» (постановление

⁹ См.: Конвенция от 25.06.1958 № 111 Международной организации труда «Относительно дискриминации в области труда и занятий» // Конвенции и рекомендации, принятые Международной конференцией труда. 1957–1990. Женева : Международное бюро труда, 1991. Т. 2. С. 1262–1265.

¹⁰ См.: Грецкий И. А. Дискриминационные мотивы и их установление в субъективной стороне необоснованных отказа лицу в приеме на работу или увольнения работника (ст. 144.1 и 145 УК РФ) // Актуальные проблемы российского права. 2023. № 4. С. 105–114.

¹¹ См.: Рекомендация от 19.06.1997 № 188 Международной организации труда «О частных агентствах занятости» // СПС «КонсультантПлюс» ; п. 3 ст. 54 Федерального закона от 12.12.2023 № 565-ФЗ «О занятости населения в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2023. № 51. Ст. 9138.

¹² См.: Орловский Ю. П., Нуртдинова А. Ф., Чиканова Л. А. Настольная книга кадровика: юридические аспекты. М., 2005. С. 210 ; Права работодателей в трудовых отношениях / под ред. А. Ф. Нуртдиновой, Л. А. Чикановой. М. : Эксмо, 2009. С. 100.

утратило силу в 2004 г.)¹³. Эта позиция формально ограничивала возможность судебной защиты при отказе в приеме на работу только кругом лиц, «с которыми администрация предприятия, учреждения, организации в соответствии с законодательством обязана заключить трудовой договор (контракт)», и некоторыми другими, имеющими по закону специальные гарантии при заключении трудового договора (женщины, выпускники образовательных учреждений). Далее Верховный Суд РФ разъяснял: «Признав незаконным отказ в приеме на работу, суд выносит решение, обязывающее администрацию предприятия, учреждения, организации *заключить с истцом трудовой договор (контракт)*». Кроме того, предписывалось производить *оплату вынужденного прогула* работников, принятых по решению суда, если в результате отказа или несвоевременного заключения трудового договора такой работник имел вынужденный прогул.

Заметим, что такое ограничение круга лиц, имеющих возможность защитить право на труд в суде, не получило применения. Все, считающие отказ в приеме на работу незаконным на основе ст. 46 Конституции РФ и общих правил гражданско-процессуального законодательства, могли обращаться и обращались в суд. В это время практически по всем спорам, где отказ в приеме был признан необоснованным, суды выносили решения, обязывающие работодателя оформить прием на работу. Авторы комментария к ТК РФ указывали, что при признании необоснованным, например, отказа в приеме на работу лицу, направленному органом службы занятости, в соответствии со сложившейся практикой суд во всех случаях должен обязать работодателя оформить прием на работу и оплатить вынужденный прогул¹⁴.

Принципиальное сужение круга лиц, которым при защите от необоснованного отказа в

приеме на работу суд реально обеспечивает заключение трудового договора (возникновение трудового правоотношения согласно ст. 16 ТК РФ) произошло с принятием постановления Пленума ВС РФ от 17.03.2004 № 2. Верховный Суд РФ, ссылаясь на ст. 22 ТК РФ, указал, что работодатель самостоятельно принимает кадровые решения. Заключение трудового договора с конкретным лицом, ищущим работу, является правом, а не обязанностью работодателя (п. 10). Таким образом, при незаконном отказе в приеме на работу суд по общему правилу не может требовать заключения трудового договора. Данное разъяснение стало определяющим для разделения решений по искам о необоснованном отказе в приеме на работу на те, которыми суд гарантирует заключение трудового договора, и те, которые констатируют незаконность отказа в приеме на работу, но не обеспечивают получение работы (по сути, не восстанавливают право), компенсируя лишь моральный вред, причиненный необоснованным отказом в приеме на работу.

Иногда встречаются упоминавшиеся нами ситуации, когда суд при необоснованном отказе в заключении трудового договора выносит компромиссное решение, предлагая повторно рассмотреть кандидатуру истца на предмет возможного трудоустройства. Эта не соответствующая нормам права и сути искового заявления рекомендация правильно отменяется судом вышестоящей инстанции¹⁵.

Если некоторое время назад на практике еще встречались примеры, когда суд обязывал работодателя заключить трудовой договор и оплатить вынужденный прогул лицу, не имеющему гарантированного законом или договором права на трудоустройство (чаще всего такие решения принимались в отношении беременных женщин и мотивировались признаками дискри-

¹³ Бюллетень Верховного Суда РФ. 1993. № 3.

¹⁴ См.: Комментарий к Трудовому кодексу Российской Федерации (постатейный) / М. А. Бочарникова, З. Д. Виноградова, А. К. Гаврилина [и др.] ; отв. ред. Ю. П. Орловский. 7-е изд., испр., доп. и перераб. М. : Контракт ; Кнорус, 2015 (комментарий к ст. 272 ТК РФ).

¹⁵ См.: определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 25.07.2023 № 88-14536/2023 по делу № 2-1400/2022 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 29.03.2024).

минации¹⁶), то в настоящее время таким заявителям приходится довольствоваться денежной компенсацией нравственных страданий.

В этом концептуальном подходе российские суды достигли редкого для трудовых споров единства. Нет необходимости приводить десятки подтверждающих это актов правосудия. Многие из них уже обсуждались в литературе¹⁷. Сошлемся на наиболее актуальные примеры решений по данной категории споров (уровень судов кассационной инстанции), которыми отказ в приеме на работу признан незаконным, но защита прав заявителя состояла лишь в удовлетворении иска о денежной компенсации.

Так, определением Первого кассационного суда общей юрисдикции от 17.04.2023 по делу № 88-7248/2023 установлено, что на момент обращения К. и отказа ей в трудоустройстве в ГБУЗ «Пензенская областная детская клиническая больница имени Н.Ф. Филатова» имелось 25 вакантных единиц уборщика служебных помещений. В связи с этим суд признал незаконным отказ в приеме К. на работу. Однако в иске о заключении трудового договора и об оплате вынужденного прогула было отказано, поскольку решение о понуждении работодателя к заключению трудового договора не входит в компетенцию суда¹⁸.

Суд апелляционной инстанции, установив, что отказ Балаковского филиала АО «Апатит» в приеме П. на работу от 16.02.2023 является незаконным, возложил на АО обязанность заключить трудовой договор с П. Однако определением Первого кассационного суда общей юрисдикции от 18.12.2023 по делу № 88-34540/2023 это решение было отменено и указано, что «заключение трудового договора с конкретным гражданином является правом, а не обязанностью работодателя (как будто кто-то когда-то

оспаривал это право?! — В. А.)» и «трудовым законодательством Российской Федерации не предусмотрено такого безусловного способа защиты прав лица, желающего заключить трудовой договор с конкретным работодателем, как возложение на данное лицо обязанности заключить соответствующий трудовой договор». В пользу П. взыскана компенсация морального вреда в размере 50 тыс. руб.¹⁹

В определении Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 25.07.2023 № 88-14536/2023 по делу № 2-1400/2022 приведено аналогичное по мотивировке решение: «признание судом незаконным отказа в приеме на работу само по себе не является основанием для возложения на ответчика обязанности заключить трудовой договор». По данному делу истцу компенсирован моральный вред размере 10 тыс. руб.

Заметим, что заявители по указанным делам, так же как и все остальные истцы по рассматриваемой категории дел, требовали и продолжают требовать «понуждения работодателя к заключению трудового договора» и «взыскания оплаты вынужденного прогула». Но удовлетворяются такие требования только лицам, имеющим юридическую гарантию получения именно этой работы (согласованный перевод к другому работодателю; выпускники целевого обучения; лица, избранные на должность по конкурсу, и др.).

При таком положении дел возникает вопрос: зачем гражданину, получившему отказ в приеме на работу, но не имеющему указанной выше гарантии, обращаться в суд? Ответ на этот вопрос очевиден: *не для того, чтобы получить эту работу*, но рассчитывая исключительно на компенсацию за нарушение личных прав в сумме от 5 до 20 тыс. руб. Любопытно, что и

¹⁶ См.: п. 3 Обзора практики рассмотрения судами дел по спорам, связанным с заключением трудового договора, утв. Президиумом Верховного Суда РФ 27 апреля 2022 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2022. № 6.

¹⁷ См.: *Петров А.* Гарантии при заключении и изменении трудового договора // *Трудовое право*. 2014. № 4. С. 75–83; *Колобова С. В.* Законность и обоснованность судебного решения по трудовым спорам // *Современное право*. 2016. № 1. С. 86–92.

¹⁸ СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 29.03.2024).

¹⁹ СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 29.03.2024).

такие решения эксперты кадровых служб считают выигрышными для заявителя²⁰, а денежная компенсация при отказе в трудоустройстве почему-то оценивается ими как «восстановление прав работника»²¹.

При этом совершенно ясно, что юрисдикционной защиты искомого права на получение работы в этом случае не происходит. Более того, если по такому делу не заявлен иск о взыскании денежной компенсации, то признание отказа в приеме на работу незаконным вообще не имеет значения, поскольку по ТК РФ это не влечет вообще никаких правовых последствий для нарушившего закон работодателя.

Отсутствие в системе трудового законодательства ясности насчет последствий необоснованного отказа в приеме на работу и существа решений суда по этой категории дел констатируется практикующими юристами²². С этим согласны Л. А. Чиканова, С. В. Колобова и другие авторы, которые исследовали эти проблемы. Однако и они склоняются к тому, что принцип свободы труда не позволяет гарантировать трудоустройство во всех случаях необоснованного отказа в приеме на работу. Кроме того, обычно указывают, что прием на работу по решению суда «может негативно влиять на положение гражданина, принятого на данную вакансию в период спора»²³. Однако заметим, что последнее почему-то не мешает суду выносить реше-

ния о возникновении трудового правоотношения в отношении лиц, которым нельзя отказать в приеме на работу.

Таким образом, ныне судебная практика в большей степени ориентирована на юрисдикционную защиту самостоятельности работодателей, которых совершенно не пугают предусмотренные нормами трудового права правовые последствия признания отказа в приеме на работу необоснованным²⁴. Если трудовые отношения гражданину не были заранее гарантированы законом и (или) договором, риск незаконного отказа ограничивается единовременной денежной компенсацией, как правило, в сумме меньше минимального размера оплаты труда и возмещением судебных расходов по данному делу. Заметим, что такая компенсация объективно не заменяет гражданину возможность трудоустройства, и для ее получения не требуется наличия особых указаний в законе, поскольку право на нее возникает при любом нарушении трудовых прав (ст. 237 ТК РФ)²⁵.

Как оценить эту ситуацию с точки зрения обеспечения трудовых прав граждан и достижения целей правосудия по этой категории дел? Считаем, что решение суда, при котором гражданин единовременно получает некоторую сумму денег вместо работы, — это не то, что имел в виду Трудовой кодекс РФ, запрещая необоснованный отказ в приеме на работу и

²⁰ См.: Гаджиева М. На нет суд есть: споры по отказам в трудоустройстве стали выигрывать вдвое чаще // URL: <https://iz.ru/1419270/milana-gadzhieva/na-net-sud-est-spory-po-otkazam-v-trudoustroistve-stali-vyigryvat-vdvoe-chashche>.

²¹ Ситникова Е. Г., Сенаторова Н. В. Трудовой кодекс Российской Федерации. Раздел III. Трудовой договор : постатейный научно-практический комментарий. М., 2013. С. 27–30.

²² См.: Соколова Г. А. Отказ в приеме на работу // Кадровая служба и управление персоналом предприятия. 2007. № 8. С. 27–30.

²³ См.: Чиканова Л. Права работников и работодателей при поступлении (приеме) на работу // Хозяйство и право. 2004. № 10. С. 14–21 ; Колобова С. В. Указ. соч. С. 89–90 ; Абрамова О. В., Серегина Л. В. Практика применения Трудового кодекса Российской Федерации: некоторые спорные вопросы // Журнал российского права. 2007. № 8. С. 122–131.

²⁴ При этом возможна ответственность по нормам административного и (или) уголовного законодательства РФ, которая применяется только при наличии соответствующих составов и в рамках государственной надзорной практики. См.: Грецкий И. А. Указ. соч. С. 105–114 ; Какие возможны последствия для работодателя при необоснованном отказе в приеме на работу // СПС «КонсультантПлюс». 2024.

²⁵ См. также: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2022 № 33 «О практике применения судами норм о компенсации морального вреда» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2023. № 2.

предусматривая право на судебную защиту в таких случаях. Если любое незаконное прекращение трудового договора является безусловным основанием для восстановления на работе (кроме случаев, когда восстановление объективно невозможно), то почему незаконный отказ в возникновении трудового правоотношения по общему правилу гарантирует только компенсацию морального вреда?

Поскольку нормы ТК РФ не дифференцируют правил судебной защиты в случае спора о законности отказа в приеме на работу и не предусматривают различных правовых последствий неправомерного отказа, такая защита может быть полноценно реализована только путем обязывания работодателя к заключению трудового договора в сочетании с условием об оплате вынужденного прогула, вызванного лишением возможности трудиться.

Для того чтобы законодательно обеспечить единство правосудия по этой категории трудовых споров и гарантировать полноценную защиту прав при незаконном отказе в приеме на работу, предлагаем изменить название ст. 394 ТК РФ на *«Вынесение решений по трудовым спорам об отказе в приеме на работу, об*

увольнении и о переводе на другую работу» и дополнить нормы этой статьи универсальным правилом о том, что при признании отказа в приеме на работу не основанным на законе суд обязывает работодателя к заключению трудового договора и оплате вынужденного прогула, вызванного таким отказом.

В целях конкретизации прав работника, трудовые отношения с которым возникли по решению суда, целесообразно также дополнить предусмотренный статьей 234 ТК РФ список случаев лишения работника возможности трудиться периодом трудоустройства при признании судом отказа в приеме на работу необоснованным. Указанный период подлежит оплате по ставкам основной (тарифной) части системы оплаты труда, установленной работодателем для соответствующей должности, работы, но не ниже минимального размера оплаты труда, действующего на момент фактического исполнения работодателем решения суда о заключении трудового договора.

Реализация указанных выше изменений в ТК РФ потребует соответствующей корректировки разъяснения п. 10 постановления Пленума ВС РФ от 17.03.2004 № 2.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Абрамова О. В., Серегина Л. В.* Практика применения Трудового кодекса Российской Федерации: некоторые спорные вопросы // Журнал российского права. — 2007. — № 8. — С. 122–131.
2. *Гаджиева М.* На нет суд есть: споры по отказам в трудоустройстве стали выигрывать вдвое чаще // URL: <https://iz.ru/1419270/milana-gadzhieva/na-net-sud-est-spory-po-otkazam-v-trudoustroistve-stali-vyigryvat-vdvoye-chashche>.
3. *Грецкий И. А.* Дискриминационные мотивы и их установление в субъективной стороне необоснованных отказа лицу в приеме на работу или увольнения работника (ст. 144.1 и 145 УК РФ) // Актуальные проблемы российского права. — 2023. — № 4. — С. 105–114.
4. *Договоры о труде в сфере действия трудового права : учеб. пособие / К. Н. Гусов, К. Д. Крылов, А. М. Лушников [и др.] ; под ред. К. Н. Гусова.* — М. : Проспект, 2010. — 256 с.
5. *Колобова С. В.* Законность и обоснованность судебного решения по трудовым спорам // Современное право. — 2016. — № 1. — С. 86–92.
6. *Комментарий к Трудовому кодексу Российской Федерации (постатейный) / М. А. Бочарникова, З. Д. Виноградова, А. К. Гаврилина [и др.] ; отв. ред. Ю. П. Орловский.* — 7-е изд., доп. и перераб. — М. : Контракт ; Кнорус, 2015. — 1272 с.
7. *Орловский Ю. П., Нуртдинова А. Ф., Чиканова Л. А.* Настольная книга кадровика: юридические аспекты. — М., 2005. — 372 с.

8. Петров А. Гарантии при заключении и изменении трудового договора // Трудовое право. — 2014. — № 4. — С. 75–83.
9. Права работодателей в трудовых отношениях / под ред. А. Ф. Нуртдиновой, Л. А. Чикановой. — М. : Эксмо, 2009. — 480 с.
10. Ситникова Е. Г., Сенаторова Н. В. Трудовой кодекс Российской Федерации. Раздел III. Трудовой договор : постатейный научно-практический комментарий. — М., 2013. — 720 с.
11. Соколова Г. А. Отказ в приеме на работу // Кадровая служба и управление персоналом предприятия. — 2007. — № 8. — С. 27–30.
12. Чиканова Л. Права работников и работодателей при поступлении (приеме) на работу // Хозяйство и право. — 2004. — № 10. — С. 14–21.

Материал поступил в редакцию 30 марта 2024 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Abramova O. V., Seregina L. V. Praktika primeneniya Trudovogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii: nekotorye spornye voprosy // Zhurnal rossiyskogo prava. — 2007. — № 8. — S. 122–131.
2. Gadzhieva M. Na net sud est: spory po otkazam v trudoustroystve stali vyigryvat vdvoe chashche // URL: <https://iz.ru/1419270/milana-gadzhieva/na-net-sud-est-spory-po-otkazam-v-trudoustroistve-stali-vyigryvat-vdvoe-chashche>.
3. Gretskiy I. A. Diskriminatsionnye motivy i ikh ustanovlenie v subektivnoy storone neobosnovannykh otkaza lits v prieme na rabotu ili uvolneniya rabotnika (st. 144.1 i 145 UK RF) // Aktual'nye problemy rossiyskogo prava. — 2023. — № 4. — S. 105–114.
4. Dogovory o trude v sfere deystviya trudovogo prava: ucheb. posobie / K. N. Gusov, K. D. Krylov, A. M. Lushnikov [i dr.]; pod red. K. N. Gusova. — M.: Prospekt, 2010. — 256 s.
5. Kolobova S. V. Zakonnost i obosnovannost sudebnogo resheniya po trudovym sporam // Sovremennoe pravo. — 2016. — № 1. — S. 86–92.
6. Kommentariy k Trudovomu kodeksu Rossiyskoy Federatsii (postateynyy) / M. A. Bocharnikova, Z. D. Vinogradova, A. K. Gavrilina [i dr.]; otv. red. Yu. P. Orlovskiy. — 7-e izd., dop. i pererab. — M.: Kontrakt; Knorus, 2015. — 1272 s.
7. Orlovskiy Yu. P., Nurtidinova A. F., Chikanova L. A. Nastolnaya kniga kadrovika: yuridicheskie aspekty. — M., 2005. — 372 s.
8. Petrov A. Garantii pri zaklyuchenii i izmenenii trudovogo dogovora // Trudovoe pravo. — 2014. — № 4. — S. 75–83.
9. Prava rabotodateley v trudovykh otnosheniyakh / pod red. A. F. Nurtidinovoy, L. A. Chikanovoy. — M.: Eksmo, 2009. — 480 s.
10. Sitnikova E. G., Senatorova N. V. Trudovoy kodeks Rossiyskoy Federatsii. Razdel III. Trudovoy dogovor: postateynyy nauchno-prakticheskiy kommentariy. — Bibliotekha «Rossiyskoy gazety». — 2013. — Vyp. VII–VIII. — 720 s.
11. Sokolova G. A. Otkaz v prieme na rabotu // Kadrovaya sluzhba i upravlenie personalom predpriyatiya. — 2007. — № 8. — S. 27–30.
12. Chikanova L. Prava rabotnikov i rabotodateley pri postuplenii (prieme) na rabotu // Khozyaystvo i pravo. — 2004. — № 10. — S. 14–21.

Конфискация имущества: российский и зарубежный опыт правоприменения

Аннотация. В статье на основе данных о применении конфискации имущества как иной меры уголовно-правового характера в России, а также зарубежного опыта применения конфискации имущества исследуются перспективы повышения эффективности данной меры. Констатируется вызывающий обеспокоенность факт применения ст. 104.1 УК РФ в 60 % случаев за преступления, связанные с нарушением правил обращения с наркотическими средствами, психотропными и сильнодействующими веществами; с учетом частоты применения исследуемой меры указывается на отсутствие значимого желаемого воздействия; отмечается фактическое выполнение конфискацией имущества лишь «защитной» функции и пренебрежение потенциальной превентивной составляющей; указывается на такие недостатки, как закрытый перечень составов преступлений, обозначенных в ст. 104.1 УК РФ, законодательное ограничение возможности изъятия переданного осужденным другому лицу имущества только в случае, если лицо знало о том, что оно получено в результате преступных действий, возложение бремени доказывания незаконности приобретения имущества на органы государственной власти. Отдельно исследуются препятствия для возвращения конфискации имущества в число наказаний, среди которых сложившийся на протяжении последних лет опыт применения конфискации как иной меры уголовно-правового характера; возможность изъятия имущества в доход государства в гражданско-правовом порядке; негативный исторический опыт применения конфискации имущества; отсутствие однозначно достоверных и признаваемых данных, характеризующих превентивный потенциал конфискации как наказания (особенно в условиях возможности применения конфискации имущества как наказания исключительно к виновному лицу). Некоторое внимание уделяется вопросу положительных и отрицательных черт регламентации конфискации имущества в отраслевом законодательстве, а также аспектам переноса бремени доказывания законности приобретения имущества.

Ключевые слова: конфискация; конфискация имущества; система наказаний; уголовная ответственность; эффективность наказаний; официальная статистика; зарубежное законодательство; бремя доказывания; презумпция невиновности; корыстная преступность.

Для цитирования: Маслов В. А. Конфискация имущества: российский и зарубежный опыт правоприменения // Актуальные проблемы российского права. — 2024. — Т. 19. — № 10. — С. 110–122. — DOI: 10.17803/1994-1471.2024.167.10.110-122.

© Маслов В. А., 2024

* Маслов Вилли Андреевич, кандидат юридических наук, начальник научно-исследовательского и редакционно-издательского отдела Уральского юридического института МВД России
Корепина ул., д. 66, г. Екатеринбург, Россия, 620017
villi@e1.ru

Confiscation of Property: Russian and Foreign Law Enforcement Experience

Villi A. Maslov, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Head of the Research, Editorial and Publishing Department, Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Ekaterinburg, Russian Federation
villi@e1.ru

Abstract. The paper examines the prospects for increasing the effectiveness of this measure. The study utilizes the data on the use of confiscation of property as another measure of criminal law in Russia, as well as foreign experience in the use of confiscation of property. The author notes the alarming fact that Article 104.1 of the Criminal Code of the Russian Federation is applied in 60% of cases for crimes related to violation of the rules for handling narcotic drugs, psychotropic and potent substances; given the frequency of application of the measure under study, the absence of a significant desired effect is indicated. It is noted that the confiscation of property actually performs only a «protective» function and neglects the potential preventive component. There are several shortcomings pointed out in the paper. Article 104.1 of the Criminal Code of the Russian Federation specifies a closed list of crimes. The legislation restricts the possibility of confiscating property transferred by a convicted person to another person; it is only possible if the person knew that it was obtained as a result of criminal acts; the burden of proof of the illegality of the acquisition of property is placed on government bodies. The obstacles to the return of confiscation of property to the number of punishments are examined separately. These include the experience of using confiscation as another measure of a criminal legal nature that has developed over the past few years. Some more are the possibility of confiscating property for the benefit of the state in a civil-legal manner; the negative historical experience of using confiscation of property; the absence of clearly reliable and recognized data characterizing the preventive potential of confiscation as a punishment (especially in the context of the possibility of using confiscation of property as a punishment exclusively to the guilty person). Some attention is given to the issue of positive and negative features of the regulation of confiscation of property in sectoral legislation, as well as aspects of shifting the burden of proof of the legality of the acquisition of property.

Keywords: confiscation; confiscation of property; punishment system; criminal liability; effectiveness of punishments; official statistics; foreign legislation; burden of proof; presumption of innocence; acquisitive crime.

Cite as: Maslov VA. Confiscation of Property: Russian and Foreign Law Enforcement Experience. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2024;19(10):110-122. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2024.167.10.110-122

Введение

Исключение конфискации имущества как самостоятельного вида наказания, приведшее к «гипертрофированно мягкому» уголовному законодательству (по меньшей мере в части антикоррупционной уголовной политики)¹, вызвало практически единогласную отрицательную реакцию в научной среде. Несколько более сдержан-

ная, но все так же отрицательная реакция была на возвращение в уголовный закон конфискации в качестве иной меры уголовно-правового характера.

Фактическая применяемость конфискации имущества не идет ни в какое сравнение с показателями преступности²: по итогам 2021 г. применимость конфискации имущества — 0,62 % (3 463 факта при 565 317 осужденных), по ито-

¹ Босхолов С. С. Российский либерализм и проблемы антикоррупционной уголовной политики // Труды Института государства и права РАН. 2014. № 3. С. 40.

² Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2021 г.: Отчет о числе привлеченных к уголовной ответственности и видах уголовного наказания за 12 месяцев 2021 г. // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=6121> (дата обращения: 03.11.2023).

гам 2022 г. — 0,72 % (из расчета 4 195 фактов при 578 751 осужденных).

Важно и то, что данная мера считалась традиционно эффективной в вопросах борьбы с корыстной должностной преступностью, в то же время указанные немногочисленные факты применения ст. 104.1 Уголовного кодекса Российской Федерации относятся к лицам, совершившим иные преступления.

Как следствие, говорить о том, что данный институт эффективен, не приходится, и видится возможным обратиться к зарубежному опыту использования такого средства противодействия преступности.

Методология

На основе диалектико-материалистического метода познания с использованием метода статистического анализа исследуются имеющиеся статистические данные о применении конфискации имущества как иной меры уголовно-правового характера в России, доктринальные точки зрения и практика применения института конфискации в зарубежных странах.

Применение конфискации имущества как иной меры уголовно-правового характера в России

Начать нужно прежде всего с исследования преступлений, при совершении которых применяется конфискация имущества (диагр. 1).

Диаграмма наглядно свидетельствует, что 6 из 10 случаев применения конфискации связаны с привлечением к уголовной ответственности за незаконные действия и нарушение правил обращения с наркотическими средствами, психотропными и сильнодействующими веществами.

355 фактов (на диаграмме 10 %) применения данной меры в отношении лиц, совершивших преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления, с учетом общего числа осужденных по ст. 30 главы Осо-

бенной части УК РФ, составляющего 7 443 или (4,8 %), не может не вызывать вопросов.

Для иллюстрации представим информацию о применимости конфискации в 2022 г. (диагр. 2).

Стоит отметить и охарактеризовать положительно тенденцию роста фактов применимости конфискации с 3 463 до 4 195 раз (на 17,4 %), но с оговоркой, что в абсолютном выражении такого количества по-прежнему явно недостаточно, если всё же признавать имеющийся потенциал данной меры уголовно-правового характера.

Из иных значимых тенденций (но лишь в процентном соотношении) можно указать на рост удельного веса применимости конфискации за преступления против общественной безопасности (с 4 до 7 %).

Обозначив неостребованность практикой данной меры, акцентируем внимание на следующем.

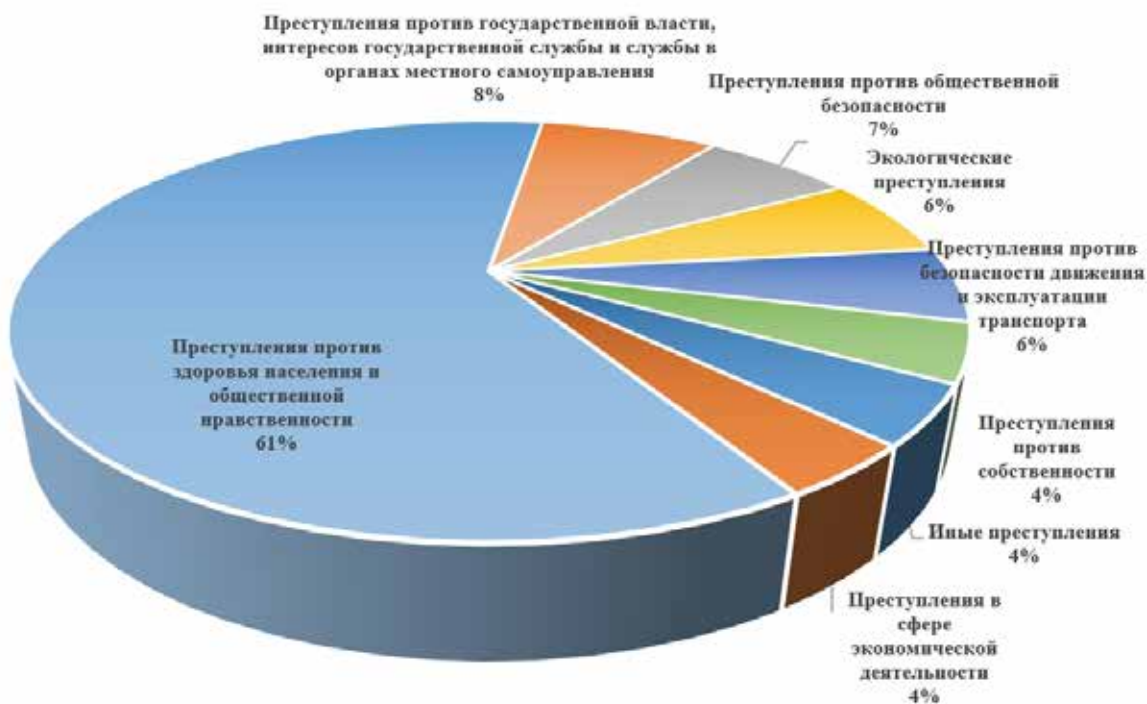
В настоящее время конфискация имущества — это иная мера уголовно-правового характера, которая не предполагает принудительного безвозмездного изъятия в собственность государства всего или части имущества, являющегося собственностью осужденного (как было до внесения поправок в уголовный закон Федеральным законом от 08.12.2003 № 162-ФЗ³). При этом ограничения по изъятию установлены как характером имущества (как правило, это имущество, полученное в результате совершения преступления, доходы от такого имущества либо же орудия, оборудование или иные средства совершения преступления, и ряд иных частных случаев), так и конкретным закрытым перечнем статей Особенной части УК РФ, при осуждении по которым возможно применение ст. 104.1 УК РФ.

Представляется, что используемый юридико-технический подход, предполагающий формирование исчерпывающего перечня деяний, при которых возможна конфискация, несовершенен, поскольку презюмирует, что, получая доход от преступной деятельности, можно рассчитывать, что данное имущество или доходы от этого имущества не будут изъяты. Если исходить из того, что эффективность уголовного закона во многом связана с его общепреventивным воздействием,

³ СЗ РФ. 2003. № 50. Ст. 4848.

Диагр. 1. Применимость конфискации имущества в России в 2021 г. относительно наиболее распространенных преступлений (удельный вес, %)

Диагр 2. Применимость конфискации имущества в России в 2022 г. относительно наиболее распространенных преступлений (удельный вес, %)

очевидность тезиса о необходимости отказа от перечисления деяний в п. «а» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ неоспорима.

Кроме того, подобный подход несовершенно, поскольку предполагает дальнейшую систематическую деятельность по поддержанию перечня в актуальном состоянии (именно по этой причине с 2006 г. данный перечень корректировался 23 раза), а также не содержит ряд составов, характеризующих корыстной составляющей мотивации преступника (в первую очередь кража, грабеж, разбой, мошенничество и т.д.).

Безусловно, можно говорить, что иные меры уголовно-правового характера отличны от наказания и преследуют иные цели. Присущая наказанию карательная составляющая применительно к конфискации в настоящее время фактически отсутствует, поскольку изъятие имущества лишь дополняет наказание преступнику, лишая его того, что было добыто преступным путем (не принадлежит на законных основаниях) либо может привести к повторной преступной деятельности (орудия, оборудование, иные средства). Конечно, стоит принимать во внимание, что лицом данные меры могут восприниматься как ограничение его конституционного права на частную собственность, однако в действительности они таковыми не являются. Справедливости ради отметим, что карательная составляющая в случае конфискации денежных средств или иного имущества взамен предмета, подлежащего конфискации, чуть выше, о чем справедливо упоминают авторы⁴.

Вместе с тем говорить о том, что, предусмотрев возможность применения конфискации имущества по всем составам, можно будет добиться существенных успехов в борьбе с пре-

ступностью, не приходится. Дело здесь в первую очередь, как уже было указано, в ограниченности предмета конфискуемого имущества.

Негативно сказывается на эффективности анализируемой нормы и тот факт, что невыплата денежных средств, выступивших предметом конфискации (ст. 104.2 УК РФ), не влечет для лица никаких негативных правовых последствий, в связи с чем следует поддержать точку зрения о необходимости соответствующих законодательных корректировок⁵. Данные авторы справедливо подчеркивают и такую проблему, как законодательно определенные рамки, которые «формально ограничивают возможность конфискации имущества, не принадлежащего непосредственно виновному лицу»⁶. Речь идет о законодательном ограничении возможности конфискации имущества только в том случае, когда лицо, принявшее имущество, знало или должно было знать, что оно получено в результате преступных действий.

Если предположить, что имеющийся превентивный потенциал конфискации имущества можно реализовать путем возвращения конфискации как дополнительного наказания (но, что важно, примененного в обязательном порядке⁷ или хотя бы в отношении преступлений, связанных с коррупцией, терроризмом и наркоторговлей⁸), то имеет смысл обратиться к зарубежному опыту использования данного института.

Зарубежный опыт использования конфискации имущества

В первую очередь, говоря об институте конфискации в зарубежных государствах, стоит приве-

⁴ Карпов К. Н. Реализация конституционных принципов равенства и справедливости при конфискации денежных средств или иного имущества взамен предмета, подлежащего конфискации // Научный вестник Омской академии МВД России. 2023. Т. 29. № 3 (90). С. 191.

⁵ Вакутин А. А., Карпова О. В. Проблемы исполнения конфискации имущества // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. 2022. № 3. С. 20.

⁶ Вакутин А. А., Карпова О. В. Указ. соч. С. 22.

⁷ Маслов В. А. Эффективность конфискации имущества в контексте официальной статистики // Актуальные проблемы российского права. 2022. Т. 17. № 12. С. 187.

⁸ Киреева Ж. Б., Кудряшов К. В., Санькова А. А. Конфискация имущества: актуальные проблемы совершенствования антикоррупционного законодательства // Юрист-Правовед. 2020. № 2 (93). С. 66.

сти результаты исследований ученых, согласно которым в 35 европейских уголовных кодексах установлено, что в 75 % случаев конфискация выступает в качестве иной меры уголовно-правового характера⁹.

Западноафриканские исследователи говорят об эффективности конфискации имущества в рамках борьбы с финансированием терроризма, коррупционной преступностью и преступностью в сфере оборота наркотиков, считая обоснованным применение данной меры в дополнение к иным наказаниям в виде лишения свободы, штрафа и т.д.¹⁰

Европейские исследователи отмечают перспективность использования в борьбе с организованной преступностью «систематической гражданской/уголовной конфискации и конфискации активов». Причем характерно, что использование традиционных правовых санкций для противодействия организованной преступности, в частности увеличение числа осужденных (увеличение ожидаемого наказания), как утверждают ученые, лишь создает для преступных групп стимулы к расширению своей коррупционной деятельности¹¹.

Уместно указать, что по итогам 2021 г. в России за организацию незаконных формирований, банд и преступных организаций или участие в них (ст. 208–210.1 УК РФ) было осуждено 235 виновных, при этом по данной категории лишь пять раз (2,1 %) применялась конфискация имущества, а в 2022 г. из 305 осужденных лишь к одному применялись положения ст. 104.1 УК РФ (0,3 %).

Коллектив нидерландских исследователей пришел к выводу, что конфискация незакон-

ных доходов и обязанность возместить ущерб, причиненный загрязнением нефтью, более эффективны, чем штраф или тюремное заключение, поскольку в большей мере соответствуют цели сохранения окружающей среды, а также обладают некоторым сдерживающим потенциалом¹².

Североамериканские ученые, указывая на признание Верховным судом США неконституционной прямой конфискации контрабандных денежных средств, ввиду «крайней непропорциональности тяжести правонарушения»¹³, считают достаточно действенным методом борьбы с транснациональной преступной деятельностью (в первую очередь отмытием доходов, добытых преступным путем) конфискацию имущества. Одновременно исследователи обращают внимание на наличие существенных проблем, связанных с разграничением конфискации объектов (*object confiscation*), традиционно понимаемой как конфискация имущества, относящегося к доходам от преступной деятельности, и конфискации денежных средств/ценностей (*value confiscation*), *внешне* приобретенных законным путем.

В данном случае можно констатировать, что в 2021 г. 20 случаев осуждения за легализацию (отмытие) денежных средств или иного имущества, приобретенных лицом в результате совершения им преступления (ст. 174.1 УК РФ), сопровождались семью фактами конфискации имущества, тогда как в 2022 г. на 15 случаев осуждения по ст. 174.1 УК РФ нет ни одного факта применения ст. 104.1 УК РФ.

Представляет определенный интерес подход к конфискации имущества в Румынии. Отметим,

⁹ Землюков С. В. Институт конфискации имущества требует совершенствования // Известия Алтайского государственного университета. 2016. № 3 (91). С. 78.

¹⁰ Amusa O. K. Non Conviction Based Criminal Forfeiture and Right to Own Property in Nigeria: Enhancing the Benefits and Engaging the Problems (September 16, 2008). P. 17.

¹¹ Buscaglia E. The Paradox of Expected Punishment: Legal and Economic Factors Determining Success and Failure in the Fight Against Organized Crime (2008) // Review of Law and Economics. 2008. Vol. 3. P. 1–25.

¹² Faure M. G. Criminal Liability for Oil Pollution Damage: An Economic Analysis (April 15, 2011) // Maritime Pollution Liability and Policy — China, Europe and the US / M. G. Faure, Han Lixin, Shan Hongjun (eds). Kluwer Law International, Alphen a/d Rijn, 2010. P. 188.

¹³ Fisher K. R. In Rem Alternatives to Extradition for Money Laundering // Loyola of Los Angeles International and Comparative Law Review. 2003. Vol. 25. P. 62.

что данная мера считается не наказанием, а мерой безопасности, не носящей репрессивный характер. Вместе с тем ученые указывают на проблему юридического закрепления, но фактического неприменения данной меры в отношении третьих лиц и повсеместное злоупотребление государственными служащими формулировкой «меры пресечения по делу не назначены, так как собственность у подсудимого отсутствует» (în cauză nu au fost dispuse măsuri asigurătorii, deoarece inculpatul nu are nimic pe numele lui)¹⁴.

Можно предположить, что именно вследствие того, что подсудимые заблаговременно избавляются от личной собственности, и в отечественной практике наблюдается крайне низкий процент конфискации имущества.

Итальянские исследователи, комментируя признание неконституционной конфискации имущества, законность приобретения которого не доказана (riqueza injustificada) в 1994 г.¹⁵, указывают на ключевой недостаток действовавших норм, предусматривавших перенос бремени доказывания законности приобретения имущества на лицо (так называемая «презумпция незаконного происхождения»). Данный аспект подробно исследуется и учеными из Южной Америки, отмечающими, что вследствие расширения института конфискации в Бразилии в 2019 г. возникла проблема инверсии бремени доказывания (obrigação de prova reversa на португальском или reverse proof obligation на английском языке)¹⁶.

Более поздние исследования итальянских ученых подтверждают чрезвычайную важность борьбы с организованной преступностью превентивной конфискацией — preventive confiscation (по своей сути являющейся конфискацией активов у подозреваемых по ряду преступлений до вынесения обвинительного приговора), появившейся в законодательстве Италии в 2017 г.¹⁷

Согласно австралийским исследователям, конфискация имущества обоснована в отношении организованной и «беловоротничковой» преступности, а также преступности, связанной с незаконным оборотом наркотиков. При этом авторы акцентируют внимание на том, что указание в законодательстве возможности конфискации имущества, законность приобретения которого спорна (unexplained wealth), требует соответствующего ограничения применения данной нормы в отношении конкретных категорий преступлений¹⁸, особенно с учетом того факта, что бремя доказывания законности приобретения имущества лежит на обвиняемом лице¹⁹.

Стоит отметить, что странам англосаксонской правовой семьи не чуждо применение конфискации как в уголовном, так и в гражданско-правовом производстве. Более того, исследования последних лет свидетельствуют о росте значимости гражданской конфискации (civil forfeiture) в вопросах борьбы с организованной преступностью²⁰.

При этом предъявление иска к титульному владельцу относительно принадлежности

¹⁴ Bogdan C. Natura juridică a măsurii confiscării în procesul penal (The Legal Nature of the Confidence Measure in the Criminal Process) (July 1, 2015). P. 133.

¹⁵ Godinho J. A. F. Do crime de «riqueza injustificada» (Artigo 28.º da Lei n.º 11/2003, de 28 de Julho) (The Crime of Illicit Enrichment (Article 28 of Law 11/2003, of July 28) (2007)) // Boletim da Faculdade de Direito da Universidade de Macau. 2007. Vol. 11. No. 24.

¹⁶ Vítor S. C. Extended Confiscation in the Brazilian Criminal Procedure: an Analysis of its Evidentiary Rules // Journal volume & issue. Vol. 22. No. 2. P. 782–814.

¹⁷ Allena M. Anti-Mafia Confiscation Against Corruption: The New Frontier of Human Rights (May 15, 2019) // 1(1) Italian Journal of Public Law (2019), Bocconi Legal Studies Research Paper 3388398, May 2019. P. 220.

¹⁸ Clarke B. A Man's Home is His Castle — Or is it? How to Take Houses from People Without Convicting Them of Anything: The Criminal Property Confiscation Act 2000 (WA) (March 2, 2004) // Criminal Law Journal. 2004. Vol. 28.

¹⁹ King C., Walker C. Counter Terrorism Financing: A Redundant Fragmentation? (November 1, 2015) // New Journal of European Criminal Law. 2015. Vol. 6. Iss. 3.

вещи (in rem), предполагающее перенос бремени доказывания на владельца, положительно оценивается и отечественными правоведами, констатирующими перспективность интеграции данного подхода в отечественную правовую систему²¹.

К вопросу об отечественном подходе к конфискации имущества в контексте указанного зарубежного опыта

В действительности упомянутые сложности, с которыми сталкивается зарубежный правоприменитель, известны российской правовой системе. Вопросы бремени доказывания с учетом конституционных положений о презумпции невиновности чрезвычайно важны, как, впрочем, важны и всем известные положения о частной собственности.

Однако можно утверждать, что до тех пор, пока в обществе (в том числе асоциальных его слоях) существует твердая установка, что добытое преступным путем имущество, в кратчайшие сроки «преобразованное» в «законно приобретенное», практически невозможно изъять, говорить о превентивном воздействии конфискации не приходится.

В связи с этим видится спорной точка зрения И. С. Горбачева относительно того, что следует избегать избыточного использования конфискации в правовой системе РФ, поскольку «на сегодняшний день применяется достаточное количество наказаний, связанных с ущемлением имущественных прав и интересов виновного»²². Безусловно, что аргументируемое среди прочего трудностями с реализацией на практике (ввиду, к примеру, всё тех же проблем с доказуемостью незаконности приобретения имуще-

ства родственниками обвиняемого) исключение конфискации как наказания сопровождалось появлением штрафов. Следует принимать во внимание и то, что конфискация долгий период времени имела существенное фискальное значение, обусловленное изначально длительным периодом неразвитости финансовой сферы, а в дальнейшем насущной потребностью в переходе к новой общественно-экономической формации. Однако, признавая, что избранный законодателем переход от изъятия имущества к изъятию денег посредством назначения штрафа, по существу, всё так же содержит в себе фискальную составляющую, нужно признать и то, что отказ от предупредительного потенциала конфискации имущества не оправдан.

На наш взгляд, доказанный факт совершения преступлений коррупционной направленности (причем в рамках как должностных преступлений, так и преступлений в сфере оборота наркотиков и т.д.) в совокупности с фактом необъяснимого богатства родственников (как близких, так и дальних) осужденного хотя бы с учетом положений о социальной справедливости не должен оставаться без соответствующей оценки со стороны государства. При этом оценка должна быть однозначно отрицательной, будь то в форме уголовного наказания, иных мер уголовно-правового характера либо изъятия имущества в гражданско-правовом порядке.

Данный тезис представляется не нуждающимся в обосновании, и, с учетом сказанного, дискуссия относительно конфискации имущества, по существу, сводится к тому, в какую правовую форму облечь изъятие и обращение имущества в собственность государства.

Важно и то, что допустимо причисление конфискации имущества и к наказанию, и к иным мерам уголовно-правового характера, и

²⁰ King C. Civil Forfeiture and Article 6 of the ECHR: Due Process Implications for England and Wales and Ireland (March 15, 2013). (2014) 34(3) Legal Studies. P. 394.

²¹ Лаптев Д. Б., Федоров А. А. Совершенствование института конфискации имущества на основе опыта зарубежных стран // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 477. С. 241.

²² Горбачев И. С. Эволюция законодательной регламентации конфискации имущества в отечественной правовой системе // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия «Гуманитарные и общественные науки». 2022. Т. 6. № 3 (23). С. 261.

к гражданско-правовым отношениям, с соответствующими каждой из форм положительными и отрицательными последствиями.

В части включения конфискации имущества в разряд наказаний положительным шагом будет реализация превентивного (предупредительного) потенциала (при условии указания конфискации как обязательного дополнительного наказания), в то же время такой подход повлечет как минимум необходимость разграничения конфискации как наказания и конфискации как иной меры уголовно-правового характера, пересмотр ст. 104.1 УК РФ, разрешение вопроса о соотношении наказания в виде штрафа и конфискации имущества.

Кроме того, конфискация в качестве наказания не в полной мере подпадает под признаки, свойственные наказанию. Речь идет о том, что наказание и этимологически, и с точки зрения уголовного закона должно заключаться в лишении или ограничении прав и свобод, в то время как конфискуемое имущество в случае признания его результатом преступной деятельности не может быть отнесено к собственности лица по признаку незаконности приобретения. Представляется, что именно по этой причине столь значительное число государств идет по пути признания конфискации иной мерой уголовно-правового характера.

С учетом указанного абзацем выше более корректным считается причисление конфискации имущества к иным мерам уголовно-правового характера, вместе с тем очевидна потеря превентивного потенциала наказания (что важно, несмотря на невозможность сколь бы то ни было точно и конкретно «измерить» данный потенциал).

Конфискация в гражданско-правовом порядке эффективна, в частности, в силу того, что субъектом может выступать юридическое лицо; присущей цивилистическому праву состязательности сторон, а также, что стоит подчеркнуть, презумпции вины. Напомним, что именно в

рамках гражданско-правовых отношений осуществляется изъятие имущества в зарубежных государствах посредством предъявления иска *in rem* (иска к имуществу), предполагающего обязанность его владельца доказать законность его обладания (приобретения).

Важно, что в соответствии с пп. 8 и 9 п. 2 ст. 235 ГК РФ с 2012 г. в отечественной правовой системе создан механизм обращения по решению суда в доход Российской Федерации имущества, полученного в результате нарушений антикоррупционного и антитеррористического законодательства.

Вместе с тем авторы справедливо отмечают, что «конфискация как санкция за совершение правонарушения, прежде всего преступления, во всяком случае, дает основания для применения более широких мер по изъятию имущества как к нарушителю, так и к третьим лицам, которые так или иначе связаны с совершенным правонарушением, чем это возможно в рамках гражданских отношений»²³. Речь в данном случае идет об отсутствии значимости для правоприменения оснований приобретения имущества.

Особое место в вопросах конфискации имеют положения Федерального закона от 03.12.2012 № 230-ФЗ «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам»²⁴, статьей 17 которого предусмотрена возможность обращения в доход государства имущества (земельных участков, других объектов недвижимости, транспортных средств, ценных бумаг, акций) или денежных средств, эквивалентных имуществу государственного служащего (его супруги (супруга) или несовершеннолетних детей), при недоказанности законности их приобретения в судебном порядке.

Данные нормы пусть и с неоднозначной правоприменительной практикой, но реализуются, ярким примером чему является небезызвестное дело полковника Захарченко.

²³ Скловский К. И. Применение законодательства об обращении в доход государства имущества, полученного в результате нарушения законодательства о противодействии коррупции // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2021. № 11. С. 183.

²⁴ СЗ РФ. 2012. № 50 (ч. IV). Ст. 6953.

Нужно понимать, что, как нам представляется, несмотря на всю важность определения места конфискации имущества в отечественной правовой системе, краеугольным камнем всё же выступает вопрос возможности изъятия имущества, добытого преступным путем, но в том или ином виде легализованного.

Возможно, что на решение вопроса о конфискации имущества накладывает существенный отпечаток негативный опыт применения такой меры как вида наказания в советский период, но справедливости ради следует помнить, что конфискация была известна еще задолго до порочной правоприменительной практики ее применения в период построения социализма.

Вместе с тем с учетом как указанного зарубежного, так и отечественного опыта видится обоснованным обращение к вопросу о нормативном закреплении переноса бремени доказывания законности происхождения имущества на лиц, к которым авторы, к примеру, предлагают отнести «супругов, родителей и детей, а также иных близких родственников при наличии достоверных сведений о передаче имущества осужденным данным лицам»²⁵.

Говоря о месте конфискации имущества в отечественной правовой системе, стоит отдельно остановиться на проблеме причисления конфискации имущества к наказанию в контексте презумпции невиновности.

Дело в том, что конфискация имущества будет эффективна (как с точки зрения социальной справедливости, так и с точки зрения превентивного потенциала) только тогда, когда незаконно добытое имущество изымается независимо от того, находится ли оно у виновного лица либо передано другим лицам. В то же время презумпция невиновности предполагает возможность привлечения к уголовной ответственности только при наличии вины, соответственно, лицо должно однозначно понимать, что переданное ему имущество добыто преступным путем. Таким образом, может показаться, что отсутствие понимания незаконности переданного имущества должно являться препятствием к его изъятию, однако согласиться с этим нельзя.

Безусловно, привлечение владельца такого имущества к уголовной ответственности лишено какого бы то ни было смысла, однако с точки зрения социальной справедливости, принимая во внимание, что у имущества есть законный собственник, который этого имущества был лишен в результате преступных действий, говорить об отсутствии оснований для изъятия имущества не приходится.

Сказанное однозначно наводит на мысль, что возможности конфискации имущества как наказания существенно ограничены концептуальными основами уголовного права — невозможностью привлечения к уголовной ответственности лица, непричастного к преступлению, в то время как корыстная преступность зачастую как раз связана с передачей незаконного имущества иным лицам.

Именно данные обстоятельства закономерно привели к тому, что институт конфискации имущества вышел за рамки уголовного законодательства, и возможность изъятия имущества и обращения его в доход государства регламентируется целым рядом нормативных правовых актов.

Заключение

С учетом изложенного можно констатировать следующее.

Во-первых, применение ст. 104.1 УК РФ столь невелико, что о сколь бы то ни было весомом воздействии на преступность говорить явно не приходится. По сути, конфискация выполняет лишь так называемую защитную функцию, потому что изъятию, как правило, подлежат объекты преступной деятельности (орудия, оборудование или иные средства совершения преступления). Возможность изъятия денег, ценностей и иного имущества, полученных в результате совершения преступлений, существенно ограничена ввиду:

- закрытого перечня составов преступлений, обозначенных в п. «а» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ;
- законодательного ограничения возможности изъятия переданного осужденным дру-

²⁵ Вакутин А. А. Указ. соч. С. 22.

гому лицу (организации) имущества: только в случае если лицо, принявшее имущество, знало или должно было знать, что оно получено в результате преступных действий (ч. 3 ст. 104.1 УК РФ);

— возложения бремени доказывания незаконности приобретения имущества на органы государственной власти без каких-либо оговорок.

При этом имеющиеся факты применения конфискации в шести случаях из 10 связаны с незаконными действиями и нарушением правил обращения с наркотическими средствами, психотропными и сильнодействующими веществами.

Во-вторых, в некоторой степени повысить превентивное влияние на общество способен отказ от перечисления конкретных составов преступлений, при осуждении за которые возможна конфискация имущества.

Кардинальным видится высказываемое с 2003 г. предложение вернуть конфискацию имущества как самостоятельное наказание, однако же с оговоркой, что данное дополнительное наказание должно стать обязательным. Препятствием для подобного возвращения выступает:

— сложившийся на протяжении последних лет опыт применения конфискации как иной

меры уголовно-правового характера (невозможность включения в уголовный закон терминологически тождественного иной мере уголовно-правового характера наказания);

— возможность изъятия имущества в доход государства в гражданско-правовом порядке;

— негативный исторический опыт применения конфискации имущества;

— отсутствие однозначно достоверных и признаваемых данных, характеризующих превентивный потенциал конфискации как наказания (особенно в условиях возможности применения конфискации имущества как наказания исключительно к виновному лицу).

С учетом указанного говорить о перспективах возвращения конфискации имущества в перечень наказаний в обозримом будущем не приходится.

В-третьих, если всё же рассматривать возможность восстановления конфискации имущества как наказания, то с учетом зарубежного опыта стоит обратить внимание на то, что данная мера наказания должна применяться в дополнение к лишению свободы как основному наказанию за коррупционные преступления, легализацию (отмывание) доходов, в отношении организованной и «беловоротничковой» преступности.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Босхолов С. С. Российский либерализм и проблемы антикоррупционной уголовной политики // Труды Института государства и права РАН. — 2014. — № 3. — С. 31–43.
2. Вакутин А. А., Карпова О. В. Проблемы исполнения конфискации имущества // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. — 2022. — № 3. — С. 19–23.
3. Горбачев И. С. Эволюция законодательной регламентации конфискации имущества в отечественной правовой системе // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия «Гуманитарные и общественные науки». — 2022. — Т. 6. — № 3 (23). — С. 255–262. — DOI: 10.21603/2542-1840-2022-6-3-255-262.
4. Землюков С. В. Институт конфискации имущества требует совершенствования // Известия Алтайского государственного университета. — 2016. — № 3 (91). — С. 76–79. — DOI: 10.14258/izvasu(2016)3-14.
5. Карпов К. Н., Бекетов А. О. Реализация конституционных принципов равенства и справедливости при конфискации денежных средств или иного имущества взамен предмета, подлежащего конфискации // Научный вестник Омской академии МВД России. — 2023. — Т. 29. — № 3 (90). — С. 189–194. — DOI: 10.24412/1999-625X-2023-390-189-194.
6. Киреева Ж. Б., Кудряшов К. В., Санькова А. А. Конфискация имущества: актуальные проблемы совершенствования антикоррупционного законодательства // Юрист-Правоведъ. — 2020. — № 2 (93). — С. 63–67.

7. Лаптев Д. Б., Федоров А. А. Совершенствование института конфискации имущества на основе опыта зарубежных стран // Вестник Томского государственного университета. — 2022. — № 477. — С. 239–245. — DOI: 10.17223/15617793/477/27.
8. Маслов В. А. Эффективность конфискации имущества в контексте официальной статистики // Актуальные проблемы российского права. — 2022. — Т. 17. — № 12. — С. 175–190. — DOI: 10.17803/1994-1471.2022.145.12.175-190.
9. Склоцкий К. И. Применение законодательства об обращении в доход государства имущества, полученного в результате нарушения законодательства о противодействии коррупции // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. — 2021. — № 11. — С. 156–186.
10. Allena M. Anti-Mafia Confiscation Against Corruption: The New Frontier of Human Rights (May 15, 2019) // 1(1) Italian Journal of Public Law (220) 196–222 (2019). — Bocconi Legal Studies Research Paper 3388398, May 2019. — DOI: 10.2139/ssrn.3388398.
11. Amusa O. K. Non Conviction Based Criminal Forfeiture and Right to Own Property in Nigeria: Enhancing the Benefits and Engaging the Problems (September 16, 2008). — DOI: 10.2139/ssrn.1268806.
12. Bogdan C. Natura juridică a măsurii confiscării în procesul penal (The Legal Nature of the Confidence Measure in the Criminal Process) (July 1, 2015). — P. 89–134. — DOI: 10.2139/ssrn.3337733.
13. Buscaglia E. The Paradox of Expected Punishment: Legal and Economic Factors Determining Success and Failure in the Fight Against Organized Crime (2008) // Review of Law and Economics. — 2008. — Vol. 3. — P. 1–25.
14. Clarke B. A Man's Home is His Castle — Or is it? How to Take Houses from People Without Convicting Them of Anything: The Criminal Property Confiscation Act 2000 (WA) (March 2, 2004) // Criminal Law Journal. — 2004. — Vol. 28. — P. 263–286.
15. Faure M. G. Criminal Liability for Oil Pollution Damage: An Economic Analysis (April 15, 2011) // Maritime Pollution Liability and Policy — China, Europe and the US / M. G. Faure, Han Lixin, Shan Hongjun (eds). — Kluwer Law International, Alphen a/d Rijn, 2010. — Chapter 10. — P. 161–192.
16. Fisher K. R. In Rem Alternatives to Extradition for Money Laundering // Loyola of Los Angeles International and Comparative Law Review. — 2003. — Vol. 25.
17. Godinho J. A. F. Do crime de «riqueza injustificada» (Artigo 28.º da Lei n.º 11/2003, de 28 de Julho) (The Crime of Illicit Enrichment (Article 28 of Law 11/2003, of July 28) (2007)) // Boletim da Faculdade de Direito da Universidade de Macau. — 2007. — Vol. 11. — No. 24.
18. King C., Walker C. Counter Terrorism Financing: A Redundant Fragmentation? (November 1, 2015) // New Journal of European Criminal Law. — 2015. — Vol. 6. — Iss. 3.
19. King C. Civil Forfeiture and Article 6 of the ECHR: Due Process Implications for England and Wales and Ireland (March 15, 2013). (2014) 34(3) Legal Studies. — P. 371–394.
20. Vítor S. C. Extended Confiscation in the Brazilian Criminal Procedure: an Analysis of its Evidentiary Rules // Journal volume & issue. — 2021. — Vol. 22. — No. 2. — P. 782–814. — DOI: 10.12957/redp.2021.52607.

Материал поступил в редакцию 3 ноября 2023 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Boskholov S. S. Rossiyskiy liberalizm i problemy antikorrupcionnoy ugovnoy politiki // Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN. — 2014. — № 3. — С. 31–43.
2. Vakutin A. A., Karpova O. V. Problemy ispolneniya konfiskatsii imushchestva // Vestnik Belgorodskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni I.D. Putilina. — 2022. — № 3. — С. 19–23.
3. Gorbachev I. S. Evolyutsiya zakonodatel'noy reglamentatsii konfiskatsii imushchestva v otechestvennoy pravovoy sisteme // Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Gumanitarnye i

- obshchestvennye nauki». — 2022. — Т. 6. — № 3 (23). — С. 255–262. — DOI: 10.21603/2542-1840-2022-6-3-255-262.
4. Zemlyukov S. V. Institut konfiskatsii imushchestva trebuetsya sovershenstvovaniya // *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta*. — 2016. — № 3 (91). — С. 76–79. — DOI: 10.14258/izvasu(2016)3-14.
 5. Karpov K. N., Beketov A. O. Realizatsiya konstitutsionnykh printsipov ravenstva i spravedlivosti pri konfiskatsii denezhnykh sredstv ili inogo imushchestva vzamen predmeta, podlezhashchego konfiskatsii // *Nauchnyy vestnik Omskoy akademii MVD Rossii*. — 2023. — Т. 29. — № 3 (90). — С. 189–194. — DOI: 10.24412/1999-625X-2023-390-189-194.
 6. Kireeva Zh. B., Kudryashov K. V., Sankova A. A. Konfiskatsiya imushchestva: aktualnye problemy sovershenstvovaniya antikorrupcionnogo zakonodatelstva // *Yurist-Pravoved*. — 2020. — № 2 (93). — С. 63–67.
 7. Laptev D. B., Fedorov A. A. Sovershenstvovanie instituta konfiskatsii imushchestva na osnove opyta zarubezhnykh stran // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. — 2022. — № 477. — С. 239–245. — DOI: 10.17223/15617793/477/27.
 8. Maslov V. A. Effektivnost konfiskatsii imushchestva v kontekste ofitsialnoy statistiki // *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. — 2022. — Т. 17. — № 12. — С. 175–190. — DOI: 10.17803/1994-1471.2022.145.12.175-190.
 9. Sklovskiy K. I. Primenenie zakonodatelstva ob obrashchenii v dokhod gosudarstva imushchestva, poluchennogo v rezul'tate narusheniya zakonodatelstva o protivodeystvii korruptsii // *Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossiyskoy Federatsii*. — 2021. — № 11. — С. 156–186.
 10. Allena M. Anti-Mafia Confiscation Against Corruption: The New Frontier of Human Rights (May 15, 2019) // 1(1) *Italian Journal of Public Law* (220) 196–222 (2019). — Bocconi Legal Studies Research Paper 3388398, May 2019. — DOI: 10.2139/ssrn.3388398.
 11. Amusa O. K. Non Conviction Based Criminal Forfeiture and Right to Own Property in Nigeria: Enhancing the Benefits and Engaging the Problems (September 16, 2008). — DOI: 10.2139/ssrn.1268806.
 12. Bogdan C. Natura juridică a măsurii confiscării în procesul penal (The Legal Nature of the Confidence Measure in the Criminal Process) (July 1, 2015). — P. 89–134. — DOI: 10.2139/ssrn.3337733.
 13. Buscaglia E. The Paradox of Expected Punishment: Legal and Economic Factors Determining Success and Failure in the Fight Against Organized Crime (2008) // *Review of Law and Economics*. — 2008. — Vol. 3. — P. 1–25.
 14. Clarke B. A Man's Home is His Castle — Or is it? How to Take Houses from People Without Convicting Them of Anything: The Criminal Property Confiscation Act 2000 (WA) (March 2, 2004) // *Criminal Law Journal*. — 2004. — Vol. 28. — P. 263–286.
 15. Faure M. G. Criminal Liability for Oil Pollution Damage: An Economic Analysis (April 15, 2011) // *Maritime Pollution Liability and Policy — China, Europe and the US* / M. G. Faure, Han Lixin, Shan Hongjun (eds). — Kluwer Law International, Alphen a/d Rijn, 2010. — Chapter 10. — P. 161–192.
 16. Fisher K. R. In Rem Alternatives to Extradition for Money Laundering // *Loyola of Los Angeles International and Comparative Law Review*. — 2003. — Vol. 25.
 17. Godinho J. A. F. Do crime de «riqueza injustificada» (Artigo 28.º da Lei n.º 11/2003, de 28 de Julho) (The Crime of Illicit Enrichment (Article 28 of Law 11/2003, of July 28) (2007)) // *Boletim da Faculdade de Direito da Universidade de Macau*. — 2007. — Vol. 11. — No. 24.
 18. King C., Walker C. Counter Terrorism Financing: A Redundant Fragmentation? (November 1, 2015) // *New Journal of European Criminal Law*. — 2015. — Vol. 6. — Iss. 3.
 19. King C. Civil Forfeiture and Article 6 of the ECHR: Due Process Implications for England and Wales and Ireland (March 15, 2013). (2014) 34(3) *Legal Studies*. — P. 371–394.
 20. Vítor S. C. Extended Confiscation in the Brazilian Criminal Procedure: an Analysis of its Evidentiary Rules // *Journal volume & issue*. — 2021. — Vol. 22. — No. 2. — P. 782–814. — DOI: 10.12957/redp.2021.52607.

DOI: 10.17803/1994-1471.2024.167.10.123-130

Р. В. Беличенко*

Организация работы по сбору эмпирической базы в целях уточнения биологических критериев вменяемости, ограниченной вменяемости, невменяемости (пилотный проект)

Аннотация. В науке уголовного права, судебной психиатрии не проведены четкие границы между биологическими критериями вменяемости, ограниченной вменяемости, невменяемости. Статья посвящена рассмотрению перспектив использования современных достижений нейронаук для уточнения границ биологических критериев вменяемости, ограниченной вменяемости, невменяемости. Приводятся сведения о современном состоянии развития нейронауки в части исследования с помощью методов нейровизуализации головного мозга лиц, совершающих уголовно наказуемые деяния. Обосновывается целесообразность проведения соответствующих исследований в России и предлагается вариант организации такой работы в виде пилотного проекта. В частности, рассматривается возможность формирования единого информационного банка данных, где предполагается отражать краткие сведения о лицах, совершивших уголовно наказуемые деяния, об инкриминируемых им деяниях, результаты нейровизуализации головного мозга данных лиц. Выделяется и описывается несколько этапов организации работы по сбору эмпирической базы в целях уточнения биологических критериев вменяемости, ограниченной вменяемости, невменяемости. Отдельное внимание уделяется вопросу правомерности принудительного осуществления нейровизуализационных исследований в отношении лиц, совершивших уголовно наказуемые деяния.

Ключевые слова: биологический критерий вменяемости; биологический критерий ограниченной вменяемости; биологический критерий невменяемости; вменяемость; ограниченная вменяемость; невменяемость; нейроправо; нейровизуализация головного мозга; нейровизуализация головного мозга преступников; уголовно-релевантные состояния психики.

Для цитирования: Беличенко Р. В. Организация работы по сбору эмпирической базы в целях уточнения биологических критериев вменяемости, ограниченной вменяемости, невменяемости (пилотный проект) // Актуальные проблемы российского права. — 2024. — Т. 19. — № 10. — С. 123–130. — DOI: 10.17803/1994-1471.2024.167.10.123-130.

© Беличенко Р. В., 2024

* Беличенко Римма Владимировна, преподаватель кафедры административно-правовых дисциплин и информационного обеспечения органов внутренних дел Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России
Генерала Галицкого ул., д. 30, г. Калининград, Россия, 236006
bel.ri@mail.ru

Organization of Work on Collecting an Empirical Base for Clarifying the Biological Criteria of Sanity, Limited Sanity, and Insanity (Pilot Project)

Rimma V. Belichenko, Lecturer, Department of Administrative and Legal Disciplines and Information Support for Internal Affairs Bodies, Kaliningrad Branch, St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Kaliningrad, Russian Federation
bel.ri@mail.ru

Abstract. The science of criminal law and forensic psychiatry do not draw clear boundaries between the biological criteria of sanity, limited sanity, and insanity. The paper is devoted to the consideration of the prospects for using modern achievements of neuroscience to clarify the boundaries of biological criteria of sanity, limited sanity, and insanity. The paper provides information on the current state of development of neuroscience in terms of research using neuroimaging methods of the brain of individuals committing criminal offenses. The feasibility of conducting relevant research in Russia is substantiated and an option for organizing such work in the form of a pilot project is proposed. In particular, it is proposed to create a single information database, which is supposed to reflect brief information about persons who have committed criminal acts, about the acts they are accused of, and the results of neuroimaging of the brains of these persons. Several stages of organizing work on collecting an empirical base to clarify the biological criteria of sanity, limited sanity, and insanity are identified and described. Particular attention is given to the issue of the legality of compulsory neuroimaging studies in relation to persons who have committed criminal offences.

Keywords: biological criterion of sanity; biological criterion of limited sanity; biological criterion of insanity; sanity; limited sanity; insanity; neurolaw; neuroimaging of the brain; neuroimaging of the brain of criminals; criminally relevant mental states.

Cite as: Belichenko RV. Organization of Work on Collecting an Empirical Base for Clarifying the Biological Criteria of Sanity, Limited Sanity, and Insanity (Pilot Project). *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2024;19(10):123-130. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2024.167.10.123-130

На текущем этапе развития науки перспективным направлением, которое, согласно прогнозам, может привести к получению новых сведений о структуре и функционировании головного мозга лиц, совершающих уголовно наказуемые деяния, является исследование головного мозга с помощью методов нейровизуализации (позитронно-эмиссионной томографии, магнитно-резонансной томографии (МРТ), функциональной магнитно-резонансной томографии, компьютерной томографии и т.д.)¹. Выделяют следующие направления использо-

вания данных нейровизуализации в уголовном праве: диагностическую нейровизуализацию, направленную на уточнение границ биологических критериев вменяемости, ограниченной вменяемости, невменяемости; «нейропрогнозирование», в рамках которого занимаются прогнозированием преступного поведения (включая риск рецидива)². Нейровизуализационные исследования проводятся как в отношении реально совершивших противоправные деяния, так и при моделировании ситуаций совершения преступлений³. Указанные исследования активно

¹ См., например: *Abueida D. F. F. The Brain on Trial: Neurolaw on Criminal Responsibility, Punishment, and The Call for Adjusting Theory*. Faculty of Law at Maastricht University, 2020 ; *Stevens G. P. My Brain Made Me Do It? Reflections on the Role of Neuroscience in Assessing Criminal Responsibility — A South African Medico-legal Perspective* // *Psychiatry, Psychology and Law*. 2020. Vol. 27 (2). P. 202–213.

² *Ligthart L. T. J. (Sjors). Coercive neuroimaging, criminal law, and privacy: a European perspective* // *Journal of Law Biosciences*. 2019. Vol. 6. № 1. P. 289, 291.

³ См., например: *Straiton J., Lake F. Inside the brain of a killer: the ethics of neuroimaging in a criminal conviction* // *BioTechnoloques*. 2021. Vol. 70. № 2. P. 69–71.

проводятся за рубежом (в США, Англии и Уэльсе, Канаде, Нидерландах и др.)⁴. Отмечается, что нейронаука находится на этапе зарождения⁵. Для формулирования значимых для уголовно-правовой науки и закона выводов объем эмпирических данных еще недостаточен. При этом подчеркивается, что, если исследователи смогут использовать нейроизображения, чтобы продемонстрировать прямую зависимость между особенностями головного мозга и психическими и поведенческими процессами, нейронаука может повлиять на анализ юридической ответственности за совершенные действия, оценку психического состояния человека в настоящий момент, прогнозирование поведения в будущем⁶ (в связи с чем выделяются обозначенные направления нейронауки исследований). Согласно открытым для общего доступа сведениям, в России подобные исследования не проводятся.

В деле накопления вышеописываемых эмпирических данных и их анализа необходимо объединение усилий специалистов в соответствующих направлениях деятельности и ученых разных стран, взаимный обмен информацией. Таким образом, считаем важным проведение указанных исследований, в том числе в России.

На первом этапе такие пилотные исследования могут проводиться в нескольких крупных, наиболее экономически развитых регионах России (например, в городах Москве, Санкт-Петербурге, Новосибирске). На этом этапе в целях экономии бюджетных средств⁷ считаем возможным направлять на исследования уже осужденных ограниченно вменяемых лиц, в отношении которых приговор суда вступил в законную силу, а также невменяемых лиц, в отношении которых судом вынесено постановление о назначении принудительных мер медицинского характера. Смысл исследования головного мозга осужденных преступников с помощью методов нейро-

визуализации заключается в накоплении эмпирической базы для создания банка данных с целью последующего их изучения профильными специалистами для формулирования уголовно-релевантных выводов.

Для обеспечения единообразия собираемых сведений необходимо выбрать один из методов нейровизуализации, при помощи которого возможно получить максимально подробную информацию об особенностях головного мозга лиц, совершивших преступления.

Результаты нейровизуализации головного мозга лиц с краткими справками, содержащими сведения об инкриминируемых им деяниях, и характеризующим личность материалом должны аккумулироваться в специально созданном для этого информационном банке данных, который будет представлять собой государственную информационную систему ограниченного доступа. Оператором системы может выступать ФГБУ «Институт мозга человека имени Н.П. Бехтерева Российской академии наук».

Единый банк данных может формироваться в зависимости от следующих аспектов: объектного, насильственного/ненасильственного характера совершенного преступления:

Блок № 1. Насильственные преступления против жизни и здоровья.

Блок № 2. Преступления против половой свободы и неприкосновенности несовершеннолетних.

Блок № 3. Преступления против установленного законом порядка оборота наркотических средств, психотропных веществ, растений, содержащих наркотические средства либо их части.

Блок № 4. Корыстные преступления.

Блок № 5. Иные преступления.

Блоки могут делиться на подблоки. Так, блок № 3 может быть разделен на подблок № 1

⁴ Straiton J., Lake F. Op. cit. P. 289.

⁵ См., например: Полубинская С. В. Использование данных нейронаук в доктрине уголовного права и судебной практике // Труды Института государства и права РАН = Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS. 2019. Т. 14. № 5. С. 9–37 ; Roache R. Can brain scans prove criminals unaccountable? // *AJOB Neurosci.* 2014. № 5 (2). P. 35.

⁶ См.: Stevens G. Op. cit. P. 204.

⁷ В силу дороговизны нейровизуализационных исследований.

«Насильственные корыстные преступления», подблок № 2 «Ненасильственные корыстные преступления». Указанное разделение считаем необходимым для удобства проведения сравнительного анализа мозговых особенностей преступников, совершающих различные по объекту преступные посягательства, а также с применением или без применения насилия.

Суд формирует справку со следующими сведениями: данные о личности; сведения о преступлениях / общественно опасных деяниях, за совершение которых лицо осуждено / назначены принудительные меры медицинского характера (в том числе по ранее расследованным уголовным делам, если такая информация не была ранее внесена в банк данных); заключения экспертов-психиатров по судебно-психиатрическим экспертизам, проведенным в рамках расследования по уголовным делам в отношении лица.

При этом доступ к персональным данным должен обеспечиваться строго по мотивированному запросу в исследовательских целях, а не всем лицам, которые будут иметь доступ к банку данных. Указанную справку суд направляет в медицинскую организацию, где будет производиться нейровизуализация головного мозга с запросом на производство нейровизуализации головного мозга. Организация осуществляет нейровизуализацию головного мозга определенным методом. Справка с прилагаемым результатом нейровизуализации должна направляться в организацию, аккумулирующую соответствующие сведения.

В случае если вновь совершившее противоправное деяние лицо уже направлялось на исследование и информация о нем внесена в банк данных на первом этапе пилотных исследований, повторно нейровизуализация его головного мозга не производится по причине дороговизны.

Надо отметить, что интересующие нас исследования проводятся, как правило, врачами-рентгенологами, радиологами, окончившими

профильную ординатуру, прошедшими специальные курсы. Указанное обусловлено высокой сложностью проведения нейровизуализационных исследований, требующих широкого спектра знаний. Так, существует практика специализации врачей на проведении нейровизуализационного исследования определенным методом отдельной части тела человека (легких, головного мозга и т.д.)⁸. Примечательно, что к таким узким специалистам часто обращаются даже из других стран. Поэтому нами предполагается, что проведение нейровизуализации по возможности должно поручаться врачам, специализирующимся на исследовании головного мозга. Считаем перспективным подготовить специалистов для проведения нейровизуализационных исследований головного мозга лиц, совершающих преступления.

На втором этапе считаем возможным распространить применение методов нейровизуализации головного мозга лиц, признанных ограниченно вменяемыми, невменяемыми, на большее число регионов с постепенным их внедрением на территории всей страны. Наступление данного этапа связываем с повышением доступности оборудования и удешевлением исследований.

Надо отметить, что упоминаемая область научных изысканий стремительно развивается. Так, уже в декабре 2021 г. в Университете Гонконга выпустили аппарат для производства МРТ, который, как заявляется, в разы компактнее и дешевле используемых сейчас. Такой аппарат способен «диагностировать заболевания мозга у пациентов». Указанную систему уже применяют в одной из клиник Гонконга⁹.

В марте 2022 г. в Физическом институте имени П.Н. Лебедева (ФИАН) РАН разработаны опытные образцы магнитно-резонансных томографов RTI FullScan, которые «на 30 % дешевле» существующих аппаратов. Заявляется, что их производство может решить проблему импортозамещения в соответствующей области, ведь 70 % комплектующих — российского производ-

⁸ Такая практика существует преимущественно в зарубежных странах.

⁹ 2021: Анонс МРТ-аппарат // URL: https://zdrav.expert/index.php/Продукт:НКУ:_МРТ-сканер (дата обращения: 27.09.2023).

ства¹⁰. Аппараты предназначены для визуализации и диагностики состояния конечностей и суставов, использования в травматологических больницах и пунктах, спортивной медицине¹¹.

На последующем этапе применение методов нейровизуализации головного мозга лиц считаем возможным при проведении судебно-психиатрических экспертиз в рамках расследования уголовных дел. Наступление этого этапа связывается нами с научным прогрессом, ведущим: 1) к расширению и углублению знаний в интересующей области; 2) повышению квалификации специалистов, проводящих и интерпретирующих такие исследования; 3) повышению доступности описываемых исследований вследствие повсеместного появления необходимого для этого оборудования, дальнейшего удешевления исследований.

Одним из проблемных вопросов, поднимаемых зарубежной общественностью, учеными (Н. Фахарани, Ф. Шэном, М. Пардо, Д. Петтерсоном¹² и др.), специалистами, является правомерность принудительного характера применения технологий нейровизуализации к подсудимым и осужденным¹³. Диспут возник по поводу нарушения при проведении таких исследований права на неприкосновенность частной жизни¹⁴, закрепленного в ст. 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод¹⁵. Названная Конвенция ратифицирована Россией 30 марта 1998 г. 23 марта 2022 г. Европейский

Суд исключил Россию из Конвенции. С 16 сентября 2022 г. Россия прекратила свое участие в Конвенции¹⁶. Тем не менее право на неприкосновенность частной жизни закреплено в ст. 23 Конституции РФ¹⁷. На наш взгляд, именно по этой причине необходимо ограничение доступа к результатам нейровизуализации головного мозга ограниченно вменяемых, невменяемых лиц (путем предоставления такого доступа исключительно научным сотрудникам в исследовательских целях).

Расширение и углубление знаний в данной области означает, кроме того, появление более достоверных и точных сведений о воздействии соответствующего облучения на здоровье человека, способах нивелирования его вредоносного воздействия. На сегодняшний день считается, что МРТ с величиной магнитной индукции до 3 Тл не причиняет вреда организму человека при отсутствии противопоказаний (наличие кардиостимулятора, металлических элементов в исследуемой области и т.д.). Так, МРТ не несет лучевой нагрузки, осуществляется радиочастотное излучение. При этом неизвестны последствия воздействия на человека МРТ с величиной магнитной индукции от 8 Тл, так как в процессе исследования кровь приобретает магнитные свойства. Поэтому практикуется получение согласия пациента на проведение таких исследований. Надо отметить, что на текущий момент наиболее распространены МРТ с вели-

¹⁰ 2022: Оценка проекта российского МРТ-сканера в 4,5 млрд руб. // URL: https://zdrav.expert/index.php/Продукт:RTI_FullScan (дата обращения: 27.09.2023).

¹¹ Комплекс магнитно-резонансных томографов // URL: <http://mrt.lebedev.ru/rti-fullscan/> (дата обращения: 27.09.2023).

¹² Ligthart L. T. J. (Sjors). Op. cit. P. 290.

¹³ Abueida D. F. F. Op. cit. P. 12.

¹⁴ См., например: Ligthart L. T. J. (Sjors). Op. cit. P. 289–309.

¹⁵ Конвенция о защите прав человека и основных свобод (заключена в г. Риме 4 ноября 1950 г., с изм. по сост. на 24 июня 2013 г.) вместе с Протоколом № 1 (подписан в г. Париже 20 марта 1952 г.), Протоколом № 4 «Об обеспечении некоторых прав и свобод помимо тех, которые уже включены в Конвенцию и первый Протокол к ней» (подписан в г. Страсбурге 16 сентября 1963 г.), Протоколом № 7 (подписан в г. Страсбурге 22 ноября 1984 г.) // СЗ РФ. 2001. № 2. Ст. 163.

¹⁶ Россия выйдет из Конвенции по защите прав человека 16 сентября // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20220323/espch-1779655600.html> (дата обращения: 02.08.2023).

¹⁷ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) // СЗ РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.

чиной магнитной индукции 1,5–3 Тл. В связи с тем, что воздействие на человека такой величины магнитной индукции считается безопасным, полагаем целесообразным проведение описываемых исследований в отношении лиц, совершивших уголовно наказуемые деяния. Проведение указанных исследований считаем возможным осуществлять лишь с согласия лица. Надо отметить, что проведение нейровизуализационных исследований головного мозга без согласия лица не представляется допустимым, поскольку лицо во время исследования должно находиться в неподвижном, спокойном состоянии. Если лицо начнет оказывать сопротивление, это существенным образом скажется на результатах.

Положения, устанавливающие правила организации описываемой деятельности, могут быть закреплены в ведомственных нормативных правовых актах Министерства здравоохранения РФ. На первом этапе рекомендация о направлении судами на нейровизуализационные исследования лиц, признанных ограниченно вменяемыми, невменяемыми, а также порядок направления могут быть обозначены в постановлении Пленума ВС РФ, посвященном вопросам уголовной ответственности лиц с уголовно-релевантными состояниями психики. При этом на первом этапе в постановлении обозначается круг субъектов РФ, в которых судам необходимо будет направлять соответствующих лиц на нейровизуализационные исследования. На втором этапе считаем возможным закрепить необходимость направления ограниченно вменяемых, невменяемых лиц на нейровизуализационные исследования всеми судами РФ.

Полагаем, что важно формирование банков данных, содержащих результаты исследования головного мозга лиц, совершивших преступления, также в других странах с последующим формированием единого мирового банка данных. До тех пор пока мировой банк данных не будет создан, необходимо предусмотреть возможность предоставления взаимного доступа к банкам данных различных стран для проведения профильных исследований.

На основании проведенного исследования мы пришли к следующим выводам:

1. Методы нейровизуализации головного мозга лиц, совершивших преступления, могут быть использованы в целях накопления массива эмпирических данных, которые могут быть использованы в будущем, в том числе для уточнения границ биологических критериев вменяемости, ограниченной вменяемости, невменяемости, а также для прогнозирования преступного поведения, в частности риска рецидива.

2. Считаем целесообразным организовать деятельность по накоплению указанного массива эмпирических данных в России. Такая информация может аккумулироваться в едином информационном банке данных, представляющем собой государственную информационную систему ограниченного доступа. Осуществление такой деятельности предлагается произвести в хронологическом смысле в несколько этапов с постепенным расширением круга подвергающихся нейровизуализации лиц, совершивших преступления, общественно опасные деяния. Наступление каждого последующего этапа связывается нами с повышением доступности соответствующего оборудования и удешевлением исследований.

3. Единый банк данных может формироваться в зависимости от следующих аспектов: объектного, насильственного/ненасильственного характера совершенного преступления: блок № 1 «Насильственные преступления против жизни и здоровья»; блок № 2 «Преступления против половой свободы и неприкосновенности несовершеннолетних»; блок № 3 «Преступления против установленного законом порядка оборота наркотических средств, психотропных веществ, растений, содержащих наркотические средства либо их части»; блок № 4 «Корыстные преступления»; блок № 5 «Иные преступления». Блоки могут делиться на подблоки. Так, блок № 3 может быть разделен на подблок № 1 «Насильственные корыстные преступления»; подблок № 2 «Ненасильственные корыстные преступления».

4. Важным вопросом является правомерность принудительного осуществления нейровизуализационных исследований в отношении лиц, совершивших преступления, общественно опасные деяния. При принудительном исследо-

вании головного мозга с помощью указанных методов нарушается право на неприкосновенность частной жизни. По указанной причине считаем важным предусмотреть ограничение доступа к результатам нейровизуализации головного мозга ограниченно вменяемых, невменяемых лиц (путем предоставления такого доступа исключительно научным сотрудникам в исследовательских целях). На текущий момент наиболее распространены МРТ с величиной магнитной индукции 1,5–3 Тл. В связи с тем что воздействие на человека такой величиной магнитной индукции считается безопасным, полагаем возможным проведение описываемых исследований в отношении лиц, совершивших уголовно наказуемые деяния. При этом проведение указанных исследований считаем допустимым осуществлять лишь с согласия лица.

5. Положения, устанавливающие правила организации описываемой деятельности, могут быть закреплены в ведомственных нормативных правовых актах Министерства здравоохранения РФ. На первом этапе рекомендация о направлении судами на нейровизуализационные исследования лиц, признанных ограниченно вменяемыми, невменяемыми, а также порядок направления могут быть обозначены в постановлении Пленума ВС РФ, посвященном вопросам уголовной ответственности лиц с уголовно-релевантными состояниями психики. Так, предлагаем включить пункты следующего содержания¹⁸:

«1. После вступления в законную силу приговора суда в отношении лица, признанного ограниченно вменяемым, постановления о применении принудительных мер медицинского характера в отношении лица, признанного невменяемым, суд в разумные сроки направляет в медицинскую организацию, осуществляющую нейровизуализационное исследование, запрос на проведение в отношении лица соответствующего исследования.

2. В указанных целях суд формирует справку, содержащую необходимые сведения: данные о личности; сведения о преступлениях / общественно опасных деяниях, за совершение которых лицо осуждено / назначены принудительные меры медицинского характера (в том числе по ранее расследованным уголовным делам, если такая информация не была ранее внесена в единый информационный банк данных, содержащий сведения о результатах нейровизуализации головного мозга лиц, совершивших преступления, общественно опасные деяния); заключения экспертов-психиатров по судебно-психиатрическому экспертизам, проведенным в рамках расследования по уголовным делам в отношении лица».

6. Считаем целесообразным повсеместное создание описанных банков данных в разных странах с последующим формированием общемирового банка данных с результатами нейровизуализации головного мозга лиц, совершивших преступления, общественно опасные деяния.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Полубинская С. В. Использование данных нейронаук в доктрине уголовного права и судебной практике // Труды Института государства и права Российской академии наук = Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS. — 2019. — Т. 14. — № 5. — С. 9–37.
2. Abueida D. F. F. The Brain on Trial: Neurolaw on Criminal Responsibility, Punishment, and The Call for Adjusting Theory. — Faculty of Law at Maastricht University, 2020. — 20 p.
3. Ligthart L. T. J. (Sjors). Coercive neuroimaging, criminal law, and privacy: a European perspective // Journal of Law Biosciences. — 2019. — Vol. 6. — № 1. — P. 289–291.

¹⁸ Данные положения могут быть включены в указанное постановление Пленума ВС РФ в случае принятия решения о реализации пилотного проекта по сбору соответствующей эмпирической базы в целях дальнейшей работы по уточнению границ биологических критериев вменяемости, ограниченной вменяемости, невменяемости.

4. Roache R. Can brain scans prove criminals unaccountable? // AJOB Neurosci. — 2014. — № 5 (2). — P. 35–37.
5. Stevens G. P. My Brain Made Me Do It? Reflections on the Role of Neuroscience in Assessing Criminal Responsibility — A South African Medico-legal Perspective // Psychiatry, Psychology and Law. — 2020. — Vol. 27 (2). — P. 202–213.
6. Straiton J., Lake F. Inside the brain of a killer: the ethics of neuroimaging in a criminal conviction // BioTechnoloques. — 2021. — Vol. 70. — № 2. — P. 69–71.

Материал поступил в редакцию 30 ноября 2023 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Polubinskaya S. V. Ispolzovanie dannykh neyronauk v doktrine ugovnogo prava i sudebnoy praktike // Trudy Instituta gosudarstva i prava Rossiyskoy akademii nauk = Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS. — 2019. — T. 14. — № 5. — S. 9–37.
2. Abueida D. F. F. The Brain on Trial: Neurolaw on Criminal Responsibility, Punishment, and The Call for Adjusting Theory. — Faculty of Law at Maastricht University, 2020. — 20 p.
3. Ligthart L. T. J. (Sjors). Coercive neuroimaging, criminal law, and privacy: a European perspective // Journal of Law Biosciences. — 2019. — Vol. 6. — № 1. — P. 289–291.
4. Roache R. Can brain scans prove criminals unaccountable? // AJOB Neurosci. — 2014. — № 5 (2). — P. 35–37.
5. Stevens G. P. My Brain Made Me Do It? Reflections on the Role of Neuroscience in Assessing Criminal Responsibility — A South African Medico-legal Perspective // Psychiatry, Psychology and Law. — 2020. — Vol. 27 (2). — P. 202–213.
6. Straiton J., Lake F. Inside the brain of a killer: the ethics of neuroimaging in a criminal conviction // BioTechnoloques. — 2021. — Vol. 70. — № 2. — P. 69–71.

DOI: 10.17803/1994-1471.2024.167.10.131-142

В. В. Порайко*

Уголовно-релевантные психоэмоциональные состояния личности: проблемы учета при назначении наказания

Аннотация. Статья посвящена обзору проблем оценки уголовно-правового значения психоэмоциональных состояний личности в момент совершения преступлений.

Анализ судебно-экспертной практики и судебной статистики позволил автору акцентировать внимание на возрастании как общего числа лиц, направляемых на судебно-психиатрическую экспертизу, так и числа выявляемых невменяемых и ограниченно вменяемых лиц. Это актуализирует вопросы: учета судами факта ограниченной вменяемости виновного; учета при назначении наказания виновному лицу характера его поведения в период, непосредственно предшествовавший совершению преступления; учета психоэмоционального состояния субъекта при реализации принципа вины в преступлениях, совершенных по неосторожности.

Обозначены проблемы, вызывающие наибольшие затруднения в правоприменительной практике и разногласия в доктрине уголовного права. Определены наиболее перспективные пути их решения. По мнению автора, снятию данных проблем должно способствовать принятие Пленумом Верховного Суда РФ специальных разъяснений по вопросам учета уголовно-релевантных психоэмоциональных состояний. В документе необходимо, в частности, четко прописать варианты учета при назначении наказания ограниченной вменяемости виновного, а также характера его поведения в период, непосредственно предшествовавший совершению преступления.

Автор также выступает за расширение на законодательном уровне оснований признания деяния совершенным невиновно.

Ключевые слова: психоэмоциональное состояние; невменяемость; ограниченная вменяемость; психические расстройства; сознательно-волевые способности; уголовная ответственность; назначение наказания; экстремальные условия; нервно-психические перегрузки; невиновное причинение вреда.

Для цитирования: Порайко В. В. Уголовно-релевантные психоэмоциональные состояния личности: проблемы учета при назначении наказания // Актуальные проблемы российского права. — 2024. — Т. 19. — № 10. — С. 131–142. — DOI: 10.17803/1994-1471.2024.167.10.131-142.

© Порайко В. В., 2024

* Порайко Василий Вячеславович, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Дальневосточного филиала Российского государственного университета правосудия
Восточное ш., д. 49, г. Хабаровск, Россия, 680014
porayko@mail.ru

Criminally Relevant Psycho-Emotional States of Individual: Problems of Consideration when Assigning Punishment

Vasiliy V. Porayko, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Criminal Law Disciplines,
Far Eastern Branch, Russian State University of Justice, Khabarovsk, Russian Federation
porayko@mail.ru

Abstract. The paper reviews the problems related to the assessment of criminal law significance of the psycho-emotional states of an individual at the time of committing crimes.

An analysis of forensic practice and judicial statistics allowed the author to focus attention on the increase in both the total number of persons referred to forensic psychiatric examination and the number of identified insane and partially sane persons. This has made several issues more urgent. It is important for the court to consider if the guilty party is limited in sanity; when sentencing the guilty party, the nature of their behavior in the period immediately preceding the commission of the crime; the psycho-emotional state of the subject when implementing the principle of guilt in crimes committed negligently.

The problems that cause the greatest difficulties in law enforcement practice and disagreements in the doctrine of criminal law are identified. The most promising ways to solve them have been outlined. According to the author, the adoption by the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of special explanation on the issues of considering criminally relevant psycho-emotional states should contribute to the removal of these problems. The document must, in particular, clearly spell out the options for considering the limited sanity of the perpetrator when assigning a sentence, as well as the nature of his behavior in the period immediately preceding the commission of the crime.

The author also advocates for expanding, at the legislative level, the grounds for recognizing an act as committed innocently.

Keywords: psycho-emotional state; insanity; limited sanity; mental disorders; conscious-volitional abilities; criminal liability; sentencing; extreme conditions; neuropsychic overload; innocent causing of harm.

Cite as: Porayko VV. Criminally Relevant Psycho-Emotional States of Individual: Problems of Consideration when Assigning Punishment. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2024;19(10):131-142. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2024.167.10.131-142

Преступление — это девиация, нарушение выраженной в уголовном законе социальной нормы. Причем такое нарушение, которое чревато для допустившего его лица весьма суровыми последствиями, нередко самым кардинальным образом меняющими всю его жизнь.

Преступления могут быть совершены исключительно людьми, а людям свойственны такие атрибуты, как сознание, воля, эмоции и чувства. Преступление, оставаясь отнюдь не редким явлением для современного общества, тем не менее предполагает выход виновного лица за рамки социально допустимого. Соответственно, совершение человеком преступления, как правило, сопряжено с его пребыванием в

отличающемся от нормы психоэмоциональном состоянии. Названное обстоятельство учтено законодателем в нормах действующего УК РФ¹, однако учтено, как представляется, не в полном объеме.

Разумеется, не всякое психоэмоциональное состояние лица в момент совершения им общественно опасного деяния обладает уголовно-правовой релевантностью, то есть учитывается при решении вопроса о возможности привлечения лица к уголовной ответственности, а также при определении вида и объема применяемого по отношению к нему уголовно-правового воздействия.

Законодатель вполне справедливо придает первостепенное значение психоэмоциональ-

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

ным состояниям, имеющим отношение к характеристикам субъекта преступления. В соответствии со ст. 19 УК РФ, «уголовной ответственности подлежит только вменяемое физическое лицо, достигшее возраста, установленного настоящим Кодексом».

Психоэмоциональное состояние человека служит фундаментом для его сознательно-волевых способностей², возможность реализации которых составляет существо категории вменяемости³. Как верно пишет Н. А. Чернова, «к видам базовых эмоций, связанных с преступлениями, относятся не только конфликтные эмоциональные состояния (стрессы, фрустрации и аффект), но и страсти, которые способны дезорганизовать осознанно-волевое поведение индивида, а также состояния тревоги и страха»⁴.

Число лиц, направленных на судебно-психиатрическую экспертизу в связи с совершением ими противоправных деяний, в период с 2011 г. по 2021 г. ежегодно в среднем возрастало более чем на 5 %. Увеличивается и число лиц, в отношении которых судебными экспертами-психиатрами были вынесены рекомендации о признании их невменяемыми (в среднем ежегодно на 0,02 %) либо страдающими психическими расстройствами, не исключающими вменяемости (ограниченно вменяемыми) (в среднем ежегодно на 0,7 %)⁵. Так, в 2019 г. из общего числа

признанных судебно-психиатрической экспертизой вменяемыми лиц у 65,8 % были выявлены психические расстройства и расстройства поведения. Психически здоровыми оказались лишь 34,2 % обследованных⁶.

Согласно сводным статистическим сведениям о состоянии судимости в России, обобщенным Судебным департаментом при Верховном Суде РФ, за первое полугодие 2023 г. принудительные меры медицинского характера были назначены 3 771 лицу, совершившему общественно опасное посягательство; в 2022 г. — 7 835; в 2021 г. — 7 642; в 2020 г. — 7 064; в 2019 г. — 7 866; в 2018 г. — 8 171⁷.

Как видно из приведенных цифр, в среднем неуклонно возрастает как общее число лиц, направляемых на судебно-психиатрическую экспертизу, так и число выявляемых невменяемых и ограниченно вменяемых лиц. На протяжении последних трех лет немалыми темпами растет и количество судебных решений о назначении принудительных мер медицинского характера. Наблюдавшееся в 2019–2020 гг. снижение данного показателя может быть объяснено общим уменьшением количества осужденных лиц: в 2018 г. — 658 291; в 2019 г. — 598 207; в 2020 г. — 530 988. Действительно, далее мы видим некоторое возрастание числа осужденных: в 2021 г. — 565 523; в 2022 г. — 578 751⁸. Однако

² См.: Крук И. В., Блейхер В. М. Толковый словарь психиатрических терминов : ок. 3 000 терминов / под ред. С. Н. Бокова. Воронеж : Модэк, 1995. С. 92.

³ См.: Спасенников Б. А. Психические расстройства и их уголовно-правовое значение : учеб. пособие. М. : Юрлитинформ, 2011. С. 194 ; Спасенников Б. А., Тихомиров А. Н., Вилкова А. В. Уголовно-правовое значение психических расстройств // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2014. № 4. С. 5.

⁴ Чернова Н. А. Эмоции, связанные с преступлением: понятие, виды, проблемы учета по уголовным делам : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2017. С. 10.

⁵ См.: Макушкина О. А., Муганцева Л. А., Тарасов В. Г. Основные показатели деятельности судебно-психиатрической экспертной службы Российской Федерации (2011–2021 гг.) : информационно-аналитический справочник. М. : ФГБУ «НМИЦ ПН имени В.П. Сербского» Минздрава России, 2023. С. 69–79.

⁶ См.: Основные показатели деятельности судебно-психиатрической экспертной службы Российской Федерации в 2019 г. : аналитический обзор / под ред. Е. В. Макушкина (Вып. 28). М. : ФГБУ «НМИЦ ПН имени В.П. Сербского» Минздрава России, 2020. С. 33.

⁷ См.: официальный интернет-сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ: судебная статистика. URL: <http://www.cdep.ru/?id=79> (дата обращения: 20.11.2023).

⁸ См.: официальный интернет-сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ: судебная статистика. URL: <http://www.cdep.ru/?id=79> (дата обращения: 20.11.2023).

прирост числа осужденных в 2021–2022 гг. был не столь значителен, как увеличение количества случаев назначения принудительных мер медицинского характера. Так, в 2021 г. по отношению к предыдущему году число осужденных возросло на 6,5 %, а число лиц, которым были назначены принудительные меры медицинского характера, — на 8,18 %; в 2022 г. — 2,33 и 2,52 % соответственно.

Таким образом, во-первых, число людей, совершающих общественно опасные посягательства в состоянии невменяемости или же в состоянии ограниченной вменяемости, в нашей стране весьма внушительно. И во-вторых, средние темпы прироста их числа опережают средние темпы прироста общего числа осужденных.

Что касается вопросов уголовно-правового значения невменяемости, но они в целом урегулированы вполне однозначно. В соответствии со ст. 21 УК РФ признанное невменяемым лицо не подлежит уголовной ответственности и ему судом могут быть назначены предусмотренные уголовным законом принудительные меры медицинского характера. В основе невменяемости лежит утрата лицом сознательно-волевых способностей, в силу которой оно было не способно в момент совершения посягательства «осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими». Причины невменяемости законодатель связывает с наличием у лица «хронического психического расстройства, временного психического расстройства, слабоумия либо иного болезненного состояния психики». Во внимание также принимается темпоральный признак, выраженный в оценке сознательно-волевых способностей и психоэмоционального

состояния именно в момент совершения им общественно опасного посягательства⁹.

Уголовный закон исключает привлечение невменяемого лица к уголовной ответственности (ст. 8, 19, 21) прежде всего по причине того, что присущее данному лицу психоэмоциональное состояние не позволяет ему осознать смысл, значение и социальные последствия не только содеянного, но и уголовного наказания, которое могло бы быть ему назначено. Как убедительно показал в своих трудах Р. И. Михеев, совершаемые невменяемыми лицами общественно опасные посягательства характеризуются особой субъективной стороной, содержание которой образует не вина (которая в подобных посягательствах отсутствует), а специфика состояния психики совершившего деяние лица¹⁰. Эта специфика, выраженная в наличии у лица психического заболевания, наряду с другими предусмотренными законом обстоятельствами, в обязательном порядке подлежит юридической оценке при уголовно-правовой квалификации содеянного¹¹.

Нередко преступления совершаются страдающими психическими расстройствами лицами, у которых не потеряна связь с реальностью, ориентирующимися в пространстве и во времени, способными руководить своим поведением и осознавать смысл своих поступков. Перечень психических расстройств, при наличии которых психика человека приходит в нездоровое состояние, но он не утрачивает сознательно-волевых способностей, представлен в медицинской классификации болезней¹². Примером может служить умышленное причинение вреда здоровью, совершенное вменяемым лицом под влиянием жизненной ситуации, обострившей

⁹ См.: Морозов В. И., Галкин В. В. Характеристика темпорального признака юридического критерия невменяемости // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2019. № 3 (49). С. 44–54.

¹⁰ Протченко Б. А., Михеев Р. И. Состав общественно опасного деяния невменяемого и его уголовно-правовая квалификация // Проблемы совершенствования советского законодательства : Труды ВНИИ советского законодательства (Вып. 23). М., 1982. С. 201–214.

¹¹ Михеев Р. И. Невменяемый. Владивосток : Изд-во Дальневосточного университета, 1992. С. 104.

¹² См.: распоряжение Правительства РФ от 15.10.2021 № 2900-р «Об утверждении Плана мероприятий по внедрению Международной статистической классификации болезней и проблем, связанных со здоровьем, одиннадцатого пересмотра (МКБ-11) на территории РФ на 2021–2024 годы» // СЗ РФ. 2021. № 43. Ст. 7296.

тяжело им переживаемую психологическую травму. Развившаяся на фоне переживаний психологической травмы психическая болезнь привела к помутнению сознания, вспышке гнева и агрессии. Важно подчеркнуть, что такое лицо утрачивает сознательно-волевые способности не в полной мере и лишь в момент совершения преступления.

Для описанных случаев предусмотрена статья 22 УК РФ, нормы которой посвящены уголовной ответственности лиц с психическим расстройством, не исключающим вменяемости. Установлено, что такие лица «подлежат уголовной ответственности», факт наличия у них психического расстройства, не исключающего вменяемости, «может служить основанием для назначения принудительных мер медицинского характера», а также «учитывается судом при назначении наказания» (ч. 1 ст. 22). Законодатель не уточняет то, как именно суд должен учитывать названное обстоятельство. Не вносят ясности в этот вопрос и разъяснения Пленума Верховного Суда РФ.

В современной уголовно-правовой литературе превалирует позиция, согласно которой при назначении наказания ограниченная вменяемость может быть учтена двумя способами: как смягчающее либо же как нейтральное обстоятельство. При этом, в частности, Т. А. Кули-Заде идет еще дальше и считает необходимым предусмотреть в ч. 2 ст. 22 УК РФ, что ограниченная вменяемость «может служить основанием для назначения более мягкого наказания, чем предусмотрено за данное преступление»¹³.

Действительно, часть 1 ст. 63 УК РФ, содержащая закрытый перечень отягчающих наказание обстоятельств, факт совершения преступления в состоянии ограниченной вменяемости не упоминает, что исключает подобный

учет данного обстоятельства. Напротив, часть 2 ст. 61 УК РФ ориентирует правоприменителя на допустимость учета в качестве смягчающих тех обстоятельств, которые в этом качестве прямо не поименованы в уголовном законе. Более того, в отношении несовершеннолетних Пленум Верховного Суда РФ прямо указал на необходимость учета при назначении наказания наличия у них психических расстройств, не исключающих вменяемости, в качестве смягчающего обстоятельства¹⁴.

На практике, как показывают исследования ученых, суды либо учитывают данное обстоятельство в качестве смягчающего, либо используют как основание для применения к виновному принудительных мер медицинского характера, либо лишь формально упоминают его в тексте приговора¹⁵. Однако, повторимся, четких критериев для принятия того или иного решения уголовный закон, высшая судебная инстанция и доктрина уголовного права не предлагают.

Прежде всего необходимо подчеркнуть, что часть 2 ст. 22 УК РФ подлежит применению не ко всем лицам, у которых было диагностировано не исключающее вменяемости психическое расстройство, а лишь к тем, у кого названное расстройство вызвало неспособность в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими в момент совершения преступного посягательства. Однако вплоть до настоящего времени специального разъяснения высшей судебной инстанции на этот счет нет, что дополнительно затрудняет применение анализируемой нормы.

Формальное упоминание ограниченной вменяемости подсудимого в тексте приговора, то есть, по сути, игнорирование судами уголовно-правового значения данного обстоятельства,

¹³ Кули-Заде Т. А. Уголовная ответственность лиц с уменьшенной (ограниченной) вменяемостью : монография. М. : Русайнс, 2021. С. 103.

¹⁴ См.: п. 14 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 01.02.2011 № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2011. № 4.

¹⁵ См.: Кононов А. Д. Актуальные проблемы уголовной ответственности лиц с психическим расстройством, не исключающим вменяемости, и применения к этим лицам принудительных мер медицинского характера : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018. С. 99–128.

также является недопустимой трактовкой смысла ч. 2 ст. 22 УК РФ.

Следует согласиться с А. В. Наумовым в том, что факт наличия у виновного лица психического расстройства, не исключающего вменяемости, должен учитываться судом как смягчающее обстоятельство, прежде всего в том случае, когда данное расстройство сыграло определяющую роль в механизме преступного события¹⁶. Иными словами, суд должен установить причинно-следственную связь между преступлением, с одной стороны, и характеризовавшимся сужением сознательно-волевых способностей психоэмоциональным состоянием виновного лица в момент его совершения, с другой стороны¹⁷. Если такая связь не установлена, факт ограниченной вменяемости виновного лица не может расцениваться в качестве смягчающего обстоятельства.

Снятию обозначенных проблем поспособствовало бы принятие Пленумом Верховного Суда РФ специальных разъяснений по вопросам учета уголовно-релевантных психоэмоциональных состояний. В документе также должны найти отражение обстоятельства, связанные со спецификой объектов уголовно-правовой охраны, при назначении наказания за совершение посягательств на которые учитывается психоэмоциональное состояние виновного, а также случаи рецидива преступлений.

Психоэмоциональное состояние лица в момент совершения преступного посягательства должно приниматься во внимание при назначении наказания не только при ограниченной вменяемости виновного. «Для непреднамеренных преступлений установление эмоций, особенно базовых, — это путь улучшения положения лица, поскольку они либо “нейтрализуют” отягчающие обстоятельства, либо могут учитываться как смягчающее наказание обстоятельство, либо могут рассматриваться как основание

назначения альтернативных мер уголовно-правового принуждения»¹⁸.

Исходя из социальных процессов, протекающих в современном российском обществе, можно прогнозировать резкое возрастание числа деяний, при квалификации которых возникает необходимость оценки психоэмоционального состояния субъекта. Это, в свою очередь, также актуализирует проблемы правоприменительной практики и требует ревизии уголовного законодательства в этой части.

Еще один немаловажный аспект рассматриваемой проблематики касается необходимости учета при назначении наказания виновному лицу характера его поведения в период, непосредственно предшествовавший совершению преступления. Речь идет о ситуации, когда человек осознает, что находится в измененном психоэмоциональном состоянии, но не предпринимает возможных мер для предотвращения возникновения социально опасных ситуаций со своим участием. Это применимо как к преступлениям, совершенным по неосторожности (например, водитель после длительного недосыпания без крайней необходимости начинает управлять транспортным средством, что приводит к аварии с человеческими жертвами), так и к умышленным преступлениям (например, испытывая воздействие сильнейшего стресса, обострившего психическое расстройство и вызывающего у него приступы гнева и агрессии, человек намеренно направляется в места большого скопления людей, где провоцирует конфликт с криминальным исходом). Период нахождения лица в психопатическом состоянии агрессии, раздражительности, резкой смены настроения может длиться от нескольких часов до нескольких месяцев. Такое состояние лица чревато неспровоцированным насилием в адрес окружающих¹⁹.

Либо еще более очевидная ситуация: вменяемое лицо, осознающее, что страдает рас-

¹⁶ См.: Наумов А. В. Российское уголовное право. Общая часть : курс лекций. 6-е изд. М. : Проспект, 2023. С. 432–438.

¹⁷ См.: Кононов А. Д. Указ. соч. С. 202.

¹⁸ Чернова Н. А. Указ. соч. С. 11–12.

¹⁹ Михеев Р. И. Основы учения о вменяемости и невменяемости в советском уголовном праве. Владивосток : Изд-во Дальневосточного университета, 1980. С. 105–106.

стройством сексуального предпочтения (педофилией), не исключаящим вменяемости, изначально не преследуя преступные цели, устраивается на работу в детское дошкольное учреждение, где впоследствии совершает насильственные действия сексуального характера.

Осознание лицом, что оно находится в измененном психоэмоциональном состоянии, и пренебрежение этим фактом в период, непосредственно предшествующий совершению опосредованного этим состоянием как умышленного, так и неосторожного преступления, должно однозначно расцениваться и приниматься во внимание при назначении наказания в качестве отрицательно характеризующего личность виновного обстоятельства (на основании ч. 3 ст. 60 УК РФ).

Обозначенные проблемы разграничения и оценки уголовно-релевантных состояний психики довольно активно разрабатываются в доктринальной литературе. Этого нельзя сказать в отношении такого значимого, но тем не менее незаслуженно обойденного вниманием научного сообщества вопроса, как учет психоэмоционального состояния субъекта при реализации принципа вины в преступлениях, совершенных по неосторожности.

В уголовном законе на этот счет закреплена следующая формула: «Деяние признается также совершенным невиновно, если лицо, его совершившее, хотя и предвидело возможность наступления общественно опасных последствий своих действий (бездействия), но не могло предотвратить эти последствия в силу несоответствия своих психофизиологических качеств требованиям экстремальных условий или нервно-психическим перегрузкам» (ч. 2 ст. 28 УК РФ).

Следовательно, «лицо не подлежит ответственности в силу того, что нормальное течение волевых процессов оказывается блокированным внешними условиями или внутренним состоянием лица»²⁰. «Положения ч. 2 ст. 28 УК РФ применимы к жизненным ситуациям, при которых внезапно происходят серьезные изменения в объективной действительности, но помимо этого и на субъективном уровне у лица на момент осложнения обстановки выявляется недостаток определенных качеств»²¹.

Свидетельством несовиновости ч. 2 ст. 28 УК РФ является практически полное отсутствие практики ее применения за неполные 30 лет действия нынешнего уголовного закона. Приводимые же в научной и учебной литературе примеры ее возможного применения носят теоретический, умозрительный характер.

А. В. Наумов называет «болевой точкой реализации субъективного вменения как *принципа* уголовной ответственности и Уголовного кодекса» трактовку «в теории уголовного права и правоприменительной практике так называемого *субъективного критерия* преступной небрежности как разновидности неосторожной вины»²².

Автор вполне обоснованно усматривает проблему в том, что законодатель чрезмерно заузил сферу применения ч. 2 ст. 28 УК РФ, связав неспособность лица предотвратить общественно опасные последствия своих действий (бездействия) лишь с несоответствием его психофизиологических качеств, во-первых, требованиям экстремальных условий и, во-вторых, нервно-психическим перегрузкам. Поддержки заслуживает позиция А. В. Наумова, касающаяся необходимости расширения сферы при-

²⁰ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации : в 4 т. (постатейный) / А. В. Бриллиантов, А. В. Галахова, В. А. Давыдов [и др.] ; отв. ред. В. М. Лебедев. М. : Юрайт, 2017. Т. 1 : Общая часть. С. 103.

²¹ Орешкина Т. Ю. Источники непреодолимой силы: уголовно-правовая характеристика // Судья. 2017. № 8. С. 39.

²² Наумов А. В. Вина как признак преступления и принцип Уголовного кодекса РФ // Российский следователь. 2022. № 5. С. 41.

²³ См.: Наумов А. В. Реализация принципа вины в преступлениях, совершенных по неосторожности, с учетом психоэмоционального состояния субъекта // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке : материалы XIX Международной научно-практической конференции (г. Москва, 20–21 января 2022 г.) : сборник науч. статей. М. : Блок-Принт, 2022. С. 648–652.

менения рассматриваемой нормы²³. Однако вопрос о перечне дополнительных оснований невинного причинения вреда, о которых «забыл» законодатель, остается открытым. Думается, что речь должна идти об исключительных уголовно-релевантных психоэмоциональных условиях, пребывание в которых лица лишает его возможности предотвратить общественно опасные последствия своих действий (бездействия).

Нельзя сказать, что описанная проблема ранее не поднималась в юридических доктринах. Так, И. В. Теслицким в 2004 г. была защищена кандидатская диссертация, предметом исследования которой явились «объективные и субъективные признаки невинного причинения вреда, определенные в ч. 2 ст. 28 УК РФ»²⁴. В своей работе диссертант, с одной стороны, пришел к выводу, согласно которому объем категорий «экстремальные условия» и «нервно-психические перегрузки» «слишком широк для их использования в уголовном праве»²⁵. С другой стороны, им предложена новая редакция ч. 2 ст. 28 УК РФ, в которой невинность причинения вреда связывается с тем, что действующее в созданных помимо его воли условиях лицо «не могло предотвратить» общественно опасные «последствия в силу несоответствия своих психофизиологических качеств требованиям ситуации». Что это за ситуации и каковы их характеристики, автор не поясняет, в связи с чем предложенная им формулировка видится

размытой и еще более недостаточной, чем содержащаяся в действующем УК РФ.

Стоит упомянуть и защищенную шестью годами ранее кандидатскую диссертацию А. В. Грибкова, посвященную вопросам уголовной ответственности за совершение автотранспортных преступлений в условиях провоцирующих ситуаций²⁶. Сохраняет свою значимость характеристика автором провоцирующих ситуаций, которые приводят к образованию экстремальных условий в смысле ч. 2 ст. 28 УК РФ. Указанные ситуации «должны отличаться такой динамикой развития событий и напряженностью, которые исключают возможность принятия правильного решения конкретным водителем»²⁷. Как экстремальную ситуацию определяют следующие признаки: «1) опасная обстановка противодействует движению; 2) опасная обстановка возникает внезапно; 3) опасная обстановка нестереотипна»²⁸. При этом автор не счел необходимым уделить внимание перспективам возможной модернизации ч. 2 ст. 28 УК РФ, в частности посредством решения в ней вопроса уголовно-правовой оценки обстоятельств, связанных с недостаточным стажем управления транспортными средствами водителя, не справившегося с дорожной ситуацией.

В научной литературе последних лет проблематика невинного причинения вреда освещена фрагментарно²⁹, преимущественно по отношению к транспортным преступлениям и дефектам оказания медицинской помощи³⁰.

²⁴ Теслицкий И. В. Невинное причинение вреда по психофизиологическому основанию в уголовном праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2004. С. 4.

²⁵ Теслицкий И. В. Указ. соч. С. 6.

²⁶ Грибков А. В. Уголовная ответственность за совершение автотранспортных преступлений в условиях провоцирующих ситуаций : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1998.

²⁷ Грибков А. В. Указ. соч. С. 12.

²⁸ Грибков А. В. Указ. соч. С. 12.

²⁹ См.: Шевелева С. В. Свобода воли и объективные признаки состава преступления // Lex russica. 2014. № 7. С. 853–861 ; Орешкина Т. Ю. Указ. соч. С. 37–40 ; Куликов А. В. Небрежность в Уголовном кодексе РФ: отсутствие вменяемости или разновидность непреодолимой силы? // Российский юридический журнал. 2020. № 5. С. 163–172.

³⁰ См.: Бохан А. П., Мясников В. В. Крайняя необходимость или дорожно-транспортное преступление? // Юрист-Правовед. 2016. № 2 (75). С. 46–51 ; Габай П. Г. Предупреждение неосторожной преступности при оказании медицинской помощи : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2021 ; Данилов Е. О. Юридическая квалификация дефектов медицинской помощи // Актуальные проблемы российского права. 2021. № 5. С. 123–138.

Можно констатировать, что решение обозначенных проблем в доктрине уголовного права так и не найдено, что актуализирует дальнейший научный поиск в данном направлении. Научному сообществу еще предстоит разработать и обосновать концепцию уголовно-правовой оценки психоэмоционального состояния лица при совершении им общественно опасного деяния. Это, наряду с прочим, требует изучения: видов психоэмоционального состояния лица, совершившего общественно опасное деяние; видов психоэмоциональных условий, приобретающих уголовно-правовое значение (речь идет об условиях, предшествовавших и сопровождавших совершение общественно опасного деяния); возможностей лица предвидеть и устранить условия, повлиявшие на совершение общественно опасного деяния; психоэмоционального состояния лица и воздействовавших на него психоэмоциональных условий в качестве критериев оценки преступления как совершенного по неосторожности; обстоятельств возникновения психоэмоционального состояния лица; причинно-следственных связей между обстоятельствами возникновения психоэмоционального состояния лица и совершенным им деянием; критериев оценки названных обстоятельств (само ли лицо привело себя в особое психоэмоциональное состояние либо же ключевую роль сыграли внешние факторы; связаны ли эти обстоятельства с осуществлением лицом социально одобряемой деятельности и т.п.).

При исследовании проблемы реализации принципа вины с учетом психоэмоционального состояния субъекта в умышленных преступлениях перспективным видится решение вопросов: систематизации, приведения к единообразию нормативных подходов к учету

психоэмоционального состояния субъекта в привилегированных составах преступлений; уголовной ответственности лиц с психическим расстройством, не исключающим вменяемости (взаимосвязи имеющихся у лица психических расстройств с его психоэмоциональным состоянием при совершении преступления, вариантов учета этих обстоятельств при назначении наказания); уголовной ответственности лиц, совершивших преступление в состоянии опьянения (необходимости согласования положений ст. 23 и 264.1 УК РФ, а также совершенствования уголовного закона на предмет возможного расширения перечня составов преступлений, в которых состояние опьянения должно рассматриваться как отягчающее обстоятельство).

Как было сказано, особый интерес вызывают вопросы реализации принципа вины с учетом психоэмоционального состояния субъекта в преступлениях, совершенных по неосторожности. Магистральные направления развития уголовно-правовой мысли в этой части охватывают виды и условия возникновения психоэмоциональных состояний субъекта в преступлениях, совершенных по неосторожности, а также их уголовно-правовое значение. Эти вопросы тесно связаны с проблемой трактовки субъективного критерия преступной небрежности как разновидности неосторожной вины. Углубленный анализ данной проблематики позволит предложить рекомендации, направленные на пересмотр нормативных положений о невиновном причинении вреда. Первостепенной задачей следует признать разработку четких правил назначения наказания с учетом психоэмоционального состояния субъекта как в умышленных преступлениях, так и в преступлениях, совершенных по неосторожности.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Бохан А. П., Мясников В. В. Крайняя необходимость или дорожно-транспортное преступление? // Юрист-Правоведъ. — 2016. — № 2 (75). — С. 46–51.
2. Габай П. Г. Предупреждение неосторожной преступности при оказании медицинской помощи : дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2021. — 247 с.
3. Грибков А. В. Уголовная ответственность за совершение автотранспортных преступлений в условиях провоцирующих ситуаций: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 1998. — 23 с.
4. Данилов Е. О. Юридическая квалификация дефектов медицинской помощи // Актуальные проблемы российского права. — 2021. — № 5. — С. 123–138.
5. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации : в 4 т. (постатейный) / А. В. Бриллиантов, А. В. Галахова, В. А. Давыдов [и др.] ; отв. ред. В. М. Лебедев. — М. : Юрайт, 2017. — Т. 1 : Общая часть. — 316 с.
6. Кононов А. Д. Актуальные проблемы уголовной ответственности лиц с психическим расстройством, не исключающим вменяемости, и применения к этим лицам принудительных мер медицинского характера : дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2018. — 262 с.
7. Кули-Заде Т. А. Уголовная ответственность лиц с уменьшенной (ограниченной) вменяемостью : монография. — М. : Русайнс, 2018. — 128 с.
8. Куликов А. В. Небрежность в Уголовном кодексе РФ: отсутствие вменяемости или разновидность непреодолимой силы? // Российский юридический журнал. — 2020. — № 5. — С. 163–172.
9. Макушкина О. А., Муганцева Л. А., Тарасов В. Г. Основные показатели деятельности судебно-психиатрической экспертной службы Российской Федерации (2011–2021 гг.) : информационно-аналитический справочник. — М. : ФГБУ «НМИЦ ПН имени В.П. Сербского» Минздрава России, 2023. — 180 с.
10. Михеев Р. И. Невменяемый. — Владивосток : Изд-во Дальневосточного университета, 1992. — 286 с.
11. Михеев Р. И. Основы учения о вменяемости и невменяемости в советском уголовном праве. — Владивосток : Изд-во Дальневосточного университета, 1980. — 119 с.
12. Морозов В. И., Галкин В. В. Характеристика темпорального признака юридического критерия невменяемости // Юридическая наука и правоохранительная практика. — 2019. — № 3 (49). — С. 44–54.
13. Наумов А. В. Вина как признак преступления и принцип Уголовного кодекса РФ // Российский следователь. — 2022. — № 5. — С. 39–42.
14. Наумов А. В. Реализация принципа вины в преступлениях, совершенных по неосторожности, с учетом психоэмоционального состояния субъекта // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке : материалы XIX Международной научно-практической конференции (г. Москва, 20–21 января 2022 г.) : сборник науч. статей. — М. : Блок-Принт, 2022. — С. 648–652.
15. Наумов А. В. Российское уголовное право. Общая часть. Курс лекций. — 6-е изд. — М. : Проспект, 2023. — 784 с.
16. Орешкина Т. Ю. Источники непреодолимой силы: уголовно-правовая характеристика // Судья. — 2017. — № 8. — С. 37–40.
17. Основные показатели деятельности судебно-психиатрической экспертной службы Российской Федерации в 2019 году : аналитический обзор / под ред. Е. В. Макушкина (Вып. 28). — М. : ФГБУ «НМИЦ ПН имени В.П. Сербского» Минздрава России, 2020. — 200 с.
18. Протченко Б. А., Михеев Р. И. Состав общественно опасного деяния невменяемого и его уголовно-правовая квалификация // Проблемы совершенствования советского законодательства : труды ВНИИ советского законодательства (Вып. 23). — М., 1982. — С. 201–214.
19. Спасенников Б. А. Психические расстройства и их уголовно-правовое значение : учеб. пособие. — М. : Юрлитинформ, 2011. — 269 с.
20. Спасенников Б. А., Тихомиров А. Н., Вилкова А. В. Уголовно-правовое значение психических расстройств // Вестник института: преступление, наказание, исправление. — 2014. — № 4. — С. 4–8.

21. Теслицкий И. В. Невиновное причинение вреда по психофизиологическому основанию в уголовном праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Ставрополь, 2004. — 20 с.
22. Чернова Н. А. Эмоции, связанные с преступлением: понятие, виды, проблемы учета по уголовным делам : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Самара, 2017. — 19 с.
23. Шевелева С. В. Свобода воли и объективные признаки состава преступления // Lex russica. — 2014. — № 7. — С. 853–861.

Материал поступил в редакцию 14 декабря 2023 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Bokhan A. P., Myasnikov V. V. Kraynyaya neobkhodimost ili dorozhno-transportnoe prestuplenie? // Yurist-Pravoved. — 2016. — № 2 (75). — S. 46–51.
2. Gabay P. G. Preduprezhdenie neostorozhnoy prestupnosti pri okazanii meditsinskoй pomoshchi: dis. ... kand. yurid. nauk. — M., 2021. — 247 s.
3. Gribkov A. V. Ugolovnaya otvetstvennost za sovershenie avtotransportnykh prestupleniy v usloviyakh provotsiruyushchikh situatsiy: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. — M., 1998. — 23 s.
4. Danilov E. O. Yuridicheskaya kvalifikatsiya defektov meditsinskoй pomoshchi // Aktual'nye problemy rossiyskogo prava. — 2021. — № 5. — S. 123–138.
5. Kommentariy k Ugolovnomu kodeksu Rossiyskoy Federatsii: v 4 t. (postateynyy) / A. V. Brilliantov, A. V. Galakhova, V. A. Davydov [i dr.]; otv. red. V. M. Lebedev. — M.: Yurayt, 2017. — T. 1: Obshchaya chast. — 316 s.
6. Kononov A. D. Aktualnye problemy ugolovnoy otvetstvennosti lits s psikhicheskim rasstroystvom, ne isklyuchayushchim vmenyaemosti, i primeneniya k etim litsam prinuditelnykh mer meditsinskogo kharaktera: dis. ... kand. yurid. nauk. — M., 2018. — 262 s.
7. Kuli-Zade T. A. Ugolovnaya otvetstvennost lits s umenshennoy (ogranichennoy) vmenyaemostyu: monografiya. — M.: Rusayns, 2018. — 128 s.
8. Kulikov A. V. Nebrezhnost v Ugolovnom kodekse RF: otsutstvie vmenyaemosti ili raznovidnost nepreodolimoy sily? // Rossiyskiy yuridicheskiy zhurnal. — 2020. — № 5. — S. 163–172.
9. Makushkina O. A., Mugantseva L. A., Tarasov V. G. Osnovnye pokazateli deyatelnosti sudebno-psikhiatricheskoy ekspertnoy sluzhby Rossiyskoy Federatsii (2011–2021 gg.): informatsionno-analiticheskiy spravochnik. — M.: FGBU «NMITs PN imeni V.P. Serbskogo» Minzdrava Rossii, 2023. — 180 s.
10. Mikheev R. I. Nevmenyaemyy. — Vladivostok: Izd-vo Dalnevostochnogo universiteta, 1992. — 286 s.
11. Mikheev R. I. Osnovy ucheniya o vmenyaemosti i nevmenyaemosti v sovetskom ugolovnom prave. — Vladivostok: Izd-vo Dalnevostochnogo universiteta, 1980. — 119 s.
12. Morozov V. I., Galkin V. V. Kharakteristika temporalnogo priznaka yuridicheskogo kriteriya nevmenyaemosti // Yuridicheskaya nauka i pravookhranitel'naya praktika. — 2019. — № 3 (49). — S. 44–54.
13. Naumov A. V. Vina kak priznak prestupleniya i printsip Ugolovnogo kodeksa RF // Rossiyskiy sledovatel. — 2022. — № 5. — S. 39–42.
14. Naumov A. V. Realizatsiya printsipa viny v prestupleniyakh, sovershennykh po neostorozhnosti, s uchedom psikhoeotsionalnogo sostoyaniya subekta // Ugolovnoe pravo: strategiya razvitiya v XXI veke: materialy XIX Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (g. Moskva, 20–21 yanvarya 2022 g.): sbornik nauch. statey. — M.: Blok-Print, 2022. — S. 648–652.
15. Naumov A. V. Rossiyskoe ugolovnoe pravo. Obshchaya chast. Kurs lektsiy. — 6-e izd. — M.: Prospekt, 2023. — 784 s.
16. Oreshkina T. Yu. Istochniki nepreodolimoy sily: ugolovno-pravovaya kharakteristika // Sudya. — 2017. — № 8. — S. 37–40.

17. Osnovnye pokazateli deyatelnosti sudebno-psikhiatricheskoy ekspertnoy sluzhby Rossiyskoy Federatsii v 2019 godu: analiticheskiy obzor / pod red. E. V. Makushkina (Vyp. 28). — M.: FGBU «NMITs PN imeni V.P. Serbskogo» Minzdrava Rossii, 2020. — 200 s.
18. Protchenko B. A., Mikheev R. I. Sostav obshchestvenno opasnogo deyaniya nevmenyaemogo i ego ugovolno-pravovaya kvalifikatsiya // Problemy sovershenstvovaniya sovetskogo zakonodatelstva: trudy VNII sovetskogo zakonodatelstva (Vyp. 23). — M., 1982. — S. 201–214.
19. Spasennikov B. A. Psikhicheskie rasstroystva i ikh ugovolno-pravovoe znachenie: ucheb. posobie. — M.: Yurlitinform, 2011. — 269 s.
20. Spasennikov B. A., Tikhomirov A. N., Vilkova A. V. Ugolovno-pravovoe znachenie psikhicheskikh rasstroystv // Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie. — 2014. — № 4. — S. 4–8.
21. Teslitskiy I. V. Nevinovnoe prichinenie vreda po psikhofiziologicheskomu osnovaniyu v ugovolnom prave: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. — Stavropol, 2004. — 20 s.
22. Chernova N. A. Emotsii, svyazannye s prestupleniem: ponyatie, vidy, problemy ucheta po ugovolnym delam: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. — Samara, 2017. — 19 s.
23. Sheveleva S. V. Svoboda voli i obektivnye priznaki sostava prestupleniya // Lex russica. — 2014. — № 7. — S. 853–861.

Особенности нормативного регулирования производства по уголовному делу следственной группой по законодательству Российской Федерации и Республики Беларусь

Аннотация. В статье рассматриваются особенности процессуального порядка нормативного регулирования производства предварительного следствия следственной группой по уголовно-процессуальному законодательству Российской Федерации и Республики Беларусь. Определено, что нормативное регулирование формирования и деятельности следственных групп в уголовном судопроизводстве Республики Беларусь регламентируется национальным уголовно-процессуальным законом, который вместе с тем определяет основания поручения производства предварительного следствия следственной группе, а также порядок ее деятельности. Кроме того, установлено, что роль прокурора по вопросу процессуального взаимодействия с членами следственной группы в белорусском уголовном судопроизводстве значительно шире, чем в российском уголовном судопроизводстве, где компетенция и полномочия прокурора в досудебном производстве максимально ограничены. Одновременно с этим определены особенности формирования следственно-оперативной группы в уголовном судопроизводстве Республики Беларусь.

Ключевые слова: следственная группа; следственно-оперативная группа; уголовное судопроизводство; уголовно-процессуальное законодательство; Республика Беларусь; производство предварительного следствия следственной группой; поручение; процессуальный порядок производства; письменное указание следователя; процессуальное руководство следствием.

Для цитирования: Смирнова И. Г., Лубягин М. С. Особенности нормативного регулирования производства по уголовному делу следственной группой по законодательству Российской Федерации и Республики Беларусь // Актуальные проблемы российского права. — 2024. — Т. 19. — № 10. — С. 143–148. — DOI: 10.17803/1994-1471.2024.167.10.143-148.

© Смирнова И. Г., Лубягин М. С., 2024

* Смирнова Ирина Георгиевна, доктор юридических наук, директор Института публичного права и управления, профессор кафедры уголовно-процессуального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993
smirnova-ig@mail.ru

** Лубягин Михаил Сергеевич, аспирант кафедры уголовного процесса и прокурорского надзора Байкальского государственного университета
Ленина ул., д. 11, корп. 3, г. Иркутск, Россия, 664003
lubyaginmichael@mail.ru

Peculiarities of Statutory Framework for Criminal Proceedings Conducted by an Investigative Group under the Legislation of the Russian Federation and the Republic of Belarus

Irina G. Smirnova, Dr. Sci. (Law), Director, Institute of Public Law and Management, Professor, Department of Criminal Procedure Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation
smirnova-ig@mail.ru

Mikhail S. Lubyagin, Postgraduate Student, Department of Criminal Procedure and Prosecutor's Supervision, Baikal State University, Irkutsk, Russian Federation
lubyaginmichael@mail.ru

Abstract. The paper examines the features of the procedural order of statutory framework of the preliminary investigation conducted by the investigation group under the criminal procedure legislation of the Russian Federation and the Republic of Belarus. It has been determined that the statutory framework for the formation and activities of investigative groups in criminal proceedings of the Republic of Belarus is governed by the national criminal procedure law, which at the same time determines the grounds for assigning the conduct of a preliminary investigation to an investigative group, as well as the procedure for its activities. In addition, it has been established that the role of the prosecutor in the matter of procedural interaction with members of the investigative team in Belarusian criminal proceedings is significantly broader than in Russian criminal proceedings, where the competence and powers of the prosecutor in pre-trial proceedings are maximally limited. At the same time, the specifics of the formation of an investigative and operational group in criminal proceedings in the Republic of Belarus were determined.

Keywords: investigative group; crime scene investigation team; criminal proceedings; criminal procedural legislation; Republic of Belarus; preliminary investigation conducted by an investigative group; assignment; procedural arrangements; investigator's written instruction; procedural guidance of the investigation.

Cite as: Smirnova IG, Lubyagin MS. Peculiarities of Statutory Framework for Criminal Proceedings Conducted by an Investigative Group under the Legislation of the Russian Federation and the Republic of Belarus. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2024;19(10):143-148. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2024.167.10.143-148

Введение

Страны — члены Содружества Независимых Государств в процессе своего исторического развития после распада СССР учитывали законодательный опыт как РФ, так и европейских государств при формировании национального законодательства. Фактически все государства — участники СНГ имеют общий исторический опыт становления и развития уголовно-процессуального законодательства, однако после распада СССР дальнейшее совершенствование механизма уголовно-процессуального регулирования осуществлялось с учетом стандартов производства по уголовному делу по законодательству европейских государств. Одновременно с этим процессуальный поряд-

док регулирования производства предварительного следствия следственной группой по законодательству государств — участников СНГ в достаточной степени отличается от аналогичного порядка по российскому уголовно-процессуальному законодательству.

Основная часть

В целях взаимного использования положительного опыта нормативного регулирования производства предварительного следствия следственной группой необходимо провести анализ законодательства наиболее дружественных стран России, одной из которых выступает Республика Беларусь, на предмет определения процессу-

альной возможности и порядка нормативного регулирования формирования следственных групп в уголовном судопроизводстве. Как свидетельствует анализ Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь¹ (далее — УПК РБ), возможность формирования следственных групп предусматривается в нормах национального уголовно-процессуального закона.

Так, в соответствии с ч. 1 ст. 185 УПК РБ предварительное следствие по уголовному делу в случае сложности или трудоемкости расследования может быть поручено группе следователей (следственной группе), о чем указывается в постановлении о возбуждении уголовного дела или выносится отдельное постановление. Решение об этом вправе принять прокурор, его заместитель или начальник следственного подразделения. Решение о поручении расследования уголовного дела группе следователей Следственного комитета Республики Беларусь и органов государственной безопасности принимается начальниками следственных подразделений этих государственных органов либо по согласованию с ними. В постановлении должны быть указаны все следователи, которым поручено производство предварительного следствия, в их числе следователь — руководитель следственной группы.

Содержание ст. 185 УПК РБ определяет основания поручения производства предварительного следствия следственной группой — сложность или трудоемкость расследования, что отлично от оснований производства по уголовному делу следственной группой по российскому уголовно-процессуальному законодательству, нормы которого в качестве таких оснований закрепляют сложность или большой объем уголовного дела. Сущность данных оснований не конкретизирована ни в УПК РБ, ни в ведомственных нормативных актах.

В уголовно-процессуальной доктрине Республики Беларусь некоторыми авторами формировались авторские представления об основаниях производства по уголовному делу следственной группой. Например, Ю. А. Матвейчев отмечает, что основания создания следственных и следственно-оперативных групп в белорусском уголовном судопроизводстве не тождественны и их следует принципиально дифференцировать. Сложность и трудоемкость расследования конкретного преступления, по мнению автора, являются основанием для создания следственной группы, в то время как основанием для создания следственной группы, в состав которой привлекаются оперативные работники органа дознания, является невозможность раскрытия и расследования преступления без оперативно-розыскного обеспечения деятельности следователей — членов группы².

Кроме того, говоря о следственно-оперативных группах в уголовном процессе Республики Беларусь, нельзя не отметить, что в нормах УПК РБ не имеется законных положений, которые бы закрепляли на процессуальном уровне возможность создания подобных групп. Вместе с тем, по обоснованному замечанию Д. С. Кудрявцева и И. В. Тишутиной, содержание УПК РБ, несмотря на оправданный теоретическими конструкциями и апробированный практическими деятелями прагматизм использования возможностей следственно-оперативных групп при раскрытии и расследовании преступлений, не только не содержит понятия следственно-оперативной группы, но и правил о порядке привлечения сотрудников оперативных подразделений в состав следственной группы. Всё это, как указывают авторы, позволяет ученым и практическим деятелям вести речь о следственно-оперативных группах исключительно с позиции их непроцессуальной природы³.

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь от 16.07.1999 № 295-З (с изм. и доп. по состоянию на 14.03.2023) // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь. URL: <https://pravo.by/document/?guid=3961&p0=НК9900295> (дата обращения: 18.07.2023).

² Матвейчев Ю. А. Теоретические, правовые и организационные основы расследования уголовных дел следственно-оперативными группами: монография. Могилев: Могилевский институт МВД, 2016. С. 33–34.

³ Кудрявцев Д. С., Тишутин И. В. О некоторых проблемах организации деятельности следственно-оперативных групп // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2020. № 3 (15). С. 69.

Сравнение нормативных положений, регламентирующих производство предварительного следствия следственной группой по российскому и белорусскому УПК, позволяет выявить отличие в той части, что в УПК РБ не предусмотрена процессуальная возможность привлечения в состав следственных групп оперативных работников. По российскому Уголовно-процессуальному кодексу⁴ подобная возможность закреплена в ч. 2 ст. 163 УПК РФ, что, в свою очередь, свидетельствует о более полном объеме нормативного регулирования производства по уголовным делам следственной группой. Подобный способ нормативного регулирования формирования и деятельности следственных групп Республики Беларусь объясняется тем, что в ходе судебно-следственных реформ было принято решение о создании единого органа предварительного следствия — Следственного комитета Республики Беларусь, а в этой связи такие изменения упразднили дознание как форму предварительного расследования в белорусском уголовном судопроизводстве. Соответственно, дознаватель как участник уголовного судопроизводства был исключен из норм уголовно-процессуального закона⁵. Из этого следует выделить особенность нормативного регулирования создания следственных групп по законодательству Республики Беларусь, выраженную в том, что следственные группы в белорусской правоприменительной деятельности могут быть созданы исключительно в системе следственных органов Следственного комитета Республики Беларусь, в то время как в российской правоприменительной практике следственные группы могут быть сформированы не только в Следственном комитете Российской Федерации, но и в системе органов внутренних дел, а также в органах Федеральной службы безопасности Российской Федерации.

Существенное различие в нормативном регулировании производства по уголовным делам следственными группами по УПК РФ и УПК РБ состоит в круге должностных лиц, имеющих право принять решение о производстве расследования следственной группой: по российскому уголовно-процессуальному закону такое решение правомочен принять исключительно руководитель следственного органа, а в соответствии со ст. 185 УПК РБ решение о поручении производства предварительного следствия по уголовному делу следственной группе вправе принять одновременно несколько должностных лиц: 1) прокурор; 2) заместитель прокурора; 3) начальник следственного подразделения.

Анализ субъектного состава должностных лиц, имеющих право принять решение о поручении производства по уголовному делу следственной группе, показывает, что по белорусскому законодательству прокурор как участник уголовного судопроизводства может являться полноправным членом следственной группы, функции которого обусловлены координацией действий членов группы, а также осуществлением прокурорского надзора за деятельностью следователей — членов группы, что всецело отличается от положений о составе членов следственной группы и их полномочиях по УПК РФ. Как думается, факт непосредственного участия прокурора в работе следственной группы является в высокой степени положительным аспектом для эффективности правоприменительной практики расследования преступлений группой следователей и в целом для увеличения значения международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства⁶. В определенном смысле для российского уголовного судопроизводства привлечение в состав следственной группы прокурора может являться

⁴ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ // СЗ РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.

⁵ Матюк А. В. Взаимодействие следователя с органом дознания в Республике Беларусь: теоретико-правовой аспект // Вестник Московского университета МВД России. 2018. № 4. С. 277.

⁶ Волеводз А. Г., Цыплакова А. Д. Международное полицейское сотрудничество: современная институциональная структура и тенденции развития // Международное уголовное право и международная юстиция. 2023. № 3. С. 2.

предметом соответствующей законотворческой корректировки⁷.

Другой особенностью производства по уголовному делу следственной группой в белорусском уголовном судопроизводстве является процесс дачи поручения следователем — членом группы о производстве следственных и (или) оперативно-розыскных мероприятий работнику органа дознания, привлеченному в состав группы⁸. Так, Ю. А. Матвейчев, исследовав практику расследования следственной группой, отмечает, что в реалиях, несмотря на процессуальное предписание дачи поручений в уголовном судопроизводстве, в условиях деятельности следственных групп такие поручения даются следователями как в письменной форме, так и в устной. Более того, проанализировав в своем исследовании результаты опроса следователей и оперативных работников, принимавших участие в работе следственной группы, автор указывает, что 39,41 % опрошенных оперативных работников отметили, что получали поручения об исполнении следственных или оперативно-розыскных мероприятий в устной форме⁹.

Нельзя не отметить, что проблема фиксации факта получения указаний следователя — члена группы являлась предметом судебного рассмотрения. Согласно содержанию одного из частных определений Верховного Суда Республики Беларусь по уголовному делу, производство предварительного следствия по которому осуществлялось следственной группой, было признано незаконным проведение оперативно-розыскных мероприятий по данному уголов-

ному делу без получения письменного указания следователя на их производство¹⁰.

Таким образом, исследовав особенности нормативного регулирования формирования следственных групп в Следственном комитете Республики Беларусь, представляется возможным сделать следующие выводы:

1. Осуществление общего процессуального руководства предварительным следствием, в том числе при производстве по уголовному делу следственной группой, может осуществляться как начальником следственного подразделения, так и прокурором.

2. Основания поручения производства предварительного следствия следственной группе по УПК РФ и УПК РБ отличаются, хотя при этом и имеют сходную сущность и значение.

3. Порядок формирования и деятельности следственно-оперативной группы по УПК РБ не регламентирован — фактическое нормативное регулирование создания следственно-оперативной группы опирается на нормы подзаконных актов: ведомственных приказов, инструкций, распоряжений.

4. Следственная и следственно-оперативная группа в уголовном судопроизводстве Республики Беларусь не тождественны по аналогии с российским уголовным судопроизводством, в котором следственная группа является исключительно процессуальной формой взаимодействия субъектов уголовно-процессуальной деятельности, а следственно-оперативная группа подразумевает непроцессуальный характер организации взаимодействия следователей и должностных лиц, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность.

⁷ Победкин А. В. «Постоянно действующая следственная группа» в уголовном процессе России: надзор, контроль или процессуальное руководство? // Юрист-Правоведъ. 2018. № 2 (85). С. 32 ; Бабич Н. В. Разграничение полномочий между прокурором и руководителем следственного органа // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Юридические науки». 2020. № 3. С. 761.

⁸ В соответствии с п. 3 ч. 2 ст. 37 УПК РБ на органы дознания возлагается производство неотложных следственных и других процессуальных действий по уголовным делам.

⁹ Матвейчев Ю. А. Указ. соч.

¹⁰ Частное определение Верховного суда Республики Беларусь // Бюллетень Следственного комитета МВД Республики Беларусь. 2002. № 18. С. 28–31.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Бабич Н. В.* Разграничение полномочий между прокурором и руководителем следственного органа // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Юридические науки». — 2020. — № 3. — С. 760–779.
2. *Волеводз А. Г., Цыплакова А. Д.* Международное полицейское сотрудничество: современная институциональная структура и тенденции развития // Международное уголовное право и международная юстиция. — 2023. — № 3. — С. 2–6.
3. *Кудрявцев Д. С., Тишутина И. В.* О некоторых проблемах организации деятельности следственно-оперативных групп // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. — 2020. — № 3 (15). — С. 68–77.
4. *Матвейчев Ю. А.* Теоретические, правовые и организационные основы расследования уголовных дел следственно-оперативными группами : монография. — Могилев: Могилевский институт МВД, 2016. — 140 с.
5. *Матюк А. В.* Взаимодействие следователя с органом дознания в Республике Беларусь: теоретико-правовой аспект // Вестник Московского университета МВД России. — 2018. — № 4. — С. 274–279.
6. *Победкин А. В.* «Постоянно действующая следственная группа» в уголовном процессе России: надзор, контроль или процессуальное руководство? // Юрист-Правоведъ. — 2018. — № 2 (85). — С. 32–37.

Материал поступил в редакцию 15 ноября 2023 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Babich N. V. Razgranichenie polnomochiy mezhdru prokurorom i rukovoditelem sledstvennogo organa // Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya «Yuridicheskie nauki». — 2020. — № 3. — S. 760–779.
2. Volevodz A. G., Tsyplakova A. D. Mezhdunarodnoe politseyskoe sotrudnichestvo: sovremennaya institutsionalnaya struktura i tendentsii razvitiya // Mezhdunarodnoe ugovnoe pravo i mezhdunarodnaya yustitsiya. — 2023. — № 3. — S. 2–6.
3. Kudryavtsev D. S., Tishutina I. V. O nekotorykh problemakh organizatsii deyatel'nosti sledstvenno-operativnykh grupp // Kriminalistika: vchera, segodnya, zavtra. — 2020. — № 3 (15). — S. 68–77.
4. Matveychev Yu. A. Teoreticheskie, pravovye i organizatsionnye osnovy rassledovaniya ugovnykh del sledstvenno-operativnymi gruppami: monografiya. — Mogilev: Mogilevskiy institut MVD, 2016. — 140 s.
5. Matyuk A. V. Vzaimodeystvie sledovatelya s organom doznaniya v Respublike Belarus: teoretiko-pravovoy aspekt // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. — 2018. — № 4. — S. 274–279.
6. Pobedkin A. V. «Postoyanno deystvuyushchaya sledstvennaya gruppa» v ugovnom protsesse Rossii: nadzor, kontrol ili protsessualnoe rukovodstvo? // Yurist-Pravoved. — 2018. — № 2 (85). — S. 32–37.

DOI: 10.17803/1994-1471.2024.167.10.149-156

Е. А. Лаврушко*

Обеспечение конфиденциальности и неприкосновенности частной жизни в уголовном процессе: сравнительно-правовой анализ на примере Российской Федерации и Республики Казахстан

Аннотация. В статье рассмотрены ограничения личных прав в уголовном процессе, а также риски, связанные с отсутствием соблюдения мер безопасности вследствие неправомерного разглашения данных предварительного расследования. В процессе исследования применялись такие научные методы, как анализ, сравнение, метод экспертных оценок. Итогом исследования стало выявление существенных проблем современного уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации и Республики Казахстан в области соблюдения личных прав человека и гражданина, а также обеспечения конфиденциальности материалов уголовного дела: отсутствие дифференциации принципов, устанавливающих неприкосновенность в различных сферах жизнедеятельности; отсутствие четкого механизма и инструментов обеспечения конфиденциальности в уголовном процессе; диспозитивный характер ст. 161 Уголовно-процессуального кодекса РФ, определяющей недопустимость разглашения материалов предварительного расследования, и др. В процессе исследования данных проблем были выработаны возможные пути и способы их разрешения, такие как: введение специальной главы в уголовно-процессуальный кодекс, регулирующей вопросы обеспечения конфиденциальности в уголовном процессе; придание императивного характера ст. 161 УПК РФ; дифференциация принципов уголовного процесса в соответствии с различными сферами жизнедеятельности.

Ключевые слова: конфиденциальность; неприкосновенность; тайна; источники; информация; принципы; личная безопасность; гражданин; актуальные проблемы; уголовный процесс.

Для цитирования: Лаврушко Е. А. Обеспечение конфиденциальности и неприкосновенности частной жизни в уголовном процессе: сравнительно-правовой анализ на примере Российской Федерации и Республики Казахстан // Актуальные проблемы российского права. — 2024. — Т. 19. — № 10. — С. 149–156. — DOI: 10.17803/1994-1471.2024.167.10.149-156.

© Лаврушко Е. А., 2024

* Лаврушко Елена Александровна, соискатель ученой степени кандидата юридических наук Оренбургского государственного университета, магистр юридических наук, преподаватель кафедры «Право» Казахстанско-русского международного университета
Победы пр., д. 13, г. Оренбург, Россия, 460018
alena.lavrushko@bk.ru

Ensuring Confidentiality and Privacy in Criminal Proceedings: A Comparative Legal Analysis of the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan Experience

Elena A. Lavrushko, Postgraduate Student, Orenburg State University, Master of Law, Lecturer,
Law Department, Kazakh Russian International University, Orenburg, Russian Federation
alena.lavrushko@bk.ru

Abstract. The paper examines the limitations of personal rights in criminal proceedings, as well as the risks associated with the lack of compliance with security measures due to the unlawful disclosure of preliminary investigation data. During the research, scientific methods such as analysis, comparison, and expert assessment were used. The study resulted in the identification of significant problems in the current criminal procedure legislation of the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan in the area of observing the personal rights of a person and citizen, as well as ensuring the confidentiality of criminal case materials. Among these are lack of differentiation of principles establishing inviolability in various spheres of life; lack of a clear mechanism and tools for ensuring confidentiality in criminal proceedings; the optional nature of Article 161 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, which determines the inadmissibility of disclosing preliminary investigation materials, etc. In studying these problems, possible ways and means of solving them were developed, such as: introducing a special chapter in the Criminal Procedure Code regulating issues of ensuring confidentiality in criminal proceedings; giving an imperative nature to Article 161 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation; differentiation of the principles of criminal procedure in accordance with various spheres of life.

Keywords: confidentiality; inviolability; secret; sources; information; principles; personal security; citizen; current issues; criminal procedure.

Cite as: Lavrushko EA. Ensuring Confidentiality and Privacy in Criminal Proceedings: A Comparative Legal Analysis of the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan Experience. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2024;19(10):149-156. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2024.167.10.149-156

Приоритетным направлением государственной политики является охрана прав и свобод человека и гражданина. Реализация конституционных прав человека и гражданина получает отражение практически во всех нормативных правовых актах. Не является исключением также и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан (далее — УПК РК).

Уголовное преследование лица, совершившего преступление, как известно, сопровождается сбором доказательственной базы, состоящей из данных, несущих информацию определенного характера, в том числе личного, которые в последующем формируют материалы уголовного дела.

Статья 1 Конституции Республики Казахстан, равно как и ст. 2 Конституции Российской Федерации, провозглашают высшими ценностями человека, его жизнь, права и свободы¹.

Исходя из данного конституционного положения вытекают принципы, цели и задачи уголовно-процессуального законодательства, которые в первую очередь направлены на охрану прав и свобод человека и гражданина. Одним из прав человека и гражданина в уголовном процессе является право на защиту информации личного, семейного, коммерческого, трудового и другого характера от неправомерного использования и владения третьими лицами. Однако зачастую в процессе предварительного расследования может происходить утечка конфиденциальных данных из материалов уголовного

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законом РФ о поправках к Конституции РФ от 04.10.2022 № 8-ФКЗ) // СЗ РФ. 2022. № 41. Ст. 6933.

дела, что может не только привести к неблагоприятному исходу процесса расследования преступления, но и нарушить права человека и гражданина. В контексте данного конституционного права целесообразно выделить процессуальную значимость и необходимость института тайны.

Институт тайны в уголовном процессе на современном этапе развития уголовно-процессуального законодательства ряда постсоветских государств претерпевает задержку в становлении и совершенствовании. Данная проблема на сегодняшний день может привести к существенному нарушению прав и свобод человека и гражданина, которые провозглашены Конституцией и рядом других нормативных правовых актов.

Какова правовая основа обеспечения конфиденциальности в уголовном процессе? Насколько развит институт обеспечения конфиденциальности в уголовном процессе на практике? Какое влияние оказывают принципы уголовного процесса на обеспечение конфиденциальности и защиты личной тайны его участников? Каким образом можно проследить связь принципов уголовного процесса с защитой тайны и конфиденциальной информации его участников?

Попробуем ответить на эти и другие вопросы в рамках научного исследования на примере опыта таких государств, как Республика Казахстан и Российская Федерация.

Если провести анализ уголовно-процессуального законодательства нескольких постсоветских государств, то можно сделать однозначный вывод, что перечень принципов уголовного процесса различен, как по количественному признаку, так и по их текстовой формулировке. О законности проводимых следственных действий и принимаемых органом уголовного преследования процессуальных решений свидетельствует в том числе соблюдение норм уголовно-процессуального законодательства, в частности его принципов и норм, закрепляющих права участников уголовного процесса. Наибо-

лее важными для последних следует признать право на неприкосновенность частной жизни, тайну переписки, телефонных разговоров и др. Данный вид информации в уголовном процессе можно отнести к разряду конфиденциальной, поскольку ее разглашение третьим лицам влечет за собой существенное вторжение в личную жизнь человека и нарушает его права.

Под «тайной» в уголовном процессе теория права определяет информацию либо иные данные, непосредственно связанные с участниками уголовного процесса, разглашение которых сможет привести к существенному нарушению прав человека и гражданина. По мнению М. А. Ефремовой, «общественная опасность разглашения данных предварительного расследования заключается в том, что собранная по делу следствием доказательственная информация может стать достоянием заинтересованных в его исходе лиц и быть использована ими в целях противодействия установлению виновных и всестороннему, полному и объективному рассмотрению дела в суде»². По поводу значимости и необходимости института тайны в уголовном процессе, а также потребности в защите конфиденциальной информации вывод очевиден: данный институт способен предотвратить утечку личной и иной конфиденциальной информации, материалов уголовного дела, имеющих существенное значение для установления обстоятельств уголовного дела. Однако насколько развит данный институт в постсоветских государствах, в частности в Республике Казахстан и Российской Федерации? Какое процессуальное значение имеет обеспечение конфиденциальности в уголовном процессе в контексте развития современного процессуального законодательства? В настоящей статье в качестве фактора, способствующего обеспечению прав человека и гражданина, приведено обеспечение конфиденциальности в уголовном процессе посредством соблюдения основополагающих принципов уголовно-процессуального законодательства.

² Ефремова М. А. К вопросу об уголовной ответственности за разглашение данных предварительного расследования // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2015. № 4 (22). С. 34–37.

Как мы считаем, утечку конфиденциальной, личной и иной тайной информации можно разделить на два вида:

1. Утечка конфиденциальной информации из материалов уголовного дела в уголовном процессе.

2. Неправомерное использование и распространение личной информации иными лицами с корыстной и иной преступной целью до начала предварительного расследования.

Вышеуказанные виды утечки конфиденциальной информации имеют взаимосвязь по единому объекту и предмету неправомерного деяния, в качестве которых выступает человек, его права и законные интересы. Однако различными остаются субъекты данных деяний, которые могут варьироваться от должностного лица, сотрудника правоохранительных органов, до обычного гражданина, выступающего, согласно уголовному законодательству, вменяемым физическим лицом, достигшим 16-летнего возраста. Кроме этого, различной может быть объективная и субъективная стороны преступного деяния.

Примером неправомерного использования и распространения личной информации иными лицами с корыстной и иной преступной целью является передача чужих данных, фотоизображения, информации, раскрывающей личную и семейную тайну в сети Интернет, что получает наибольшее распространение в связи с развитием интернет-ресурсов и других информационных коммуникаций.

Как мы знаем, в соответствии с УПК РФ, к участникам уголовного судопроизводства со стороны обвинения, которые непосредственно работают с материалами уголовного дела и уполномочены на совершение процессуальных действий и принятие решений в рамках конкретного уголовного дела, относятся прокурор, следователь, руководитель следственного органа, орган дознания, начальник подразде-

ления дознания, начальник органа дознания, дознаватель³.

Контакт с материалами уголовного дела в процессе предварительного расследования устанавливается с такими участниками уголовного процесса, как потерпевший, подозреваемый, обвиняемый, свидетель, защитник. Также стоит учесть тот факт, что первостепенную роль в уголовном процессе по недопущению утечки материалов уголовного дела в целом, персональных данных граждан, конфиденциальной информации, тайны переписки, телефонных переговоров стоит отводить органам прокуратуры, а также органам уголовного преследования в лице следователей, дознавателей.

И для теории, и для практики уголовного процесса важен доказанный статистическими показателями и рядом научных исследований факт противодействия предварительному расследованию в случае разглашения материалов уголовного дела. В юриспруденции существует ряд исследований, посвященных проблемам противодействия расследованию при разглашении тайны предварительного расследования.

Так, в работах М. А. Ефремовой, М. А. Новиковой, П. С. Метельского и других авторов рассмотрен ряд вопросов, касающихся проблем обеспечения тайны предварительного расследования, уголовной ответственности за разглашение данных предварительного расследования, форм и видов противодействия охраняемой законом тайны в уголовном процессе. Однако, по мнению П. С. Метельского, «...требующим внимания является вопрос о моменте окончания действия запрета на разглашение данных предварительного расследования»⁴.

Зачастую утечка конфиденциальной информации может происходить вследствие заинтересованности такой информацией лицами, которые желают, чтобы исход рассмотрения уголовного дела был в их пользу. Однако этот фактор существенно нарушает права противо-

³ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 04.08.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 11.08.2023) // СЗ РФ. 2023. № 33.

⁴ Метельский П. С. Уголовная ответственность за разглашение данных предварительного расследования (ст. 310 УК РФ) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия «Право». 2008. № 1. С. 68–74.

положной стороны, других участников процесса и в целом противоречит принципу законности, приводит к искажению материалов уголовного дела, что в дальнейшем может повлечь вынесение несправедливого, неправильного и незаконного приговора по делу. Поскольку вопрос обеспечения конфиденциальности в уголовном процессе остро стоит на повестке дня, в первую очередь его стоит связывать с первопричиной соблюдения прав человека — принципами и нормами уголовно-процессуального законодательства.

По мнению М. А. Новиковой, «необходимость сохранения в тайне данных предварительного расследования является характерной чертой расследования и важной гарантией раскрытия и эффективного расследования преступлений в современных условиях, а также одной из гарантий соблюдения прав граждан, которые могут пострадать от преждевременной огласки сообщенных ими данных»⁵. Особенно остро стоит этот вопрос в связи с цифровизацией практически всех сфер жизнедеятельности. Так, распространение сведений о совершенном преступлении в средствах массовой информации может нанести существенный вред предварительному расследованию. Ярким примером может послужить факт двойного убийства матери и сына, а также покушение на убийство ее дочери в квартире одного из жилых домов города Актобе в Республике Казахстан, которое имело место весной 2023 г. Информация о данном преступлении распространилась на просторах социальных сетей в течение нескольких часов после произошедшего. По нашему мнению, данное действие со стороны средств массовой информации, во-первых, могло спровоцировать затруднения в процессе поиска преступника; во-вторых, поставить под угрозу жизнь, здоровье и безопасность потерпевшей девочки, находящейся в больнице без сознания, так как в статьях говорилось, что мать и сын от полученных колото-резаных ножевых ранений скончались на месте происшествия, а

девочка, которой удалось вызвать полицию, в тяжелом состоянии была доставлена в областную детскую клиническую больницу. Как мы считаем, органы уголовного преследования должны были запретить распространять данную информацию в интересах следствия и безопасности потерпевшей. Кроме этого, существенные изменения и дополнения должны быть внесены в закон о средствах массовой информации, которые бы запрещали распространять без разрешения правоохранительных органов определенную категорию сведений, входящих в материалы уголовного дела либо связанных с фактом совершенного преступления. Например, к таким сведениям можно отнести информацию о личной жизни участников уголовного процесса, семейную, трудовую, коммерческую тайну, а также информацию об участниках, ставящую их безопасность под угрозу. Данный вопрос полностью законодательно не урегулирован и требует дальнейшего исследования.

Если провести анализ норм уголовно-процессуального законодательства, касающихся института тайны и обеспечения конфиденциальности, как в Республике Казахстан, так и в Российской Федерации, то можно проследить почти идентичный набор инструментов, позволяющих защитить персональные данные граждан, информацию, раскрывающую личную жизнь участников уголовного процесса, материалы уголовного дела в целом, а также иную информацию. Однако данный состав инструментов, на наш взгляд, носит разрозненный характер, поскольку отсутствуют определенный раздел либо глава, которые полностью посвящены были бы институту тайны и конфиденциальности в уголовном процессе, а механизм защиты конфиденциальной информации и вовсе не имеет четкой структуры и алгоритма в нормах уголовно-процессуального законодательства Республики Казахстан и Российской Федерации.

Тем не менее одной из эффективных мер обеспечения конфиденциальности в уголовном процессе остается недопустимость разглашения

⁵ Новикова М. А. Расследование разглашения данных предварительного расследования и сведений о мерах безопасности, применяемых в отношении участников уголовного судопроизводства : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. С. 3.

материалов уголовного дела, которая концептуально определена законодателем в ч. 1 ст. 161 УПК РФ: «Данные предварительного расследования не подлежат разглашению...»

Также эффективным в вопросе обеспечения конфиденциальности личной и иной тайной информации в уголовном процессе, по нашему мнению, является институт тайны предварительного расследования. Как полагают А. В. Смирнов и К. Б. Калиновский, «...касаясь характеристики уголовно-процессуальных норм, определяющих понятие тайны предварительного расследования, можно отметить, что законодатель неоправданно мало внимания уделяет как относимости тех или иных сведений к тайне предварительного расследования, так и уголовно-процессуальным средствам ее защиты»⁶.

В заключение следует отметить, что на сегодняшний день уголовно-процессуальное законодательство Республики Казахстан и Российской Федерации претерпевает значительные проблемы и потребности в рассмотрении норм, касающихся обеспечения конфиденциальности в уголовном процессе и защите института тайны, который и по сей день не имеет конкретного значения и места как в теории, так и на практике применения законодательства. Особенно стоит обратить внимание на следующие проблемы:

1. Нормы, касающиеся обеспечения конфиденциальности в уголовном процессе, носят разрозненный характер, при этом отсутствует глава в УПК РФ и РК, которая бы не только давала определение понятия «конфиденциальность», но и определяла бы его сущность, механизм и инструменты защиты конфиденциальной информации.

2. В УПК РФ отсутствуют нормы-принципы, определяющие в соответствии с различными сферами жизнедеятельности, необходимость обеспечения конфиденциальности в сфере семейно-бытовых, трудовых, политических отношений и т.д.

3. Проблемой УПК РФ является наличие диспозитивной нормы, которая позволяет органу уголовного преследования самостоятельно при-

нимать решения по поводу разглашения данных досудебного расследования, что, по нашему мнению, может провоцировать возникновение коррупционных рисков, рисков злоупотребления должностными полномочиями, а также существенных нарушений прав не только участников уголовного процесса, но и третьих лиц.

4. По нашему мнению, статьей 201 УПК РК, в отличие от ст. 161 УПК РФ, не отражена сущность и необходимость в защите персональных данных граждан, а также запрет на разглашение личных данных. Отсутствие этого пункта является пробелом в законодательстве, поскольку такая норма в кодексе смогла бы стать опорой, фундаментом, который подкреплял бы и конкретизировал норму-принцип, предусмотренную статьей 16 УПК РК.

На наш взгляд, проблемы норм и принципов УПК РФ, связанных с обеспечением конфиденциальности в уголовном процессе, стоит разделить на несколько видов и даже групп, поскольку проблему обеспечения конфиденциальности необходимо рассматривать комплексно: и нормы уголовно-процессуального, и нормы уголовного права, а также их нормы-принципы, которые выступают в роли начала, отправной точки правовых отношений. К первой группе стоит отнести проблемы категориально-понятийного характера, так как в законодательстве отсутствует определение понятия «тайна». Вторую группу составили бы проблемы организационного характера, поскольку весьма целесообразно ввести главу, посвященную обеспечению конфиденциальности в уголовном процессе. К третьей группе могут относиться проблемы, связанные с механизмом признания информации конфиденциальной, а также обеспечения неприкосновенности частной жизни участников уголовного процесса.

С целью разрешения вышеуказанных проблем уголовно-процессуального законодательства Республики Казахстан и Российской Федерации целесообразно в первую очередь рассмотреть статистику, а также практику защиты конфиденциальной информации право-

⁶ Смирнов А. В., Калиновский К. Б. Комментарий к УПК РФ / под ред. А. В. Смирнова. 5-е изд., перераб. и доп. М. : Проспект, 2009.

охранительными органами, а также изучить опыт зарубежных государств, как ближнего, так и дальнего зарубежья, для дальнейшего выявления полезного опыта в применении мер противодействия утечки конфиденциальной информации в уголовном процессе. Институт тайны в уголовном процессе подлежит систематическому и тщательному рассмотрению и исследованию на предмет включения его в действующее законодательство как Республики Казахстан, так и Российской Федерации. Данная необходимость продиктована потребностями современного общества, а также нормами Конституции и принципами уголовно-процессуального законодательства, которые касаются обеспечения конфиденциальности и соблюдения законных прав и свобод человека и гражданина.

В соответствии с вышеуказанными пробелами в уголовно-процессуальном законодательстве Российской Федерации и Республики Казахстан, а также соответствующими проблемами считаем целесообразным применение следующих мер для их устранения:

1. Законодательное закрепление определенных понятий «конфиденциальность» и «тайна» в уголовном процессе.

2. Выделение отдельной главы в УПК РФ и УПК РК, посвященной регулированию вопросов обеспечения неприкосновенности частной жизни и конфиденциальности в уголовном процессе, которая бы закрепляла не только запрет и недопустимость разглашения конфиденциальной информации, но и четко определяла механизм и инструменты защиты «тайной» информации.

3. Придание императивности ст. 161 УПК РФ, заключающейся в невозможности самостоятельного принятия решения органом уголовного преследования по поводу возможности разглашения материалов предварительного расследования, либо ее отсутствия, поскольку на сегодняшний день диспозитивный характер данной статьи не способен в полной мере обеспечить право человека и гражданина на неприкосновенность частной жизни, которая зачастую отражается в материалах уголовного дела (предварительного расследования).

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Ефремова М. А.* К вопросу об уголовной ответственности за разглашение данных предварительного расследования // Вестник Казанского юридического института МВД России. — 2015. — № 4 (22). — С. 34–37.
2. *Метельский П. С.* Уголовная ответственность за разглашение данных предварительного расследования (ст. 310 УК РФ) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия «Право». — 2008. — № 1. — С. 68–74.
3. *Новикова М. А.* Расследование разглашения данных предварительного расследования и сведений о мерах безопасности, применяемых в отношении участников уголовного судопроизводства : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2009. — 75 с.
4. *Смирнов А. В., Калиновский К. Б.* Комментарий к УПК РФ / под ред. А. В. Смирнова. — 5-е изд., перераб. и доп. — М. : Проспект, 2009. — 480 с.

Материал поступил в редакцию 30 ноября 2023 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Efremova M. A. K voprosu ob ugovnoy otvetstvennosti za razglashenie dannykh predvaritelnogo rassledovaniya // Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. — 2015. — № 4 (22). — S. 34–37.
2. Metelskiy P. S. Ugolovnaya otvetstvennost za razglashenie dannykh predvaritelnogo rassledovaniya (st. 310 UK RF) // Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Pravo». — 2008. — № 1. — S. 68–74.
3. Novikova M. A. Rassledovanie razglasheniya dannykh predvaritelnogo rassledovaniya i svedeniy o merakh bezopasnosti, primenyaemykh v otnoshenii uchastnikov ugovnogo sudoproizvodstva: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. — M., 2009. — 75 s.
4. Smirnov A. V., Kalinovskiy K. B. Kommentariy k UPK RF / pod red. A. V. Smirnova. — 5-e izd., pererab. i dop. — M.: Prospekt, 2009. — 480 s.

КРИМИНАЛИСТИКА И КРИМИНОЛОГИЯ. СУДЕБНАЯ ЭКСПЕРТИЗА

DOI: 10.17803/1994-1471.2024.167.10.157-166

О. Г. Дьяконова*

Теоретическая и методологическая обоснованность проведения некоторых судебных экспертиз гуманитарного профиля

Аннотация. В судебной экспертологии выделяются виды использования специальных знаний, находящие выражение в судопроизводстве, каждый из которых имеет собственные характерные признаки, позволяющие отграничить его от других видов. Несмотря на проблемы, связанные с определением вида судебной экспертизы, компетентностью эксперта и пр., в целом сложился подход к проверке и оценке заключения судебного эксперта. Одним из важных вопросов при проведении оценки является проверка правильности выбранной экспертом методики, соответствие методов установленным критериям: научности, верифицируемости, точности, эффективности, безопасности и этичности. Методология различных видов (родов) судебных экспертиз разрабатывается на строго научной основе, при этом используются общетеоретические достижения судебной экспертологии и теория соответствующей научной отрасли, например лингвистики, искусствоведения и др. Однако в последнее время в судебно-следственной практике появляются новые «судебные экспертизы» гуманитарного профиля: культурологическая, религиоведческая, политологическая, этиковедческая и др. Большинство таких «исследований» проводятся без надлежащего методического обеспечения, с высоким уровнем субъективизма, который не получается скрыть за весьма пространными объяснениями, приводимыми в заключении судебных экспертиз, что особенно проявляется в отсутствии исследовательской части в заключении судебного эксперта. В ряде случаев теоретическую основу таких «исследований» пытаются обосновать несуществующей областью научного знания.

Ключевые слова: судебная экспертиза; судебная экспертология; лингвистическая экспертиза; культурологическая экспертиза; религиоведческая экспертиза; политологическая экспертиза; этиковедческая экспертиза; деструктологическая экспертиза; консультация специалиста; методология.

Для цитирования: Дьяконова О. Г. Теоретическая и методологическая обоснованность проведения некоторых судебных экспертиз гуманитарного профиля // Актуальные проблемы российского права. — 2024. — Т. 19. — № 10. — С. 157–166. — DOI: 10.17803/1994-1471.2024.167.10.157-166.

© Дьяконова О. Г., 2024

* Дьяконова Оксана Геннадьевна, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры судебных экспертиз Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993
oxana_diakonova@mail.ru

Theoretical and Methodological Justification for Conducting some Forensic Examinations in the Humanities

Oksana G. Dyakonova, Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Professor, Department of Forensic Expertise, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation
oxana_diakonova@mail.ru

Abstract. Forensic expertology distinguishes between different types of use of special knowledge that are expressed in legal proceedings, each of which has its own characteristic features. Despite the problems associated with determining the type of forensic examination, the competence of the expert, etc., in general, an approach to checking and evaluating the conclusion of a forensic expert has been established. One of the important issues when conducting an assessment is checking the correctness of the methodology chosen by the expert, the compliance of the methods with the established criteria: scientificity, verifiability, accuracy, efficiency, safety and ethics. The methodology of various types (kinds) of forensic examinations is developed on a strictly scientific basis, using general theoretical achievements of forensic expertology and the theory of the relevant scientific field, such as linguistics, art history, etc. However, fairly new «forensic examinations» in the humanities have appeared in forensic investigative practice. Among them are cultural studies, religious studies, political science, ethics, etc. Most of these «examinations» are conducted without proper methodological support, with a high level of subjectivity, which cannot be hidden behind the very lengthy explanations given in the conclusion of forensic activities, which is especially evident in the absence of a research section in the conclusion of the forensic expert. In a number of cases, they try to justify the theoretical basis of such «examination» by a non-existent area of scientific knowledge.

Keywords: forensic examination; forensic expertology; linguistic examination; cultural examination; religious studies examination; political science examination; ethical examination; destructive examination; specialist consultation; methodology.

Cite as: Dyakonova OG. Theoretical and Methodological Justification for Conducting some Forensic Examinations in the Humanities. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2024;19(10):157-166. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2024.167.10.157-166

В судебной-следственной практике с начала 1990-х гг. стали постепенно появляться судебные экспертизы, основанные на гуманитарных областях научного знания, прежде всего судебная лингвистическая экспертиза, стремительное развитие методологии которой можно фиксировать с начала 2000-х гг. В судебной-следственной практике всё чаще появляются заключения эксперта по результатам искусствоведческих, культурологических, религиозно-этических экспертиз. На площадках конференций обсуждаются возможности назначения так называемых политологических и этиковедческих судебных экспертиз.

По многим из перечисленных явлений можно встретить публикации в научных (рецензируемых) журналах. Но их содержание позволяет констатировать, что теоретическая и, как ее часть, методологическая основа для проведения таких исследований не разработана в

такой мере, чтобы их результаты можно было бы применять в качестве доказательства в судопроизводстве. Тем не менее, как показывают примеры из судебной-следственной практики, использование заключений таких «экспертиз» всё чаще становятся не просто одним из доказательств по делу, но важнейшим, на котором основывается итоговое решение.

Несложно присвоить явлению наименование «судебная экспертиза», сложнее обосновать, что оно таковым является. Доказывание относимости явления к судебной экспертизе основывается на нескольких постулатах.

1. В судебной экспертологии, изучающей общие закономерности, присущие всем судебным экспертизам, достаточно давно, чтобы быть признанным устоявшимся, выработан подход к определению вида, рода, класса экспертизы посредством характеристики ее объекта, предмета, задач и той области специальных знаний,

которая является для той или иной экспертизы базовой, предоставляя методическое обеспечение.

2. Каждая область специальных знаний основывается на науке как сфере человеческой деятельности, основной функцией которой является накопление, описание, объяснение и предсказание процессов и явлений действительности, составляющих предмет исследования, а также трансформация знаний о закономерностях развития того или иного процесса или явления, включая и процесс познания. В этой связи методы, применяемые в экспертном исследовании, должны отвечать критериям, действующим только в совокупности: научности, верифицируемости, точности, эффективности, безопасности и этичности.

3. С позиции процессуальной деятельности и доказательственного права заключение эксперта — одно из средств доказывания с присущими общими характерными признаками, используемыми при оценке доказательства (относимость, допустимость, достоверность и пр.). Существуют разные средства доказывания, и каждое из них, помимо общих признаков, имеет свои особенности. Так, заключение эксперта, и только оно, характеризуется проведением исследования с обязательным применением как общеэкспертных, так и частноэкспертных методов (методики). В качестве доказательства могут приниматься заключение или консультация специалиста, представленные в устной или письменной форме, сущность которых проявляется в суждении сведущего лица, сформулированном на основе применения специальных знаний, без проведения экспертного исследования в виде его ответов на поставленные вопросы. Специалист при этом не проводит исследование объекта с применением соответствующей методики или частноэкспертных методов, зачастую он вообще не воспринимает

в натуре объект, по поводу которого ему заданы вопросы.

Опираясь на приведенные положения, кратко рассмотрим обозначенные выше явления, претендующие на наименования видов (родов) судебных экспертиз, подчеркнув, что исследованию каждого из них можно посвятить не один монографический труд.

Методологическая составляющая лингвистической экспертизы опирается на множество научных публикаций, имеются утвержденные методики (например, РФЦСЭ, МВД России). Однако среди ученых в области лингвистики до сих пор нет единого четкого представления даже о наименовании методов, не говоря уже о единообразном подходе к их применению. Неоднозначно трактуются как методы лингвистики, так и методы судебной лингвистической экспертизы. Исследователи отмечают, что далеко не все методы могут быть применимы в судебной лингвистической экспертизе. Например, О. В. Кукушкина пишет о недопустимости методов эксперимента и интроспективного метода в силу индивидуальности восприятия, когда лингвист наблюдает и анализирует не сам текст, а свои ощущения от этого текста¹. Частноэкспертные методы, заимствованные из лингвистики, весьма разнообразны, и исследователями называются зачастую по-разному. Судебным лингвистам предлагается использовать: «сравнительно-исторический и этимологический методы; сопоставительный метод, метод фразеологического анализа; метод лингвистического анализа текста; прагматический (коммуникативно-прагматический) метод; метод контекстного (контекстуального) анализа, методы концептуального анализа, гештальт-анализа, фреймового анализа и др.»². Но большинство перечисленных методов нецелесообразно применять в судебной лингвистической экспертизе, что обоснованно отмечают

¹ Кукушкина О. В. Методы анализа, применяемые в судебной лингвистической экспертизе // Теория и практика судебной экспертизы. 2016. № 1 (41). С. 119.

² Радбиль Т. Б., Юматов В. А. Лингвистические методы в экспертной деятельности лингвиста: проблемы адекватности формулировок // Материалы II Международной конференции «Язык и метод. Русский язык в лингвистических исследованиях XXI века». Краков, 2014. С. 108.

исследователи³. К сожалению, научные изыскания не всегда воспринимаются экспертами-практиками. В итоге это приводит к появлению в судопроизводстве совершенно фантастических заключений, в которых при наличии перечисления большого количества всевозможных методов отсутствует исследовательская часть, а все выводы являются умозрительными, с высоким уровнем субъективизма. Тем не менее методология судебной лингвистической экспертизы стремительно разрабатывается, и ученые, нередко выступающие в роли судебных экспертов, стараются преодолеть указанные проблемы и совершенствовать методики.

Наименование такого рода судебной экспертизы не вызывает особых вопросов, поскольку несмотря на то, что оно происходит от названия научной области, из которой заимствуются методы, и правоприменители, и судебные эксперты понимают, что объектом судебной лингвистической экспертизы выступают продукты речевой деятельности (речевое произведение), в том числе тексты. Основной задачей такой экспертизы является установление содержания речевого произведения.

Искусствоведческая экспертиза прошла длительный путь развития, и со временем накопленные знания и опыт экспертов стали применяться в судопроизводстве. Тем не менее это не означает отсутствия проблематики, связанной с методологической составляющей и наименованием судебной экспертизы. В процессе искусствоведческой экспертизы применяются различные методы — как химические, физические, так и собственно основанные на науке искусствоведении, например формальный, иконологический⁴ и др. Фактически эксперт в области искусствоведческой экспертизы должен иметь комплексное образование, включающее специальные знания в области искусствоведения и знания и навыки применения естественно-научных методов. Проблема наименования экспер-

тизы «искусствоведческая» связана прежде всего с неопределенностью объекта исследования. Если искусствоведение как комплекс научных дисциплин изучает искусство в различных его проявлениях, то в рамках судебной экспертизы исследованию подвергается конкретный объект, имеющий материальную форму. В этой связи представляется правильным при определении наименования судебной экспертизы уточнять объект, подвергающийся исследованию. Такое уточнение предопределяет разделение искусствоведческих судебных экспертиз как класса на разные роды и виды (экспертизы произведений живописи и графики, исторического оружия, архитектуры и объектов градостроительства, рукописей и редких книг, музыкальных произведений и пр.).

Дискуссионным является отнесение к классу искусствоведческих экспертиз культурологической судебной экспертизы. Судебная культурологическая экспертиза в последнее время нередко назначается по уголовным делам по ст. 210.1, 242, 242.1, 242.2 УК РФ. При этом прослеживается смешение объектов культурологической и искусствоведческой и лингвистической экспертиз.

Культурология как наука по-разному воспринимается учеными, относящими ее к философии, антропологии, социологии и пр. Большинство исследователей сходятся во мнении, что культурология, основываясь на разных гуманитарных дисциплинах, осмысливает культуру в общем виде как феномен и изучает наиболее общие ее закономерности, проявляющиеся в различных объектах культуры. Искусство и культура близкие, но не тождественные понятия. Искусство — одно из проявлений культуры. Очевидно, что в рамках судебной экспертизы культура не может выступать объектом исследования, в отличие от предметов искусства, архитектуры и пр. По мнению С. В. Кондратюка, объектом культурологической экспертизы по

³ Баранов А. Н. Лингвистика в лингвистической экспертизе (метод и истина) // Вестник ВолГУ. Серия 2, Языкознание. 2017. Т. 16. № 2. С. 22 ; Кукушкина О. В. Методы анализа, применяемые в судебной лингвистической экспертизе // Теория и практика судебной экспертизы. 2016. № 1 (41). С. 119.

⁴ Пискунова Е. В. Криминалистическое обеспечение расследования преступлений в сфере искусства: судебно-искусствоведческая экспертиза : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013. С. 110.

установлению факта занятия лицом высшего положения в преступной иерархии являются неформальные нормы и правила поведения («воровские законы», «преступные традиции», «понятия», «тюремные законы», «прогоны», «правила»)⁵. Перечисленные нормы и правила, даже будучи «неписаными», в любом случае зафиксированы на материальном носителе и, как правило, выражены в текстовой или иной графической информации, что позволяет их исследовать и в судебной лингвистической экспертизе.

Методы культурологии, применяемые при изучении культуры как явления, весьма разнообразны. Например, в качестве прикладных методов исследователи выделяют: полевую экспедицию, социологическое исследование, психологический эксперимент, философско-искусствоведческий анализ, филологический анализ текста, моделирование преобразующих культурных практик, а также синтетические методы исследования: функциональный анализ культуры, структурный анализ культуры, герменевтика, лингвокультурологический анализ⁶. Так же, как и в случае с лингвистической экспертизой, столь богатый объем методов вовсе не означает возможность и целесообразность их применения в судебной культурологической экспертизе.

Религиоведческая судебная экспертиза нередко назначается при расследовании преступлений, предусмотренных статьями 148, 282, 282.2, 282.4 УК РФ. Название «религиоведческая экспертиза» фигурирует в законодательстве в качестве государственной экспертизы, проводимой Минюстом России при регистрации религиозных организаций, т.е. деятельности уполномоченных государственных органов по определению религиозного характера органи-

зации, проверке сведений, представленных в документах организации. В приложении к приказу Министерства юстиции Российской Федерации от 18.02.2009 № 53, устанавливающем порядок проведения такой экспертизы, определены субъекты, объект и задачи, сроки и иные организационные вопросы ее осуществления. Анализ этих положений подтверждает существенную разницу между религиоведческой экспертизой как видом государственной деятельности и судебной экспертизой как процессуальным действием, что прежде всего отражается на методологии этих видов деятельности. В то же время насущная необходимость обращения к знаниям в области религиоведения в судопроизводстве при исследовании информационных материалов как продуктов речевой деятельности трудно оспаривать. Как верно отмечают исследователи, порой имеется потребность в комплексировании знаний эксперта-психолога, лингвиста и религиоведа⁷.

Политологическую экспертизу, назначаемую в судопроизводстве, можно отнести к так называемым новым видам судебных экспертиз. В новом Перечне судебных экспертиз, утвержденном приказом Минюста России от 20.04.2023 № 72, политологическая экспертиза представлена одним видом — «Политологическое исследование информационных материалов». Кроме того, ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России проводит обучение по одноименной экспертной специальности. Как пишут Г. Г. Омелянюк и И. А. Лапина, политологическая экспертиза является родом судебной экспертизы, включающим в себя исследования деятельности субъектов политического процесса в актуальном политико-правовом контексте для установления фактических данных, имеющих доказательственное значение в ходе судопроизводства⁸. Как отмечают исследователи, объектом

⁵ Кондратюк С. В. Предупреждение занятия высшего положения в преступной иерархии: культурологический аспект // Вектор науки ТГУ. Серия «Юридические науки». 2021. № 4. С. 21.

⁶ Ситникова А. А. К вопросу о методологии исследований культуры как социально-антропологической системы // Социодинамика. 2015. № 1. С. 90.

⁷ Секераж Т. Н., Кузнецов В. О. Исследования информационных материалов — актуальное направление судебно-экспертной деятельности // Закон. 2019. № 10. С. 85.

⁸ Лапина И. А., Омелянюк Г. Г. Актуальные проблемы формирования судебной политологической экспертизы // Теория и практика фундаментальных и прикладных исследований в сфере судебно-экспертной

экспертного политологического исследования является некое политическое событие, а методологическим основанием — абстрагирование от объема усвоенных, безусловно глубоких и качественных академических политологических знаний с целью рефлексивного «наблюдения» политического события, ретродуктивной интерпретации его феномена в рамках более объемного событийного повествования — нарратива либо широкого политического контекста⁹. Можно отметить дискуссионный характер определения объекта и его размытость, неразработанность методологии, повышенный субъективизм в политологическом исследовании, а также явное совпадение задач исследования с задачами психолого-лингвистической экспертизы.

Под эгидой Минюста России как инициатора продвижения новых родов и видов судебных экспертиз разрабатываются основы так называемой этиковедческой экспертизы. Отметим, что большинство энциклопедических словарей в принципе не дают описание термина «этиковедение», поскольку во всем мире наука, изучающая мораль и нравственность, их принципы и роль в обществе, именуется этикой, а не этиковедением. Хотя исследователи отмечают, что его «выбор обусловлен необходимостью указания области специальных знаний, к которой относятся сведения, лежащие в ее основе, а также предотвращения смешения ее с довольно распространенной этической экспертизой, осуществляемой в ряде сфер в рамках конкретных профессий и ведомств при обосновании значимых решений»¹⁰. Но такое наименование судебной экспертизы не выдерживает критики с точки зрения русского языка и научности содержания.

Тем более известны примеры, когда имеется экспертиза как сфера государственной деятельности и судебная экспертиза с тем же самым наименованием (экологическая, пожарно-техническая и др.). Конечно, встречаются ситуации их смешивания, но это связано с компетентностью субъекта, а не с самими видами деятельности. Поэтому можно говорить об этической экспертизе, но о судебной ли?

«Объектами судебной этиковедческой экспертизы являются любые опубликованные либо публично озвученные, продемонстрированные информационные или художественные материалы, включенные в массовую коммуникацию, и формы общественной деятельности»¹¹, в то же время далее авторы подчеркивают, что «основными объектами исследования судебной этиковедческой экспертизы являются моральные запреты, негативные поступки, попавшие в орбиту судопроизводства»¹². Таким образом, объект такой экспертизы может выступать и объектом лингвистического, искусствоведческого, культурологического и других видов исследований.

Судебная этиковедческая экспертиза устанавливает соответствие содержания и (или) формы выражения информации в представленных на исследование материалах духовно-нравственным ценностям и нормам морали, принятым в Российской Федерации»¹³. Одним из вопросов, которые авторы предлагают возможным поставить на такое исследование, может быть установление признаков оскорбления, то есть унижения чести и достоинства другого лица, выраженного в неприличной или иной противоречащей общепринятым нормам морали и нравственности форме. Фактически прослежи-

деятельности и ДНК-регистрации населения Российской Федерации : материалы Межд. науч.-практ. конференции / отв. ред. Ф. Г. Аминев. Новосибирск, 2023. С. 106.

⁹ Галаева О. В., Гулевская В. В., Омелянюк Г. Г. Судебная политологическая экспертиза — новое направление судебно-экспертной деятельности Минюста России // Теория и практика судебной экспертизы. 2023. Т. 18. № 1. С. 34.

¹⁰ Усов А. И., Омелянюк Г. Г., Хазиев Ш. Н., Галаева О. В., Гулевская В. В. Судебная этиковедческая экспертиза — новое направление судебно-экспертной деятельности Минюста России // Теория и практика судебной экспертизы. 2023. Т. 18. № 3. С. 7.

¹¹ Усов А. И., Омелянюк Г. Г., Хазиев Ш. Н., Галаева О. В., Гулевская В. В. Указ. соч. С. 10.

¹² Усов А. И., Омелянюк Г. Г., Хазиев Ш. Н., Галаева О. В., Гулевская В. В. Указ. соч. С. 12.

¹³ Усов А. И., Омелянюк Г. Г., Хазиев Ш. Н., Галаева О. В., Гулевская В. В. Указ. соч. С. 10.

вается совпадение задач исследования с задачами судебной лингвистической экспертизы.

Методология такой экспертизы пока просматривается только в общих чертах. Исследователи пишут, что «методики этих экспертиз основаны на гуманитарных науках, что является предпосылкой для формирования нового класса судебных экспертиз — класса гуманитарных судебных экспертиз... могут применяться общеправовые методы — диалектический и эмпирический... философские обобщения, так и данные социологии, психологии, права, эстетики, педагогики, искусствovedения и других наук»¹⁴. Приходится констатировать, что на данный момент этическая экспертиза не может называться видом судебной экспертизы, поскольку не сложилось четкое понимание ее предмета, объектов, задач и методологии.

Несмотря на то что сегодня невозможно в отсутствие разработанной методологии отнести культурологическую, религиоведческую, политологическую и этиковедческую разновидности использования специальных знаний к судебной экспертизе, подчеркнем, что приведенные виды хотя бы основываются на соответствующих отраслях научного знания. Конечно, теоретический задел для научных исследований необходимо адаптировать к судебной экспертизе как специфическому исследованию. Но никто не оспаривает целесообразность существования этих наук и их общественную пользу.

Однако в судебно-следственной практике стали появляться весьма оригинальные примеры использования специальных знаний в виде судебной экспертизы, не имеющие научной основы. Так, по одному из уголовных дел по ч. 2 ст. 205.2 УК РФ была назначена «комплексная деструктологическая экспертиза». К наименованию экспертизы и содержанию ее заключения возникают вопросы.

В первую очередь не очень ясно, из какой науки эксперт черпает специальные знания и

адаптированную к судебной экспертизе методологию. Автором «теории деструктологии» выступает Р. А. Силантьев, считающий необходимым «подвергнуть анализу деструктивные стратегии, используемые для создания условий нарастания напряжения и агрессии»¹⁵. Указанный автор полагает возможным «объединить компетенции религиоведов (особенно исламоведов и сектоведов), специализирующихся на работе с трудными подростками педагогов, психологов, культурологов, лингвистов и специалистов по информационной безопасности. Важнейшим научным инструментом деструктологии видится прогностика, которая обеспечивает условия для борьбы не только с уже выявленными угрозами, но и потенциальными вызовами»¹⁶. Объектом «деструктологии» является «совокупность деструктивных новообразований (организаций, групп, контркультур, игровых увлечений и пр.)»¹⁷. Однако содержание работ по обоснованию «деструктологии» как науки приводит к выводу о невозможности такого определения. То, что предлагается к исследованию в качестве объекта этой «науки», уже много лет изучается различными областями научного знания: от социологии, культурологии, психологии до наук юридического цикла (криминология, уголовное право и др.). Следует подчеркнуть, что они прекрасно с этой задачей справляются. Проведение междисциплинарных научных исследований какого-то явления не означает появление новой науки, это комплексирование специальных знаний, при этом каждый эксперт в своей области проводит исследование тех признаков и свойств объекта (явления), которые в силу своей компетентности он способен воспринимать, изучать и сформулировать выводы. Результатом такого исследования могут быть научные публикации, как в соавторстве, так и отдельно учеными в указанных выше областях наук.

РФЦСЭ при Минюсте России тоже обратил на это внимание и указал, что «деструктология

¹⁴ Усов А. И., Омелянюк Г. Г., Хазиев Ш. Н., Галаева О. В., Гулевская В. В. Указ. соч. С. 12.

¹⁵ Силантьев Р. А. О некоторых теоретических обоснованиях деструктологии как новой научной дисциплины // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. 2018. Вып. 2 (791). С. 263.

¹⁶ Силантьев Р. А. Указ. соч. С. 264.

¹⁷ Силантьев Р. А. Указ. соч. С. 266.

не является наукой или какой-либо областью техники, искусства или ремесла, которые понимаются российским законодательством “под специальными знаниями”»¹⁸.

Как уже отмечалось, судебной экспертизой можно именовать только исследование, проводимое по соответствующей поставленным задачам методике и с применением методов, отвечающих в первую очередь критерию научности. В отсутствие научной основы ни о какой судебной экспертизе речь идти не может, поскольку нет возможности проверить и оценить правильность выбора методов и (или) методики, ее научную обоснованность, что влечет невозможность проверки достоверности и обоснованности сделанных выводов.

Другой вопрос связан с употреблением термина «комплексная» в наименовании «деструктологической экспертизы», которое совершенно четко указывает на отсутствие у автора этого наименования знаний в области судебной экспертологии, криминалистики и уголовно-процессуального права. И такая ситуация не имела бы значения, если бы автор не выступал в качестве судебного эксперта в реальном судопроизводстве. Несмотря на то что законодательное регулирование комплексных судебных экспертиз требует совершенствования, о чем пишут многие авторы, в науке уже сформировался подход, что считать такими исследованиями и какими признаками они характеризуются¹⁹.

В связи с этим появление в уголовном деле явления, выдаваемого за судебную экспертизу, настораживает и заставляет задуматься о необходимости более осторожного подхода к выбору источников и средств доказывания, в особенности когда речь идет о научной обоснованности. Ведь закон не запрещает получить консультацию специалиста по любому вопросу, требующему специальных знаний и не требующему проведения экспертного исследования.

Возвращаясь к приведенным выше постулатам, позволяющим отнести то или иное явление к судебной экспертизе, отметим следующее. Во-первых, за исключением лингвистической и в определенной степени искусствоведческой судебных экспертиз, для которых уже разработаны и совершенствуются теоретическое обоснование и методологическая основа, все остальные рассмотренные явления не могут пока считаться судебными экспертизами с точки зрения судебной экспертологии. Во-вторых, результаты таких исследований не могут выступать в качестве заключения эксперта с позиции судебной экспертологии и доказательственного права как не удовлетворяющие даже основным требованиям.

При определении наименования новых судебных экспертиз следует помнить, что на уровне класса можно использовать область специальных знаний, например искусствоведение, класс экспертиз — искусствоведческий. Но в судебно-следственной практике назначаются экспертизы конкретного вида, что диктует необходимость указывать в названии объект исследования.

Таким образом, пока не будет последовательно и четко разработано методологическое обеспечение указанных явлений, в судебно-следственной практике следует ограничиваться консультациями специалистов в соответствующей области (религиоведения, этики, политологии и других областей гуманитарного знания). Нельзя подменять заключением эксперта субъективное суждение, пусть даже сформулированное компетентным специалистом.

Вполне возможно, придет время и упомянутые явления, которые пока судебными экспертизами назвать невозможно, займут достойное место в классификации судебных экспертиз и в судебной практике и оспаривать их существование в связи с их теоретической и методологической необоснованностью не придется.

¹⁸ Центр при Минюсте назвал ненаучной деструктологическую экспертизу по делу Беркович // URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6081434> (дата обращения: 22.04.2024).

¹⁹ Майлис Н. П. Теория и практика судебной экспертизы в доказывании. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Юнити-Дана: Закон и право, 2019. С. 117 ; Мусеева Т. Ф. Специальные знания в комплексных экспертных исследованиях // Теория и практика использования специальных знаний в раскрытии и расследовании преступлений : сборник материалов 50-х Криминалистических чтений : в 2 ч. М., 2009. Ч. 1. С. 349.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Баранов А. Н. Лингвистика в лингвистической экспертизе (метод и истина) // Вестник ВолГУ. Серия 2, Языкознание. — 2017. — Т. 16. — № 2. — С. 18–27.
2. Галаева О. В., Гулевская В. В., Омелянюк Г. Г. Судебная политологическая экспертиза — новое направление судебно-экспертной деятельности Минюста России // Теория и практика судебной экспертизы. — 2023. — Т. 18. — № 1. — С. 30–43.
3. Кондратюк С. В. Предупреждение занятия высшего положения в преступной иерархии: культурологический аспект // Вектор науки ТГУ. Серия «Юридические науки». — 2021. — № 4. — С. 19–25.
4. Кукушкина О. В. Методы анализа, применяемые в судебной лингвистической экспертизе // Теория и практика судебной экспертизы. — 2016. — № 1 (41). — С. 118–126.
5. Лапина И. А., Омелянюк Г. Г. Актуальные проблемы формирования судебной политологической экспертизы // Теория и практика фундаментальных и прикладных исследований в сфере судебно-экспертной деятельности и ДНК-регистрации населения Российской Федерации : материалы Межд. науч.-практ. конференции / отв. ред. Ф. Г. Аминев. — Новосибирск, 2023. — С. 104–108.
6. Майлис Н. П. Теория и практика судебной экспертизы в доказывании. — 2-е изд., перераб. и доп. — М. : Юнити-Дана: Закон и право, 2019. — 255 с.
7. Моисеева Т. Ф. Специальные знания в комплексных экспертных исследованиях // Теория и практика использования специальных знаний в раскрытии и расследовании преступлений : сборник материалов 50-х Криминалистических чтений : в 2 ч. Ч. 1. — М., 2009. — С. 347–350.
8. Пискунова Е. В. Криминалистическое обеспечение расследования преступлений в сфере искусства: судебно-искусствоведческая экспертиза : дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2013. — 217 с.
9. Радбиль Т. Б., Юматов В. А. Лингвистические методы в экспертной деятельности лингвиста: проблемы адекватности формулировок // Материалы II Международной конференции «Язык и метод. Русский язык в лингвистических исследованиях XXI века». — Краков : Издательство Ягеллонского университета, 2014. — С. 107–110.
10. Россинская Е. Р. Комплексные судебные экспертизы: генезис и современное состояние // Закон России: опыт, анализ, практика. — 2023. — № 13. — С. 65–73.
11. Секераж Т. Н., Кузнецов В. О. Исследования информационных материалов — актуальное направление судебно-экспертной деятельности // Закон. — 2019. — № 10. — С. 80–89.
12. Силантьев Р. А. О некоторых теоретических обоснованиях деструктологии как новой научной дисциплины // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. — 2018. — Вып. 2 (791). — С. 262–270.
13. Ситникова А. А. К вопросу о методологии исследований культуры как социально-антропологической системы // Социодинамика. — 2015. — № 1. — С. 75–100.
14. Усов А. И., Омелянюк Г. Г., Хазиев Ш. Н., Галаева О. В., Гулевская В. В. Судебная этиковедческая экспертиза — новое направление судебно-экспертной деятельности Минюста России // Теория и практика судебной экспертизы. — 2023. — Т. 18. — № 3. — С. 6–15.

Материал поступил в редакцию 23 декабря 2023 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Baranov A. N. Lingvistika v lingvisticheskoy ekspertize (metod i istina) // Vestnik VolGU. Seriya 2, Yazykoznanie. — 2017. — T. 16. — № 2. — S. 18–27.
2. Galaeva O. V., Gulevskaya V. V., Omelyanyuk G. G. Sudebnaya politologicheskaya ekspertiza — novoe napravlenie sudebno-ekspertnoy deyatel'nosti Minyusta Rossii // Teoriya i praktika sudebnoy ekspertizy. — 2023. — T. 18. — № 1. — S. 30–43.

3. Kondratyuk S. V. Preduprezhdenie zanyatiya vysshego polozheniya v prestupnoy ierarkhii: kulturologicheskiy aspekt // Vektor nauki TGU. Seriya «Yuridicheskie nauki». — 2021. — № 4. — S. 19–25.
4. Kukushkina O. V. Metody analiza, primenyaemye v sudebnoy lingvisticheskoy ekspertize // Teoriya i praktika sudebnoy ekspertizy. — 2016. — № 1 (41). — S. 118–126.
5. Lapina I. A., Omelyanyuk G. G. Aktualnye problemy formirovaniya sudebnoy politologicheskoy ekspertizy // Teoriya i praktika fundamentalnykh i prikladnykh issledovaniy v sfere sudebno-ekspertnoy deyatel'nosti i DNK-registratsii naseleniya Rossiyskoy Federatsii: materialy Mezhd. nauch.-prakt. konferentsii / otv. red. F. G. Aminev. — Novosibirsk, 2023. — S. 104–108.
6. Maylis N. P. Teoriya i praktika sudebnoy ekspertizy v dokazyvanii. — 2-e izd., pererab. i dop. — M.: Yuniti-Dana: Zakon i pravo, 2019. — 255 s.
7. Moiseeva T. F. Spetsialnye znaniya v kompleksnykh ekspertnykh issledovaniyakh // Teoriya i praktika ispolzovaniya spetsialnykh znaniy v raskrytii i rassledovanii prestupleniy: sbornik materialov 50-kh Kriminalisticheskikh chteniy: v 2 ch. Ch. 1. — M., 2009. — S. 347–350.
8. Piskunova E. V. Kriminalisticheskoe obespechenie rassledovaniya prestupleniy v sfere iskusstva: sudebno-iskusstvovedcheskaya ekspertiza: dis. ... kand. yurid. nauk. — M., 2013. — 217 s.
9. Radbil T. B., Yumatov V. A. Lingvisticheskie metody v ekspertnoy deyatel'nosti lingvista: problemy adekvatnosti formulirovok // Materialy II Mezhdunarodnoy konferentsii «Yazyk i metod. Russkiy yazyk v lingvisticheskikh issledovaniyakh XXI veka». — Krakov : Izdatel'stvo Yagellonskogo universiteta, 2014. — S. 107–110.
10. Rossinskaya E. R. Kompleksnye sudebnye ekspertizy: genezis i sovremennoe sostoyanie // Zakon Rossii: opyt, analiz, praktika. — 2023. — № 13. — S. 65–73.
11. Sekerazh T. N., Kuznetsov V. O. Issledovaniya informatsionnykh materialov — aktualnoe napravlenie sudebno-ekspertnoy deyatel'nosti // Zakon. — 2019. — № 10. — S. 80–89.
12. Silantev R. A. O nekotorykh teoreticheskikh obosnovaniyakh destruktologii kak novoy nauchnoy distsipliny // Vestnik MGLU. Gumanitarnye nauki. — 2018. — Vyp. 2 (791). — S. 262–270.
13. Sitnikova A. A. K voprosu o metodologii issledovaniy kultury kak sotsialno-antropologicheskoy sistemy // Sotsiodinamika. — 2015. — № 1. — S. 75–100.
14. Usov A. I., Omelyanyuk G. G., Khaziev Sh. N., Galaeva O. V., Gulevskaya V. V. Sudebnaya etikovedcheskaya ekspertiza — novoe napravlenie sudebno-ekspertnoy deyatel'nosti Minyusta Rossii // Teoriya i praktika sudebnoy ekspertizy. — 2023. — T. 18. — № 3. — S. 6–15.

Правовые механизмы защиты публичных интересов Российской Федерации от трансграничных эффектов ESG-стандартов

Аннотация. В исследовании отмечается, что сформулированные на Западе ESG-стандарты не имеют научного обоснования, служат инструментом конкурентной борьбы против российских компаний, противоречат традиционным российским ценностям. Первый стандарт ESG, основанный на декарбонизации экономики, не связан с задачами охраны окружающей среды, поставленными Президентом России, несет угрозу таким конституционно значимым ценностям / национальным интересам страны, как суверенитет, безопасность и обороноспособность России. Содержание второго западного ESG-стандарта несовместимо с принципами развития здорового общества, включает гендерные перверсии, выдаваемые за новые нормы, несет угрозу национальным интересам, связанным с нравственностью, здоровьем населения, противоречит определенному Президентом России смыслу российской политики, заключающейся в сбережении людей, умножении человеческого капитала как главного богатства России. Третий западный ESG-стандарт, содержащий перечень вопросов нефинансовой отчетности, связанный с раскрытием компаниями информации в сети Интернет, несет угрозу таким национальным интересам, как обороноспособность и безопасность. Правовые механизмы защиты конституционно значимых ценностей России должны основываться на системе поощрения российских экономических структур, обеспечивающих российские национальные интересы, за счет преференций российского государства, российских инвестиционных компаний и фондов. Развитие России может быть устойчивым только в условиях притока всех российских ресурсов, в первую очередь газовых и нефтяных, составляющих основу экономики страны. В основе развития России в качестве приоритетов/стандартов должны лежать национальные/публичные интересы РФ.

Ключевые слова: конституционно значимые ценности; национальные интересы; публичные интересы; ESG-стандарты; трансграничный углеродный налог; декарбонизация; гендерные перверсии; прокси-война; устойчивое развитие; сбережение людей.

Для цитирования: Шулаков А. А. Правовые механизмы защиты публичных интересов Российской Федерации от трансграничных эффектов ESG-стандартов // Актуальные проблемы российского права. — 2024. — Т. 19. — № 10. — С. 167–180. — DOI: 10.17803/1994-1471.2024.167.10.167-180.

© Шулаков А. А., 2024

* Шулаков Андрей Анатольевич, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры международного частного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993
aashulakov@msal.ru

Legal Mechanisms for Protecting the Public Interests of the Russian Federation from the Transboundary Effects of ESG Standards

Andrey A. Shulakov, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Associate Professor, Department of Private International Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation
aashulakov@msal.ru

Abstract. The study notes that ESG standards formulated in the West have no scientific basis, serve as a tool for competitive struggle against Russian companies, and contradict traditional Russian values. The first ESG standard, based on the decarbonization of the economy, does not relate to the environmental protection objectives set by the President of Russia and poses a threat to such constitutionally significant values/national interests of the country as the sovereignty, security and defense capability of Russia. The content of the second Western ESG standard is incompatible with the principles of developing a healthy society. It includes gender perversions presented as new norms, poses a threat to national interests related to morality and public health, and contradicts the meaning of Russian policy defined by the President of Russia, which consists of saving people and increasing human capital as Russia's main wealth. The third Western ESG standard, which contains a list of non-financial reporting issues related to companies' disclosure of information on the Internet, poses a threat to such national interests as defense capability and security. Legal mechanisms for the protection of constitutionally significant values of Russia should be based on a system of incentives for Russian economic structures that ensure Russian national interests, through preferences of the Russian state, Russian investment companies and funds. Russia's development can be sustainable only under conditions of an influx of all Russian resources, primarily gas and oil, which form the basis of the country's economy. The development of Russia should be based on national/public interests of the Russian Federation as priorities/standards.

Keywords: constitutionally significant values; national interests; public interests; ESG standards; transboundary carbon tax; decarbonization; gender perversions; proxy war; sustainable development; saving people.

Cite as: Shulakov AA. Legal Mechanisms for Protecting the Public Interests of the Russian Federation from the Transboundary Effects of ESG Standards. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2024;19(10):167-180. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2024.167.10.167-180

I. Западные ESG-стандарты и национальные/публичные интересы России: дьявол кроется в деталях

Закрепленные в п. 3 ст. 55 Конституции РФ положения о защите основ конституционного строя, нравственности, здоровья, правах и законных интересах других лиц, обеспечении обороны страны и безопасности государства в полной мере перекрывают перечисленные в Указе Президента РФ № 400 (2021) национальные интересы России¹. Эти положения Кон-

ституционный Суд РФ называет публичными интересами / конституционно значимыми ценностями².

Критерии ESG были впервые сформулированы в 2004 г. в качестве рекомендаций для социально ориентированных инвесторов. ESG-рейтинги стали популярны шестью годами позже, а с 2015 г. такие оценки активно использовались инвесторами.

Сама по себе аббревиатура ESG, составленная из правильных слов об экологических, социальных и управленческих аспектах³, не вызывает

¹ См.: Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. 2021. № 27 (ч. II). Ст. 5351.

² См., например: постановление Конституционного Суда РФ от 30.10.2003 № 15-П // Вестник Конституционного Суда РФ. 2003. № 6.

отторжения или какого-то негатива, если не вникать в содержание, вкладываемое в эти стандарты на Западе. В качестве цели учета ESG-факторов предполагается так называемое устойчивое развитие, предусматривающее такую деятельность компаний, которая отвечает потребностям общества, но при этом позволяет не наносить ущерб планете. Зачастую понятия ESG и «устойчивое развитие» используются как синонимы. Основная задача приверженцев ESG — сохранить ресурсы для следующих поколений.

В рамках первого ESG-стандарта — Environment (защита окружающей среды) — из всех видов источников загрязнения окружающей среды (*биологическое, химическое, физическое, механическое*)⁴ в качестве главного загрязнителя выбран выброс промышленного углерода в атмосферу. Подписанный ведущими странами мира в 1997 г. Киотский протокол был направлен на сокращение выбросов парниковых газов, связав эффект от выбросов углекислого газа с потеплением климата на планете. Между тем и в западной науке (петиция американских ученых о глобальном потеплении) 1998 г.)⁵, и в отечественной науке (официальное заявление Российской академии наук в 2004 г.)⁶

отмечается, что теория, лежащая в основе Киотского протокола, *не имеет научного обоснования*. Указывается, что она по своей сути противоречит физике природных процессов и совершенно неверно объясняет влияние на климат антропогенных воздействий. Колебания климатических температур в первую очередь связаны с колебаниями солнечной активности, а не с выбросами углерода. Важно отметить, что эту иную точку зрения на выбросы углерода сторонники Киотского протокола не опровергают, научные доводы, указанные в Петиции американских ученых, не оспаривают. Главный акцент «критики» сводится к недостоверности нескольких подписей, которых в Петиции больше 10 тысяч. Такой прием относится к разряду наиболее используемых средств манипуляции — подмене понятий. Вместо «неудобного» научного факта о солнечной активности, влияющей на климат, вставляется «удобный» — не все подписи участников Петиции верны. Уход сторонников теории потепления от научной дискуссии еще раз доказывает то, что данная теория не имеет обоснованного подтверждения.

В декабре 2012 г. на Всемирной климатической конференции ООН Россия вышла из

³ Под аббревиатурой ESG подразумевают ответственный подход к ведению бизнеса с учетом трех факторов: Environment, social and corporate governance (окружающая среда, социальная сфера и корпоративное управление).

⁴ В мае 2018 г. Президент России В. В. Путин подписал Указ «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года». Одним из инструментов достижения этих целей стал нацпроект «Экология». Ему соответствуют три основные задачи: ликвидация нелегальных свалок, увеличение с 20 до 90 % доли водоканалов, использующих перспективные технологии водоподготовки, и ежегодное восстановление 1,5 млн га леса на месте вырубленного.

⁵ «Петиция о глобальном потеплении / Петиция штата Орегон», подписанная несколькими тысячами американских ученых, призывает правительство Соединенных Штатов отвергнуть Киотский протокол 1997 г.: «Нет убедительных научных доказательств того, что антропогенные выбросы углекислого газа, метана или других парниковых газов вызывают или вызовут в обозримом будущем катастрофический нагрев земной атмосферы и нарушение земного климата. Более того, существуют убедительные научные доказательства того, что увеличение содержания углекислого газа в атмосфере оказывает множество благотворных последствий на естественную растительную и животную среду Земли» (Oregon Petition // URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Oregon_Petition (дата обращения: 11.12.2023)). В связи с указанным противопоставление углекислого газа так называемой зеленой повестке, ассоциируемой с буйной растительностью, представляет собой оксюморон по той причине, что углекислый газ — главный элемент фотосинтеза растений.

⁶ Официальное заключение РАН: Киотский протокол не отвечает интересам России // Известия, 18 мая 2004 г.

Киотского соглашения. Крупнейшие по объему выбросов страны (США, Китай и Индия) вообще никогда не брали на себя обязательств по Киотскому протоколу⁷.

На смену Киотскому протоколу пришло Парижское соглашение, устанавливающее ограничения выбросов парниковых газов, подписанное Россией в 2016 г. Каких-либо санкций в случае недостижения сторонами указанных ими обязательств не установлено. По Парижскому соглашению Россия должна достичь к 2030 г. выбросов парниковых газов не более 70 % от уровня 1990 г. В 2022 г. уровень выбросов парниковых газов из России составил всего 64,9 % от уровня 1990 г.

При этом на Западе не скрывают, что декарбонизация (процесс перехода к низкоуглеродной экономике) служит инструментом конкурентной борьбы против российских компаний. Планируемое к внедрению в ЕС с 2023 г. трансграничное углеродное регулирование, по сути, новый налог на импортируемую продукцию и направлено на «защиту европейских производителей на фоне роста климатической нагрузки на них, а также сбор средств для дополнительного финансирования процесса декарбонизации»⁸. Параметры так называемого углеродного

налога должны быть подготовлены Еврокомиссией и вступить в силу в 2023 г.⁹ Трансграничный углеродный налог — это серьезная нагрузка для российской экономики, т.к. по ряду оценок Россия занимала в 2022 г. второе место в мире после Китая по величине углеродоемкого экспорта в ЕС.

В Китае, занимающем первое место в мире по размерам выбросов CO₂ (на втором месте США, на третьем — Индия), оценивают механизм декарбонизации экономики, активно продвигаемый Западом, как «новый торговый протекционизм», известный также как «гиперторговый протекционизм» или «новый меркантилизм». Основными проявлениями нового западного протекционизма являются такие меры, как зеленые барьеры, технические барьеры, антидемпинг и др. Сторонники нового торгового протекционизма считают, что экологические и ресурсные затраты должны быть включены в стоимость любого продукта и рассчитываться на основе международных экологических стандартов. Это тщательно спроектированный и построенный Западом зеленый барьер¹⁰.

По данным Росстата, доходы от углеводородов (нефти и газа) в федеральном бюджете в последние годы занимают намного более суще-

⁷ Городницкий А. Конец мифа о глобальном потеплении // Регнум. 28 сентября 2019. URL: <https://regnum.ru/article/2732877> (дата обращения: 11.12.2023).

⁸ В соответствии с обзором Ernst & Young (британская аудиторско-консалтинговая компания) предложенный механизм декарбонизации экономики не соответствует нормам ВТО, «но ЕС намерен сгладить данный риск в финальном документе». И в целом такая практика будет распространяться и дальше, прогнозирует Ernst & Young: всё чаще в США заявляют об интересе к инструменту климатического регулирования импорта. В целом в рамках сложившейся модели рынка «ни России, ни другим странам СНГ декарбонизация невыгодна, особенно на этапе постковидного восстановления экономик... Да, можно говорить о несправедливых правилах конкуренции», — признают авторы обзора (Волобуев А., Катков М., Подлинова А. Декарбонизация как инструмент конкурентной борьбы против российских компаний // Ведомости. 15.06.2021. URL: <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2021/06/14/874114-dekarbonizatsiya-posluzhit> (дата обращения: 11.12.2023)).

⁹ Основные показатели и механизмы этого налога войдут в Европейский закон о климате. Трансграничное углеродное регулирование позволяет обеспечить конкурентоспособность сравнительно дорогой продукции, произведенной в Евросоюзе, но с минимальными выбросами CO₂ с товарами из других стран, где используются более дешевые, но углеродоемкие технологии, со значительным выбросом парниковых газов (Волошин И. В., Назарова О. Е. Низкоуглеродное развитие энергетики: угрозы для России и возможности их преодоления // Российский внешнеэкономический вестник. 2022. № 2. С. 5–15).

¹⁰ «При этом западные страны реализуют международные договоры только в том случае, если они отвечают их собственным национальным интересам, и часто ставят внутренние законы выше международных

ственную долю, чем ранее. Из закона о бюджете на 2022–2024 гг. следует, что в 2022 г. поступления от этого сектора обеспечили 38 % всех доходов (9,5 трлн руб. при общих поступлениях 25 трлн руб.). Вместе с тем на сегодняшний день в рамках первого ESG-стандарта продвигаются такие «ценности», как «углеродная нейтральность», «углеродный налог», «зеленая повестка» и т.п. Всё перечисленное предлагается реализовать в такой индустриальной стране, как Россия. В то же время США — самый крупный в мире «загрязнитель» окружающей среды, апологет добычи сланцевой нефти, применения кассетных боеприпасов, разносчик вредных производств по всему земному шару — никаких стандартов не придерживается.

Таким образом, первый стандарт ESG, основанный на декарбонизации экономики, не связан с задачами охраны окружающей среды, поставленными Президентом России, несет угрозу таким конституционно значимым ценностям / национальным интересам страны, как суверенитет, безопасность и обороноспособность России.

Второй ESG-стандарт — Social (социальная сфера) — в своем текущем виде имеет специ-

фику, несовместимую с принципами развития здорового общества, и включает *гендерные извращения, которые выдаются за новые нормы*. Первоначально в основе (Social) лежали принципы, разработанные Леоном Салливаном (член правления General Motors в США) в 1977 г. против режима апартеида, для ведения бизнеса с Южной Африкой. Основным в принципах Салливана являлось увеличение числа чернокожих и других цветных людей на руководящих должностях и др. На сегодняшний день в Social-компонент ESG западных рейтингов включаются еще и такие показатели, как гендер и ЛГБТ. Указанные половые перверсии изначально были спланированы на Западе как один из методов сокращения рождаемости¹¹.

В данный момент показатели «гендер» и «ЛГБТ», в частности, есть в правилах листинга одной из ведущих бирж мира NASDAQ. Компании, чьи акции торгуются на этой площадке, должны иметь в совете директоров минимум одну женщину и представителя недопредставленного меньшинства или ЛГБТ¹². К критериям Social уже добавляются и так называемые репродуктивные права (право на законный и

договоров. Например, согласно разд. 301 Закона США о торговле, Соединенные Штаты могут вводить односторонние торговые санкции против «несправедливой» и «необоснованной» торговой деятельности со стороны зарубежных стран. В последние годы, чтобы защитить свои собственные торговые интересы, Соединенные Штаты неоднократно активировали или угрожали активировать это положение для разрешения торговых споров, открыто оспаривая соответствующие правила ВТО, нанося серьезный ущерб авторитету ВТО и регулируя взаимосвязь между внутренним законодательством и международным правом для других стран» (см.: 新贸易保护主义. Новый торговый протекционизм. 05.07.2022 // URL: <https://www.eservicesgroup.com.cn/news/80431.html> (дата обращения: 11.12.2023)).

¹¹ В 1969 г. в своем обращении к Конгрессу президент США Никсон назвал рост населения «одной из самых серьезных проблем для судьбы человечества» и призвал к неотложным действиям. В том же году вице-президент Международной федерации планирования семьи (МФПС) Фредерик Яффе издал меморандум, в котором «поощрение роста гомосексуализма» числилось как один из методов сокращения рождаемости. Денежные вливания Мура и Рокфеллера активизировали политическую кампанию за признание гомосексуализма нормальным и желанным образом жизни. 17 мая 1990 г. Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) вслед за Американской психиатрической ассоциацией исключила гомосексуальность из международной классификации болезней (МКБ). 12 июля 2022 г. ВОЗ сделала официальное заявление, что «пол не ограничивается только мужским и женским» и организация собирается «обновить свое руководство по учету гендерной проблематики». (История исключения гомосексуализма из списка психиатрических расстройств // URL: <https://pro-lgbt.ru/295/> (дата обращения: 11.12.2023)).

¹² Чекурова М. В. В чем смысл требования NASDAQ включать в советы директоров женщин или представителей меньшинств // Эксперт. URL: https://raexpert.ru/press/articles/chekurova_vtimes_dec2020/ (дата обращения: 11.12.2023).

безопасный аборт, право на контроль над рождаемостью и др.)¹³.

Любая идея фикс может существовать сколько угодно долго, если она пропагандируется, спонсируется и тем более если она получает подтверждение со стороны международных и государственных структур. Управление Обществом с учетом гендерных ЛГБТ-различий означает привлечение к управлению людей безнравственных, потакание вседозволенности и в конечном итоге приведет к разрушению любого управления. Таким образом, навязанные Западом идеологии декарбонизации экономики и ЛГБТ идут параллельно в рамках ESG. Вторая идеология намного страшнее, т.к. позволяет расчеловечить и оскотинить людей задолго до получения результатов от политики деиндустриализации.

Содержание второго западного стандарта ESG несет угрозу конституционно-значимым ценностям / национальным интересам, связанным с нравственностью, здоровьем населения, противоречит определенному Президентом России смыслу российской политики, заключающейся в сбережении людей, умножении человеческого капитала как главного богатства России¹⁴, и обнародованной Президентом РФ В. В. Путиным программе «сбережения и умножения людей в России»¹⁵.

Третий ESG-стандарт — Governance (управление). К данному пункту относится открытость и прозрачность ведения бизнеса, его эффективное структурирование и организа-

ция, ведение бизнеса в соответствии с современными требованиями, к которым относятся, по сути, два указанных выше стандарта (Environment и Social). Подтверждением третьего стандарта должна служить нефинансовая отчетность компаний.

К нефинансовой информации, рекомендуемой компаниям к публикации в Сети, относятся сведения: о стратегии Общества, подходах к управлению, взаимодействию с заинтересованными лицами, о цепочке поставок, совокупности ресурсов, технологий, действий и лиц, обеспечивающих каждый этап создания и реализации товаров и услуг — от поставки материалов и производства до распределения и продажи конечным потребителям, и др.¹⁶

Предлагаемый Западом формат (перечень вопросов) нефинансовой отчетности, связанный с раскрытием компаниями указанной информации в сети Интернет, несет угрозу таким конституционно значимым ценностям / национальным интересам, как обороноспособность и безопасность. Такая информация, размещенная в Сети, позволяет западным спецслужбам легко получить сведения о предприятиях России, обеспечивающих обороноспособность и безопасность страны. В период ведения Западом опосредованной войны (проху war) с Россией к указанным предприятиям относится большинство российских предприятий. Информация, связанная с социальными факторами (нарушение трудовых прав работников, соблюдение прав человека, борьба с коррупцией, коммерческим подкупом

¹³ См.: Отчет Thomson Reuters: ESG как бойкот (ESG as boycott) // Thomson Reuters. 31 May 2023. URL: <https://www.thomsonreuters.com/en-us/posts/esg/state-laws/> (дата обращения: 11.12.2023).

¹⁴ Смысл всей нашей политики — это сбережение людей // Известия. 2 декабря 2016. URL: <https://iz.ru/news/648918> (дата обращения: 11.12.2023).

«Сбережение и приумножение народа России — наша задача на предстоящие десятилетия, и сразу скажу больше: на поколения вперед. Это будущее Русского мира, тысячелетней, вечной России» — из выступления Президента РФ на Пленарном заседании Всемирного русского народного собора 28.11.2023 (URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/72863> (дата обращения: 11.12.2023)).

¹⁵ Указ Президента РФ 29.05.2017 № 240 «Об объявлении в Российской Федерации Десятилетия детства» // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁶ Рекомендации Банка России по учету ESG-факторов (приложение к письму Банка России от 12.07.2021 № ИН-06-28/49 «О рекомендациях по раскрытию публичными акционерными обществами нефинансовой информации, связанной с деятельностью таких обществ») // URL: http://www.cbr.ru/StaticHtml/File/117620/20210712_in-06-28_49.pdf (дата обращения: 11.12.2023).

и подкупом иностранных должностных лиц, вопросы взаимодействия с коренными малочисленными народами и пр.), активно используется западными спецслужбами для вербовки, разжигания социальных и национальных конфликтов и т.п.¹⁷ Передача компанией такой информации международным структурам в рамках «невинных» рекомендаций, как правило, всегда отслеживается российскими правоохранительными органами и на определенном этапе быстро меняющейся в России не в пользу Запада реальности, вне всяких сомнений, повлечет за собой соответствующую ответственность¹⁸. Федеральный закон от 27.11.2023 № 555-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О государственном оборонном заказе»» предусматривает требования особой информационной безопасности и защиты государственной тайны — запрещается размещать информацию о товарах, поставляемых СВР, ФСБ и т.п.

Механизм работы стандартов ESG заключается в том, что различным публичным компаниям даются очки ESG на основании таких параметров, как подсчет меньшинств и женщин, находящихся в правлении компании, продвижение повестки ЛГБТ, подсчет количества углерода, производимого их цепочкой поставок, и т.д. Пользуясь этими характеристиками, основанными на так называемых разнообразии, равенстве, инклюзивности и подчинении «климатическим стандартам», компании даются очки ESG рейтинговым ESG-агентством (Bloomberg, S&P Dow Jones Indices, JUST Capital, MSCI, Refinitiv и др.).

Эти очки ESG определяют количество инвестиционного капитала, доступного компании. Единого подхода к формированию рейтинга нет. Все агентства анализируют открытые данные о компаниях, но считают баллы по-разному. Поэтому ESG-рейтинги разных агентств могут сильно различаться.

Казалось бы, какое отношение к российской реальности имеют надуманные, вредные для России ESG-стандарты? Тем не менее за 20 лет движение ESG превратилось в глобальное явление. Главным фактором здесь является предоставление инвестиционных активов на сумму более 30 трлн долл. США. Основным стимул для компаний — возможность доступа к дешевым финансовым ресурсам США, Канады и стран ЕС, в том числе средствам пенсионных фондов. Этот «стандарт» является самым большим соблазном для компаний, встроенных в западные логистические цепочки. На международных биржах ESG-критерий хотя и не является пока решающим, но может давать дополнительные преимущества. Это и является определяющим.

Вывод. «По мнению ряда экспертов, сегодня ESG — это своего рода оружие массового поражения конкурентов и геополитического управления, причем, в отличие от ядерного арсенала, оружие крайне избирательного действия. ESG с переменным успехом используется и будет использоваться для ограничения суверенитета независимых государств и экономического давления на потенциальных конкурентов и наказания непослушных. Попутно глобальное про-

¹⁷ Так, например, «в перечень заинтересованных лиц для целей раскрытия нефинансовой информации рекомендуется, где это возможно, включать: акционеров; инвесторов; работников; потребителей; поставщиков; местные сообщества; органы власти; социальных партнеров (например, профсоюзы и объединения работодателей), гражданское общество; иных лиц, которые, по мнению Общества, могут являться заинтересованными лицами» (Рекомендации Банка России по учету ESG-факторов (приложение к письму Банка России от 12.07.2021 № ИН-06-28/49 «О рекомендациях по раскрытию публичными акционерными обществами нефинансовой информации, связанной с деятельностью таких обществ». С. 18). Указанный перечень представляет собой готовый и исчерпывающий список лиц, которые могут быть информаторами в данной сфере. Этот подход известен очень давно, является азбукой не только для работников спецслужб, но и для сотрудников безопасности компаний (см., например: *Ронин Р.* Своя разведка. Раздел 2 «Краткая характеристика источников информации» // URL: <https://www.booksite.ru/fulltext/0/001/005/125/014.htm> (дата обращения: 11.12.2023)).

¹⁸ См., например: ФСБ возбудила уголовное дело по факту разглашения коммерческой тайны на «Авто-ВАЗе» // ТАСС от 29.11.2023. URL: <https://tass.ru/proisshestviya/19408675> (дата обращения: 11.12.2023).

движение ESG-концепта откроет дополнительные возможности захвата рынков компаниям “правильных” стран и затруднит конкуренцию для компаний стран, не относящихся к таковым. Таким образом, несмотря на официальную версию, выйдя за пределы стран коллективного Запада, к экологии эта концепция отношения уже не имеет. В реальности речь идет, как всегда, о политической власти, тотальном контроле над финансами и глобализации “как они ее понимают”, т.е. с единственным центром силы. В первую очередь в этом вопросе должен быть абсолютный приоритет национальных интересов и сохранения суверенитета. Так, если ESG в том или ином конкретном случае мешает развитию страны и ее глобальной конкурентоспособности, необходим полный отказ и даже запрет на выполнение таких принципов»¹⁹.

II. ESG-повестка и укрепление энергетической безопасности крупнейшими экономиками мира в условиях современных конфликтов

Китай (первое место в мире по размерам выбросов CO₂ — 30,7 %) увеличивает выбросы углекислого газа и собирается достичь их пика

к 2030 г., а к углеродной нейтральности прийти к 2060 г.²⁰

США. Оба вероятных кандидата на президентских выборах в США от республиканской партии (2024), Дональд Трамп и Рон Десантис, выступают против политики ESG. Трамп указывает на то, что глобальное потепление является мистификацией, зеленый климатический фонд называет «схемой для перераспределения богатства от богатых к бедным странам». Против политики ESG на сегодняшний день выступают обе палаты Конгресса²¹.

Германия. В конце августа 2023 г. энергетический гигант RWE начал демонтировать ветряные турбины в западном регионе Северный Рейн — Вестфалия под добычу 15–20 млн т бурого угля, являющегося самым загрязняющим источником энергии. RWE и правительство Германии оправдывают свои действия борьбой с масштабным энергетическим кризисом. *Министр экономики и борьбы с изменением климата Германии Роберт Хабек назвал расширение угольной карьеры за счет сноса ветряков «правильным решением».* Ссылка испанского подразделения Siemens Energy, занимающегося производством ветряных турбин, на серьезный брак в элементах ветроустановок (на устранение неисправ-

¹⁹ ESG — глобальный механизм влияния на бизнес // ПЛАС. № 2 (288). 09.03.2022. URL: <https://plusworld.ru/journal/2022/plus-2-2022/esg-globalnyj-mehanizm-vliyaniya-na-biznes/> (дата обращения: 11.12.2023).

²⁰ «Регулирующие органы в Азии и Европе применяют разные подходы к инвестиционным фондам, которые фокусируются на инвестициях в окружающую среду, социальную сферу и управление (ESG) в своих соответствующих юрисдикциях. Азиатские регулирующие органы (в частности, Гонконг, Сингапур) больше озабочены управлением рисками. Они не особо заинтересованы в продвижении устойчивых инвестиций. В конечном счете они хотели бы это сделать, но их внимание больше сосредоточено на управлении рисками. Китай взял на себя обязательство достичь пика выбросов углекислого газа к 2030 г. и достичь углеродной нейтральности к 2060 г. Ассоциация по управлению активами Китая — саморегулируемая ассоциация. В КНР главным образом “обеспокоены состоянием своих отраслей”, в частности проблемами затрат и тем, как это может повлиять на прибыльность (Подходы к регулированию ESG, похоже, расходятся в Европе и Азии. (ESG regulatory approaches appear to be diverging in Europe and Asia. Thomson Reuters 20 Jun 2023) // URL: <https://www.thomsonreuters.com/en-us/posts/esg/esg-regulatory-approaches-europe-asia/> (дата обращения: 11.12.2023)).

²¹ В начале 2023 г. обеими палатами Конгресса (федерального парламента США) была принята совместная резолюция, блокирующая применение нового правила федерального министерства труда об учете «климатического фактора» при федеральном государственном инвестировании пенсионных накоплений. Резолюция не вступила в силу, т.к. президент США Дж. Байден, являющийся сторонником ESG, наложил на нее вето (Четвериков А. О. Стандарты анти-ESG: право и практика (элементы зарубежного опыта) // Право и политика. 2023. № 3).

ности в ветряках уйдут годы) подтверждает комплексность принятого в Германии решения²².

В Отчете Института Томсона Рейтер «ESG под угрозой» (2022)²³ отмечено, что «идеальный шторм геополитических, социальных и экономических сил ставит под угрозу экологические, социальные и управленческие (ESG) цели компаний, инвесторов и правительств». Самой мощной и разрушительной силой, по мнению составителей Отчета, является вторжение России на Украину, которое создало острую необходимость укрепления энергетической безопасности и, вероятно, потребует увеличения добычи ископаемого топлива в среднесрочной перспективе. К числу самых важных из сил, оказывающих влияние на ESG, в Отчете указываются:

- 1) война на Украине и связанные с ней высокие цены на энергоресурсы;
- 2) политическая поляризация вопросов ESG в США;
- 3) охлаждение крупнейших инвестиционных компаний к политике ESG²⁴.

Вывод. Идущая с февраля 2022 г. специальная военная операция (СВО) и разгорающийся с октября 2023 г. ближневосточный конфликт создают из-за повышения цен на углеводороды еще более острую необходимость укрепления энергетической безопасности. Это, без всякого сомнения, потребует увеличения добычи ископаемого топлива на длительную перспективу и тем самым, если и не исключит, то на долгие годы отодвинет ESG-повестку. В значительной

степени этому будет способствовать также и переход стран БРИКС на национальные валюты в торговле. Если до 24 февраля 2022 г. (начало СВО) Россия вынужденно должна была заниматься собственной декарбонизацией в силу участия в выстроенной по западным правилам мировой экономике, а 45 % российского экспорта углеводородного сырья, поступавшего в страны ЕС, в перспективе требовали выплат огромного трансграничного углеродного налога, то после объявления России санкций западными странами и отказа западными странами от российских углеводородов такая необходимость исчезла. На сегодняшний день основной объем торговли углеводородным сырьем России идет не через западные страны. В условиях поставленной Западом цели по уничтожению России через уничтожение главным образом ее экономики²⁵ участие самой России в этом процессе путем собственной декарбонизации не является разумным.

III. Правовое регулирование ESG в РФ (основные источники): западные стандарты ESG утратили актуальность в России

А. Федеральный закон от 02.07.2021 № 296-ФЗ «Об ограничении выбросов парниковых газов», вступивший в силу 31 декабря 2021 г., был принят в соответствии с Парижским соглашением по климату. Россия обязалась к 2030 г. сократить объем выбросов парниковых газов

²² См.: В Германии начали демонтировать ветряную электростанцию для расширения угольного карьера. 02.09.2023 // URL: <https://habr.com/ru/news/758504/> (дата обращения: 11.12.2023).

²³ Специальный репортаж: ESG под угрозой // Институт Томсона Рейтер (Special report: ESG under strain. Thomson Reuters Institute). URL: <https://www.thomsonreuters.com/en/reports/esg-under-strain.html> (дата обращения: 11.12.2023).

²⁴ В этой связи в Отчете указана крупнейшая в мире по размеру активов под управлением инвестиционная компания BlackRock, Inc. (штаб-квартира — Нью-Йорк), которая почти наполовину сократила свою поддержку предложений американских акционеров по вопросам ESG. В ходе ежегодного собрания в 2022 г. компания проголосовала лишь за 24 % из них. В мае группа предупредила, что предложения акционеров по ESG становятся слишком предписывающими и что вторжение России в Украину изменило инвестиционные расчеты. К концу 2022 г., т.е. уже после выхода Отчета Института Томсона Рейтер, размер активов под управлением BlackRock, Inc. снизился с 20 до 8,59 трлн долл.

²⁵ Путин: расчет Запада на уничтожение экономики России не оправдался // РИА Новости. 15.12.2022. URL: <https://ria.ru/20221215/putin-1838911293.html> (дата обращения: 11.12.2023).

на 70 % по сравнению с 1990 г. Согласно закону, эмитенты парниковых газов, которые выбрасывают в атмосферу свыше 150 тыс. т загрязняющих веществ, эквивалентных CO₂, должны представить обязательную углеродную отчетность через ГИС «Энергоэффективность». Срок подачи первого отчета — до 1 июля 2023 г. С 2025 г. обязанность отчитываться наступит и у организаций, эмитирующих свыше 50 тыс. т эквивалента CO₂. Отношение к раскрытию ESG-информации у российских компаний сейчас весьма противоречивое, считают эксперты. Из-за санкционной войны эта тема утратила актуальность²⁶.

Б. Законопроект «О публичной нефинансовой отчетности» (подготовлен Минэкономразвития России в 2017 г.) по предложению Президента РФ В. Путина в марте 2023 г. должен учитывать российские реалии: «Предлагаю подумать о ежегодной публикации нефинансовой отчетности для крупных предприятий. В ней будет рассказываться о том, что та или иная компания сделала для общества, для конкретного поселка, города, региона, для своей страны.

Я знаю, подавляющее большинство, практически все имеют такие социальные программы, но о них знают только в узком секторе, давайте сделаем это достоянием всего общества. Это пойдет всем на пользу и будет хорошим примером для всех. Такая отчетность будет способствовать росту авторитета российского бизнеса, усилит его рыночные и общественные позиции» (из выступления В. Путина на съезде РСПП, март 2023 г.).

Отчетность компаний по насущным в России проблемам перед населением страны, а не перед рейтинговыми агентствами означает, что западные ESG-стандарты в будущем законе не просматриваются.

В. Постановление Правительства РФ от 21.09.2021 № 1587 (ред. от 11.03.2023) «Об утверждении критериев проектов устойчивого (в том числе зеленого) развития в Российской Федерации и требований к системе верификации инструментов финансирования устойчивого развития в Российской Федерации».

Тенденции планировавшегося «устойчивого» развития на ESG-стандартах в России раскрыва-

²⁶ «Ведомости. Устойчивое развитие» опросили крупнейших эмитентов парниковых газов, которые должны были отчитаться в 2023 г. Так, организации, входящие в группу компаний ЛУКОЙЛ, отнесенные к регулируемым организациям в соответствии с постановлением Правительства РФ от 14.03.2022 № 355, отчитались в срок. Однако на момент публикации отчетов ни одна из компаний группы не получила ни комментариев по результатам проверки от оператора реестра, ни пожеланий по доработке, сообщила пресс-служба «Лукойла». О сдаче углеродной отчетности в срок рапортовали и в пресс-службе ПАО «Мосэнерго». Представители ПАО «Новатэк» отказались от комментариев. Представители «Газпрома» и «Татнефти» на запрос не ответили. Отношение к раскрытию ESG-информации у крупных игроков рынка сейчас весьма противоречивое. Приоритетными для компаний тепловой генерации сегодня являются более серьезные задачи, связанные с перспективами операционной деятельности, например импортозамещением газовых турбин, а не их модернизацией с точки зрения экологии. Инициатива «РусГидро» и ТГК-1, ранее предпринимавших попытки развиваться в ESG-направлении (реализация продаж зеленых сертификатов в 2021 г.), с конца февраля 2022 г. ожидаемо затухла из-за падения спроса на такие инструменты. Деятельность нефтяных компаний осложнена санкциями, например, на поставку западного оборудования. Поэтому в первую очередь они сконцентрированы на снижении зависимости от западных услуг в экспорте нефти и в целом на налаживании поставок на новые рынки, а не на стандартах ESG. Максимальный штраф за непредставление или несвоевременное представление отчета о выбросах парниковых газов в соответствии с КоАП РФ составляет 500 тыс. руб. Серьезной данную сумму штрафов для компаний назвать сложно (Иванов Ю. Завершена кампания по сбору углеродной отчетности у крупнейших эмитентов парниковых газов // Ведомости. Устойчивое развитие. 26.07.2023. URL: <https://www.vedomosti.ru/esg/regulation/articles/2023/07/26/986955-zavershena-kampaniya-po-sboru-uglerodnoi-otchetnosti-u-krupneishih-emitentov-parnikovih-gazov> (дата обращения: 11.12.2023)).

²⁷ Постановление Правительства РФ от 21.09.2021 № 1587 (ред. от 11.03.2023) «Об утверждении критериев проектов устойчивого (в том числе зеленого) развития в Российской Федерации и требований к системе

ются при сравнении нынешней второй редакции данного постановления с первой недействующей сейчас редакцией постановления от 21.09.2021²⁷.

В частности, в редакции постановления, действовавшей до 11 марта 2023 г., раздел I «Критерии зеленых проектов (таксономия зеленых проектов)» в п. 3.2.2 «Эффективное теплоснабжение и кондиционирование для действующих объектов»²⁸ предусматривал снижение потребления энергии более чем на 20 % (в кВт·ч/м²). В стране, значительная часть территории которой приходится на регионы Крайнего Севера, а ряд районов за Северным полярным кругом, такое «эффективное» теплоснабжение — это спланированная эвтаназия населения. В редакции постановления Правительства РФ от 11.03.2023 данный пункт исключен.

Г. Приказ Министерства здравоохранения Российской Федерации от 14.10.2022 № 668н «Об утверждении Порядка оказания медицинской помощи при психических расстройствах и расстройствах поведения». Приказ вступил в силу 1 июля 2023 г. Согласно документу, сексолог должен оказывать помощь лицам, страдающим психическими расстройствами, свя-

занными с половым развитием и ориентацией, расстройствами половой идентификации и сексуального предпочтения, применять совместно с врачом-психиатром принудительные меры медицинского характера в отношении лиц, страдающих сексуальными расстройствами²⁹.

Таким образом, новый *Порядок оказания медицинской помощи при психических расстройствах и расстройствах поведения, в отличие от МКБ-10, признает психическими расстройствами: расстройства, связанные с половым развитием и ориентацией; расстройства половой идентификации и сексуального предпочтения, ставя тем самым под запрет в России такой стандарт ESG, как продвижение ЛГБТ-повестки.*

Верховный Суд РФ 30 ноября 2023 г., рассмотрев административный иск Минюста, признал «международное общественное движение ЛГБТ» экстремистской организацией и запретил его деятельность на территории России.

Д. Изменения в нацпроекте «Экология», который будет действовать до 2030 г. Теперь национальные цели обобщенно описывают задачи и группируют экологические проблемы в три основных блока: *отходы, воду и воздух*³⁰.

верификации инструментов финансирования устойчивого развития в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

²⁸ Теплоснабжение — обеспечение потребителей тепловой энергии тепловой энергией, теплоносителем, в том числе поддержание мощности (Федеральный закон от 27.07.2010 № 190-ФЗ (ред. от 01.05.2022) «О теплоснабжении»). Теплоснабжение — система централизованного обеспечения теплом зданий и сооружений (отопление — «закрытая система теплоснабжения», горячее водоснабжение — «открытая система теплоснабжения»).

²⁹ В соответствии с п. 6 приложения № 16 к Порядку оказания медицинской помощи при психических расстройствах и расстройствах поведения, утвержденному приказом Министерства здравоохранения РФ от 14.10.2022 № 668н:

«Кабинет осуществляет следующие функции:

1) оказание первичной специализированной медико-санитарной помощи лицам, страдающим психическими расстройствами, связанным с половым развитием и ориентацией, расстройствами половой идентификации и сексуального предпочтения, семейно-сексуальными дисгармониями, сексуальными дисфункциями, не обусловленными органическими нарушениями или другими заболеваниями и состояниями, и сексуальными дисфункциями смешанного генеза (далее соответственно — лица, страдающие сексуальными расстройствами; сексуальные расстройства), а также имеющим риск их развития; 5) применение совместно с врачом-психиатром принудительных мер медицинского характера в отношении лиц, страдающих сексуальными расстройствами».

³⁰ Власти готовят поправки к нацпроекту «Экология». Как сильно он изменится? // URL: <https://trends.rbc.ru/trends/green/5f6328259a7947e0adaf59f5> (дата обращения: 11.12.2023).

К указанному выше необходимо добавить, что на сегодняшний день жесткая координация и управление по внедрению западных ESG-стандартов в России не осуществляются. Главный координатор вопроса декарбонизации России — специальный представитель по связям с международными финансовыми организациями по вопросам устойчивого развития А. Чубайс — по собственному желанию покинул пост 23 марта 2022 г. В этот же день главный «реформатор» российской экономики выехал из страны («удрал из страны», по выражению Президента России).

Вывод. Западные стандарты ESG утратили актуальность в России.

IV. Правовые механизмы защиты от трансграничных эффектов ESG-стандартов

Устойчивым и независимым развитие РФ может быть при выполнении следующих трех условий:

1. Навязываемый Западом социально-экономический порядок, основанный на ESG-стандартах, должен быть исключен в РФ. Негативные последствия от трансграничных эффектов ESG-стандартов для национальных интересов России возможны только тогда, когда этих стандартов, так или иначе, придерживаются. Если страна не хочет негативных эффектов от западных стандартов, — она не следует им, не соблюдает их, не участвует в игре по навязанным, невыгодным для нее правилам. *Из западного механизма ESG может быть заимствована только действенная система поощрения экономических структур. Такое поощрение должно осуществляться только за счет преференций российского государства, российских инвестиционных компаний и фондов.*

2. Развитие России может быть устойчивым только в условиях притока всех российских ресурсов, в первую очередь газовых и нефтяных, составляющих основу экономики страны.

3. В основе развития России в качестве приоритетов/стандартов должны лежать национальные интересы РФ.

Разработка единого российского стандарта, сориентированного на национальные интересы РФ (предложения):

А. Система верификации, готовящаяся в Минэкономразвития с 2022 г., должна быть полностью переориентирована на критерии, связанные с национальными интересами и целями. В этой связи должно быть учтено предложение Президента РФ о ежегодной публикации нефинансовой отчетности для крупных предприятий, где будет рассказываться о том, что та или иная компания сделала для общества, для конкретного поселка, города, региона, для своей страны. Такая информация должна стать достоянием всего общества. С учетом этого в решениях по оценке выполнения компаниями стандартов национальной повестки должны принимать участие не только российские инвестиционные компании и фонды, но и общественные палаты субъектов РФ, общественные палаты (советы) муниципальных образований.

Б. «Залог устойчивости и развития государства — культура и традиции, ценности народов» (Президент РФ В. В. Путин)³¹. Очевидно, что национальный интерес «укрепление традиционных российских духовно-нравственных ценностей, сохранение культурного и исторического наследия народа России» должен быть включен в число вышеуказанных национальных стандартов развития Российской Федерации. *Национальным бизнес в России может счи-*

³¹ См.: Путин заявил о собственном понимании цивилизации у России // РБК. 05.10.2023. URL: <https://www.rbc.ru/politics/05/10/2023/651ec9a89a79474e0619f40d> (дата обращения: 11.12.2023); «Путин назвал Россию открытой страной с самобытной цивилизацией» // Послание Федеральному собранию. 21.02.2023. URL: <https://iz.ru/1473534/2023-02-21/putin-nazval-Rossiiu-otkrytoi-stranoi-s-samobytnoi-tcivilizatsiei> (дата обращения: 11.12.2023).

Цивилизационный критерий в развитии государства поставлен Президентом России на первое место. Такая позиция полностью совпадает с точкой зрения выдающихся российских (И. Ильин, Л. Гумилев, И. Солоневич) и зарубежных (А. Тойнби) ученых.

таться только тогда, когда он инвестирует в национальную культуру.

В. Разработка национальных стандартов развития РФ должна учитывать советские ГОСТы. Указанные ГОСТы задолго до появления на Западе стандартов ESG закрепляли реальное равноправие по целому ряду признаков. Этот опыт необходимо использовать³².

Г. О терминологии. Активно обсуждается не только новое наполнение российских национальных стандартов³³, но и их новая аббревиатура. В частности, вместо ESG предлагается ЭКГ — экология, кадры, государство³⁴. Помимо подражательства, аббревиатуры, подобные ЭКГ, имеют и другие недостатки — охватывают не все нацио-

нальные интересы России, оперируют соподчиненными понятиями (Государство и Кадры и т.п.).

Словосочетание «устойчивое развитие» также не является удачным, поскольку любое планируемое развитие предполагает устойчивость (неустойчивое развитие — это развал). Если аббревиатура в данной сфере действительно необходима, то она должна учитывать национальные стандарты России (НСТ), стандарты НИР (Национальных интересов России) и т.п.

Национальные приоритеты социально-экономического развития РФ должны быть основаны на конституционно значимых для России ценностях, а не на навязываемом Западом «порядке, основанном на правилах». Запад,

³² «В документах советского периода можно найти подтверждение тому, что нефинансовые показатели представляли для государственных органов не меньший интерес, чем сегодня. На законодательном уровне закреплялось равноправие по гендерному и национальному признаку, право на гарантированную оплату труда, материальное обеспечение в старости и в случае потери трудоспособности, а также гарантия государственной охраны интересов матери и ребенка. Следует отметить, что в Советском Союзе внимание уделялось не только социальной ответственности предприятия перед сотрудниками, но и сохранению окружающей среды, о чем свидетельствуют соответствующие информационные блоки в статистических сборниках. 74 % показателей СССР сопоставимы с ключевыми (базовыми) показателями публичной нефинансовой отчетности, которые, в свою очередь, практически полностью совпадают с базовыми индикаторами Российского союза промышленников и предпринимателей РСПП (2008)» (Соловей Т. Н., Иванова Д. С. Нефинансовая отчетность предприятий СССР: актуальность в условиях современной экономики // Международный бухгалтерский учет. 2020. № 10. С. 1162–1181).

³³ См., например: Новости экспертной палаты. Общероссийская общественная организация «Деловая Россия». На форуме «СО.ЗНАНИЕ» специалисты обсудили национальный стандарт ESG. 05.12.2022 // URL: <https://deloros.ru/press-centr/novosti/novosti-ekspertnoy-palaty/na-forume-so-znaniye-spetsialisty-obsudili-natsionalnyy-standart-esg/> (дата обращения: 11.12.2023) ; ESG-стандарты следует подчинить национальным приоритетам. На XIV Международном форуме «Экология» обсудили, что происходит с ESG-повесткой и как в ней развиваться России // Экология России. 06.06.2023. URL: <https://ecologyofrussia.ru/esg-standarty-sleduet-podchinit-natsionalnym-prioritetam/> (дата обращения: 11.12.2023) ; Россия создаст свои экологические стандарты // Ведомости. 05.02.2023. URL: <https://www.vedomosti.ru/ecology/regulation/articles/2022/05/05/921055-Rossiya-sozdast-svoi-ekologicheskie-standarti> (дата обращения: 11.12.2023).

³⁴ «Экология — степень воздействия на окружающую среду, использование наилучших доступных технологий и реализация экологических проектов. Кадры — уровень оплаты труда, собственные социальные и демографические программы, благотворительные проекты. Государство — налоговая история, деловая репутация, социальное инвестирование в регионах присутствия, взаимодействие с бизнес-объединениями. ЭКГ-рейтинг составлен Финансовым университетом при Правительстве РФ и Институтом демографической политики имени Д.И. Менделеева при поддержке полномочного представителя Президента РФ в Центральном федеральном округе И. О. Щеголева, ФНС России, Счетной палаты РФ» (По собственным меркам: в России разработали рейтинг ответственного бизнеса. 22.06.2023 // HSEdaily. URL: <https://daily.hse.ru/post/1219> (дата обращения: 11.12.2023)).

предлагающий такие правила, сразу же предусматривает для себя не только обход, но и фору в этих правилах³⁵. «Эти правила, отмечает Президент РФ В. В. Путин, используются в корыстных целях и меняются когда угодно и как угодно в соответствии с интересами отдельных стран. По сути, это тот же колониализм, только в новой упаковке... И современные колонизаторы, прикрываясь лозунгами демократии и прав человека, продолжают решать свои проблемы за

чужой счет, беззастенчиво выкачивая ресурсы из развивающихся стран»³⁶.

Колониальные схемы (в том числе и стандарты ESG), используемые Западом против других стран, всегда представляют собой одну и ту же нехитрую комбинацию: «стеклянные бусы туземцам» в обмен на реальные богатства. В качестве современных «бус» сейчас выступает печатаемый в США доллар, которым Запад обеспечивает любые свои проекты.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Волобуев А., Катков М., Подлинова А. Декарбонизация как инструмент конкурентной борьбы против российских компаний // Ведомости. — 15.06.2021. — URL: <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2021/06/14/874114-dekarbonizatsiya-posluzhit> (дата обращения: 11.12.2023).
2. Городницкий А. Конец мифа о глобальном потеплении // Регнум. — 28.09.2019. — URL: <https://regnum.ru/article/2732877> (дата обращения: 11.12.2023).
3. Соловей Т. Н., Иванова Д. С. Нефинансовая отчетность предприятий СССР: актуальность в условиях современной экономики // Международный бухгалтерский учет. — 2020. — № 10. — С. 1162–1181.
4. Чекурова М. В. В чем смысл требования NASDAQ включать в советы директоров женщин или представителей меньшинств // Эксперт. — URL: https://raexpert.ru/press/articles/chekurova_vtimes_dec2020/ (дата обращения: 11.12.2023).
5. Четвериков А. О. Стандарты анти-ESG: право и практика (элементы зарубежного опыта) // Право и политика. — 2023. — № 3. — С. 41–56.

Материал поступил в редакцию 20 декабря 2023 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Volobuev A., Katkov M., Podlinova A. Dekarbonizatsiya kak instrument konkurentnoy borby protiv rossiyskikh kompaniy // Vedomosti. — 15.06.2021. — URL: <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2021/06/14/874114-dekarbonizatsiya-posluzhit> (data obrashcheniya: 11.12.2023).
2. Gorodnitskiy A. Konets mifa o globalnom poteplenii // Regnum. — 28.09.2019. — URL: <https://regnum.ru/article/2732877> (data obrashcheniya: 11.12.2023).
3. Solovey T. N., Ivanova D. S. Nefinansovaya otchetnost predpriyatiy SSSR: aktualnost v usloviyakh sovremennoy ekonomiki // Mezhdunarodnyy bukhgalterskiy uchët. — 2020. — № 10. — S. 1162–1181.
4. Chekurova M. V. V chem smysl trebovaniya NASDAQ vklyuchat v sovery direktorov zhenshchin ili predstaviteley menshinstv // Ekspert. — URL: https://raexpert.ru/press/articles/chekurova_vtimes_dec2020/ (data obrashcheniya: 11.12.2023).
5. Chetverikov A. O. Standarty anti-ESG: pravo i praktika (elementy zarubezhnogo opyta) // Pravo i politika. — 2023. — № 3. — S. 41–56.

³⁵ Например, покупка квот по Киотскому протоколу, предусматривающая дисбаланс между богатыми индустриальными и неиндустриальными государствами.

³⁶ Путин выступил с обвинением в адрес «золотого миллиарда» // Life. 24 августа 2023, 12:05. URL: <https://life.ru/p/1602644> (дата обращения: 11.12.2023).

Институт капелланов и религиозные обряды в парламентах

Аннотация. В статье анализируется правовое положение капелланов в структуре парламентов ряда зарубежных стран и особенности применения религиозных обрядов во время сессий парламента. Выделяется несколько форм религиозного присутствия в законодательной деятельности. Во-первых, практика прочтения молитв в начале пленарных заседаний и организации проведения других религиозных служб, во-вторых, возможно наличие постоянно присутствующих в работе законодательного органа религиозных служителей — капелланов. Отмечается, что полноценный институт капелланов существует только в США и Великобритании. Авторы указывают на то, что капелланы не оказывают значительного влияния на политические решения членов парламентов, так как выполняют в большей степени организационные функции, при этом они могут воздействовать на мнение общественности в периоды каких-либо важных событий в стране. Свои выводы авторы подкрепляют примерами из истории и судебной практики, посвященной развитию института капелланов в США и Великобритании.

Ключевые слова: религиозные служители; парламент; право; религия; капелланы; религиозные обряды; молитвы; политика; свобода вероисповедания; Великобритания; США.

Для цитирования: Пибаетов И. А., Педань С. В. Институт капелланов и религиозные обряды в парламентах // Актуальные проблемы российского права. — 2024. — Т. 19. — № 10. — С. 181–190. — DOI: 10.17803/1994-1471.2024.167.10.181-190.

Благодарности. Научное исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда № 23-78-01013 по результатам конкурса 2023 г. «Проведение инициативных исследований молодыми учеными», проведенного в рамках Президентской программы исследовательских проектов, реализуемых ведущими учеными, в том числе молодыми учеными (<https://rscf.ru/project/23-78-01013/>).

© Пибаетов И. А., Педань С. В., 2024

* Пибаетов Игорь Александрович, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Волго-Вятского института (филиала) Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Московская ул., д. 30, г. Киров, Россия, 610000
igor-pibayev@mail.ru

** Педань София Владимировна, студент Волго-Вятского института (филиала) Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Московская ул., д. 30, г. Киров, Россия, 610000
sofiapedan8@gmail.com

The Institution of Chaplains and Religious Rites in Parliaments

Igor A. Pibaev, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Associate Professor, Department of State and Legal Disciplines, Volga-Vyatka Institute (Branch), Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Kirov, Russian Federation
igor-pibayev@mail.ru

Sofia V. Pedan, Student, Volga-Vyatka Institute (Branch), Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Kirov, Russian Federation
sofiapedan8@gmail.com

Abstract. The paper analyzes the legal status of chaplains in the structure of parliaments of a number of foreign countries and the peculiarities of religious rites during parliamentary sessions. Several forms of religious presence in legislative activity are distinguished. Firstly, the practice of prayers at the beginning of plenary sessions and organizing other religious services; secondly, it is possible to have religious ministers — chaplains — constantly present during the work of the legislative body. It is noted that a full-fledged institution of chaplains exists only in the USA and Great Britain. The authors point out that chaplains do not have a significant influence on political decisions of members of parliament, since they perform more organizational functions, but they can influence public opinion during periods of important events in the country. The authors support their conclusions with examples from history and judicial practice devoted to the development of the institution of chaplains in the USA and Great Britain.

Keywords: cleric; parliament; law; religion; chaplains; religious rites; prayers; politics; freedom of religion; Great Britain; USA.

Cite as: Pibaev IA, Pedan SV. The Institution of Chaplains and Religious Rites in Parliaments. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2024;19(10):181-190. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2024.167.10.181-190

Acknowledgements. The Russian Science Foundation supports the scientific research, grant No. 23-78-01013, following the results of the 2023 competition «Conducting initiative research by young scientists», carried out within the framework of the Presidential program of research projects implemented by leading scientists, including young scientists (<https://rscf.ru/project/23-78-01013/>).

Введение

Вопрос о правовом положении капелланов в структуре парламентов ряда зарубежных стран и их влияние на проводимую политику органами государственной власти является одним из наиболее сложных в научном направлении, исследующем правовое регулирование отношений между государством и религиозными объединениями. Бесспорно, взаимовлияние политической сферы и религии можно обнаружить на любой стадии общественного развития, при этом степень и характер такого воздействия друг на друга различен. На

современном этапе развития многие государства придерживаются принципа светскости, предусматривающего отделение религиозных объединений от государства, соответственно, решения органов государственной власти основываются на нормах права и не могут быть религиозно обоснованными, но и исключать присутствие религиозных явлений в политической жизни нельзя¹. Вообще, присутствие в политических действиях и движениях каких-либо религиозных обрядов — далеко не случайное явление.

Религия накладывает отпечаток на политическое сознание людей и влияет на формирование

¹ См.: Пибеев И. А. Конституционно-правовое регулирование статуса религиозных служителей // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2022. № 57. С. 454–475. DOI: 10.17072/1995-4190-2022-57-454-475.

их политической культуры, так как человеческие представления о правде и справедливости находятся в тесной связи с религиозными представлениями, и это играет немалую роль при определении направлений в политике большинства стран.

Религиозное присутствие в законодательной деятельности

Анализ нормативных правовых актов и практической деятельности парламентов разных стран показал, что существует несколько форм религиозного присутствия в законодательной деятельности.

Во-первых, практика прочтения молитв в начале пленарных заседаний и организации проведения других религиозных служб в парламентах (Ирландия, Австралия, Канада, ЮАР). Причем в некоторых странах даже закреплена нормативно возможность участия религиозных служителей как приглашенных лиц в работе законодательного органа. Например, в соответствии с ч. 2 ст. 50 Закона Румынии № 489 от 28.12.2006 (с попр. 2014 г.) «О свободе религии и общем режиме религиозных объединений»² представители религиозных культов имеют право участвовать в качестве гостей в обсуждении в парламенте и его комиссиях проектов нормативных актов о религиозной жизни, о деятельности культов, об образовании и конфессиональном воспитании, о социальной помощи и о национальном наследии религиозных конфессий.

Во-вторых, парламенты многих стран могут проводить некоторые религиозные обряды перед открытием ежегодных сессий (Дания, Эстония, Финляндия, Грузия, Германия, Исландия, Ирландия, Израиль, Новая Зеландия, Норвегия, Литва, Лихтенштейн). В отдельных стра-

нах в законодательных органах есть часовни и молитвенные комнаты. В шведском Риксдаге есть часовня и молитвенная комната, как и в Великобритании. В Кнессете Израиля есть синагога и молитвенная комната, а в Турции — мечеть.

В странах, относящихся к первой и ко второй группе, совершение религиозного обряда, богослужения или, наоборот, отказ в проведении может рассматриваться как политическое решение. Так, в Лихтенштейне архиепископ Вадуца служит традиционную мессу перед открытием очередной сессии парламента княжества. В декабре 2022 г. в знак протеста против закона об однополых браках в Лихтенштейне архиепископ Вадуца Вольфганг Хаас отменил традиционное богослужение. По словам архиепископа, он принял такое решение из-за позиции подавляющего большинства парламентариев, которая противоречит важнейшему положению христианской этики. В таких обстоятельствах служение мессы теряет всякий смысл. Хаас уверен, что введение так называемого брака для всех приведет к прорыву моральной плотины, в том числе и в образовательной сфере³.

В-третьих, в ряде стран существует институт капелланов парламента — постоянно участвующих в работе законодательного органа религиозных служителей (Великобритания, США).

Существуют, конечно, особенные ситуации. В теократическом государстве, таком как Иран, политические и религиозные вопросы тесно соединены — это прослеживается даже в процедуре формирования Исламского консультативного совета, являющегося однопалатным парламентом. Кандидаты, участвующие в выборах Исламского совета, должны быть одобрены Министерством внутренних дел и Советом стражей Конституции⁴. Для получения одобрения кандидат должен соответствовать всем десяти требованиям, определенным статьей 30 Закона

² Legea № 489/2006 privind libertatea religioasa si regimul general al cultelor // Monitorul Oficial. Partea I. 08.01.2007. № 11. URL: https://www.dreptonline.ro/legislatie/lege_libertate_religioasa_regimul_cultelor.php.

³ Zeichen gegen «Homo»-Ehe: Liechtensteiner Erzbischof sagt traditionellen Parlamentsgottesdienst ab // URL: <https://www.katholisch.de/artikel/42596-wegen-oeffnung-der-ehe-erzbischof-haas-sagt-parlaments-messe-ab> (дата обращения: 18.10.2023).

⁴ Совет стражей состоит из 12 членов, 6 из которых (представители исламского духовенства) назначаются рахбаром, а другие 6 (юристы) — парламентом.

«О выборах исламского совета», среди которых обязательная приверженность исламу⁵. Кроме того, в соответствии со ст. 64 Конституции Исламской Республики Иран пять мест зарезервировано для представителей религиозных меньшинств: один депутат для зороастрийцев, один для иудеев, один совместный представитель от ассирийских и халдейских христиан и по одному от армян-христиан с севера и юга страны. Для них установлен отдельный порядок принесения присяги (ст. 67 Конституции Ирана): если все остальные депутаты, представляющие мусульман-шиитов (или меньшинство суннитов) приносят ее перед Кораном, то они это делают перед своими священными книгами: Авестой, Евангелием или Торой. Изложенные положения, конечно, не свидетельствуют о постоянном совершении религиозных обрядов и церемоний в работе законодательного органа, но подчеркивают приверженность депутатов религиозным ценностям своей группы и следование им в ходе законодательной деятельности.

Таким образом, отметим неоднозначность подходов к вопросу взаимопроникновения политической и духовной жизни общества. Страны можно разделить на тех, кто поощряет проведение различных религиозных обрядов на заседаниях в парламенте, и на тех, кто относится к этому явлению отрицательно и не желает смешивать религию и политику.

Хотя стремление дистанцироваться в работе представительного органа от религиозных обрядов отмечается и в странах с сильным религиозным влиянием, прежде всего исламским. Так,

согласно ст. 2 Конституции Египта ислам является официальной религией, а принципы исламского шариата — основным источником законодательства⁶. В 2012 г. на очередном заседании Народного собрания Египта один из членов радикальной исламистской фракции поднялся и стал распевать призыв к молитве. Спикер сразу же остановил его: «Рядом с парламентом есть мечеть, идите и там молитесь. Вы не более религиозны, чем мы все, и мы не хуже вас соблюдаем молитвенные правила. Но данное помещение предназначено для дискуссий»⁷.

В 2011 г. в Киргизии требования уважать право депутатов, являющихся мусульманами, на пятничные молитвы и, соответственно, изменить время и порядок заседаний парламента встретили сопротивление ввиду противоречия светскому характеру государства — «государство служит интересам общества и должно оставаться нейтральным перед всеми религиями. Это статус, который определяется конституцией и не должен игнорироваться»⁸.

Различные религиозные обряды в таких странах имеют большое значение в повседневной жизни и носят в определенные моменты обязательный характер. Но в процессе заседания парламента специальное время для проведения религиозных обрядов (молитв) не отводится, что указывает на четкое разделение двух сфер жизни общества — политической и духовной, которые не могут сосуществовать вместе в тех случаях, когда в одном месте важен только закон, а в другом — только вера и внутренние убеждения.

⁵ «Убежденность и взятие на себя практических обязательств ислама». Таким образом, подчеркивается, что кандидаты должны не только формально отождествлять себя с категорией верующих людей, но и на практике доказывать свою приверженность религии посредством выполнения предписываемых ею действий и воздержания от недозволенного.

Цит. по: *Вылцан С. Е.* Правовая основа формирования и функционирования Меджлиса исламского совета Исламской Республики Иран // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2021. № 5. С. 24.

⁶ Конституция Египта 2014 г. (с изм., внесенными в 2019 г.) // URL: https://www.constituteproject.org/constitution/Egypt_2019?lang=en (дата обращения: 18.10.2023).

⁷ Egyptian Salafi MP calls to prayer in parliament session, met with anger // URL: <https://english.alarabiya.net/articles/2012/02/07/193234> (дата обращения: 27.10.2023).

⁸ Kyrgyzstan: Prayer Row Pits Civil Society against Parliament // URL: <https://eurasianet.org/kyrgyzstan-prayer-row-pits-civil-society-against-parliament> (дата обращения: 27.10.2023).

Вместе с тем особый интерес в нашем исследовании представляет правовое положение капелланов в парламентах. В настоящее время такие должностные лица присутствуют в Конгрессе США и Парламенте Великобритании для сопровождения всех официальных церемоний и оказания «духовной помощи» членам парламента и их семьям. Рассмотрим подробнее подходы данных стран, так как именно на их примере можно проследить функции капелланов в парламентах и их влияние на законотворческую деятельность политиков.

Капелланы в Конгрессе Соединенных Штатов Америки

Официальными религиозными служителями Конгресса США являются два капеллана — один в палате представителей, другой в сенате. Они входят в число избранных должностных лиц своих соответствующих палат. Важно отметить, что Конгресс избирает капелланов как отдельных лиц, а не как представителей каких-либо религиозных органов или конфессиональных организаций, что достаточно важно для принципа светскости и свободы вероисповедания, закрепленных первой поправкой к Конституции США. Капелланы, вне зависимости от того, к какой палате относятся, выполняют церемониальные, символические и пастырские обязанности. Они открывают ежедневные заседания в палатах молитвой; служат духовными советниками для членов Конгресса, их семей и персонала; проводят изучение Библии, дискуссионные сессии и молитвенные собрания.

Отличие двух капелланов проявляется в процедуре избрания их на должность. Капеллана нижней палаты избирает сама палата представителей. Данное полномочие они объясняют ссылкой на первую половину ст. 1, разд. 2, п. 5 Конституции Соединенных Штатов, которая

дает ей право избирать капеллана: «Палата представителей выбирает своего спикера и других должностных лиц»⁹. Капеллан палаты представителей избирается сроком на два года. Капеллан сената также избирается большинством голосов членов соответствующей палатой Конгресса по резолюции о выдвижении лица на эту должность. Но если в нижней палате срок полномочий капеллана ограничен, в верхней палате, напротив, избранному капеллану не обязательно переизбираться в начале нового созыва Конгресса. К примеру, нынешний капеллан сената Барри С. Блэк был избран еще в 2003 г. Какого-либо единого официального нормативного акта, регулирующего деятельность капелланов в Парламенте США, не принято. Так, наличие обязательного института капелланов предусмотрено в Правилах палат, а их основные обязанности больше носят характер обычая, нежели нормы. Так, из этих же Правил вытекает и главная функция капелланов в палатах — чтение молитв перед каждым заседанием. Данное положение вытекает из ч. 1 п. «а» разд. 4 Правил сената, регламентирующих начало ежедневных сессий («Председательствующее должностное лицо, занявшее кресло, после молитвы капеллана и после того, как Председательствующее должностное лицо или сенатор...»), из ч. 2 разд. 4 (приостановление непрерывной сессии для молитвы капеллана¹⁰), п. 2 разд. 7 Правил палаты представителей США (ежедневная молитва капеллана), разд. 14 Правил палаты представителей США, где регламентируется приоритетность дел во время сессии — в данном разделе молитва капеллана стоит на первом месте¹¹.

Важно отметить, что капелланы двух палат Парламента США за весь период своего существования принадлежали к различным христианским конфессиям (рис. 1), при этом ограничений на эту должность для членов какой-либо религии или религиозной группы в правилах

⁹ Отчет Конгресса: Т. 110 «Разные исторические данные о капелланах в палате представителей Соединенных Штатов». Вашингтон, 1964. С. 3176–3178.

¹⁰ Rules of the Senate // URL: <https://www.rules.senate.gov/rules-of-the-senate> (дата обращения: 18.10.2023).

¹¹ Rules of Procedure of the House of Representatives // URL: https://virtual-congress.fandom.com/wiki/Rules_of_Procedure_of_the_House_of_Representatives (дата обращения: 18.10.2023).

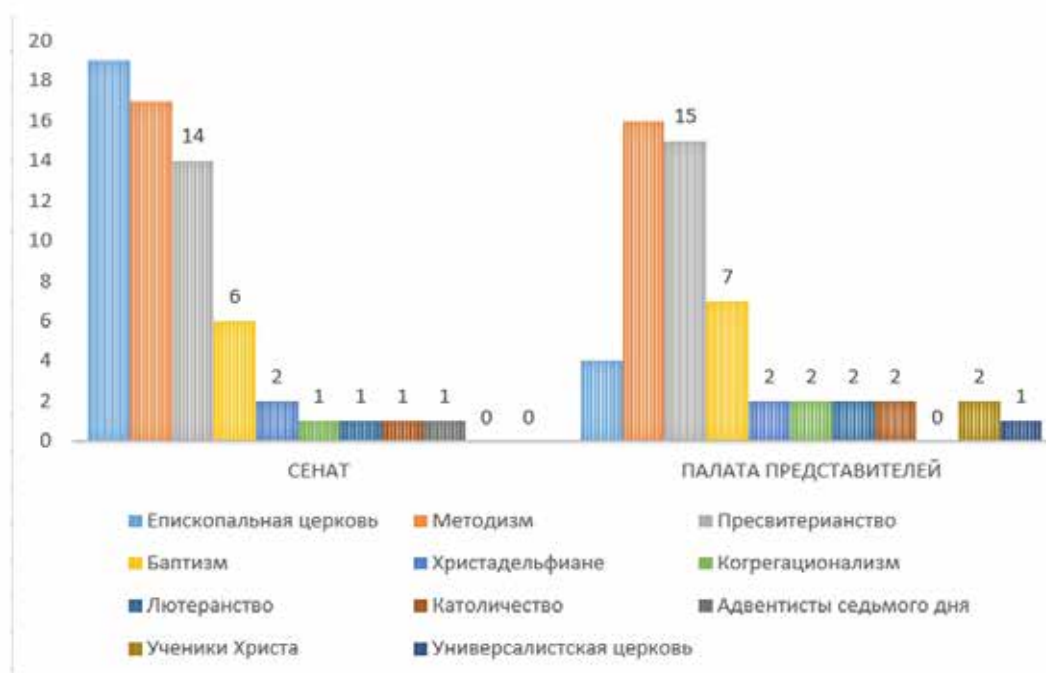

Рис. 1. Религиозная принадлежность капелланов Парламента США с момента их создания и до настоящего времени (Источник: офиц. сайт сената США (<https://www.senate.gov/about/officers-staff/chaplain.htm>) и палаты представителей США (<https://www.house.gov>))

палат также не предусмотрено. Не редки и приглашенные капелланы, рекомендованные членами палат для произнесения вступительной молитвы. Такие приглашенные капелланы относились к различным религиозным группам, включая иудаизм и ислам.

Обязанности капелланов в Конгрессе США в двух палатах идентичны. Сенатор США с 1959 по 2010 г. Роберт К. Берд отмечает следующее: «Обязанности, которые выполняют капелланы <...> не все записаны, но они многочисленны и развивались на протяжении веков»¹². В основном полномочия капелланов сводятся к чтению молитв, пастырской заботе о членах парламента и членах их семей, председательствование на похоронах и поминальных службах, прием других религиозных деятелей, представление сената перед различными религиозными группами. К примеру, капеллан сената в январе

2020 г. на второй день проведения процедуры импичмента по отношению к Дональду Трампу выступил с молитвой во благо вежливости и справедливости¹³. Необходимость произнесения молитвы капеллан увидел после того, как главный судья Джон Робертс сделал выговор двум противоборствующим сторонам в данной процедуре после их ожесточенных споров. Его молитва содержала следующее: «Поскольку наши законодатели стали присяжными, напомните им, что всё, что они делают, должно быть сделано для вашей славы. Помогите им вспомнить, что патриоты живут по обе стороны прохода, что слова имеют последствия и что то, как что-то говорится, может быть так же важно, как и то, что говорится. Дайте им вежливость, построенную на честности, которая приносит последовательность в их убеждениях и действиях».

¹² См.: Byrd R. The Senate, 1789–1989. Vol. 2. 1982. P. 491–508.

¹³ Senate chaplain PRAYS for civility as impeachment trial opens after Chief Justice John Roberts rebuked House managers and Donald Trump's defense for ugly late-night clashes // URL: <https://www.dailymail.co.uk/news/article-7917579/Senate-chaplain-PRAYS-civility-impeachment-trial-opens.html> (дата обращения: 19.10.2023).

В глазах жителей такие действия подкрепляют веру в то, что справедливость всегда будет достигнута, при этом веру подкрепляет еще и то, что «недостатки» в некоторых аспектах проводимой Конгрессом политики видит не просто рядовой гражданин, а приближенный к Конгрессу.

Не вызывает сомнений тот факт, что капеллан является советником самых влиятельных людей в правительстве Соединенных Штатов по моральным, духовным и этическим вопросам. Члены Конгресса США могут советоваться по тем вопросам, которые напрямую могут повлиять на проводимую ими политику, поменять мнение в том или ином вопросе, которые влияют на жизнь миллионов людей в Соединенных Штатах и за рубежом. Роль капеллана как советника отмечал и бывший капеллан палаты представителей Патрик Конрой. При занятии своей должности он говорил, что одной из его целей на посту капеллана будет «помочь членам Парламента и персоналу различать, какие побуждения исходят от Бога, а какие исходят от них...»¹⁴. И это главная цель, которой должны руководствоваться политики при разработке текущего направления развития страны. Безусловно, почти по любому вопросу, который обсуждается в палатах, есть библейские аспекты, их можно обсудить в исследовательских группах, которые как раз и создаются капелланом. К примеру, при обсуждении законопроекта о здравоохранении нынешним капелланом сената Барри Блэком была создана исследовательская группа, где присутствовали сторонники двух подходов. С религиозной, этической и нравственной сторон жизни затрагивались такие вопросы, как правильность эвтаназии, аборт¹⁵. И здесь важно понимать, что капеллан в таких случаях высказывает не свое личное

мнение, а оценивает те или иные политические решения с позиции религиозных аспектов: позволяет ли та или иная религия так делать, как воспримут это верующие люди и т.д. Получается, капелланы влияют на принятие политически важных решений с позиции нравственности¹⁶. Такое влияние подвергалось всевозможной критике как в самом Конгрессе, так и в судебных инстанциях. В первую очередь обсуждалась конституционность такого института в парламенте.

С одной стороны, многие ученые США приходят к выводу, что наличие таких «советников» нарушает разделение религиозных объединений и государства. Интересны размышления бывшего Президента США Дж. Мэдисона. Он был уверен, что учреждение капелланов в Конгрессе является явным нарушением равноправия, а также конституционных принципов: капелланы, избранные большинством, ущемляют в правах тех членов, чьи убеждения и совесть не позволяют такое богослужение. Мэдисон также видел проблему капелланов в том, что не все религиозные объединения могли бы хоть когда-то быть избраны в капелланы из-за своей немногочисленности: «Мог ли католический священник когда-либо надеяться на назначение капелланом? Сказать, что его религиозные принципы отвратительны или что его община невелика, значит сразу же устранить зло и продемонстрировать в его неприкрытом уродстве учение о том, что религиозная истина должна проверяться числами или что основные общины имеют право управлять другими»¹⁷.

Стоит отметить, что конституционность молитв капелланов была подтверждена в 1983 г. Верховным судом США в деле «Марш против Чемберса»¹⁸. Суд сослался на практику, восходя-

¹⁴ Patrick J. Conroy // URL: https://ru.wikibrief.org/wiki/Patrick_J._Conroy (дата обращения: 19.10.2023).

¹⁵ Senate Chaplain: Religious Leader For Secular Flock // URL: <https://www.npr.org/2010/01/22/122872399/senate-chaplain-religious-leader-for-secular-flock> (дата обращения: 01.10.2023).

¹⁶ Макарова О. Ю. Опыт нравственного и патриотического воспитания в гражданской и военной образовательной системе США // Образование и саморазвитие. 2011. № 6 (28). С. 202.

¹⁷ См.: Lund C. C. The Congressional Chaplaincies (August 14, 2008) // William & Mary Bill of Rights Journal. 2009. Vol. 17. P. 1171.

¹⁸ Marsh v. Chambers, 463 США 783, 791 (1983) // URL: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.2010c725-6429dab0-69dfefdd-74722d776562/https/supreme.justia.com/cases/federal/us/463/783/#791 (дата обращения: 19.10.2023).

щую к Континентальному конгрессу в 1774 г., и отметил, что обычай чтения молитв представителями религиозных объединений «глубоко укоренился в истории и традициях этой страны» с колониальных времен. Кроме того, Верховный суд США постановил, что использование молитвы «стало частью структуры нашего общества», сосуществуя со свободой вероисповедания.

На традицию присутствия капелланов в Парламенте США сослался и Федеральный суд города Вашингтон в 2002 г. при рассмотрении иска калифорнийского атеиста Майкла Ньюдоу, который требовал упразднить институт капелланов в Конгрессе. По его мнению, присутствие в законодательном органе США священнослужителей, получающих зарплату, противоречит конституции страны, закрепляющей светский характер государства. Американский центр закона и справедливости потребовал от федерального суда города Вашингтон отклонить данный иск. Такое заявление подписали 22 конгрессмена — 16 членов палаты представителей и 6 сенаторов. По мнению авторов заявления, наличие в Конгрессе капелланов, получающих зарплату от государства, не противоречит первой поправке к Конституции США, запрещающей введение какой-либо официальной религии. В итоге суд встал на сторону Американского центра закона и справедливости, отметив, что «капелланы работают в Конгрессе со времени его учреждения в XVIII веке»¹⁹.

Таким образом, исходя из приведенных нормативных положений, решений судов и практических примеров деятельности, полномочия капелланов в Парламенте США можно классифицировать на четыре группы:

1. Полномочия, связанные с проведением пленарных заседаний (открытие ежедневной сессии в парламенте).

2. Полномочия, связанные с проведением религиозных обрядов для парламентариев в повседневной жизни (председательствование

на похоронах, пастырская забота, присутствие на венчании и др.).

3. Полномочия, связанные с духовным консультированием парламентариев в рамках ежедневных сессий (обсуждение законопроекта с точки зрения морали и религии, дача устных консультаций по поводу тех или иных действий на публичных мероприятиях и др.).

4. Полномочия, связанные с участием в официальных мероприятиях (выступления перед обществом в период важных политических, экономических и социальных событий, встреча с представителями других государств, посещение различных государственных учреждений).

Капелланы в Парламенте Соединенного Королевства

За религиозные обряды в Парламенте Великобритании отвечает капеллан спикера палаты общин. Он проводит ежедневные молитвы в палате общин, еженедельную евхаристическую службу в часовне, служение на свадьбах, крещение членов парламента и их семей, а также обеспечивает пастырское попечение членов и сотрудников в Вестминстере. Первоначально капеллан в палате общин рассматривался как человек, присланный церковью для совершения какой-либо церемонии, в связи с чем сотрудником парламента он не считался и заработную плату не получал. Единственной привилегией от проведения религиозных обрядов в парламенте являлось повышение шансов на занятие более высокого поста в церковной иерархии²⁰. Только после принятия рекомендации Специального комитета покончить с традицией преференций и начать выплачивать капеллану зарплату капелланы палаты общин стали сотрудниками парламента. Их тарифная ставка не раскрывается, но, по данным СМИ, может равняться 84 144 фунтам стерлингов в год (примерно 102 656 долл. США), как и вся базовая зарплата

¹⁹ Конгрессмены требуют сохранить институт капелланов в Конгрессе // URL: https://ruskline.ru/news_rl/2002/11/29/kongressmeny_trebuyut_sohranit_institut_kapellanov_v_kongresse (дата обращения: 19.10.2023).

²⁰ Speaker's chaplain // URL: <https://www.parliament.uk/business/commons/the-speaker/supporting-the-speaker/speakers-chaplain/> (дата обращения: 19.03.2023).

членов палаты²¹. Для сравнения: в США капеллан сената получает 161 000 долл. США в год, что считается самой низкой ставкой в парламенте²².

Отметим, что какого-либо законодательного акта, регламентирующего присутствие капеллана в Парламенте Великобритании, не предусмотрено, поэтому их должностные обязанности также регулируются внутренними правилами. Основная роль капеллана в палате общин заключается в чтении молитвы перед открытием сессии. Данная обязанность вытекает из Правил палаты общин (Постоянные приказы), принятых в 2019 г. Так, в ст. 8 и 9 Правил отмечается, что каждый член палаты может закрепить за собой место перед заседанием не раньше, чем начнется час молитвы. При этом в ст. 19 Правил отмечается, что любые процедуры о внесении новых предписаний, выполнении каких-либо распоряжений необходимо начинать только после молитвы²³. Тем самым данными положениями подчеркивается обязательный характер такой процедуры, как произнесение молитв перед каждым новым рабочим днем, к тому же в данном регламенте упоминается только сама молитва, но не тот, кто ее проводит. Присутствие капеллана при произнесении молитвы является не столько нормативным предписанием, сколько обычаем, ведь данный институт Великобритании ведет свою историю еще с XVI в.

В повседневной жизни либо в значимых политических мероприятиях капеллан не так активен, как это бывает в Америке. К примеру, многие СМИ пишут, что новый капеллан спикера, Патриция Хиллас, избранная на данную должность в 2020 г., наиболее заметна, когда присоединяется к процессии спикера и проводит ежедневные молитвы в зале палаты общин. Думаем, в этом основное отличие института капелланов в двух странах. В США роль капеллана направлена не столько на внутренние религиозные церемонии, сколько на работу с общественностью, то есть

при всех значимых событиях капелланы двух палат могут давать свои комментарии, выступать перед народом, читая молитвы, тем самым вселяя в них надежду и спокойствие. В Великобритании же роль капеллана сводится только к организационным аспектам работы парламента.

Заключение

Обобщая изложенные подходы зарубежного законодателя и правоприменителя, мы можем прийти к некоторым выводам.

Во-первых, проведение религиозных обрядов в парламентах ряда стран направлено в первую очередь на участие в открытии ежедневной сессии, сопровождение значимых личных мероприятий в жизни парламентариев (похороны, венчание и др.), духовное консультирование. При этом на постоянной основе капелланы присутствуют только в США и Великобритании, что во многом обусловлено историческими причинами, так как институт капелланов в двух парламентах присутствовал практически на протяжении всего времени существования данных органов. Во-вторых, в других странах за проведение религиозных обрядов могут быть ответственны председательствующие палат и приглашенные капелланы, но их функция сводится лишь к чтению молитв на открытии очередной сессии. В-третьих, раскрывая смысл и предназначение постоянного присутствия капелланов в законодательном органе власти, нельзя исключать их влияния на проводимую политику парламентариев, ведь многие правовые аспекты жизни общества тесно связаны с религией и нравственностью. К тому же капелланы влияют не только на членов парламента, но и на население страны в целом, так как капеллан — это тот человек, слово которого ждут во время всех важных событий в жизни страны.

²¹ MPs' pay & pensions // URL: <https://www.theipsa.org.uk/mps-pay-and-pensions> (дата обращения: 15.10.2023).

²² The Highest- and Lowest-Paying Positions in Congress // URL: <https://finance.yahoo.com/news/highest-lowest-paying-positions-congress-230000457.html> (дата обращения: 19.08.2023).

²³ Standing orders / Ordered by The House of Commons to be printed 5 November 2019 // URL: https://publications.parliament.uk/pa/cm201919/cmstords/341/so_341_051119_web.pdf (дата обращения: 19.08.2023).

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Макарова О. Ю. Опыт нравственного и патриотического воспитания в гражданской и военной образовательной системе США // Образование и саморазвитие. — 2011. — № 6 (28). — С. 201–206.
2. Пибаяв И. А. Конституционно-правовое регулирование статуса религиозных служителей // Вестник Пермского университета. Юридические науки. — 2022. — № 57. — С. 454–475. — DOI: 10.17072/1995-4190-2022-57-454-475.

Материал поступил в редакцию 28 ноября 2023 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Makarova O. Yu. Opyt npravstvennogo i patrioticheskogo vospitaniya v grazhdanskoy i voennoy obrazovatelnoy sisteme SShA // Obrazovanie i samorazvitie. — 2011. — № 6 (28). — S. 201–206.
2. Pibaev I. A. Konstitutsionno-pravovoe regulirovanie statusa religioznykh sluzhiteley // Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki. — 2022. — № 57. — S. 454–475. — DOI: 10.17072/1995-4190-2022-57-454-475.

ПРАВО И ЦИФРОВАЯ ЭКОНОМИКА

- ✓ Свидетельство о регистрации СМИ — ПИ № ФС77-72703 от 23 апреля 2018 г., ISSN 2618-8198;
- ✓ издается с 2018 г., выходит 4 раза в год;
- ✓ основные языки журнала: русский, английский;
- ✓ входит в перечень ВАК России;
- ✓ включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ);
- ✓ каждой статье присваивается индивидуальный международный индекс DOI;
- ✓ материалы размещаются в СПС «КонсультантПлюс» и «ГАРАНТ».

«Право и цифровая экономика» — международное научное и научно-практическое издание. Журнал посвящен рассмотрению проблем правового регулирования цифровой экономики России и иностранных государств.

Круг читателей журнала: государственные служащие, практикующие юристы в сфере правового регулирования цифровой экономики, предпринимательского и конкурентного права, малого и среднего бизнеса, предприниматели, научные работники, преподаватели, аспиранты, магистранты и студенты юридических факультетов вузов, а также читатели, интересующиеся проблемами и актуальными вопросами развития правового регулирования цифровой экономики России и иностранных государств.

Основные рубрики журнала:

✓ Государственное регулирование цифровой экономики.	✓ Финансовые технологии в действующем российском и международном правовом поле.
✓ Правовое регулирование криптовалюты и майнинга.	✓ Цифровые технологии в сфере интеллектуальной собственности и инноваций.
✓ Краудфандинг (проблемы и перспективы).	✓ Правовой статус смарт-контрактов.
✓ Правовое регулирование больших данных.	✓ Защита прав и законных интересов участников цифровых рынков.
✓ Технология блокчейн и криптовалют (bitcoin, Copernicus, Ethereum и т.д.).	✓ Информационная безопасность.
✓ Интересы и противоречия, связанные с применением блокчейна в финансовой сфере.	✓ Консорциумы промышленного Интернета: правовая природа и особенности регулирования.

KUTAFIN LAW REVIEW

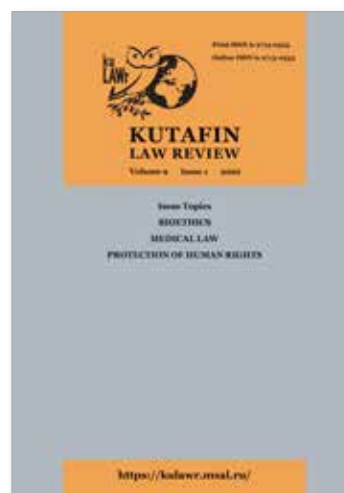
Мультиотраслевой научный юридический журнал, который издается на английском языке с сентября 2014 г. и выходит четыре раза в год. Журнал нацелен на интеграцию российской правовой науки в мировое юридическое сообщество, организацию диалога правоведов по актуальным проблемам теоретической и практической юриспруденции, расширение кругозора и интеллектуальных горизонтов представителей российского правоведения, повышение узнаваемости и авторитета наших ученых-юристов.

Журнал публикует статьи известных и начинающих ученых, юристов-практиков. Главный критерий отбора публикаций — это качество содержания, которое отражает талант автора, его эрудицию и профессионализм в исследуемой сфере, добросовестность и глубину проведенного анализа, использование богатого арсенала научной методологии, актуальность проблематики и новизну результатов проведенного исследования.

Данное издание создает уникальную возможность писать и публиковать научные статьи на английском языке в целях существенного расширения профессиональной читательской аудитории, повышения индекса цитирования, выхода на международный научный уровень.

В качестве авторов, членов редакционного совета и редакционной коллегии с журналом Kutafin Law Review сотрудничают выдающиеся российские и зарубежные специалисты в различных областях юриспруденции.

The best ideas are always welcomed!

Редакционная подписка на журналы Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Журналы Университета распространяются через объединенный каталог «Пресса России» и интернет-каталог агентства «Книга-Сервис».

Подписаться на журнал можно с любого месяца. Подписные индексы журналов:

«Актуальные проблемы российского права» – 11178, Lex russica – 11198,

«Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)» – 40650, «Право и цифровая экономика» – 39492.

Будем рады видеть Вас в числе подписчиков!

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ПРАВА

Том 19 № 10 (167) октябрь 2024

Журнал распространяется через
объединенный каталог «Пресса России»
и интернет-каталог агентства «Книга-Сервис».

Подписной индекс: 11178.

Подписаться на журнал можно с любого месяца.

ISSN 1994-1471

9 771994 147002